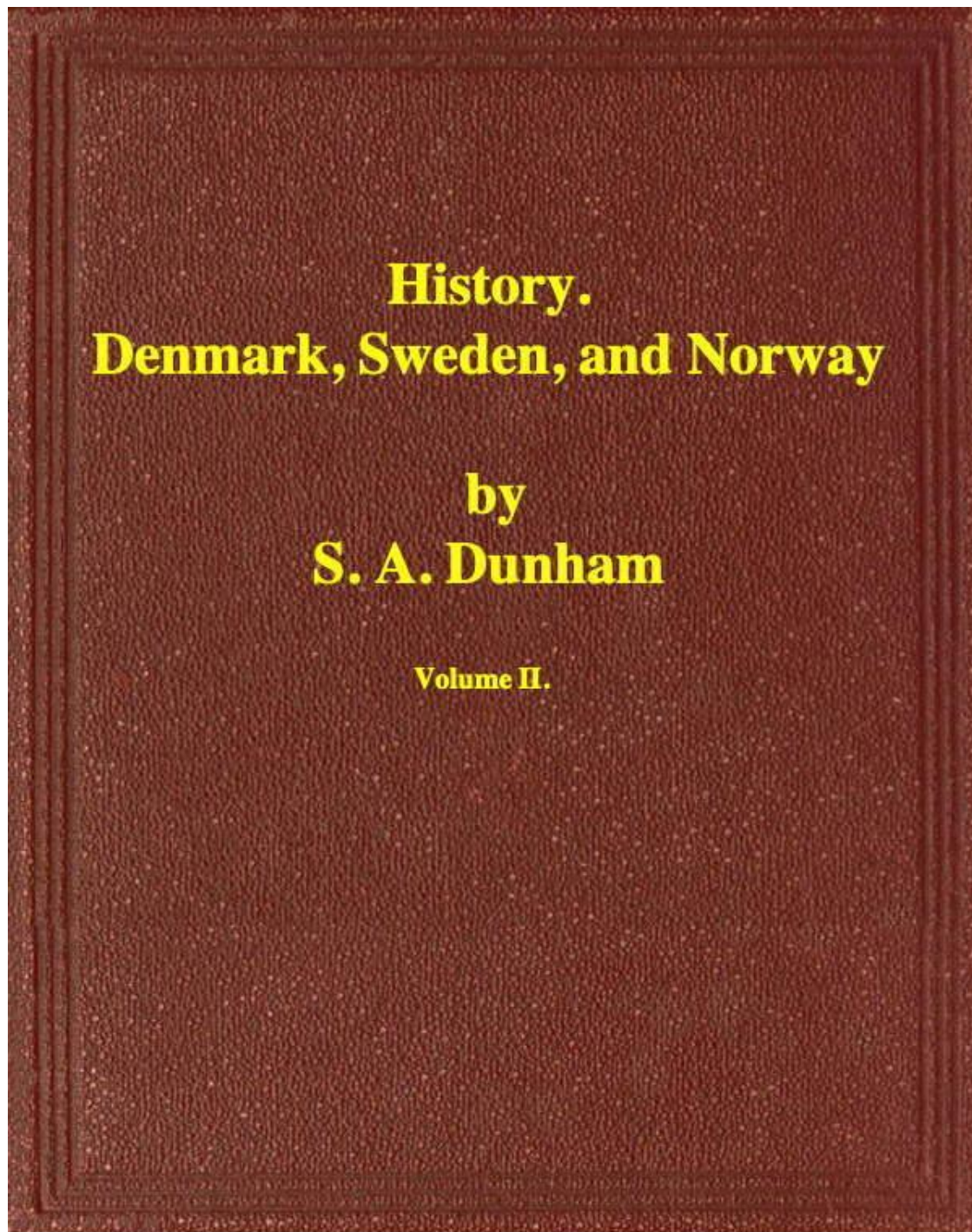

История Дании, Швеции и Норвегии, Том 2 (из 2)

С. А. Данхэм

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории Дании, Швеции и Норвегии, том 2 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Дании, Швеции и Норвегии, Том 2 (из 2)

Автор: С. А. Данэм

Дата выхода: 2 июня 2019 [Электронная книга № 59657]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Брайаном Нессом, Барри Абрахамсеном и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ДАНИИ, ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ", ТОМ 2 (ИЗ 2) ***

Электронный текст подготовлен Брайаном Нессом, Барри Абрахамсеном и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

Примечание:

Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Смотрите <https://archive.org/details/historyofdenmark02duhuoft>

Проекта "Гутенберг" есть другой том этой работы.

Том I: смотрите

<http://www.gutenberg.org/files/59593/59593-h/59593-h.htm>

Примечание переписчика:

На странице 66 (начинающейся "моря и ручьи по тому же принципу" и заканчивающейся "Они также, в определенной степени, сохраняют различие между белым и") есть несколько слов и фраз на англосаксонском, которые невозможно было транскрибировать точно так, как в

оригинале. Символы недоступны в стандарте Unicode. Однако эти слова были найдены в “Студенческом словаре англосаксонского языка” Генри Суита, доступном онлайн здесь: <https://archive.org/details/studentsdictiona00swee> и транскрибированы настолько хорошо, насколько это возможно.

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

Лондон:

Напечатано А. Споттисвудом,

Новаяулица-Площадь.

КАБИНЕТНАЯ ЦИКЛОПЕДИЯ. ДИРИЖИРУЕТ ПРЕПОДОБНЫЙ. ДИОНИСИЙ ЛАРДНЕР, доктор юридических наук F.R.S. L. & E.

M.R.I.A. F.R.A.S. F.L.S.F.Z.S. Достопочтенный F.C.P.S. &c. &c.

ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

История.

ДАНИЯ, ШВЕЦИЯ И НОРВЕГИЯ.

АВТОР КНИГИ

“ИСТОРИЯ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ”.

ТОМ II.

ЛОНДОН: НАПЕЧАТАНО ДЛЯ LONGMAN, ORME, BROWN, GREEN, & LONGMANS, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ; И ДЖОНА ТЕЙЛОРА, АППЕР-ГАУЭР-СТРИТ. 1839.

ИСТОРИЯ ДАНИИ, ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ,

Автор:

С. А. ДАНХЭМ,

Автор книги “История Испании и Португалии”

ТОМ II.

Копенгаген. E. Finden sc

Лондон:

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ LONGMAN, ORME, BROWN, GREEN, & LONGMANS, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ
И ДЖОН ТЕЙЛОР, АППЕР-ГАУЭР-СТРИТ.

1839.

ТАБЛИЦА, АНАЛИТИЧЕСКАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ, КЪ ВТОРОМУ ТОМУ "ИСТОРИИ
СКАНДИНАВИИ".

ГЛАВА IV.—продолжение.

МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ СЕВЕРЯН ВО ВРЕМЯ

ЯЗЫЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА.

РАЗДЕЛ II.

НА ОРКНЕЙСКИХ ОСТРОВАХ, ГЕБРИДСКИХ ОСТРОВАХ, В ИСЛАНДИИ, ГРЕНЛАНДИИ, НА СЕВЕРЕ АМЕРИКА, РОССИЯ И Т.Д.

795–1026.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ОРКНЕЙСКИХ ОСТРОВАХ.—ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЯРЛОВ, РОГНЕВАЛЬДА, СИГУРДА, ХАЛЛАДА, ЭЙНАРА, СИГУРДА II. И Т.Д.—ОТКРЫТИЕ И КОЛОНИЗАЦИЯ ИСЛАНДИИ.—ОТКРЫТИЕ И КОЛОНИЗАЦИЯ ГРЕНЛАНДИИ.—ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ОТКРЫТИЕ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ.—ИЗЛОЖЕНИЕ ФАКТОВ, СВЯЗАННЫХ С ЭТИМ.—ОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СКАНДИНАВСКИМ РЮРИКОМ.

	Страница
888. Установление правительства на Оркнейских островах Харальдом Харфагром; Сигурд, первый ярл	1
889-892гг. Умелое управление Сигурдом; его сменил Эйнар	2
893-936. Администрация Эйнара	4
936-943. Об Арнкеле и Эрленде, сыновьях Эйнара	5
946-980гг. Преемственность ярлов	5
980-1014. Сигурд, следующий ярл, вынужден был принять христианство; Легенда	6
Пиратские набеги на соседние острова	8
861 и др. Исландию открыл норвежец Наддод, за которым последовали другие мореплаватели	9
874. Исландия, впервые колонизированная Ингульфом; Судьба Йорлейфа	10
884г. Другие колонисты, особенно Торольф, Жрец Тора; Способ, которым он основал новую Колонию	11
874-936гг. Развитие новых колоний	13
Формирование Кодекса Севера	14
930. Внутренняя экономика этого важного острова; великий Блуститель Закона	15
Обстоятельства, которые привели к открытию Гренландии Эриком Рыжим	16

	Христианство принес в Гренландию Лейф, сын Эрика	17
1001 года.	Предполагаемое открытие Северной Америки Бьярном, Потомком Ингульфа	17
	Недавно открытая Страна, которую посетил Лейф, Сын Эрика	18
	Замечаний по этому поводу	19
1004-1008.	Путешествие Торвальда, который умирает в Стране под названием Винланд	19
1009.	Торфин, норвежский вождь, предпринимает первую попытку колонизации	20
1026-1121 гг.	Страна, которую посещают другие Люди, особенно миссионеры	21
	Баланс свидетельств явно в пользу предполагаемого открытия Американского континента за много веков до Колумба	22
862 года.	Скандинавская династия, основанная на Руси Рюриком	23
	Обстоятельства, связанные с этим памятным событием; насколько вероятно	24
861, 862 гг.	Новгород - Резиденция новой династии	25
	Господство чужеземцев распространилось на Киев; два правительства	26
882.	Бедствия, возникшие в результате создания двух государств; Киев, покоренный регентом Новгорода	27
	Морские экспедиции норманнов в Германию, Бельгию, Испанию, Италию, Грецию и т.д.	27

ГЛАВА V.

КОСМОГЕНИЯ И РЕЛИГИЯ СКАНДИНАВИИ.

Введение.

ДВЕ ЭДДЫ, СТАРШАЯ И МЛАДШАЯ, ПОЭТИЧЕСКАЯ И ПРОЗАИЧЕСКАЯ.—СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ.—РАЗДЕЛЕНИЕ НА КЛАССЫ. 1. МИСТИЧЕСКИЙ. 2. МИФОЛОГИЧЕСКИ-ДИДАКТИЧЕСКИЙ. 3. ЧИСТО МИФОЛОГИЧЕСКИЙ. 4. МИФО-ИСТОРИЧЕСКИЕ.—СТИХОТВОРЕНИЯ КАЖДОГО КЛАССА.—ЭДДА В ПРОЗЕ.—СНОРРО СТУРЛЕСОН.

	Страница
Религия язычников- норманнов - интересный предмет исследования	30
Две Эдды	30
I. Семунд, известный составитель "Поэтической эдды"; его медленная публикация стихотворения, включенные в "Старшую Эдду", делятся на четыре класса	31
1. Класс мистиков: —	
Волуспа	32
Гругалдор	32

Магия Одина во многом схожа с магией Зороастра	33
2. Мифодидактический класс:-	
"Вафтруднис—мал"	34
"Гримнис-мал"	34
Другие произведения этого класса	36
"Хава-мал"	36
3. Чисто Мифологический класс:—	
Гимис-гуида	37
Хамар-хеймт	37
Один Рафна-галдур	37
Скирниры-ибо	37
Вегтамс-Кида	38
Несомненная древность предыдущих Стихотворений	38
4. Мифо-исторический класс	38
II. Проза, или Младшая Эдда, обычно приписываемая Снорро Стурлесону	39
Некоторые сведения об этом знаменитом Человеке	40
Источники, из которых он черпал	42

РАЗДЕЛ I.

СКАНДИНАВСКАЯ ВСЕЛЕННАЯ, ЕЕ МИРЫ И ИХ ОБИТАТЕЛИ В ЦЕЛОМ, С ФИЗИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ.

СОТВОРЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ.—ИМЕР.—ГИГАНТЫ.—БОГИ.—ДРУГИЕ СУЩЕСТВА.—ДЕВЯТЬ МИРОВ С ИХ ПОЛОЖЕНИЕМ И ФИЗИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ.—ДВЕНАДЦАТЬ ДОМОВ АСГАРДА.—СВАРТАЛЬФАХЕЙМ.—ОБИТАТЕЛИ ДЕВЯТИ МИРОВ.—АСЕР.—ВЕВЕР И Т.Д.

	Страница
Ход Творения согласно этому почтенному Авторитету, Старшей Эдде	43
Воды Нифлехейма стекают в Бездну и замерзают	43
Но они оттаивают от Огня Муспельхейма.	44
Воздействию Холода и Тепла на Воды Нифлехейма следует приписать Происхождение этой видимой Вселенной.	44
Рождение Имера, Патриарха Ледяных Великанов.	44
Сотворение Коровы И Тумблы, которая вызывает к Существованию Буре.	45
От этого нового Существа, наполовину Божества, наполовину Гиганта, возникли Один, Виле и Ве	45
Имер уничтожен, и Вселенная образовалась из его Тела	45
Сходства между скандинавской и другими системами мифологии	46
Корова как Символ широко распространена	47

Физическая интерпретация мифа	47
Физическая интерпретация другого мифа, уничтожение Имера и его потомства	48
Представления о Высшем, Вечном Существе, которых придерживались скандинавы	49
Сотворение других Существ, особенно карликов	50
Сотворение Человека	51
	Страница
Девяти миров.	
	Страница
Гимле и Муспельхейм	53
Мидгард и Утгард	53
Асгард	55
Божественных Резиденций в Асгарде:—	
1. Идейл,	56
2. Альфхайм,	57
3. Валаскьяльф,	57
4. Сукуабек	58
5. Гладсхайм	58
6. Тримхайм	58
7. Брейдаблик	59
8. Himmelbjerg	60
9. Фолквангур	60
10. Глитнер	61
11. Ноатун	61
12. Ландвейд	61
Резиденции Одина	62
Развлечения эйнхериев	62
Восхождение убитых героев с Земли на Небеса	63
Кровожадный характер одинистов	63
Свартальфахейм	64
Резиденции альф или эльфов	64
Их природа согласно Торлациусу	64
Происхождение слова	65
Универсальность Слова	66
До сих пор распространены традиции, касающиеся их	67
Скандинавские гномы	69

Две легенды, посвященные им	70
Их чудесные изделия на примере Локе	70
Физическая интерпретация	72
Торстон и гном	73
Хельхейм и Нифлехейм	74
Иггдрасиль	75
Объяснение этого мифа	77
Расы, населявшие Скандинавскую Вселенную	78
Были ли Асер Богами, или только смертными, или обожествленными смертными?	79
Некоторые основания для вывода о том, что Один и его последователи действительно существовали	80
Гипотеза о двух Одинах, насколько она согласуется с фактами	81
Один в своем собственном случае внедрил Доктрину Метемпсихоза?	82
Вывод о том, что Один и его спутники действительно существовали на Земле; но как объяснить божественные атрибуты, на которые они претендовали? более того, чем объясняется необычайное распространение их культа?	82
Их политика на Севере	83
На Севере явно преобладали две различные религиозные системы — местная и заморская, — религия Тора и Одина	84
А также две разные системы магии	85
Еще один аргумент в пользу этого различия	86
Продвижение Одина и его спутников к обожествлению	88
Географическое положение асов и ванов привело к их небесному расположению	89
Объединение двух систем — местной и заморской, финской и готской — повсюду, где только возможно. различимо в Эддах	91

РАЗДЕЛ II.

ГЛАВНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ СКАНДИНАВИИ.

ОДИН, ТОР И ЛОКИ.—ИХ ПЕРСОНАЖИ ФИЗИЧЕСКИ ИНТЕРПРЕТИРОВАНЫ.—ИХ ЖЕНЫ И ПОТОМСТВО.—ТРОЕ ДЕМОНИЧЕСКИХ ДЕТЕЙ ЛОКИ.—ВЛИЯНИЕ ЭТОГО БОЖЕСТВА НА СУДЬБУ ВСЕЛЕННОЙ.—ОН ПРИСУТСТВУЕТ ВО ВСЕХ ВЕЛИКИХ МИФАХ.—ИЗНАСИЛОВАНИЕ ИДУНЫ.—ВИЗИТЫ ТОРА В ЕТУНХЕЙМ.—ТОР И ВЕЛИКАН ГИМИР.—ТОР И ВЕЛИКАН ТРИМ.—НИВОД, ФРЕЙР, ФРЕЙЯ.—ЭКСПЕДИЦИЯ СКИРНИРА-ЭГИРА И РАНА.—ДРУГИЕ БОЖЕСТВА.—БАЛЬДЕР.—НАКАЗАНИЕ ЛОКИ.—РАГНАРЕК.—ПРИЗНАНИЕ ВЕЛИКОГО ПЕРВОПРИЧИНЫ СКАНДИНАВАМИ-ЯЗЫЧНИКАМИ.

Один, Тор, Лок.

Его функции, обители и служители	93
Три валькирии	93
Легенда об Одине и Стеркоддере	94
Эта легенда служит еще одним доказательством того факта, что Один был чужеземным Божеством	95
Тор, его превосходства над Одином в более древней Системе Севера и его трех Сокровищах	96
Мифологическая интерпретация	97
Тору особенно поклонялись в Норвегии	97
Великаны, вечные враги Тора	98
Эта статья популярного поверья по сути кельтского	98
Локи	99
Его описание	100
Его потомства трое:—	
1. Великий Змей	101
2. Хела, Королева Смерти	101
3. Волк Фенрис	102
Способ, которым Боги связали последнего Демона	102
Локи изначально совпадал с Утгарделоком и Олицетворением Зла в кельтском вероучении	103
Мифологических баснях, в которых речь идет о Локе	104
Изнасилование Идуны.	

Страница

Один, Хенир и Локи посещают Утгард	105
Локи вынужден пообещать, что он отдаст Идуну во Власть Тиассы	105
Он выполняет свое Обещание	106
Последующий Гнев Богов, которые вынуждают его восстановить ее	106
Интерпретация этого Мифа	107

Визиты Тора в Утгард.

Страница

Локи, захваченный Великанами, вынужден пообещать, что приведет Тора без Пояса и Молота	108
Соответственно Тор отправляется в Путешествие; его Наказание Гейрут и Дочерей этого Великана	109
Второе путешествие Тора в Утгард в сопровождении Локи	110
Приключение в хижине	110

Унылые пустоши, через которые проходили Путешественники	111
Приключение в пустынной пустоши	112
Приключения в самом Утгарде	113

Тор и великан Гимир.

	Страница
Банкет морского бога Эгира	114
Тор и Тир отправляются в страну Великанов, чтобы украсть Котел	114
Приключения в доме Гимира	115
Физический смысл этого мифа	116
Те же приключения, перефразированные датским поэтом Уленшлагером	117

Тор и великан Трим.

	Страницы
Тор теряет Miölner	124
Лок обнаруживает вора, который является гигантский Трым	125
Трым не восстановит его, если он Фрейю в жены	125
, когда Фрейя отказывается, Тор уговорил взять на себя женские одежды, и идти в Етунхейм	126
приключения там	127
метрические версии этой легенды	128
Магнуссен интерпретации	129
<i>Сиф</i> , жена Тора	131

Ниорд, Фрейр, Фрейя.

	Пейдж
<i>Ньерд</i> , Повелитель Ванеров и Бог	132
Его вторая жена - Скада, с которой он расстается	133
<i>Фрейр</i> , Сын Ньерда, влюбленный в Девушку-Великаншу	133
Скирнир, его Слуга, отправляется в Етунхейм и завоевывает ее	134
Метрическая версия Экспедиции Скирнира	135
<i>Фрейя</i> , Дочь Ньерда, и Богиня Любви	136
Ее функции и власть в Асгарде	140

Эгир и Ран.

Страница

Эгир, Бог Глубин, более снисходителен, чем Ран, его Королева	141
Еще один Пир, устроенный Морским богом, на котором Локе оскорбляет	142
Другие божества.	

	Страница
Норни	143
Ночь и день	143
Гигант Зимы	144
Болдер.	

	Страница
Его Судьба связана с судьбой Вселенной; его Сны и, как следствие, беспокойство Богов	145
Интерпретация мифов	146
Наказание Локи.	

	Страница
Он прикован, как Прометей, к Кремнистой Скале; Яд; Верность жены	146
Рагнарек, Сумерки богов.	

	Страница
Описания этого великого Завершения , извлеченного из прозаической Эдды	147
, подтвержденной Волуспой	150

РАЗДЕЛ III.

ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ДАНИЮ И

Швеция.

НЕЯСНЫЕ ПОПЫТКИ АНГЛОСАКСОНСКИХ МИССИОНЕРОВ ОБРАТИТЬ В ХРИСТИАНСТВО ФРИЗИЮ И ДАНИЮ.-ПОБЕДЫ КАРЛА ВЕЛИКОГО ГОТОВЯТ ПУТЬ ДЛЯ БОЛЕЕ ШИРОКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА.—ВЕРНОСТЬ ХАРАЛЬДУ КЛАКУ.—МИССИОНЕРЫ, ОТПРАВЛЕННЫЕ НА СЕВЕР.—СВЯТОЙ АНСАР.—СОЗДАНИЕ АРХИЕПИСКОПСТВА.—СВЯТОЙ РЕМБЕРТ.—СМЕНЯЮЩИЕ ДРУГ ДРУГА АРХИЕПИСКОПЫ.—КОЛЕБАНИЯ В СОСТОЯНИИ НОВОЙ РЕЛИГИИ.—ЕЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ В СЕВЕРНЫХ КОРОЛЕВСТВАХ.

А. Д.	Страница
Ранние усилия англосаксонских миссионеров по обращению Севера в христианство; очень незначительные результаты в восьмом веке	151

822.	Но в девятом больше успехов	152
826-830.	<i>Святой Ансар</i> , монах из Корби	153
	Сначала он отправляется в Данию, а затем в Швецию	154
	Его принимает шведский король и он возвращается в Германию	155
830-852гг.	Он назначен архиепископом Гамбурга с главенством над Севером	155
	Трудности его положения	156
852.	Он отправляется послом на Север; в Швеции ему противостоят	157
853-865гг.	Но это Соппротивление он преодолевает с королевской помощью	158
865-889.	<i>Святой Ремберт</i> , его биограф и преемник	160
	<i>Адальгар</i> , его коадьютор	160
889-936.	<i>Адальгар</i> и <i>Хогер</i> , сменяющие друг друга архиепископы	161
	Бременские, не проявляют особого Рвения к Делу,	
	Но <i>Уннус</i> проявляет; его Успех	161
936-988гг.	Прогресс христианства в Дании при <i>Адалраге</i> ; Возведение четырех епископских кафедр	162
988-1026гг.	Понтификат <i>Либентиса</i>	163

КНИГА II.

СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ.

ГЛАВА I.

Дания.

1014–1387.

КАНУТ ВЕЛИКИЙ.—ХАРДА-КАНУТ.—МАГНУС.—РОМАНТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХАРАЛЬДА
ХАРДРАДЕ.—СВЕЙН II.-ХАРАЛЬД III.—КАНУТ IV.—ОЛАФ II.-ЭРИК III.-НИКОЛАС.—ЭРИК IV.-ЭРИК
V.-КАНУТ V. И СВЕЙН III.—ВАЛЬДЕМАР I.—ЕГО УМЕЛОЕ ПРАВЛЕНИЕ.—АРХИЕПИСКОПЫ ЭСКИЛЬ
И АВЕССАЛОМ.—КАНУТ VI.—ВАЛЬДЕМАР II.—УПАДОК ДАТСКОЙ ДЕРЖАВЫ И ПРИЧИНЫ,
КОТОРЫЕ К ЭТОМУ ПРИВЕЛИ.—ЭРИК VI.—АБЕЛЬ.—КРИСТОФЕР I.—ЭРИК VII.—ЭРИК VIII.—
КРИСТОФЕР II.—МЕЖДУЦАРСТВИЕ.—ВАЛЬДЕМАР III.—ПАМЯТНЫЕ СДЕЛКИ С НОРВЕГИЕЙ И
ШВЕЦИЕЙ.—ОЛАФ III.—СОЮЗ ДАНИИ И НОРВЕГИИ.

Канут Великий.

1015–1035.

		Страни ца
1014.	<i>Канут Великий</i> наследовал своему отцу Свейну как в Дании, так и в Англии	165
1016-1028.	Он завоевывает Норвегию	167
1028-1035.	Характер его правления	167

	Его личный характер	167
	Он делит свои Владения между своими сыновьями	168
Жесткий Канут.		
1035–1042.		
		Страница
1035–1040.	Теряет Данию из-за узурпации своего брата Харальда, но восстанавливает ее после смерти этого принца	171
1040-1042.	Его управление Англией	171
1035-1042.	И Дании	171
	О его Договоре с Магнусом, королем Норвегии	172
Магнус I.		
1042–1047.		
		Страница
1042-1044.	Преуспевает в силу своего соглашения с Харда-Канутом и хорошо принят в Дании	172
	Его Невежливость по отношению к Свейну, племяннику Канута Великого, которого он делает вице-королем Дании	173
	Вице-король восстает и терпит поражение	173
1044, 1045.	Магнус одерживает победу над пиратами	173
1045.	В "Харальде Хардраде" появляется новый Враг; его романтические приключения	174
, 1046.	Харальд вступает в союз со Свейном, но Магнус своей Политикой расторгает Союз	177
1047.	Магнус оставляет датскую корону Свейну	178
Свейн II.		
1047–1076.		
		Страница
1048-1070.	Сделки с Норвегией, Англией и др.	178
1066-1070гг.	И с Церковью, которую провоцирует его Несдержанность	179
1070.	Он также совершает Убийство и несет за это епитимью	180
1070-1076гг.	Характер этого монарха и описание Дании Адамом, Бременским	181

Harald III.

ПО ФАМИЛИИ ГЕЙН, ИЛИ КРОТКИЙ.

1076–1080.

Страница

1076. Харальд, незаконнорожденный сын Свейна II, избирается Штатами

[183](#)

1076-1080гг. Его правление не дает материалов для истории

[183](#)

Канут IV.

ПРОЗВАННЫЙ СВЯТЫМ.

1080–1086.

Страница

1080-1085. Его зарубежные препараты

[184](#)

1080-1086. Его энергичные администрации
своей неapolитична снисхождения к Церкви
его исполнения десятина

[184](#)

[185](#)

[186](#)

1086. Его трагический конец

[186](#)

его полу-обожествление

[187](#)

Ему наследовал Олаф, герцог Слешвицкий

[187](#)

Олаф II.

ПО ПРОЗВИЩУ ФАМЕЛИКУС, ИЛИ ГОЛОДНЫЙ.

1087–1095.

Страница

1087-1095гг. Во время его правления Королевство было опустошено голодом

[187](#)

Эрик III.

ПО ПРОЗВИЩУ ДОБРЫЙ.

1095–1103.

Страница

		ца
1095, 1096.	Его энергичные администрации	188
1097-1103.	Лунд возведен в мегаполис независимых Бремен	189
	своего паломничества в Святую Землю	189
1103.	Его смерть и характера,	190
Николас.		
1105–1134.		
		Страни ца
1103-1105.	Двухлетнее междуцарствие, когда избирается Николай	190
1105-1126.	Его ревность к племяннику усиливается	191
1126-1132.	Гражданские войны	192
1132-1134.	Гражданские войны продолжались; Убийство Николая	193
Эрик IV.		
ЕГО ЗВАЛИ ЭМУНД.		
1134–1137.		
		Страни ца
1131-1137гг.	Его правление не имеет материалов для истории	193
Эрик В.		
ПО ПРОЗВИЩУ ХРОМОЙ.		
1137–1147.		
		Страни ца
1137-1147.	Побеждает Претендента на трон и удаляется в монастырь	194
	Двойные выборы	195
Канут Против		
1147–1156.		
Свейн III.		
1147–1157.		
		Страни ца

1147-1152.	Гражданские войны	195
1152-1156.	Продолжались; Действия принца Вальдемара	196
1156, 1157.	После смерти Канута Свейн сражается с Вальдемаром	197

Вальдемар I.

ПО ПРОЗВИЩУ ВЕЛИКИЙ.

1157–1182.

		Страница
1157-1169.	Вальдемар, монарх Дании, уничтожает пиратов Рюгена	198
1169-1175.	Другие сделки с язычниками Вандалии	200
	Архиепископ Эскиль, примас	202
1175-1179.	Архиепископ Авессалом, преемник Эскиля	203
1176-1179.	Вальдемар взимает десятину; В результате беспорядки	205
1180.	Его сделки с Империей	206
1182.	Его характер и управление	207

Канут VI.

1182–1202.

		Страница
1182-1189.	Процветание этого монарха	208
1183-1188.	Он ссорится с императором	209
1191-1202.	Его проблемы из-за епископа Вальдемара	209
	Процветающее государство Дания в его правление	211

Вальдемар II.

ПРОЗВАННЫЙ ПОБЕДОНОСНЫМ.

1202–1241.

		Страница
1202-1204.	Его ранние сделки с Гольштейном	212
1204-1210.	Его экспедиция против ливонцев	212
1205-1228.	Его споры с империей	213
1219-1223.	Его сделки с Эстонией	214

1223.	Он взят в плен одним из своих вассалов	215
1223-1226.	Переговоры о его выкупе, которые в конце концов завершаются	216
1226-1238.	Его неудачные проекты	216
1238-1241.	Его внутреннее управление	217
1240.	Его характер как законодателя	217

Эрик VI.

ПО ФАМИЛИИ ПЛОГПЕННИНГ, ИЛИ ПАХАНЕННИ.

1241–1250.

		Страница
1241 года.	Эрик до своего восшествия на престол был герцогом Слешвицким	218
1241-1248гг.	Его неудачный спор со своим братом Авелем и его результаты	218
1249.	Его экспедиция в Ливонию	219
1250.	Его война с графом Гольштейнским привела к его убийству его братом Авелем	220

Авель.

1250–1252.

		Страница
1250-1252.	Королевский Братоубийца предпринимает экспедицию против фризов и погибает в Болоте	221
1252.	В популярном Верочении он становится Вампиром	222

Кристофер И.

1252–1259.

		Страница
1252-1258.	Беспокойное правление этого князя	223
1256-1257.	Его споры с церковью, особенно с Якобом Эрландсеном, епископом Роскильда	224
1257.	Насильственные меры короля	225
1258, 1259.	Чтобы поддержать Месть Церкви, он вступает в союз со своими царственными Соседями, но умирает	226
1259 г.	Была ли его смерть естественной?	227

Эрик VII.

ПО ФАМИЛИИ ГЛИППИНГ.

1259–1286.

		Страница
1259-1263.	Смуты во время несовершеннолетия этого короля	227
1261-1264гг.	Он и его Мать в плену, но обоих в конце концов освободили	229
1272-1275.	Он примирился с Церковью	230
1280-1286.	Но он враждует с другими Врагами, которые лишают его Жизни	231
	, Его Правление губительно	231

Эрик VIII.

ПО ФАМИЛИИ МЕНВЕД.

1286–1319.

		Страница
1286-1308.	Проблемы меньшинства; Попытки привлечь к ответственности Убийц покойного короля	232
1292-1299гг.	Король поссорился с Церковью	233
1299-1319.	Другие неприятности; Эрик - законодатель; перед своей смертью (без потомства) он советует Штатам не избирать его беспокойного Брата	234
1310.	Но этот Брат добывает Корону	235

Христофор II.

1320–1334.

		Страница
1320-1323.	Расточительность нового короля, чтобы закрепиться на троне	236
1324, 1325.	Он нарушает свои обещания.	236
1325.	Недовольство своего народа, который изгоняет его.	237
1326-1328.	Алчность знати во время его изгнания; он возвращается.	238
1329-1331.	Его разорительные обещания.	239
1331, 1332.	Разбирательство в отношении Скании, которая становится призом Швеции.	240
1332, 1333.	Последние дни Кристофера	241

Междоусобица.

		Страница
1333, 1334.	Состояние страны	241
1334-1340.	Алчность регентов, особенно графа Жерара, который убит	242
1340.	Выборы нового короля	243

Вальдемар IV.

ПО ФАМИЛИИ АТТЕРДАГ.

1340–1375.

		Страница
1340.	Состояние Королевства при восшествии на престол Вальдемара	244
	Его бдительная администрация	244
1344.	Он продает Сканию, но выкупает многие другие места	245
1345-1348.	Он продает Эстению и хорошо использует деньги	245
1348-1350.	Он получает Деньги из другого Квартала	246
1351-1357.	Его Суровость вызывает Восстание, которое, однако, он подавляет	247
1357-1360.	Он возвращает Сканию	247
1360-1363.	Помогая Магнусу Шведскому, он оскорбляет ганзейские города	248
1362, 1363.	Своей коварной политикой в отношении союза своей Дочери с Хако Норвежским	250
1363.	Важные последствия этого Союза	250
1364, 1365.	Вальдемар за границей	251
1367-1370.	Снова. Почему?	251
1370-1375.	Последние годы его правления	252

Олаф III.

1376–1387.

		Стр.
1375, 1376.	Избран Олаф, сын Хако; его Мать - регентша	253
1373.	Щедрые обещания Маргариты	254
	Мнение относительно них	255
1376-1380.	Она одерживает победу над всеми конкурентами	255
1380-1386.	Олаф становится королем Норвегии; амбициозная политика королевы-матери	256
1386.	Сделки с Голштинским домом	257

ГЛАВА II.

Норвегия.

1030–1387.

КАНУТ ВЕЛИКИЙ.—СВЕЙН.—МАГНУС I.—ХАРАЛЬД ХАРДРАДЕ.—ОЛАФ III.—МАГНУС II.—МАГНУС БОСОНОГИЙ.—ПОРОКИ РАЗДЕЛЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА.—РОМАНТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СИГУРДА I.—МАГНУС IV.—ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ.—НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕРРО.—ХАКО IV.—МАГНУС VI.—ЭРИК II.—ХАКО V.—ДРУГИЕ ГОСУДАРИ.—СОЮЗ НОРВЕГИИ С ДАНИЕЙ.

	Страница
1030-1035.	Канут Великий.—Свейн 260
1035.	Норвежцы смотрят на Магнуса, внебрачного сына Святого Олафа 261
1035, 1036.	Магнус I. заключает договор с королем Дании 262
1038-1040.	Его Мать и мачеха 262
1042-1046.	Он становится королем Дании 262
1047.	Последние дни этого монарха 263
1047-1064гг.	Харальд Хардрейд 263
1066.	Он падает в Англии 264
1066-1069гг.	Два короля Норвегии 264
1069-1093.	Один Олаф 264
1093-1095.	Магнус Босоногий 265
1096-1099.	Его экспедиция на Британские острова 265
1099-1101.	Его война со Швецией 266
1102-1103.	Его вторая экспедиция на эти острова и его смерть в Ирландии 266
1103.	Раздел Владычества между тремя его сыновьями 267
1103-1122.	Судьба двоих из них 268
1107-1111.	Романтические приключения третьего сына, Сигурда I. 268
1111-1123.	Его Суровость по отношению к идолопоклонникам 269
1124-1130.	Его странное поведение 270
1130.	Магнус IV был вынужден разделить Королевство с Авантюристом. 271
1130–1152.	Harald IV.—Sigurd II., &c. 272
1152.	. 273
1153-1161гг.	Внутренние смуты 274
1161-1164.	Продолжение 275

1164-1170.	Сделки с Данией	276
1166-1169.	Смуты; Соперник за трон	276
1173-1177.	Второй соперник	277
1174-1178.	Третий, знаменитый Сверро	277
1178-1186.	Его романтические приключения	278
1186-1194.	Энергичное правление Сверро	280
1194-1200.	Его беспринципное поведение	282
1194-1202.	Внутренние проблемы	283
1202.	Его смерть и характер	283
1202-1204.	Нако III.	284
1204-1207.	Гутрум	284
1207.	Испытание, доказывающее происхождение Хако от короля Сверро	284
1208-1241гг.	Хако IV; его беспокойное меньшинство	285
1242-1260гг.	Внутренние события его правления	286
1263.	Его сделки с шотландцами	287
	Его знаменитая экспедиция	288
1263-1266.	Магнус VI.	289
1263-1280.	Внутренние изменения во время этого правления	290
1280-1289.	Эрик II.	291
1289-1299.	Сделки с Шотландией	292
1299-1319.	Хако Против	292
1319.	При этом принце Норвегия приходит в упадок	293
1319-1387.	Сменяющие друг друга короли	294

ГЛАВА. III.

Швеция.

1001-1389.

ОЛАФ.—ЭМУНД I.—ЭМУНД II.—СТЕНКИЛЛ.—ИНГЕ I.—ФИЛИПП.—ИНГЕ II.—СВЕРКЕР I.—КАРЛ.—СВЯТОЙ ЭРИК.—ВНУТРЕННИЕ БЕСПОРЯДКИ.—БИРГЕР ЯРЛ.—ВАЛЬДЕМАР I.—МАГНУС I.—БИРГЕР.—МАГНУС II.—ЭРИК IV.—АЛЬБЕРТ МЕКЛЕНБУРГСКИЙ.—СОЮЗ ШВЕЦИИ С ДАНИЕЙ.

		Страница
	Хронологические Трудности	295
1001-1026.	Олаф Skatkonung	295
1026-1051.	Эдмунд II.	296
1051-1148.	Эдмунд II ст., и последующие цари	296

1148-1154.	Swerker И.; двойных выборов	298
1155-1167.	Санкт-Эрик и Чарльз	299
1161-1167.	Карл единственный король	300
1167-1192.	Канут	301
1192-1210.	Сверкер II.	301
1210-1250.	Другие правители	302
1250.	Вальдемар I.	303
1251-1266.	Регентство Биргера	303
1266-1276.	Неспокойное правление Вальдемара	304
1276-1279.	Он вынужден отказаться от престола Швеции	305
1279, 1280.	Магнус I.	305
1281-1290.	Его внутреннее управление	306
1290-1305.	Биргер; его преступная дерзость	307
1305-1319.	Он сослан	308
1319-1320.	И его сын обезглавлен	309
1319-1354гг.	Магнус II.; его несовершеннолетие и последующие действия	310
1354-1357гг.	Его слабость	311
1357-1363.	Его непопулярность	312
1363.	Избрание Альберта	313
1364-1371.	Действия этого принца	313
1371-1376.	Он тоже непопулярен	314
1377-1387.	Он ссорится со своим сеймом	314
1388, 1389гг.	Он терпит поражение и попадает в плен к Маргарите Датской	315

ПРИЛОЖЕНИЕ.

St. Канут, король Дании	Страница 317

ТАБЛИЦА КОРОЛЕЙ.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДАТСКИХ КОРОЛЕЙ ВПЛОТЬ ДО ОБЪЕДИНЕНИЯ КОРОН ДАНИИ И НОРВЕГИИ.

I. Скъольдунги, или Династия Скъольда, Сына Одина.

II. Династия Свейнов.

Свейн ВТОРОЙ. Эстритсон	1076
Харальд (Хайн) Свейнсон	1080
Канут IV. (святой)	1086
Олаф II. (Голод)	1095
Эрик (Бог) III.	1103
Николас Свендсон	1134
Эрик IV. (Эмун)	1137
года Эрик Против (Ламм)	1147
Канута против	1156
Свейна III. (Грате) Эмунссон	1157
Вальдемар I. (прозванный Великим)	1182
Канут VI.	1202
Вальдемар II. (Сейер)	1241
Эрик VI. (Плогпеннинг)	1250
Абель	1252
Кристофер I.	1259
Эрик VII.	1286
Эрик VIII.	1319
Кристофер II.	1334
Вальдемар IV. (Аттердаг)	1375
Олаф III.	1387

Примечание. От точности этого списка до Харальда Блаатанда мало что зависит. (См. Том I., стр. 66.)

КОРОЛИ ШВЕЦИИ.

I. Священная династия инглингов.

Умер до н.
э.,

Один прибыл на северо -	70
Niord умер	20
	умер А. С.
Фрейр-Ингве	10
Fiolner	14
Swegdir	34
Vanland или Valland	48
Visbur	98
Domald	130
Домар	162
Dygve	190
Даг-Спака Мудрого	220
Агне	260
Аларик и Эрик	280
Ингве и Альф	300
Hugleik	302
Jorund и Эрик	312
Аун Хинн Гамле (старые)	448
Эгиль Tunnaddgi	456
Оттар Vendilkraka	460
угловой	505
Эйстейна	531
Yngvar	545
Браут-Onund	565
Ingiald Illrada	623
Олаф Trætelia сослан об	630
II. Династия Скьольдунгов и т.д.	
	Умер А. С.
Ивар Vidfadme	647
Харальд Hildetand	735
Сигурд кольцо	750
Рагнара Лодброка	794
Бьорн Железнобокий	804
Эрик Biornson	808
Эрик Raefillson	820
и Эдмунд Биорн	859

Эрик Emundson	873
Бьорн Эриксон	923
Эрика победоносного	993
Эрик Arsaell	1001
Олафа Шетконунга	1026
Эдмунд Colbrenner	1051
Эдмунд Slemme	1056
Stenkil	1066
Halstan	1090
Инге И. (хорошо)	1112
Филипп	1118
Инге второй.	1129
Swerker И.	1155
Санкт Эрик	1161
Чарльз Swerkerson	1167
кнут Эрикссон	1199
Swerker второй.	1210
Эрик второй. (Кнутссон)	1216
Джон Сверкерсон	1222
Эрик III. (заика)	1250
Биргер ярл (регент)	1266
Вальдемар I.	1275
Магнус I. (Ладислав)	1290
Биргер	1319
Магнус II. (Смек) изгнан	1350
Эрик IV.	1359
Магнус восстановлен в должности	1363
Хакон II. (VI. король Норвегии) свергнут	1363
Альберт Мекленбургский	1389

Примечание: От этого списка до XI века следует зависеть так же мало, как от списка Дании.

КОРОЛИ НОРВЕГИИ.

I. Династия Инглингов.

Олаф Trætelia	Умер А. С. 640

Хальвдан Huitben	700
Эйстейна	730
Хальвдан милд	784
Gudrod Mikillati	824
Олаф Geirstada	840
Хальвдан Сварт	863
Харальд Harfager	934
Эрик Blodaexe	940
Хако хорошие	963
Харальд Graafeld	977
Хако Ярл	995
Олаф Tyggveson	1000
Олаф Санкт -	1030
Свейна Canutson	1035
Магнус Добрый	1047
Харальд Hardrade	1066
Магнус второй.	1069
Олаф III. (Кирре)	1093
Магнус (Барфоед)	1103
Олаф IV.	1116
Эйстейн I.	1122
Сигурд I.	1130
Магнус IV.	1134
Харальд IV. (Gille)	1136
Sigurd II.	1155
Eystein II.	1157
Inge I.	1161
Hako III.	1162
Magnus V.	1186
Swerro	1202
Hako III.	1204
Gutborm	1205
Inge II.	1207
Hako IV.	1263
Magnus VI. (Лагабетер)	1280
Эрик II. (ненавистник священников)	1299
года Хако Против	1319

года Магнуса VII. (Смек), II король Швеции	1343
Хако VI.	1380
Олаф III.	1387

Примечание. отныне это королевство объединилось с Данией и, следовательно, подчинялось тем же монархам.

THE
история
ИЗ
СКАНДИНАВИЯ.

ГЛАВА IV.—продолжение.

МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ СЕВЕРЯН ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСТВА.

РАЗДЕЛ II.

НА ОРКНЕЙСКИХ ОСТРОВАХ, Гебридских ОСТРОВАХ, В ИСЛАНДИИ, ГРЕНЛАНДИИ, СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ, РОССИИ И Т.Д.

795–1026.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ОРКНЕЙСКИХ ОСТРОВАХ.—ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЯРЛОВ, РОГНЕВАЛЬДА, СИГУРДА, ХАЛЛАДА, ЭЙНАРА, СИГУРДА II. И Т.Д.—ОТКРЫТИЕ И КОЛОНИЗАЦИЯ ИСЛАНДИИ.—ОТКРЫТИЕ И КОЛОНИЗАЦИЯ ГРЕНЛАНДИИ.—ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ОТКРЫТИЕ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ.—ИЗЛОЖЕНИЕ ФАКТОВ, СВЯЗАННЫХ С ЭТИМ.—ОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СКАНДИНАВСКИМ РЮРИКОМ.

[888.]

The Оркнейские острова, вероятно, были посещены северными пиратами в период гораздо более ранний, чем обычно предполагается. Если из-за своей бесплодности и ограниченной поверхности они не располагали к постоянному заселению, то были полезны как цитадели, как порты, где северные корабли могли бросать якорь в безопасности. Судя по их положению между Скандинавией и Ирландией, которые, как мы знаем, подверглись враждебным нападениям в 795 году, они, должно быть, часто подвергались опустошениям чужеземцев. Жители пиктов, которые не были воинственными или многочисленными, испытывали огорчение, становясь свидетелями частого захвата их скота, рыбы, кукурузы и техдругих запасов, которые им удавалось собрать или произвести. Их единственное преимущество заключалось в бедности, которая сокращала пребывание этих скупых людей. Но после битвы при Хафурсфьорде (885) эти острова стали постоянным пристанищем морских разбойников, которых больше не терпели в Норвегии^[1]; здесь они снаряжали экспедиции, чтобы опустошить

каждое побережье от юга Ирландии до оконечности Финского залива. Эти опустошения были настолько частыми и грозными, что в 888 году — через три года после своей славной победы — Харальд Харфагр, желая подавить их, отправился с мощным вооружением в эти моря. Он покорил Шетландские, Оркнейские, Гебридские острова и Ман. Но завоевать было мало, если только не были приняты какие-то меры для закрепления завоевания. Монарх решил поставить над островами одного из своих самых доблестных и уважаемых вождей и обратил свой взор на Рогневальда, ярла Мории, который в нынешней экспедиции потерял одного из своих сыновей. Но Рогневальд, привязанный к своим наследственным владениям в Норвегии, убедил своего королевского господина наделить этим достоинством своего брата Сигурда. Таким образом, Сигурд был первым ярлом, или графом, Оркнейских островов.

[с 889 по 892.]

Этот начальник обладал качествами, достойными занимаемой должности: он был доблестным, либеральным, политичным. Но он был также честолюбив: он страстно желал подчинить себе часть соседнего континента; и поскольку его собственные силы были неравны для попытки такого масштаба, он заключил союз с Торстейном Рыжим, сыном Олафа Белого, вождя, прославленного в летописях Норвегии. Объединив усилия, два ярла покорили Кейтнесс и Сазерленд, а затем распространили свои опустошительные действия на графства Росс и Морей. В последнем случае Сигурд, который был настроен на длительные завоевания, как говорят, построил крепость. Но вскоре после этого он умер — то ли в бою, то ли от раны, не очень ясно; и все преимущества, которые он приобрел, были утрачены. Действительно, ему наследовал его сын Гутрум; но последний, одинаково слабый умом и телом, вскоре заплатил долг природе. Грабежи пиратов возобновились, и Рогневальду, который был феодальным начальником Сигурда, пришлось назначить другого губернатора. Его выбор пал на Халлада, одного из его сыновей. Но ему повезло меньше, чем предыдущему. Если у Халлада и было желание, то у него определенно не было сил бороться с частыми пиратскими бандами, наводнявшими острова: вскоре он покинул свой пост и вернулся в Норвегию. Отец сокрушался о своем неудачном выборе; еще больше он сокрушался о пятне, которое недостаток успеха нанес на его имя. Его дети, с горечью заметил он, прискорбно утратили древнюю доблесть своего рода. Он не мог предвидеть, что Эйнар, один из них, вот-вот дарует великолепие семье; еще меньше он мог предвидеть, что Ролло, еще один из них, станет главой могущественной расы монархов. Ролло предложил очистить острова от пиратских банд, но его предложение было отклонено, вероятно, из-за неуверенности в его силах. И когда Эйнар умолял старого ярла отправить его в правительство, главной причиной его успеха было небольшое расположение, которым он пользовался в глазах своего отца. Он был незаконнорожденным сыном; его мать находилась в рабском положении; он потерял глаз; в других отношениях его лицо было отталкивающим; и все эти обстоятельства в совокупности делали отцовский кров для него неприятным. Сага сохранила слова, в которых он обращался с просьбой к своему отцу: “Ты никогда не оказывал *мне* особой чести, и мой отъезд не огорчит тебя; а потому я отправлюсь на запад, если ты предоставишь мне средства. Сделай это, и я обещаю тебе никогда больше не приезжать в Норвегию!” Старик подарил ему большое судно, укомплектованное хорошими моряками; сказал ему, что не верит в его доблесть или благоразумие, и выразил надежду, что он его больше не увидит. Его молитва была исполнена.

[с 893 по 936.]

По прибытии Эйнара его поведение доказало, что он не переоценил свои силы. Он одержал победу над двумя пиратскими вожаками, которые после смерти Сигурда владели островами; он управлял жителями своей мудростью, равно как и защищал их своей доблестью; и к своей твердости присоединил такую умеренность, что стал чрезвычайно популярен среди своего народа. Его известность вызвала зависть у сыновей короля Харальда, которые в равной степени ненавидели своего отца: этот отец был сожжен заживо вместе со многими его товарищами^[2]; и не менее трагическая участь была уготована Эйнару. В 894 году Хальфдан, один из его сыновей от финской леди (у него было три имени^[3]), достиг Оркнейских островов неожиданно для Эйнара, который, будучи совершенно не готовым к обороне, бежал в Кейтнесс. В свою очередь, ярл застал Хафдана врасплох и вынудил скрыться; но его обнаружили и предали смерти, в отместку как за неспровоцированную агрессию, так и за убийство Рогневальда. В этом акте возмездия, с точки зрения язычника, было много безрассудства. Монарх вооружился, чтобы наказать его, и в 895 году снова появился у побережья с мощным вооружением. Не в силах сопротивляться, Эйнар снова бежал в Кейтнесс, часть, если не весь который, полностью подчинился оркнейским ярлам. У него, несомненно, были грозные средства защиты; настолько грозные, что заставили Харальда прислушаться к попыткам примирения. Вероятно, также, будучи язычником, он в значительной степени одобрял поступок Эйнара, который, отомстив за смерть отца, сделал то, что предписывала религия. Наконец он заявил о своей готовности как простить островитян, так и оставить ярла у власти, если ему заплатят шестьдесят золотых мерков. Эту сумму, какой бы умеренной она ни казалась, они не смогли собрать; но Эйнар согласился заплатить ее за них при условии, что их земли будут считаться его землями до тех пор, пока они не найдут средства для выкупа. Избавленный от этого грозного врага, Эйнар с обычным успехом приступил к исполнению государственных обязанностей. Потомки называли его *Дерн-Эйнар*, потому что, как нам сказали, он ввел в употребление этот артикль. Однако вряд ли стоит верить, что островитяне в его время не знали об этом. У них не было дров, а одних морских водорослей им не хватило бы на долгую и унылую зиму. Вероятно, он внес некоторое улучшение в способ его приготовления и таким образом заслужил право на их благодарность.

[с 936 по 946.]

После смерти Эйнара управление Оркнейскими островами и самыми северными графствами Шотландии перешло к двум его сыновьям, Арнkelю и Эрленду. Если у них и были амбиции, то у них не было мудрости отца. Когда Эрик Кровавый Топор был изгнан из Норвегии Хако Добрым^[4], они приняли его с готовностью, стали его союзниками и сопровождали его в его грабительской экспедиции против шотландского и английского побережий. На какое-то время, действительно, казалось, что удача улыбнулась им. Эрик стал губернатором Нортумбрии как вассал короля Ательстана: они разделили его процветание и богатства, которые он приобрел в своих пиратских экспедициях к берегам Шотландии и Ирландии; но они также разделили его трагическую судьбу в битве, которую королевский Эдред вел против норманнов и которая навсегда объединила Нортумбрию с англосаксонской короной.^[5]

[с 946 по 980.]

Этим принцам наследовал другой брат, Торфин Хаусак-люфурс, чье правление, благодаря его мудрости, было очень процветающим. Не так обстояло дело с его сыновьями. Из них он оставил пятерых. Старший, Арнфин, женился на Рагнильде, дочери Эрика Блодокса и печально

известной Гунхильды, и вполне достоин своего происхождения. Через нее Арнфин, жертва предательства, сошел в безвременную могилу. Хавард, следующий брат, унаследовал правление, и его поведение было настолько мудрым и процветающим, что он получил прозвище Счастливого. Но он имел глупость жениться на овдовевшей Рагнильде и понес заслуженное наказание за свою слабость. Как нам сказали, она перенесла свою привязанность на Лиота, следующего по возрасту брата; и с целью добиться удовлетворения своих желаний спровоцировала ссору между Хавардом и родственником, которая оказалась роковой для первого. Но у такой женщины не могло быть привязанности; и ее мотивом к поступку, вероятно, была неприязнь к господству ее мужа. Как бы то ни было, она стала женой третьего брата, который унаследовал власть. Но у Лиота было мало причин поздравлять себя с возвышением. Готовность, с которой он стал орудием низменной и кровожадной женщины, вызвала гнев Скули, следующего брата, который, будучи не менее амбициозным, решил свергнуть его с престола. Отправившись ко двору шотландского короля, он предложил сохранить острова в качестве феода короны, если с королевской помощью он будет возведен в достоинство, которое сейчас занимает Лиот. Предложение было принято, и во главе значительного отряда он вернулся в Кейтнесс, который заявил о своей поддержке. В центре этой провинции сошлись родственники, и победа была за Лиотом, а Скули оставили мертвым на поле боя. Но скотты теперь появились в большем количестве; и хотя ярл одержал победу во втором сражении, он получил рану, которая привела его к смерти в 980 году. Теперь власть перешла в руки Лодвера, пятого брата. О нем мы знаем только то, что он увлекался пиратскими экспедициями, что он женился на ирландской принцессе и что он правил шестнадцать лет.

[с 980 по 1014.]

Сигурд, сын и преемник последнего ярла, занимает больше места в легендах, чем в истории. Отвергая первое, мы можем заметить, что у него было много замечательных качеств; что он был доблестным, щедрым, настойчивым; что он освободил свой народ от обязательств, которые они взяли на себя перед ярлами во времена Турф-Эйнара, вернув таким образом землям, которые еще недавно были феодальными, их первоначальное аллодиальное состояние; и что в дополнение к Шетландским островам и двум шотландским графствам, которые почти столетие находились под юрисдикцией его предшественников, он владел несколькими крепостями и, как нам сказали, несколькими обширными владениями. , в самом сердце Шотландии. Тем не менее, они могли считаться вассалами сотского монарха. Но самым запоминающимся событием в его администрации было введение христианства на Оркнейских островах. На это событие мы уже ссылались ранее^[6], но она требует более подробной информации. Сигурда вызвали на борт судна, которое перевозило Олафа Трюгвесона из Ирландии в Норвегию, и сказали, что если он немедленно не примет христианство, не заставит свой народ принять его и не воздаст почести Олафу как наследнику Харальда Харфагра, то он и все, кто откажется, должны быть преданы смерти. В этот момент Олаф еще не взошел на норвежский трон, который занимал ярл Хако, и Сигурд вполне мог колебаться, признавать ли его. Опять же, хотя он, должно быть, часто слышал о религии, которую от него теперь требовали принять, он привык презирать ее, потому что ее исповедовала миролюбивая, то есть трусливая, часть человечества. Поэтому он начал придумывать какие-то оправдания своей неспособности выполнить это требование; но ни одно из них не было допущено; и поскольку ему пришлось выбирать между повиновением и мгновенной смертью, он, естественно, выбрал первое. Он и его люди единодушно подчинились обряду; и чтобы заручиться его верностью, он отдал своего сына в качестве заложника. Однако после смерти этого сына он отказался от своей верности

норвежской короне и вступил в тесную связь с шотландией, женившись на дочери короля Малькольма. Вероятно, этот новый союз помешал ему отказаться от христианства с такой же легкостью, с какой он отказался от своей зависимости от Норвегии. Это, безусловно, увеличило его власть и уважение, с которым к нему относились вожди того времени. Он был одним из лидеров в войне против ирландского короля Брайана; и вместе со многими другими он был убит в битве при Клонтарфе.^[7] Такому человеку в таком возрасте, конечно, нельзя было позволить пасть обычным образом. Если верить скальдам, он предчувствовал свою судьбу еще до того, как покинул острова; и он доверил управление тремя своими сыновьями от первой жены - Эйнару, Шумерлед и Бруси. С его смертью связаны две легенды, которые заслуживают краткого упоминания. Одному из своих друзей, пожелавшему сопровождать его, он настоял на том, чтобы остаться, заверив, что он будет первым человеком, которому будут сообщены сведения о битве. Однажды вождь увидел, как ему показалось, ярла Сигурда, приближающегося во главе конного отряда. Он немедленно вскочил в седло, выехал вперед, встретил ярла, обнял и на глазах нескольких последователей скрылся вместе с ярлом за возвышенностью: ни того, ни другого, добавляет легенда, больше не видели в этом мире. Другая история вызвала великолепное излияние Серого: Дэррод, уроженец Кейтнесса, увидел, как двенадцать всадников направились к холму и немедленно въехали на него. Пospешив к месту и заглянув в небольшое отверстие, он увидел двенадцать гигантских женщин, которые ткали и пели; гав и песня были не менее сверхъестественными, чем певцы.^[8] Это событие, относящееся к 1014 году, иллюстрирует психическое состояние людей, которые, хотя внешне и приняли христианство, все еще оставались язычниками в суевериях.

О Шетландских островах в этот период мы ничего не знаем. Они составляли, как мы уже отмечали, часть правительства Оркнейских ярлов; то же самое произошло и на Гебридских островах. Но связь между правителями и управляемыми, должно быть, была слабой и часто прерывалась. Гебридские острова часто подвергались опустошению — то норвежцами, то датчанами, то свирепыми авантюристами со всех концов севера. Состояние Ионы, священной обители учеников святого Колумбы, было плачевным. В 793 году монастырь был превращен в пепел, а большинство обитателей вырезано; снова в 797 и 801 годах. В 805 году та же участь постигла еще шестьдесят восемь монахов. С этого периода и до 875 года варварские опустошения были частыми. Спасаясь отразрушения, монахи бежали; а когда пираты были разбиты, вернулись в то же священное место, чтобы погасить все еще дымящиеся руины и восстановить дом своего святого. После 875 года набеги северных разбойников стали гораздо реже. Действительно, мы не читаем ни о какой резне до 985 года, когда аббат и пятнадцать его монахов получили мученический венец. Похоже, это была последняя катастрофа такого рода. Христианство в гораздо большей степени, чем правительства Норвегии и Оркнейских островов, уничтожало дух пиратства. В 1093 году, как у нас будет возможность рассказать позже, Западные острова, такие как Мэн и Оркнейские, были покорены Магнусом Норвежским и присоединены к его короне.^[9]

5. *Исландия* (861 г. и далее), вероятно, была известна ирландским миссионерам до того, как ее открыли норвежцы. Там были найдены по крайней мере некоторые предметы, которые могли оставить только миссионеры; и они, должно быть, были привезены из Ионы или Ирландии. “До того, как Исландию открыли норвежцы, - говорит Ланднамабок, - там жили люди, которых мы называем Папас, которые исповедовали христианскую религию и которые, как считалось, пришли с запада”. Тот же авторитет также говорит о книгах на ирландском и англосаксонском языках; о колокольчиках, посохах и других предметах, оставленных предыдущими

посетителями. Но если на нем когда-либо и обосновывалась какая-либо колония, то он долгое время был необитаем, когда был случайно обнаружен Наддодом в 861 году. Этот морской путешественник покинул Фарерские острова с намерением взять курс прямо на запад Норвегии; но поднявшийся шторм унес его далеко на северо-запад, пока он не достиг этого самого большого из европейских островов. Но он не знал, что это остров: он увидел, что он покрыт снегом, и, исходя из этого обстоятельства, назвал его *Сноландией*. Хотя он поднялся на несколько высоких гор, он не смог различить никаких следов присутствия людей. По возвращении он ознакомил своих соотечественников с открытием. В следующем году его снова случайно посетил швед Гардар Свафарсон, который обогнул его и, убедившись, что это остров, дал ему название Гардарсхольм. Сезон был слишком разгар, чтобы он мог вернуться, и он провел всю зиму на побережье, питаясь главным образом рыбой, которую ловил в изобилии. Третьим человеком, посетившим его, был норвежец Флоки по прозвищу *Рафна*, или Ворон, из-за способа, которым, согласно легенде, он нашел остров. Отплыв с Фарерских островов, он направился на северо-запад; но так как он не был уверен в точном направлении, в котором лежала Сноландия, он выпустил в полет трех воронов, которых ранее посвятил богам. Один из них полетел обратно на острова, которые он покинул; другой вернулся на корабль; третий двинулся прямой линией, и Флоки последовал за ним, пока не достиг страны, которую открыл Наддод. Его название он сменил с *Snoeland* на *Iceland*. Он восхищался ее кипящими фонтанами и пылающей лавой; но местность была слишком бесплодна, чтобы он мог прокормиться; его беспокоило таинственное сотрясение земли; и вскоре он попрощался с краем, который, очевидно, намеревался колонизировать, но который боги обрекли на вечное запустение. Его спутники, однако, не давали столь обескураживающего отчета об острове. Они хвалили здешнюю рыбу, ее климат, ее почву; и прежде всего они хвалили ее за то, что “это было место, где люди могли жить свободно, вдали от королей и ярлов”.

[874.]

Первая попытка колонизировать остров была предпринята в 874 году. Ингульф, сын норвежского ярла, убил своего противника; и, чтобы избежать последствий этого поступка, он вместе со своим шурином Йорлейфом приготовился посетить край, где ни месть сородичей, ни месть Харальда Харфагра не могли преследовать его. Глубоко проникнутый суевериями древнего норвежского культа, он принес должные жертвы богам — ибо в те патриархальные времена привилегия приносить жертвы передавалась по наследству вместе с правом первородства; и когда он отплывал, то брал с собой украшенные дверные косяки помещения, в котором хранились его домашние божества. Приблизившись к острову, он выбросил их в море и поклялся, что на той части побережья, куда их загонит стихия, он основает свою колонию. Тем временем мыс на юго-востоке, все еще называемый Ингульфшод, принял его; но дверные косяки, охраняемые его рабами, продвинулись на юго-запад и вошли в бухту, на которой стоит современный Рейкьявик. Место, в котором он устроил свое временное пристанище, было сравнительно плодородным; окрестности залива на многие лиги были необычайно бесплодны; и все же, несмотря на все увещевания, Ингульф перебрался в последнее место, которое, как он верил, было предназначено для него богом. Его спутник, Джорлейф, выбрал более плодородную местность к югу; но Джорлейф не испытывал никакого почтения к богам, которым он никогда не соизволил приносить жертвы. По мнению многих, последний был более мудрым человеком; но вскоре он был убит своими собственными рабами, которые бежали с его имуществом на какие-то отдаленные острова. Им не удалось уйти безнаказанно: преследуемые Ингульфом, они

поплатились за свое преступление. Как бы сильно ни сожалел вождь о судьбе своего друга, он благочестиво заметил, что это удел всех, кто презирает национальные божества.

[884.]

За Ингульфом последовали несколько норвежских вождей и множество простых свободных людей, которые желали “жить вдали от королей-тиранов и ярлов”. В общем, каждая новая община выбирала для себя какую-нибудь пригодную для жилья долину, устанавливала ее границы, возводила грубый храм богам и обеспечивала гражданское управление в не меньшей степени, чем религиозное. Из ярлов, современников Ингульфа, Торольв был самым знаменитым. Происходивший, по всеобщему мнению, как и многие другие вожди, от божественной расы, которая управляла страной, Торольф был одновременно главой своего клана и первосвященником своей религии. Прикрепленный к великому храму Тора, на одном из островов недалеко от побережья Норвегии, с почтенной бородой, наделенный множеством вассалов, множеством стад и обширными владениями, Торольф был одним из самых влиятельных вождей на севере этого королевства. Но он имел несчастье навлечь на себя гнев Харальда Харфагра, предоставив убежище Бьорну, одному из своих родственников, которого преследовал этот монарх. На *Собрании*, или общественном собрании провинции, Харальд добился объявления Торольфа вне закона, если в течение определенного периода он не сдаст Биорн. Чтобы выяснить волю богов, должен ли он сдаться королю или бежать в Исландию, он принес жертву Тору, и ответ благоприятствовал последнему проекту. Не менее набожный, чем Ингульф, он забрал с собой статую Тора, землю, на которой стоял трон, и часть храма. Приблизившись к острову, он выбросил в море деревянные колонны, поддерживавшие святилище, и, как это сделал его предшественник за десять лет до него, обосновался на том месте, куда их унесла стихия. Обозначив границы своих новых владений, обойдя их с горящей головней и подожгв траву, его следующей целью было построить большой дом, а затем большой храм, в котором он должен был совершать обряды как верховный жрец Тора. Там были те же колонны, тот же трон, то же мистическое кольцо и тот же великий алтарь. Другие божества были помещены в приготовленные для них ниши, и богослужение совершалось, конечно, с меньшей помпой, чем в метрополии, но с таким же рвением. Рядом с храмом находилось место, где проводилось *Дело*, или судебное собрание народа, на открытом воздухе, в присутствии “Фрейи, Ниорда и Всемогущего Ас”, которым всегда клялись свидетели в костюмах. Земля обоих считалась священной, ибо законы, установленные древними божествами, обязательно были частью религии. Таков был обычный порядок действий при образовании любой новой колонии. Постепенно, по мере того как хижины рабов увеличивались и рассредоточивались по владениям, вид страны становился все более жизнерадостным. Поселение Торольф вскоре стало процветающим; оно пополнилось множеством новоприбывших из Норвегии; и в конце концов было разделено на тригустонаселенных округа, каждый из которых признавал его верховным понтификом, пока человеческие страсти не начали приводить к своему неизбежному результату — разобщенности и кровавой вражде.

[с 874 по 936.]

На данном отрезке времени мы не можем должным образом оценить количество эмигрантов из Норвегии на этот недавно открытый остров. До смерти Харальда Харфагра в большинстве его пригодных для жилья частей были свои обитатели. Что с изгнанием пиратов, что с добровольным изгнанием вождей, которые пренебрегали признанием превосходства,

метрополия, должно быть, потеряла немалую часть своего населения. Он действительно обещал остаться наполовину заселенным, когда этот монарх вместе с еще оставшейся знатью строго запретил эти эмиграции. Но ни он, ни они не могли постоянно следить за портами; еще меньше они могли контролировать передвижения тех, кто, будучи занят перевозками от побережья к побережью, воспользовался возможностью отплыть в страну, где не было ни королей, ни лордов. Однако это было верно только для самого раннего состояния исландской цивилизации. Впоследствии, когда вожди со своими многочисленными рабами и воинственными иждивенцами отправились в это место, была введена система, напоминающая клановую систему Норвегии, хотя и менее деспотическая. Они действительно захватили землю как свою собственную и раздали ее своим последователям на определенных условиях. Среди этих условий всегда была выплата ежегодной ренты сельскохозяйственными продуктами и кое-что для поддержки религии; но часто к этому добавлялась какая-то наследственная юрисдикция в семье вождя. Поскольку он часто был не менее понтификом, чем патриархом, и считался потомком божественной семьи инглингов, это объединение священнических, судебных и почти королевских функций наделяло его уважением, которым он едва ли пользовался даже в Норвегии. Того, кто исполнял эту двойную должность понтифика и гражданского магистрата, кто образовывал своего рода патриархальную аристократию, небезынтересную для созерцания, звали *Годар*, или *Хафгодар*. Но через полвека после колонизации острова возникло зло, от которого социальные конституции того периода не давали средства правовой защиты. Изоляция общин привела к формированию отдельного духа соперничества, который часто был разрушительным для округа. Когда две соседние общины или их магистраты спорили, кто должен был выступать в качестве судьи? Не было ни монарха, ни наследственного главы провинции, ни чего-либо Другого, что могло бы решить между ними. Следовательно, стало необходимым либо отказаться от преимуществ всеобщей конфедерации и жить разрозненными независимыми племенами, враждебные действия которых вскоре должны были привести к исчезновению населения острова, либо установить высшую власть. Отсюда и выбор верховного судьи, который также был уполномочен собирать законы, которые, однако, не могли быть обязательными до тех пор, пока они не были приняты вождями и народом каждой общины. Первым исландцем, возведенным в это высокое достоинство, был Ульфлиот (925), который, хотя ему было шестьдесят лет, отправился в Норвегию, чтобы ближе познакомиться с неписаными обрядами этого королевства. Под руководством Торлейфа Мудрого он за три года получил информацию, которую искал; и по возвращении в Исландию он обнародовал кодекс, который на протяжении многих поколений регулировал решения димстеров, или местных судей. Его положения, к сожалению, утрачены, за исключением некоторых незначительных фрагментов. Они, без сомнения, были почти идентичны тем, которые управляли метрополией; но из последних у нас нет ни одного в том штате, в котором они были первоначально обнародованы, — ни одного, которое не было бы изменено последующими законодателями. Дух кодекса, который сам Торлейф составил по просьбе Хако Доброго, может быть выведен только из общего характера норвежского общества и из правовых положений более поздних времен; положений, которые, по правде говоря, являются лишь адаптацией древних наказаний к изменившемуся состоянию общества. Законы, разработанные для использования язычниками, очевидно, потребовали бы значительных изменений, прежде чем их смогли бы принять христиане.

Чтобы правильно понять социальное положение Исландии в языческий период и даже в последующие эпохи, нельзя уделять слишком много внимания политической конституции и гражданскому управлению этой интересной колонии. Остров был разделен на четыре больших округа — виертель, и над каждым из них стоял главный судья, избираемый народом. В определенные периоды в каждом из них собиралось собрание свободных людей; все имели право голоса в обсуждениях; все могли голосовать; и избранному ими магистрату было поручено исполнение таких законов, таких постановлений, какие они принимали. Но хотя каждый из этих районов составлял лишь четвертую часть обитаемой части острова, он был слишком обширен, чтобы собрания свободных людей проводились так часто, как того требовали интересы общества. Отсюда разделение каждого из них на нижестоящие округа, которые проводили свои собрания для ведения таких дел, которые были более специфичными для местного населения. Дела, которые касались всего сообщества, могли обсуждаться только на *Аль-Тинге*, или великом национальном собрании, которое проводилось раз в год. Место встречи находилось на ровной равнине, на берегу озера Тингвалле, и называлось *Гора Закона*. Правосудие, действительно, обычно отправлялось на возвышенности у всех народов готского происхождения; не потому, что в холме была какая-то святость, а для того, чтобы процесс мог быть более заметен толпе. В течение восьми столетий гора Закона продолжала оставаться ареной национальных собраний; и только в наши дни место собраний перенесли в место, действительно более удобное для рассеянного населения, но менее освященное временем. Президент избирался пожизненно — несомненно, аномалия в обществе, где свободные люди считались равными; но правда в том, что среди всех германских наций существовала большая разница между теорией и практикой конституции. Самый ничтожный свободный человек, присутствовавший при Этом, мог, насколько нам известно, иметь право голоса; он мог даже иметь право слова; но все же реальная власть находилась в руках нескольких благородных вождей. Что делало власть этого президента, этого логсогомадра, или промультатора закона, более внушительной, так это тот факт, что, хотя он и не был, как утверждали некоторые авторы, законодателем, ни один закон не принимался без его согласия; и он имел право интерпретировать их не меньше, чем администрация. Таким образом, его должность, будучи более чем исполнительной и занимаемая в течение столь длительного периода, делала его безответственным, за исключением тех случаев, когда Вещь действительно была собрана. Как мы уже отмечали ранее, Ульфлиот был первым, кто удостоился этого звания. Как нам сказали, законы, которые он издавал, сохранялись в течение двух столетий только по традиции, прежде чем они были записаны. Это не заслуживает доверия. Руническое искусство, по крайней мере, было понято за много веков до него; и мы можем заключить, что так же обстояли дела и с обычными знаками: по крайней мере, мы читаем о переписке посредством писем между правителями и ярлами того времени. Более важный из законов Ульфлиота, должно быть, был облечен в форму, менее тленную, чем устная традиция. За века до него каждое германское племя, с которым мы знакомы, имело, помимо общего или неписаного, свой статут или писанный закон; и мы не знаем, почему Скандинавия в этом отношении должна отличаться от таких варварских племен, как саксы, или финны, или швабы, в тот же период. На эту тему, однако, подробнее в соответствующем месте.^[10]

6. *Гренландия* была обязана своим открытием исландской колонии. Ближе к концу десятого века Эрик Рыжий, сын Торвальда, норвежского ярла, который был вынужден покинуть свою страну из-за междоусобицы, был по той же причине вынужден покинуть Исландию. Куда ему было возвращаться? В Норвегию он не мог, потому что там были смертельные враги его семьи,

которых нажил старый Торвальд. Скрываться в Исландии было безнадежно, а на Оркнейских островах, которые находились очень далеко, он едва ли мог надеяться избежать мести этих врагов. Поэтому он решил поискать землю, о которой некоторые морские авантюристы имели смутные представления. Плывая на запад, он, наконец, обнаружил небольшой остров в проливе, который назвал Эрикс-Саунд и на котором провел зиму. Следующей весной он обследовал соседний континент, который из—за его улыбающейся зелени — улыбающейся по сравнению с унылой пустынностью Исландии - он назвал *Гренландией*. Преисполненный важности этого приключения, он вскоре вернулся на этот остров, и ему удалось собрать несколько колонистов, которых он поселил на новооткрытой земле. И все же Гренландию нельзя было назвать необитаемой: для поселенцев было бы лучше, если бы это было так, потому что дикие туземцы не были дружелюбны к людям, которых они считали вторгшимися в их собственные владения. Через несколько лет после заселения колонии, а именно. в 999 году Лейф, сын Эрика, отправился в Норвегию, где был хорошо принят правящим монархом Олафом Трюгвесоном: Олаф вскоре заинтересовался описанием страны, которое дал Лейф; и в своем рвении обратить всех язычников он решил поддержать новую колонию. Какими бы ни были недостатки обращенного из королевской семьи, он был орудием большого добра. Он убедил или заставил Лейфа принять крещение и отправил миссионера сопровождать его в Гренландию. Отсюда и распространение этой религии среди норвежских колонистов; но она не имела большого успеха среди туземцев, которые, то ли по глупости, то ли порочным привычкам, всегда медленно постигали ее истины. В течение более чем трех столетий эта зарождающаяся колония процветала: чума 1348 года прискорбно проредила ее численность, а в начале следующего столетия остальные были либо истреблены дикими жителями, либо вынуждены покинуть страну. От этой колонии не осталось и следа, и точно не установлено, в какой части побережья она была расположена.

7. *Северная Америка* (1001-1002). Наиболее любопытной частью настоящего предмета является та, которая связана с предполагаемым открытием Северной Америки уроженцем Исландии. Давайте изложим факты, зафиксированные в древних сагах, и авторитетных источниках, которым следовал Снорро Стурлесон, прежде чем мы начнем рассуждать о них. Херюльф, потомок Ингульфа, и его сын Бьярн существовали за счет торговли между Исландией и Норвегией, в последней из которых они обычно проводили зиму. Однажды, когда их суда, как обычно, были разделены для большего удобства движения, Бьярн не застал своего отца в Норвегии, который, как ему сообщили, отправился в Гренландию, тогда только что открытую. Он никогда не бывал в этой стране, но много дней держал курс на запад, пока сильный северный ветер не унес его значительно южнее. После долгого перерыва он увидел низменную, лесистую местность, которая, по сравнению с описанием, полученным им о другой, и судя по выбранному им маршруту, не могла, он был уверен, быть Гренландией. Двигаясь на юго-запад, он достиг последней страны и присоединился к своему отцу, который жил в Херюльфсне, мысе напротив западного побережья Исландии.

[1001.]

Информация, которую сообщил Бьярн об этом открытии, побудила Лейфа, сына Эрика Рыжего, первооткрывателя Гренландии, снарядить судно для путешествия в неизвестную страну. С тридцатью пятью людьми он отплыл из Херюльфсна на юг, в направлении, указанном Бьярном. Прибыв к плоскому каменистому побережью, с горами, покрытыми снегом, видимыми, однако, на большом расстоянии, они назвали его Хеллу-ленд. Продолжая двигаться на юг, они

вышли к лесистому, но все еще плоскому побережью, которое они называли землей Марка. Резкий северо-восточный ветер, дувший два дня и две ночи, принес их к более прекрасному побережью, лесистому и волнистому, изобилующему природными растениями. К северу этот район был защищен островом; но там не было порта, пока они не продвинулись дальше на запад. Там они высадились на берег, и так как в реке, впадавшей в залив, было в изобилии рыбы, они отважились провести там зиму. Они обнаружили, что ночи и дни менее неравномерны, чем в Исландии или Норвегии; в самый короткий день (21 декабря) солнце вставало в половине восьмого и заходило в половине пятого. Из-за дикого винограда, который они нашли в нескольких милях от берега, они называли страну Винланд, или Винландия. Следующей весной они вернулись в Гренландию.

Это описание, как читатель сразу поймет, применимо только к Северной Америке. Первым из берегов, которые увидели Лейф и его мореплаватели, должно быть, был Ньюфаундленд или Лабрадор; вторым, вероятно, было побережье Нью-Брансуика; третьим был Мэн. Причины, приведшие к этому путешествию, имена, происшествия настолько естественны и взаимосвязаны, что несут на себе отпечаток истины. И Снорро, самый первый историк этого путешествия, не был выдумщиком: он описывал события так, как получал их от авторитетных источников, которых больше не существует, или из традиции. Ни он, ни его соотечественники не испытывали ни малейших сомнений в том, что был открыт новый и обширный регион. Продолжение подтвердит уверенность в том, что они были правы.

[со 1004 по 1008.]

Следующим вождем, посетившим Винланд, был Торвальд, еще один сын Эрика Рыжего. С тридцатью товарищами он направился к побережью и перезимовал в палатке, которая приютила его брата Лейфа. Два следующих лета он провел, исследуя регионы как на западе, так и на востоке; и из описания в исландских сагах мы можем заключить, что он прошел вдоль побережья от Массачусетса до Лабрадора. До второго сезона никто из жителей не появлялся; но двое, отважившихся плыть вдоль берега в своих утлых каноэ, были схвачены и самым невежливым, а также самым бесчеловечным образом преданы смерти. Очевидно, это были эскимосы, чей невысокий рост и черты лица напоминали западных гренландцев. Чтобы отомстить за убийство своих соотечественников, значительное число жителей теперь появилось на своих маленьких лодках; но так как их стрелы не могли произвести никакого впечатления на деревянные укрепления, они поспешно отступили. Однако в этой короткой стычке Торвальд получил смертельное ранение и был похоронен на следующем мысу с крестом наголове и еще одним крестом у ног - доказательством того, что он принял христианство. Пережив еще одну зиму, его спутники вернулись в Гренландию. На следующий год Торстейн, еще один сын Эрика Рыжего, отправился в то же место со своей женой Гудридой и двадцатью пятью спутниками; но враждующие стихии загнали их на отдаленное западное побережье Гренландии, где они провели зиму в больших лишениях. Это приключение стало роковым для Торстейна, чей труп был доставлен обратно в колонию его вдовой.

[1009.]

Первая серьезная попытка колонизации Винланда была предпринята норвежским вождем Торфином, который переехал в Гренландию и женился на овдовевшей Гудриде. С шестьюдесятью товарищами, несколькими домашними животными, сельскохозяйственными принадлежностями и обилием сушеных припасов он направился к побережью, где погиб

Торвальд. Там он разбил свои палатки, которые окружил прочным частоколом, чтобы противостоять нападениям туземцев, открытым или тайным, дневным или ночным. Они приходили в значительном количестве, чтобы предложить шкуры и другие изделия в обмен на те товары, которые могли позволить себе чужеземцы. Прежде всего, как нас уверяют, им нужно было оружие, продавать которое Торфин не разрешил бы; и все же, если верить анекдоту, их знания о таком оружии должны были быть действительно ограниченными. Один из дикарей схватил топор, побежал с ним в лес и с большим торжеством продемонстрировал его остальным. Чтобы испытать его достоинства, он ударил того, кто стоял рядом с ним, и тот, к ужасу всех присутствующих, упал замертво к его ногам. Вождь взял его у него, некоторое время с гневом рассматривал, а затем бросил в море. Торфин прожил три года в Винланде, где у него родился сын, и после многих путешествий в разные части севера закончил свои дни в Исландии. Его вдова совершила паломничество в Рим, а по возвращении на остров удалилась в монастырь, который он построил. Однако многие из колонистов, которых он привел в Винланд, остались, и в конце концов к ним присоединилась другая группа под руководством Хельги и Финнбоги, двух братьев из Гренландии. Но последнему не повезло, его сопровождала вероломная и злая женщина Фрейдиса, дочь Эрика Рыжего, которая за короткое время спровоцировала ссору, которая оказалась смертельной примерно для тридцати колонистов. Ненавидимая за свои пороки, она была вынуждена вернуться в Гренландию; но запах ее порочного имени остался с ней: она жила презираемой и умерла без оплакиваний.

[с 1026 по 1121 год.]

Ближе к концу правления Олафа Святого исландец по имени Гудлейф отплыл в Дублин. Судно, подгоняемое неистовым ветром далеко от своего прямого курса, к юго-западу, приблизилось к неизвестному берегу. Он и команда вскоре были схвачены туземцами и унесены в глубь страны. Однако здесь, к их великому удивлению, к ним обратился почтенный вождь на их родном языке, который расспрашивал о некоторых жителях Исландии. Он отказался назвать свое имя; но, поскольку он послал подарок Туриде, сестре Снорро Годе, и еще один для ее сына, у нее не осталось сомнений, что это был скальд Бьорн, который был ее любовником и покинул Исландию за тридцать лет до этого. Туземцы были описаны краснокожими и жестокими к чужеземцам; действительно, потребовалось все влияние дружественного вождя, чтобы спасти Гудлейва и его товарищей от гибели. С этого периода до 1050 года мы больше ничего не слышим о северной колонии, основанной Торфином; но в том году священник отправился из Исландии в Винланд проповедовать христианство. Его конец был трагическим — доказательство того, что если кто-то из первоначальных поселенцев и был христианином, то они вернулись к идолопоклонству. В 1121 году епископ отплыл из Гренландии в том же направлении и с той же целью; но о результате ничего не известно. Действительно, мы больше ничего не слышим ни об этой колонии, ни о Винланде до второй половины XIV века, когда, как говорят, два венецианца Дзени посетили эту часть света. С того времени и до открытия Колумбом Нового Света не было никакого сообщения — по крайней мере, такого, о котором известно, — между ним и севером Европы.

Это обстоятельство заставило многих усомниться в приведенных фактах. Если, утверждают они, Северная Америка действительно была открыта и неоднократно посещалась исландцами, то как получилось, что страна, столь плодородная по сравнению с этим островом, или с Гренландией, или даже Норвегией, была так внезапно покинута? Это, безусловно, трудность; но еще большая, по нашему мнению, связана с отрицанием всех приведенных доказательств. Не

только Снорро упоминает Винланд: то же самое говорится во многих других сагах; и еще до Снорро Адам Бременский получил из уст Свейна II, короля Дании, подтверждение предполагаемого открытия. Для таких многочисленных и единообразных отношений, для обстоятельств, описанных так естественно и графически, должно было быть какое-то основание. Даже художественная литература не выдумывает, она только преувеличивает. В предполагаемых путешествиях нет ничего невероятного. Скандинавы были лучшими мореплавателями в мире. Из достоверных и неопровержимых свидетельств мы знаем, что их суда побывали во всех морях от Средиземного до Балтийского, от оконечности Финского залива по крайней мере до входа в пролив Дэвиса. Люди, столь хорошо знакомые с далекими морями, должно быть, достигли большего прогресса в науке навигации, чем мы обычно предполагаем. Путешествие от Рейкьявика в Исландии до мыса Прощания не длиннее, чем от юго-западной оконечности Исландии, некогда хорошо колонизированной, до восточного побережья Лабрадора. Но демонстрирует ли сама последняя страна в наше время какие-либо следы более высокой цивилизации, чем мы могли бы ожидать, если бы ее никогда не посещали европейцы? Так, по крайней мере, сообщают нам миссионеры-иезуиты. Они нашли крест, знание звезд, высший вид поклонения, более изобретательный ум у жителей побережья, которое, как считается, было колонизировано из Гренландии. Они даже уверяют нас, что многие норвежские слова можно найти в диалекте этого народа. Причины, приведшие к разрушению поселения, вероятно, были аналогичны тем, которые привели к такому же эффекту в Гренландии. Нельзя было ожидать, что горстка колонистов, отрезанных от всякой связи с метрополией исследовательно, лишенных средств для подавления своих диких соседей, всегда сохранит свои первоначальные черты. Они были бы либо истреблены в результате военных действий, либо вынуждены были бы смешаться с местными жителями: вероятно, обе причины привели к этому печальному результату. Единственная трудность в этом вопросе заключается в том, что мы уже упоминали ранее, а именно. внезапное и полное прекращение всех сношений с Исландией или Гренландией; и даже это должно уменьшиться, если мы вспомним, что в четырнадцатом веке норвежская колония в Гренландии исчезла таким же образом после более чем трехсотлетнего пребывания в стране. Взвесив предшествующие обстоятельства и простой естественный язык, на котором они записаны, мало кто из людей, не родившихся в Италии или Испании, станет отрицать, что скандинавы были первыми первооткрывателями Нового Света. Даже Робертсон, плохо знакомый со звеньями этой цепочки доказательств, не осмелился полностью отвергнуть их. Начиная с его дней, исследования критиков севера и более внимательное рассмотрение предмета побудили большинство авторов упоминать о нем с уважением.^[11]

8. *Россия* (862). То, что скандинавские пираты установили суверенитет в России вскоре после середины IX века, является фактом, который ни один историк не осмеливается оспаривать. Группа людей, которых называли варягами, — название, которое никто не может объяснить, — покорила чудер и другие славянские племена между Финским заливом и Новгородом. Они действительно были хозяевами морских побережий в этой части Балтики. В это время Россия была расколота на множество отдельных государств, которые никогда не знали общего главы и большинство из которых, хотя и были родственного происхождения, находились в состоянии войны друг с другом. Из этих государств наиболее значительным был Новгород, процветающая республика, которая вела обширную торговлю не только со странами, окружавшими Балтийское море, но и с греческой империей, с Персией и, возможно, с Индией. Его богатство, естественно, возбуждало алчность воинственных племен, которые были настороже, чтобы перехватывать его товары, беспокоить его обозы и, когда представлялась благоприятная

возможность, нападать на его аванпосты. В самом деле, по отдельности ни одно из этих племен не могло произвести никакого впечатления на этот могущественный город; но лиги ради общей цели отличали варваров не меньше, чем цивилизованные времена. Такой союз угрожал жителям Новгорода, и они, в соответствии с обычаем того времени, обратились за помощью к своим соседям, варягам. Все северяне, и варяги в частности, были готовы продать свой меч тому, кто больше заплатит. Поэтому предложение республики было немедленно принято, и ее враги были быстро унижены.

[с 861 по 862.]

По поводу факта, о котором мы только что рассказали, среди историков нет расхождений во мнениях; но есть много разногласий между местными и иностранными авторами относительно обстоятельств, которые привели к установлению варяжской династии на Руси. Согласно одному из первых, четыре великих племени, во главе с городом Новгородом, восхищенные мудростью, справедливостью и доблестью норманнов, и доведенные до отчаяния их постоянными раздорами, отправили посольство за море в поисках князей, которые могли бы управлять ими и защищать их! “Интересы порядка и внутреннего спокойствия”, - говорит уже цитировавшийся историк^[12], “побудили их поступиться своей национальной гордостью: славяне, как гласит предание, под влиянием совета престарелого жителя Новгорода, потребовали от варягов монархов. В наших древних летописях этот мудрец не упоминается, но, если предание верно, его имя достойно бессмертия и славного положения в нашей стране”. Похоже, что новгородцы и кривичи были союзниками финских племен на границах Финского залива и, как и они, данниками варягов. Подчиняясь в течение нескольких летодним и тем же законам, они могли бы легко сблизить узы союза, который раньше объединял их. Так, согласно Нестору, они отправили посольство за море к варягам, говоря: “Наша страна обширна и плодородна, но мы - добыча анархии: приходите же править, властвовать над нами!” “Три брата, Рюрик, Синеас и Трувор, одинаково прославленные происхождением и доблестью, согласились взять бразды правления над народом, который не знал, как распорядиться свободой, завоеванной их собственными десницами. Сопровождаемые большим отрядом скандинавов и готовые защищать силой оружия свои собственные суверенные права, эти амбициозные братья навсегда покинули свою собственную страну. Рюрик обосновался в Новгороде; Синеас в Бело-Озере, среди весов, или финнов; а Трувор в Изборске, городе кривичей”. Внутренняя неправдоподобность этого отношения в связи с полным отсутствием для него авторитета должна обеспечить его неприятие каждым критиком.

Зарубежные историки России, хотя и опирающиеся на российский авторитет, дали единственно рациональную версию этого события. Они уверяют нас, что после того, как три брата помогли Новгороду смирить ее врагов, они не спешили покидать страну. Недалеко от слияния Волхова с водами Ладоги Рюрик построил город, давший свое название этому озеру; и, укрепив его, решил сделать его отправной точкой для своих задуманных завоеваний. Его намерение было слишком очевидно для жителей Новгорода, которые начали принимать меры для своей защиты. Варяги не меньше стремились воспользоваться своим превосходством в вооружении; и чтобы добиться своей великой цели, они объединили свои силы и двинулись на город. Торговый народ редко бывает воинственным. Жители громко выражали свою решимость скорее похорониться в своих домах, чем сдаться; но когда грозный враг появился у их ворот, они предпочли подчиниться и с этого момента принимали его в своих стенах как суверена. Так республиканское правление сменилось монархическим, деспотизм - анархией. Тем не

менее Рюрик действовал с большой осторожностью и постарался, чтобы тяжесть его власти как можно меньше ложилась на людей, которых он подчинил. Он учредил совет из главных жителей, с которыми в течение некоторого времени консультировался по каждому важному делу; и хотя он возложил большинство ответственных должностей на своих собственных последователей, его влияние, одновременно умеренное и твердое, было преимуществом для народа. Его титул великого князя свидетельствует о его широких амбициях. Два его брата были принцами; так же как и некоторые другие, которых он поставил во главе местных органов власти; но они были всего лишь его вассалами, и их феоды подчинялись ему как своему суверену. Действительно, вскоре после своего возвышения оба брата умерли, и Рюрик присоединил их государства к своим собственным. И он, и они, должно быть, были завоевателями, ибо за несколько лет его власть распространилась от северной оконечности Ладожского озера до западной Двины и на восток до пределов Ярослава.

Но до смерти Рюрика норманнское господство распространилось даже на Киев. Двое из его последователей, Аскальд и Дир, очевидно, имея какие-то причины для недовольства, покинули Новгород с намерением сделать то, что сделали многие другие скандинавы, — предложить свои мечи греческому императору. По дороге они увидели небольшой городок, построенный на возвышенности над Днепром; и когда они спросили, кому он принадлежит, им сказали, что он был основан тремя братьями, умершими задолго до этого, и что он населен тихим, безобидным народом, который платил дань хозарам. У вождей был военный взгляд: они сразу поняли важность такой позиции; что она могла стать центром владычества, возможно, такого большого, как владычество Новгорода; и с вооруженными силами, которые они вели, они захватили это место врасплох. Через несколько лет к ним присоединилось большое количество их соотечественников, как из этого города, так и из Скандинавии. Действительно, это был период, когда Харальд Харфагр укреплял свою империю, низложив норвежских вождей и обеспечив спокойствие изгнанием наиболее распушенных пиратов. Тысячи и десятки тысяч людей, должно быть, в этот период покинули Норвегию в поисках нового жилья. Поэтому вскоре Киф стал очень густонаселенным и настолько уверенным в своей силе, что послал своих сынов-пиратов к самым воротам Константинополя. Деньги заставили их отступить. Господству хозар над Киевом пришел конец. Введение христианства в этом городе не сильно смягчило свирепость норманнов: многие приняли мессу, не отказавшись от своего бога-воина.

[882.]

Создание двух империй в России вскоре было признано неполитичным. После смерти Рюрика и во время совершеннолетия его сына Игоря Олег, которому он доверил управление, решил присоединить Киев к северному княжеству. По пути регент захватил Смоленск и Любеч; но, достигнув берегов Днепра под этим городом, он увидел, что он слишком укреплен, чтобы быть взятым силой, и прибегнул к хитрости. С помощью мнимого посольства он заманил двух принцев в свою власть и предал их смерти. Другие завоевания Олега и его успешные усилия по консолидации не менее чем расширению молодой империи следует искать в истории этой империи. Достаточным для нашей цели является тот факт, что эти предприимчивые люди установили в России суверенитет, который существует до сих пор. Семья Рюриковичей занимала трон этой империи более семи столетий, вплоть до восшествия на престол нынешней династии Романовых.^[13]

10. *Германия, Бельгия, Испания, Италия, Греция и т.д.*— В языческую эпоху норманны были на побережьях всех этих стран, которые они с успехом разоряли. Их визит в Италию, однако, был лишь кратковременным. Гастингс, их предводитель, всего лишь напал врасплох на город в устье Тибра и вернулся в Галлию, куда его пригласила более богатая добыча. В Испании скандинавы проживали много лет. Важный город Севилья находился в их власти, и из него они совершали частые и самые разрушительные набеги на соседние провинции. Долгое время они были слишком могущественны, чтобы быть изгнанными монархом Кордовы, хотя этим монархом был не кто иной, как великий Абдерахман. Также и на побережье Галисии, согласно древним хронистам Кастилии, они останавливались на некоторое время и причиняли много зла подданным преемников Пelayo. В Бельгии и Испании их опустошительные действия были более частыми и жестокими; фактически, они не прекращались до тех пор, пока север не стал христианизированным. Но хотя об их грабительских экспедициях можно было бы составить целый том, они вряд ли заинтересуют читателя, как потому, что описание одной - это описание всех, так и потому, что они не оставили после себя постоянных или важных результатов. В экспедициях, которые мы уже рассматривали, можно найти такие результаты. В Англии они привели к образованию независимого королевства в Нортумбрии, вынудили даже Альфреда уйти в частную жизнь и в конечном итоге возвели на трон датских монархов. Во Франции они привели к отделению Нормандии и Бретани от короны. В Ирландии они дали начало многим княжествам и продолжали на протяжении веков в высшей степени влиять на судьбу этой страны. На Оркнейских островах они привели к основанию могущественной династии и породили выносливую расу людей, которые до сих пор владеют этими островами. В Исландии был тот же результат; и Исландия тоже стала, что для литературы важнее, убежищем норвежского языка, религии и образования. В Гренландии они основали колонию, просуществовавшую более трехсот лет. В России они заложили фундамент величайшей империи, которую когда-либо видел мир. Даже в Северной Америке, какими бы преходящими или неизвестными ни были результаты, которые они принесли, они демонстрируют явление столь же любопытное, сколь и интересное, — горстку воинственных пастухов или отважных моряков, пересекающих широкую Атлантику и пытающихся внедрить свои собственные институты среди дикарей другого мира. Нотеми, которые предпринимались в странах до нас, руководили не великие умы, и их мотивом была лишь низменная выгода. Следовательно, обстоятельства, которые их сопровождали, могут, если нас что-то волнует, погрузиться в забвение.^[14]

ГЛАВА V.^[15]

КОСМОГОНΙΑ И РЕЛИГИЯ СКАНДИНАВИИ.

Введение.

ДВЕ ЭДДЫ, СТАРШАЯ И МЛАДШАЯ, ПОЭТИЧЕСКАЯ И ПРОЗАИЧЕСКАЯ.—СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ.—РАЗДЕЛЕНИЕ НА КЛАССЫ. 1. МИСТИЧЕСКАЯ. 2. МИФОЛОГИЧЕСКИ-

ДИДАКТИЧЕСКИЙ. 3. ЧИСТО МИФОЛОГИЧЕСКИЙ. 4. МИФО-ИСТОРИЧЕСКИЕ.—
СТИХОТВОРЕНИЯ КАЖДОГО КЛАССА.—ЭДДА В ПРОЗЕ.—СНОРРО СТУРЛЕСОН.

Религия древних норманнов, которая, хотя и имеет много общего с другими религиями, все же обладает достаточным количеством собственных особенностей, чтобы составить из нее отдельную систему, всегда считалась наиболее интересным и курьезным предметом исследования не только на севере Европы, но и в Англии, Германии и Франции. Однако до последних нескольких лет популярные представления об этом были расплывчатыми и неточными; и по лучшей из всех причин — из двух источников, из которых только и можно было почерпнуть о нем полные сведения, один был опубликован небрежно, а другой частично.

Два произведения, на которые мы ссылаемся, — это две Эдды, Старшая и Младшая; первая приписывается Семунду, другая Снорро, сыну Стурло, оба исландцы и оба христиане, — один родился в одиннадцатом, другой в двенадцатом веке.

Семунд, которого из-за его разнообразных знаний прозвали *хин Фроде*, или Ученый, и которого, по крайней мере, потомки считали волшебником, имел больше преимуществ в образовании, чем мы могли ожидать от исландца того далекого периода. Нам сказали, что он учился и во Франции, и в Германии и, как предполагается, посетил Рим. По возвращении он поселился в Одде, в северной части острова, принял священный сан, и ему было доверено исцелять души. Однако большая часть его времени была посвящена воспитанию молодежи и литературным занятиям. То ли, поскольку христианство не так давно утвердилось на этом отдаленном острове, он все еще находился в какой-то степени под влиянием сохраняющегося духа язычества, то ли (более вероятное предположение) вкус, превосходящий эпоху, в которую он жил, побудил его сохранить, а не уничтожить оставшиеся памятники язычества, но мы в долгу перед ним за одну из самых любопытных книг, которые когда-либо привлекали внимание человеческого разума. Это была "Старшая Эдда", первая часть которой была впервые опубликована в 1787 году. Вторая часть не выходила из печати до 1818 года, а третья — до 1828 года. Таким образом, ни один писатель до этих лет не мог иметь должного представления об этом почтенном собрании произведений или, следовательно, о религии, которую они иллюстрируют. К преимуществам, которые дает современному студенту их публикация, следует добавить обширную эрудицию Финна Магнусена, редактора третьей или последней части, чей мифологический словарь и критические диссертации (особенно та, которая подробно посвящена "Доктрине Эдды и ее происхождению") не только исчерпали тему, но и указали на многие сходства между скандинавской религией и религиями самых знаменитых народов как древности, так и современности.

Старшая, или Поэтическая Эдда, состоит примерно из сорока поэм — все анонимные, все, за одним исключением, языческие сочинения, хотя и написанные в разные периоды, самые последние из них несут на себе отпечаток значительной древности. Они были распределены, возможно, несколько произвольно, на четыре разных класса, в соответствии с характером предметов. Это—1. мистический; 2. мифолого-дидактический; 3. чисто мифологический; и 4. мифолого-исторический.

1. Из мистического класса наиболее выдающейся является *Волуспа* (*Voluspa*), оракул Вала-пророчица. Это краткое, отрывистое и очень мрачное описание всей системы, начиная с сотворения мира и заканчивая уничтожением вселенной огнем. Однако все сущее не должно быть уничтожено: две личности, мужчина и женщина, должны быть спасены и стать

прародителями нового и более справедливого мира. Следует отметить, что в скандинавских, как и в греческих и римских суевериях, женщинам приписывается высшая святость. Они одни знали судьбу; даже Один должен был советоваться с ними, когда хотел заглянуть за темную тучу, скрывавшую будущее не только от богов, но и от человечества.

В *Grougaldor*, или волшебной песне Гроа, есть еще один из этого класса. Он состоит из терминов и предписаний, использование которых заключается в создании самых поразительных сверхъестественных эффектов. Эти “слова могущества” не были характерны для поклонения Одину. Они еще глубже проникают в то, что установил Зороастр, между которым и северным пророком больше точек сходства, чем ученые до сих пор могли разглядеть. Оба, например, претендовали на магические способности, потому что оба обнаружили, что эти притязания уже существовали, когда они начинали свою соответствующую карьеру; и ни один из них не желал, чтобы его считали ниже членов жреческой касты, которую он взялся ниспровергнуть. Магия финнов и летса Одина заклеена как *черная* магия — как привитая силами тьмы во вред человечеству; но *его* магия была белой, чистой, королевским искусством. Он нашел школу, уже основанную на севере, и при всей своей власти он не мог полностью искоренить ее. Кажется, действительно, есть основания предположить, что он потворствовал объединению многих местных обрядов со своими собственными; или, по крайней мере, что если он этого не сделал, то это сделали его непосредственные преемники. Именно так было с известным Магом. Размышляя о происхождении его религии, мы можем либо улыбаться, либо поддаваться раздражению при виде чудес, которые повсюду встречаются нам. Это религия магии; она хвастается сверхъестественными способностями; она открыто признает не только возможность, но и необходимость чудесных результатов, когда должным образом произносятся слова могущества, которые она предписывает. И если чудеса и умопомрачения составляют его особый характер даже в наши дни в сравнительно цивилизованном Индостане, то они были вдвойне необходимы, когда Зороастр впервые объявил об этом миру. К ним он смело взывал о правдивости своей миссии. Чудеса, предшествовавшие и сопровождавшие его рождение, можно увидеть в подробном рассказе о нем, предваренном Анкетилем дю Перроном к его переводу “Зендавесты”. На протяжении всей своей жизни, если верить его биографам, он творил чудеса или делал вид, что творит, используя свои магические термины. И все же он превзошел даже Одина в рвении, с которым он выступал против магии своих соперников. Против магов были обрушены его самые страшные проклятия; против них он вел войну на уничтожение и оправдывал свою враждебность тем, что утверждал о явном повелении небес. Но они были слугами Аримана, непримиримыми врагами Ормузда — всего хорошего, всего, что исходит от благожелательного божества. В их руках магия, несомненно, становилась орудием зла; но в руках его самого и его учеников она не могла не стать инструментом счастья. В первом случае это должно быть фатально, во втором - в высшей степени полезно для человеческой природы: отсюда необходимость уничтожения в одном случае того, что должно благочестиво поддерживаться в другом. Таково же было поведение Одина. Однако между двумя законодателями было такое различие: в то время как мидиец считал женщин абсолютно нечистыми и доверял совершение всех своих обрядов, магических или религиозных, мужчинам; скиф оказывал особое почтение полу: женщинам разрешалось, предписывалось совершать самые торжественные, самые ужасные церемонии новой веры. И все же мужчины не были лишены этой привилегии. Колледжи или братства волшебников существовали с самых ранних известных периодов скандинавской истории, вплоть до времен Харальда Харфагера или даже еще позже. Рогневальд, сын этого монарха, был сожжен заживо вместе с восемьюдесятью

своими соратниками по обвинению в применении магии, осужденной Одним и исходящей от злых сил.

The Солнечный люд, или Песнь Солнца, почти полностью принадлежит Семунду. Но тогда он черпал свои материалы из древних языческих времен.

2. Из мифодидактических поэм первое место вполне может быть отведено *Вафтруднис-малу*. Она, как и многие другие произведения *Odinic*, написана в форме диалога. Один выражает свое решение посетить Вафтруднира, знаменитого великана или гения, и сразиться с ним в науке. Фригг, его королева, “которой известно будущее”, пытается отговорить его от путешествия, потому что “никто из гениев не может сравниться с Вафтрудниром в мудрости и доблести”. Если Один будет побежден в состязании, он должен погибнуть, а вместе с ним и все боги, которые зависели от него. Но он упорствует, принимает облик усталого путника и направляется во дворец мудрого великана. Однако на этом стихотворении мы не будем распространяться, поскольку его перевод можно найти в одном из томов настоящего сборника.^[16] Это состязание между главой богов и гигантом происходит из того же источника, что и война титанов с Юпитером.

Гримнис-мал, или Песнь Гримнера, относится к мифодидактическому классу. Гримнер - не кто иной, как Один, принявший облик престарелого менестреля с целью, объясненной исландским вступлением к поэме. У короля Родунга было два сына, одному восьми, другому десяти лет. Однажды они сели в лодку, чтобы провести несколько часов за рыбной ловлей. Поднявшийся шторм унес их в незнакомое море и выбросил на незнакомое побережье. Подойдя к хижине, они были гостеприимно приняты хозяином и хозяйкой, которые казались деревенской парой, но на самом деле были Одним и Фригг. Агнер, старший, был любимцем последнего, Гейрред, младший, - первого. В хижине они оставались всю зиму, а когда наступила весна, их отвели к морскому побережью и посадили на новое судно, подаренное им хозяевами. Прощаясь, деревенский мужчина прошептал что-то на ухо Гейрреду. Смысл этого секрета можно понять по поведению принца, когда он достиг берега. Выпрыгнув на берег, он оттолкнул лодку, крикнув своему брату Агнеру: “Иди туда, где злые духи могут схватить тебя!” Вернувшись ко двору своего отца, он обнаружил, что того больше нет, и его немедленно провозгласили королем страны. С другой стороны, Агнер был среди великанов или злых гениев и женат на женщине этой ненавистной расы. Поэтому велик был контраст между судьбами этих двоих; и однажды Один с высочайших небес с триумфом указал на это своей богине-королеве. Фригг заявила, что Гейрред не заслуживал такой удачи, что он был скрягой, морившим голодом своих иждивенцев и гостей. Бог отказался поверить в это; и когда она настаивала на своем, он принял смертную форму, чтобы провести эксперимент. Но какой мужчина может сравниться в хитрости с женщиной, богом или богиней? Фригг отправила одного из своих доверенных гонцов к Гейрреду, сказав ему быть настороже против мудрого волшебника, находившегося тогда в его владениях, который решил уничтожить его: этого волшебника можно было узнать по одному знаку — ни одна собака не лаяла на него. Поэтому был отдан королевский приказ натравливать собак на всех, кто приближается ко дворцу, и тот, на кого они откажутся напасть, должен предстать перед ним. К нему привели человека, одетого всинюю шкуру, и допросили; но незнакомец не дал никакого другого ответа, кроме того, что его зовут Гримнер. В великом гневе король поместил его между двух больших костров — безошибочный способ обнаружить волшебника - и приказал, чтобы он не получал никакой пищи. Там он оставался восемь дней и восемь ночей, страдая от жары и жажды, когда Агнер, сын Гейрреда, десятилетний мальчик,

сжалился над ним и подарил ему полный рог, заметив, что его отец поступил неправильно, наказав таким образом невинного человека. Здесь начинается пьеса: Один восклицает, что огонь горяч; и пророчествует, что царственный юноша вскоре получит за эту службу скипетр готов. Затем он продолжает — несколько странно, ведь только бессмертные существа могут иметь привилегию говорить или делать все, что им заблагорассудится, — последовательно описывать двенадцать небесных обителей. (К этому описанию мы вернемся позже, когда попытаемся объяснить космогонию скандинавов.) В заключение он объявил, кем он был; и что смерть Гейрреда была близка. В великом страхе король встал, чтобы освободить божественного прорицателя; но, споткнувшись, острие его меча вошло в его тело, и Агнер был немедленно провозглашен.

Поскольку многие поэмы Эдды в дальнейшем займут наше внимание, мы лишь отметим, что *Алвис-мал*, или песня о карлике Алвисе; *Хиндлу-лиод*, или песня о Хиндле; и *Фиолсвиннс-мал*, или история о Фиолсвинре, принадлежат к тому же классу и в равной степени связаны с мифологическими сюжетами. Во втором из них также упоминаются имена некоторых норвежских ярлов, которые прослеживали свое происхождение от божественного источника. *Хава-мал*, или возвышенная речь Одина, завершает этот класс стихотворений. Частично она состоит из моральных предписаний, некоторые из которых очень хороши; в то время как другие продиктованы умом, скорее хитрым, чем мудрым; и частично из чудесной силы, присущей определенным рунам. К последнему у нас нет вкуса; к первому можно привести полдюжины образцов.

“ Не оставайся долго гостем в чужом доме, ибо тот, кто делает это, становится обузой для своего хозяина”.

“Тайну может хранить только *один* человек — тот, кого она касается. Если это знают двое, возникает опасность; если это знают трое, это уже не секрет”.

“Будь другом друга твоего друга, но ни в коем случае не другом друга твоего врага”.

“Если у тебя есть настоящий друг и ты ничего от него не скрываешь, соедини свое сердце с его сердцем, обменивайся с ним подарками и почаще навещай его. Нехоженная тропинка скоро зарастает”.

“Если у тебя есть друг, которому ты не можешь доверять, но все же хотел бы получить от него пользу, говори с ним откровенно, но сохрани свою тайну: отвечай ему ложью на ложь”.

“Не верь слову женщины: ее сердце подвижно, как колесо, которым она вращается, и обман лелеет она в груди”.

“Дитя старости - самое ценное”.

“Отары и табуны гибнут; то же самое происходит с друзьями и сородичами; такова будет наша собственная участь. Но есть одна вещь, которая никогда не исчезнет, — слава хорошего человека”.

3. Поэмы чисто мифологические относятся к более интересному классу. В *Гимиде*, или песне о Гимире, описывается развлечение, устроенное Эгиром, морским богом, божествам скандинавского Олимпа. У Эгира, к его великому огорчению, нет котла, достаточно большого, чтобы сварить медовуху для таких измученных жаждой гостей; и Тор идет одолжить или украсть

один из них у великого Гимира. Это развлечение породило еще одно стихотворение, *Лока-глеспа*, или ссора Локи с собравшимися гостями. Это любопытно, поскольку показывает, какого мнения о богах придерживался кто-то из их числа. Более оригинальным произведением является *"Хамарс-хаймт"*, или возвращение молота Тора, который украли гости и который Трим, один из них, закопал на глубине восьми миль под поверхностью земли. В *"Рафна-галдур-Один"*, или "песне ворона Одина", описываются причитания богов по поводу их приближающегося уничтожения. *Скирниры-ибо*, или путешествие Скирнира в область великанов в поисках жены для Фрейра, одного из богов, является наглядным и поразительно иллюстрирующим северную мифологию. В *"Вегтамс-гиде"*, или "Песне путешественника", рассказывается о нисхождении Одина, чтобы посоветоваться с очарованной пророчицей Валой относительно судьбы Бальдра. Этот фрагмент мы уже перевели.^[17]

Весьма вероятно, что большинство предшествующих стихотворений были написаны в период, затерянный в глубинах древности, и в регионе, менее удаленном от колыбели человечества, чем Скандинавия. Таковы волупса, Вафтруднис-мал, Гримнис-мал, Алвис-мал, Рафна-галдур-Один и Вегтамс-гида. Что касается Гимис-гвиды, Хамарс-хеймта, Скирнирс-фора, Хиндлу-лиода и др., то они не несут на себе отпечатка столь высокой древности: предполагается, что это творения северной музыки. У них есть свой интерес, но этот интерес гораздо сильнее, когда мы читаем старые произведения. Один из ныне живущих авторов сравнил их^[18] "с органическими остатками, обломками более древнего мира; или с гигантскими руинами Египта и Индостана, говоря языком более совершенной цивилизации, слава которой давно миновала". Мы не видим, однако, никаких оснований предполагать эту "более совершенную цивилизацию": нация или люди, которые знали такие доктрины, возможно, были достаточно невежественны, в то время как их священники были сравнительно образованны. Восточный отпечаток, который они несут, не может быть ошибочным; еще меньше мы можем упускать из виду крайнюю древность, на которую они могут претендовать. Родственные древнейшим суевериям Рима, Греции, Персии, они, должно быть, происходили из одного общего источника.

4. Мифо-исторических поэм существует множество. В них магия настолько соединена с обычным знанием жизни, сверхъестественное - с человеческим, что мы склонны отвергать даже то, что имеет реальную историческую основу. В этом отношении, однако, они подобны поэмам всех героических эпох и заслуживают не большего осуждения, чем поэмы Гомера или Индостана. Более интересным фактом является то, что из этих легенд возникло большинство великих тевтонских вымыслов, украшающих историю Нибелунгов, и многие даже из тех, которые мы называем романтическими или рыцарскими. Вероятно, эти инциденты представляют собой искажение реальных фактов, произошедших в период, приближающийся к периоду правления Аттилы и его гуннов, чьи подвиги привлекают внимание северной музыки. Некоторые из них, как мы знаем, исполнялись при дворе норвежского короля Олафа Трюгвесона. Однако было бы нетрудно проследить другие до более высокого источника, чем эпоха Аттилы, — до источника, откуда были почерпнуты героические классические знания Греции; и другие снова имеют заметное сходство с легендами "Тысячи и одной ночи".

В прозе, или младшей Эдде, которую обычно, но, возможно, ошибочно, приписывают Снорро Стурлесону, также есть много подобных рыцарских или мифо-исторических сюжетов. Об этом почтенном памятнике древности мир не мог составить справедливого представления до 1818 года, когда замечательный ученый профессор Раск опубликовал свое издание. Издание Ресениуса — единственное, ранее известное в Европе, — представляет собой несовершенный

труд, заимствованный из искаженных рукописей. и примечания Скальдов часто путают с текстом. Она состоит из нескольких частей. В *Формали*, который является введением, есть много легенд и басен, касающихся происхождения народов, особенно скандинавских. Очевидно, что они взяты как из азиатских, так и из европейских источников. После введения начинается *выращивание Гильфы*, или обман Гильфы. Этот персонаж был королем Свитиофа (часть Швеции) и известным магом, главой местного магического колледжа, который Асер пытались ниспровергнуть. Чтобы объяснить их превосходящую силу, результат их высшей мудрости, он решил переодеться и сразу же отправиться к колыбели Азеров на востоке. Под именем Ганглер (путешественник) он достигает небесного города и находит оракула, способного разрешить все его сомнения, устранить все его невежество. На каждый из его вопросов дан полный ответ, объясняющий мифологию старшей Эдды, иллюстрированный выдержками из "Волуспы", "Хава-маль" и предсказаниями скальдов. Эта часть произведения по своему замыслу и отчасти по исполнению настолько похожа на Вафтруднис-мал из "Старшей Эдды", что, должно быть, была заимствована из нее или из источника, общего для обеих. *Вторая* часть прозаической Эдды, называемая *Брага-рэдар*, содержит декламацию своих лучших произведений божественным Брагой на пиру у морского бога Эгира. *Эптимали* - это своего рода эпилог, написанный исландскими поэтами непосредственно перед Снорро или, возможно, самим Снорро. Это попытка объяснить многие басни Эдды обстоятельствами Троянской войны. В дополнение ко всем этим предметам, у нас есть *Скальда*, которая является разновидностью *поэтического искусства*, для студентов, изучающих поэзию.

Упомянув прозаическую "Эдду", мы, естественно, обращаемся к ее известному составителю Снорро, сыну Стурле, который также был составителем "Хеймскринглы", нашего единственного надежного путеводителя по истории севера вплоть до 13 века. Этот необыкновенный человек родился в 1178 году недалеко от залива Хоамс-фиорд, во владениях своей семьи. Следовательно, он был более чем на столетие позже Семунда, который родился между 1050 и 1060 годами. Его происхождение было знаменитым; его можно было проследить до древних инглингов и ярлов Мории. На четвертом курсе его отправили в Одде, который, как мы уже сообщали ранее,^[19] был резиденцией этого замечательного священника; и, как ни странно, он получил образование под руководством внука Семунда, Джона Лоптстона. Здесь он оставался до своего двадцатилетия и был обучен греческому языку не меньше, чем римской литературе. Коллекции рукописей, созданные Семундом и Ари Фроде, вызывали у него восторг; и им он был обязан главным направлением своей жизни. В 1197 году он покинул Одде и, женившись на дочери богатого священника, значительно увеличил свое родовое наследство. Удача улыбалась ему во всем; через несколько лет он стал самым богатым человеком на острове; и когда он появлялся на празднике, его обычно сопровождал отряд из нескольких сотен всадников. В 1202 году он перенес свою резиденцию из Борга, одного из своих родовых поместий, в поместье Рейхольт, которое он также унаследовал. Это место он укрепил — доказательство того, что смертельная вражда была обычным явлением, — и украсил его работами, которые в равной степени свидетельствовали о его гении и богатстве. В 1213 году он был возведен в достоинство логсогомадра^[20], или главного судьи острова. Ни один человек не мог быть лучше подготовлен к обязанностям, природа и происхождение которых отнимали у него так много времени. В 1218 году он посетил Норвегию, где был хорошо принят королем и знатью. Его слава, действительно, опередила его. Среди его поэтических сочинений было несколько од в честь великих; и они (поскольку лесть везде оказывает одинаковое действие) принесли ему много ценных подарков не только в Норвегии, но и в Швеции. Его пребывание в

Западном и Восточном Готланде, несомненно, было вызвано его желанием собрать всю информацию, которую традиция и, возможно, рукописи могли предоставить ему о его предках и инглинских принцах. Но его патриотизм, похоже, уступал его гению. Несомненно, что он вступил в заговор с целью полного подчинения своей страны норвежскому двору. В 1220 году, обогащенный и почитаемый, он вернулся в Исландию; но мы больше не видим в нем тех замечательных качеств, которые привели к его избранию в 1213 году. Алчный, надменный, мстительный, он наживал врагов со всех сторон и в 1237 году был вынужден искать убежища от их ярости. Он снова отправился в Норвегию, где застал одного из своих старых покровителей, ярла Скуле, замышлявшего коронацию королевства. Этому заговору он отдавал предпочтение; он даже написал стихотворение в поддержку притязаний этого дворянина. Тем не менее, он также льстил королю, от которого получил титул ярла. Но у него были более глубокие замыслы, чем подозревали ни Скуле, ни король; и вскоре некоторые из его интриг стали известны этому монарху. Ему было запрещено плыть в Исландию; и когда он отбыл вопреки этому запрету, его зятю Гиссуру Торвальдсону были отправлены секретные инструкции схватить его и отправить связанным в Норвегию; или, если это окажется невозможным, предать его смерти. Поведение Гиссура ясно иллюстрирует, до каких пределов может дойти вражда в варварскую эпоху. Хотя он был так близко связан с историком, хотя в прошлом был самым близким из его друзей, он выполнил самую жестокую часть предложения. Огромное богатство Снорро, без сомнения, было одним из стимулов к кровавому деянию; но это, должно быть, было ниже чувства мести. Его меры требовали осторожности, ибо Снорро был силен; и чтобы быть готовым, нужно было только предупредить. В его замысел проник один из друзей Снорро, который в руническом письме предупредил его об опасности. Но этого письма поэт понять не мог; нам говорят даже, что он не мог его прочесть; и что все, кому он его показывал, в равной степени не могли его расшифровать. Как бы то ни было, Торвальдсон, шедший во главе сильного отряда мужчин, принадлежащих к клану, враждовавшему со своей жертвой, поспешил в Рейкхолт, где застал врасплох и убил благородного владельца 22 сентября 1241 года.

Снорро, как мы уже отмечали, является известным собирателем прозаической "Эдды" и "Хеймскринглы". Кажется, он был всего лишь коллекционером; но он проявил большую проницательность в выборе, аранжировке и модернизации поэтических композиций, которым он следовал. Для его истории, не меньше, чем для его мифологии, языческие скальды были его авторитетами.

Вот и все, что касается вопроса чисто вводного характера. На основе двух Эдд, подкрепленных комментариями лучших ученых севера, мы представляем читателю наиболее поразительные черты космогонии и религии скандинавов; и сопровождаем их такими размышлениями, которые могут показаться необходимыми, чтобы показать их происхождение и природу.

РАЗДЕЛ I.

СКАНДИНАВСКАЯ ВСЕЛЕННАЯ, ЕЕ МИРЫ И ИХ ОБИТАТЕЛИ В ЦЕЛОМ, С ФИЗИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ.

СОТВОРЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ.—ИМЕР.—ГИГАНТЫ.—БОГИ.—ДРУГИЕ СУЩЕСТВА.—ДЕВЯТЬ МИРОВ С ИХ ПОЛОЖЕНИЕМ И ФИЗИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ.—ДВЕНАДЦАТЬ ДОМОВ АСГАРДА.—СВАРТАЛЬФАХЕЙМ.—ОБИТАТЕЛИ ДЕВЯТИ МИРОВ.—АСЕР.—ВЕВЕР И Т.Д.

В "Волуспе", или "Песне о Пророчице", Вала, которая, вероятно, является Урдой, Норни прошлого, восседая на высоком троне и окруженная божествами, знакомит их с чудесами творения и предназначением, уготованным им всем, — разрушением. В Гримнис-мале^[21], Один дает похожий отчет о происхождении всех вещей; и на протяжении всей старшей Эдды мы встречаем ссылки на те же доктрины. Из них была выведена связь в младшей, или прозаической, Эдде, достоинством которой является то, что она гораздо яснее. Согласно обоим, вначале на месте мира существовала огромная пропасть, Гиннунга-гэп, которая ничего не содержала. Но к северу от этой бездны был другой мир, называемый Нифлехейм, холодный и туманный. В нем не было ничего, кроме источника Вергельмер, из которого в бездну впадали одиннадцать великих рек. Они назывались Эливагар (холодные воды), и их ручьи были ядовитыми, так как были холодными. По мере того как они текли дальше, из-за холода их течение становилось все более медленным, так что, достигнув центра пропасти, они превратились в лед. Они все текли, и лед все увеличивался, пока не заполнился весь Гиннунга-гэп. Что можно было сделать из таких материалов? Необходимо было создать какую-то другую силу, прежде чем могла сформироваться видимая вселенная. Это северное царство, Нифлехейм, в котором не было ничего, кроме источника, которое не имело никаких качеств, кроме холода, которое было покрыто тьмой, само по себе ничего не могло произвести; оно могло только направить вялые ядовитые воды в центр бездны. Мы можем заключить, что эти воды были вечными; но мы не можем сделать вывод, как долго скапливался лед, когда начались настоящие события творения. Источник этого творения находится в другом регионе, или, скорее, в мире, Муспельхейме, который лежал далеко к югу от Гиннунга-гэпа, и который был невыносимо жарким, — более жарким, чем холодный Нифлехейм. Следовательно, происхождение этой земли и ее обитателей было работой этих двух сил, тепла и холода, воздействовавших на ядовитые воды, лежащие между ними. (Мы предполагаем, что Муспельхейм с его многочисленными огненными обитателями и их могущественным главным Суртуром, темным, непостижимым, великим принципом зла, не имел начала; или, если оно и было, теологи Одиниана не были знакомы с ним.) То, что было заморожено одним воздействием, было разморожено другим. Вероятно, прошло несколько столетий, прежде чем жар от огненной империи Суртура превратил огромную массу в жидкий элемент. Из этой стихии произошел великан Имер в результате процесса зарождения, который северные мудрецы не удостоивают объяснения; и его огромное тело заполнило немалую часть бездны, как вскоре станет ясно из использования его труп. Этот гигант породил других. Как? В результате процесса, не менее странного, чем тот, который привел к его появлению. Пока он спал, из его левой подмышки вылезли самец и самка; и он тоже имел счастье, потеряв одну ногу о другую, произвести на свет сына. Почему у римтурзеров, или ледяных великанов, должно было быть *три* предка, когда, по нашему скромному представлению, двух было бы достаточно, - это еще одна тайна, в которую мы не будем пытаться проникнуть. Как все они питались, учитывая, что не было создано никакого пищевого вещества? Верховным Существом, Великим Альфадуром, была создана корова с четырьмя сосками, и из них текли четыре реки молока. Сама корова подкреплялась тем, что лизала соленые камни, на которых все еще лежал иней. Но это служение не исполнило ее предназначения; она должна была вызвать к существованию новую расу. Когда она лизала один день, появлялась шерсть; когда она лизала два, появлялась голова; когда три, появлялось целое животное — человек или гигант по имени Буре. Этот Буре, в свою очередь, стал отцом (вероятно, от брака с потомком Имера) Бура, или Борра, или Боре, который был более знаменит, чем любой из его предшественников. Его сын женился на женщине из расы великанов по имени Бестла, и от нее родились три бога: Один, Виле и Ве. Задолго до того,

как они родились, они убили старого великана Имера. Его крови было достаточно, чтобы утопить всю расу великанов, за исключением Бергельмера и его жены, которые уплыли в горы и стали прародителями новой расы великанов. Теперь труп был брошен в ущелье Гиннунга; и из него были созданы небо и земля. Итак, Гримнис-мал:—

Из плоти Имера

Была ли образована земля;

Море из его крови,

Холмы из его костей,

Растения из его волос,

Небеса из его черепа;

Из-под его бровей

Сформировал кротких богов

Мидгард для сынов человеческих.

Но из его мозга

Были густые облака

Все создано.

Это небо, сделанное из черепа великана, поддерживалось четырьмя карликами - Восточным, Западным, Северным, южным, а в одном из углов - живой колонной. (Что поддерживает землю или самих карликов, нам не сообщается). Огненные шары, которые поднялись из Муспельхейма и распространились по всему пространству, были теперь помещены тремя богами на небесном своде и образовали солнце, луну и звезды, чтобы освещать небеса и землю.

Большинство читателей согласятся с тем, что эти представления дикие и экстравагантные; но разве они не содержат физических истин? Разве они не были изобретены священниками древности, чтобы скрыть свою ученость от вульгарных взглядов? Давайте послушаем интерпретацию Финна Магнуссена, самого образованного, самого проникательного, хотя, во многих случаях, и самого дальновидного из северных комментаторов. Гигантский Имер, по его наблюдениям, олицетворяет хаотичное непереваренное состояние земли, вызванное совместным воздействием тепла и холода на воду. То, что вода была первой существующей материей, очевидно даже из священного Писания. Многие народы считали ее источником всего сущего. Мнения греческого философа по этому вопросу хорошо известны, но мы можем упомянуть орфический фрагмент, сохранившийся у Афинагора. Вода породила грязь; грязь породила чудовище с тремя головами — головой бога, льва, быка. Это чудовище, которое, однако, было божеством, снесло яйцо, верхняя половина которого образовывала небо, а нижняя - землю. От союза неба и земли произошли сначала три судьбы, а затем восставшие гиганты и циклопы, которые в конце концов были сброшены в Татарский залив. Греки, как и все другие народы, видели, как грязь, нанесенная водой, дает жизнь животным после того, как они некоторое время получали солнечное тепло. Следовательно, действие огня на осажденные

таким образом слизистые частицы было воспринято как порождающий принцип; и, несомненно, в системе Скандинавии нет ничего более иррационального, чем в системе Греции. Египетская система соответствовала этому. Первоначальный хаос; отделение грязи от воды; воздействие солнца или тепла на грязь; последовавшее за этим брожение; и происхождение животного существования - вот великие черты: в результате солнце было обожествлено не меньше, чем вода. В скандинавской, как и в других системах, некоторые виды материи были вечными. Вечными были туманы Нифлехейма и колодец Вергельмер; возможно, вечной была обитель Суртура, самого Суртура и его огненных духов. От благодетельного Альфадура не должно было исходить ничего злого; следовательно, мы предполагаем, что он не мог создать Муспельхейм или его обитателей; также он не мог породить ледяных великанов, которых подчеркнуто называют злыми: отсюда их происхождение из ядовитых вод Нифлехейма.

Если в отношении воды и огня космогония скандинавов была родственной космогонии других народов, то сходство с коровой было столь же велико. “Нам не нужно удивляться,” замечает Магнуссен, “ что люди выбрали быка, самое полезное и широко распространенное животное, с которым они были знакомы, в качестве космического символа в его различных формах. Корова, вероятно, была нашей первой кормилицей; и древнейшие народы, особенно индусы и египтяне, относились к ней с религиозным почитанием и называли ее матерью человечества. Когда люди применили поэзию к космогонии, они возвели мифическую корову на место матери земли, или кормилицы. Такова наша Аудумбла. И если корова была матерью, то бык (как в Индии) вполне может считаться отцом: он распространял расу, тянул плуг, и в обоих случаях можно сказать, что он воспитывал или нянчил человечество”. У персов корова пользовалась еще большим почитанием, чем у скандинавов. Абудадом была земля, которую Джемшид (солнце) пронзил своим кинжалом. Корова была символом творения, инструментом, который Ормузд использовал для создания первого человека. Корова тоже получила душу Зороастра и передала ее в виде молока отцу пророка; но это представление было обычным для большинства людей. У кимбров в Италии был свой медный бык, на котором они клялись, точно так же, как египтяне клялись Аписом. Это был символ небес, точно так же, как корова была символом земли; считалось, что она является отцом, точно так же, как женщина была матерью всего сущего. Колесница Герты, или матери-земли, была, как сообщает нам Тацит, запряжена коровами. Иоганн Греков, вероятно, произошло от той же широко распространенной доктрины.

Корова, по словам Финна Магнуссена, является символом очищения атмосферы в скандинавских мифах осотворении мира. Это, однако, не очень ясно; и мы не видим большей справедливости в объяснении, данном происхождению Буре, — что облизывание соляных пород предвещает всплытие твердой земли из глубоких вод. В другой из своих аналогий он причудлив — это то, что делает Борр, или Борс, Эльборсом, Персидским Кавказом. Совпадение имен в большинстве случаев чисто случайно и ничего не доказывает. Возможно, наш комментатор более рационален, когда он говорит об Одине, Виле и Вэ, которых он превращает в воздух, свет и огонь. Три бога уничтожили Имер, то есть стихии, о которых идет речь, уничтожили хаос. Можно, однако, спорить о том, столь же ли он успешен в выводе этих трехслов; но во всем этом много изобретательности и некоторого правдоподобия. Греческий *αἰθήρ*, санскритский *атма*, тевтонский *атем*, все означающие воздух или дыхание, безусловно, родственны; и они, вероятно, совпадают с Отем, или Одином, или Воденом, у германцев. Но не так ясно, происходит ли слово *Odin* или *Woden* от латинского *vado*, проходить сквозь, пронизывать. Если бы эта этимология была установлена, у нас не возникло бы трудностей с представлением о том, что Один - это воздух, дыхание, душа мира. Тем не менее, тема

заслуживает рассмотрения; и читатель может принять ее или отвергнуть. Он будет менее склонен признать происхождение слова *Vilè*, которое кажется притянутым за уши. Мы также не совсем уверены, что *Вэ*, родственное *Весте*, следует принимать за элементарный *огонь* или, метафорически, *жизнь*. И все же по столь неясному вопросу мы не желаем высказываться догматично.

Уничтожение Имера и его потомства, злых великанов мороза, божественной расой, очевидно, относится к тому же мифу, что и поражение Титанов Юпитером; Аримана и злых гениев - Ормуздом и Амшаспандами. Суртур - скандинавский Ариман. Он является автором зла, а именно гигантов; и однажды ему суждено помочь в разрушении вселенной. Мы читаем о великом Альфадуре, другом, чем Один, которого иногда называют вечным. Приятно читать такие представления о Первопричине в такую эпоху. Об этом всемогущем, вечном и благотворительном Существо, которое намного выше всех миров, недоступно ни одному сотворенному существу, упоминается больше, чем одно в "Эдде Сэймунда". Таким образом, Хиндлу-мал, упомянув о гибели Одина вместе со всеми богами: —

И все же это произойдет

Еще более могущественный,

Хотя он

Я не осмеливаюсь назвать.

Дальше вперед

Немногие могут видеть,

Чем там, где Один

Встречает Волка.

Такие представления можно рассматривать как следы более чистого религиозного устройства - патриархального. Как изящно заметил выдающийся писатель-северянин^[22] — “Так звучит голос северной пророчицы, Валы, для нас неясный сквозь тьму веков. Оно говорит о других временах, других людях и идеях; будучи скованным узами суеверия, оно стремится к вечному свету и, хотя и несовершенно, выражает это стремление. Мы можем также узнать некоторые из тех могущественных умов, о которых говорит Пиндар, вечно странствующих по земле и морям. Такими звуками небо и земля возвещают о Вечном Существовании и в то же время о своей собственной смертности — истины, которые ни одно язычество не выразило так сильно, как скандинавское. Каким бы мрачным оно ни было, все же оно отсылает к Могущественному на небесах, который выше всех божеств природы, — к тому, кто могущественнее могущественных, кого оно не осмеливается назвать, — к тому неизвестному Богу, которому также поклонялись афиняне”. Мы можем, однако, усомниться в том, что это представление о Единой Первопричине, каким бы темным оно ни было, было привнесено Одним на север. В большинстве реликвий, оставленных нам древними язычниками, мы находим следы двух религий, отличных друг от друга, — обе из Азии, но не из одного и того же периода или из одного региона. Поклонение Тору, например, кажется гораздо более древним, чем поклонение Одину; и, возможно, до того, как было известно и то, и другое — до того, как свет патриархальной

истины полностью исчез с севера, - преобладала элементарная форма поклонения, самое древнее и наименее унижительное из всех суеверий.

Три бога, Один, Виле и Ве, были не единственными сотворенными существами. Помимо Бергельмера и его жены, от которых произошла новая раса великанов, в результате союза Борра с Бестлой, помимо трех божеств, появилось и другое потомство —

Горничная, такая добрая и справедливая

Хотя и рожден от расы гигантов.

От них произошли все добрые существа — боги, богини, эльфы, ваны и духи воздуха, которых больше в надлежащем месте. Все это было создано до человека. Такими же были и дергары, или гномы.

Согласно прозаической "Эдде", они размножались, как личинки, в мертвом теле Имера; но Волупа сообщает нам, что они были созданы богами из крови и костей этого великана:

Затем пошли боги

На свои возвышенные места;

Высокое и святое

Затем проконсультировался

Из них , которые

Должны образоваться карлики

Из крови морского великана,

И его синие кости.

Таким образом, Модсогнер - это

Главным стал

Из всех гномов;

А за ним Дурин.

Но первый вариант предпочтительнее, потому что он более удовлетворительно объясняет жестокий, мстительный, но часто вызывающий презрение характер расы — расы с маленькими деформированными телами, большими головами, плоскими носами и еще более презренными мыслями. Вероятно, как предполагает мистер Магнуссен, эти существа, которые не могли выносить дневной свет; которые, если они случайно видели его, превращались в камни; чья жизнь проходила в недрах земли, особенно в недрах гор, были призваны олицетворять подземные силы природы. Их названия, если их перевести, способствуют интерпретации. Ветер, Порыв Ветра, Блеск, Свет, Дающий Плоды, Айсберг и другие, не менее фантастические, свидетельствуют об их элементарном характере. Из всех существ они были самыми искусными, самыми опытными, самыми трудолюбивыми: они были непревзойденными кузнецами; они

изготавливали чудесные доспехи и другие зачарованные вещи, которые высоко ценились богами, превосходившими их по силе, но уступавшими в изобретательности.

Следующими созданными существами были люди. “Сыновья Буре, - говорится в прозаической ”Эдде”, - отправились на берег моря и нашли два дерева, из которых они сделали мужчину и женщину. Один дал им дыхание и жизнь; Виле - понимание и силу; Ве - красоту формы, речи, слуха, зрения”. Но Валюспа говорит, что именно Хейнир дал понимание, а Лодер - светлый цвет лица. Однако это могут быть только разные имена для одних и тех же существ. Аскур было именем первого мужчины, а Эмбла - женщины; первое означало ясень, второе, как говорят, вяз. Очевидно, это растительный миф. Это не свойственно готам. Гесиод сообщает нам, что Зевс сформировал третью расу людей из ясеня. Древние мидийцы придерживались того же мнения; мифический Кайамар умер, не оставив потомства, потому что не имел супруги; но из его останков через сорок лет выросло дерево с пятнадцатью ветвями; и из него Ормузд вылепил первых прародителей человечества.

Мидгард, или средний мир, был создан для обитания человека; но прежде чем мы опишем его, мы должны взглянуть на другие миры, с которыми он был связан. Согласно как поэтической, так и прозаической ”Эдде”, их было *девять*.

ДЕВЯТЬ МИРОВ.

В ”Валуспе” пророчица говорит:

Я рассказываю о девяти мирах

И девяти небесах.

Великан Вафтруднис хвастается тем же, а карлик Алвис говорит Тору:

Все девять миров

Прошел ли я через это

И все известные существа.

Эти миры, которые все были расположены вертикально, за исключением Утгарда, который находился на одной плоскости с Мидгардом, таким образом определены Магнуссенем:—

1. *Гимле*, резиденция Верховного Существа, вечного Альфадура. С ним был связан Лиосальфахейм, обитель доброжелательных светлых эльфов (о которых рассказано в соответствующем месте). Этот регион должен стать вечной обителью добра после разрушения вселенной.
2. *Муспельхейм*, мир Суртура и его огненных гениев, лежащий далеко под Лиосальфахеймом. Этот мир был, *возможно* несотворенным и, *возможно*, не будет уничтожен.
3. *Асгард* (двор Асеров), или *Годхейм*, резиденция асеров, или богов; звездный свод, лежащий далеко под Муспельхеймом.
4. *Ванахейм*, резиденция ванов или духов воздуха: его также называли *Виндхеймом*, домом ветров. Его местоположение находилось в атмосфере под Асгардом.

5. *Мидгард* (средний двор), названный так потому, что это был средний мир, между Гимле вверху и Нифлехеймом внизу. Его также называли *Манхеймом*, потому что он был домом людей.

6. *Утгард* (внешний двор), или *Етунхейм*, дом великанов, лежал за бескрайним морем, которое, согласно скандинавской космографии, охватывает Мидгард. Мидгард и Утгард расположены горизонтально друг относительно друга.

7. *Свартальфахейм*, дом черных эльфов или гномов, духов тьмы, расположен в недрах земли.

8. *Хельхейм*, дворец Хелы, богини смерти, намного ниже Свартальфахейма, и обитель всех, какими бы хорошими они ни были, кто умирает естественной смертью.

9. *Нифлехейм*, мир тумана, самый низкий из всех миров. В нем есть ядовитый фонтан и реки, в которых плохие люди должны быть наказаны.

Из этих миров шести суждено погибнуть, возможно, семи, поскольку есть некоторые сомнения относительно Муспельхейма. Добродетельные должны наслаждаться вечным счастьем в Гимле; нечестивые - вечным наказанием в Нифлехейме.

ГИМЛЕ И МУСПЕЛЬХЕЙМ

Не поддается описанию. Никто из вейлов, ни один из богов, ни один из великанов или карликов, которые хвастались тем, что видели эти девять миров, не оставил нам никаких свидетельств ни о том, ни о другом. Первое, действительно, должно было быть недоступно всем созданным разумным существам; но Лиосальфахейм считался менее святым. Почему Муспельхейм был расположен так близко к Гимле, не было удовлетворительно объяснено; но мы можем сделать вывод, что Суртур и его подданные, какими бы служителями зла они ни были, были всего лишь инструментами неизвестной силы. В одном рассказе говорится, что они были помещены там, чтобы воспрепятствовать восхождению любой враждебной ноги в чистые царства, находящиеся так далеко над ними.

МИДГАРД И УТГАРД.

Представление скандинавов о Мидгарде состояло в том, что он круглый; что он полностью окружен огромным морем; и что на краю этого моря начинается Утгард, обитель расы великанов, происходящих от Бергельмера и его жены. Невозможно дать лучшего описания Утгарда, чем то, которое уже было дано в "таинственных путешествиях Горма" и Торкилла.^[23] Однако у нас будет возможность часто возвращаться к той же теме.

Концепция, о которой идет речь, не отличалась от концепции греков. Во времена Гомера земля считалась горизонтальной и круглой, со Средиземным морем в центре, которое одним или несколькими каналами сообщалось с океанским течением, огибавшим сушу. По другую сторону этого океанского потока находилась обитель киммерийцев, а также проклятых, — край темный и унылый, как тот, куда направлялись два датских мореплавателя, Горм и Торкилл. Небо тоже считалось твердым, поддерживаемым четырьмя великими колоннами, которые соответствуют четырем карликам индусов и скандинавов. У последних был мост от земли к небесам — *бифрост*, или радуга, которая, хотя и была тонкой, была прочной, как адамант; и в этом они походили на Магов, в священных книгах которых говорится о подобном мосте, переход по

которому наиболее опасен, между землей и горой добрых гениев. Маги тоже знали о темной стране на севере, населенной злыми духами, нападения которых божества каменного небосвода постоянно опасаются. Но, возвращаясь к грекам, описание земли, которое дает Элиан, еще более сходно с описанием северных язычников. “Европа, Азия и Ливия, “ говорит он, ” всего лишь острова, окруженные великим морем; но мир опоясывает континент огромной величины. На нем водятся огромные животные: люди вдвое крупнее нас и живут вдвое дольше. Некоторые из них воинственны и всегда находятся в состоянии войны; другие настолько безобидны и благочестивы, что иногда удостоиваются чести побеседовать с богами. У них в изобилии есть золото и серебро; и они ценят золото меньше, чем мы железо. Тысяча мириад их однажды пересекли океан и пришли в страну гипербореев. Недалеко от оконечности этой страны есть место, называемое Авостос, напоминающее большой залив, где ни совершенно светло, ни совершенно темно, но где сильное зловещее небонависает над землей ”. У арабов было такое же представление о таинственной стране на севере и о населявшей ее расе великанов — расе, которая однажды уничтожит мир.

АСГАРД.

Асгард, обитель богов, заслуживает более подробного описания. Этот огромный город, как его называет Эдда, был построен Одним и двумя его братьями сразу после смерти Имера. Он был хорошо укреплен, чтобы защитить его от ванов внизу и огненных сынов Муспельхейма наверху. В нем было двенадцать дворцов для двенадцати главных богов: —

1. Идейл, обитель	Уллера
2. Альфхейм, обитель	Фрейра
3. Валаскиальф, обитель	Вейла (или Мерзости)
4. Сукуабек, обитель	Саги
5. Гладсхайм, обитель	Одина
6. Тримхейм, обитель	Скады
7. Брейдаблик, обитель	Бальдра
8. Химмельбирг, обитель	Хеймдала
9. Фолквангур, обитель	Фрейи
10. Глитнер, обитель	Форсета
11. Ноатун, обитель	Ньорда
12. Ландвиде, обитель	Видара.

С Трудхеймом, домом Тора.

С первого взгляда каждый читатель должен понять, что под этими двенадцатью дворцами подразумеваются двенадцать знаков зодиака, а под Трудхеймом - область солнца. В самом деле, едва ли можно было ожидать, что скандинавы не знали о системе, господствовавшей на всей земле. Подобно египтянам и ассирийцам, персам и индусам, они делили свой год на двенадцать частей, или месяцев, и ставили над каждой по богу.

Лучшее описание этих жилищ содержится в "Эдде", в поэме Гримнис-мала. Именно сам Один, находясь между двух огней^[24], описывает их Гейроду и Агнеру. Простое перечисление этих

дворцов и божественных обитателей было бы бесполезным без астрономических пояснений. Критикам-антикварам севера, особенно Финну Магнуссену, следует уступить честь первого проникновения в скрытые тайны их мифологии. В основном из него мы черпаем следующий отчет.

Трудхайм.

Трудхейм, или Трудвангур, резиденция Тора, бога грома, представляет собой атмосферу между Асгардом и землей. Дворец, в котором обитал бог, назывался *Бильскирнер*, который Оленшлагер, современный датский поэт, так справедливо описывает:

В обширных землях Трудвангура

(Так называют древние скальды),

Стоит дворец огромный,

Непревзойденный по ширине и высоте.

Его залы, отделанные полированным золотом

Они богато украшены резьбой;

Их количество верно указано,

Пятьсот два очка.

Голубые озера и зеленые поля

Вокруг расплываются в улыбке;

Усеянный медными щитками,

Дворец светится красным.

С далекой земли, с ее стен

Кажется, какой-то сияющий метеор:

Вдали от залов воинов

В пурпурном великолепии мерцают.^[25]

1. Ydale.

Месяц Уллера начинал скандинавский год со входа солнца в Созвездие Стрельца 22 ноября и заканчивался 21 декабря. Уллер преуспел как *клучник*, и ему не было равных в искусстве катания на коньках по льду и снегу: следовательно, он был богом охоты. Он был сыном богини Сив, вторым мужем которой был Тор; но имя его отца, первого мужа, не упоминается. Идейл, его резиденция, означает росистую долину.

2. Альфхейм.

Месяц Фрейра начался 21 декабря, когда солнце вошло в Козерог. Он был сыном Ниорда, одного из ванов, и родился в одно время со своей сестрой Фрейей. Он был богом солнца, несомненно, потому, что в течение этого месяца дни начали удлиняться, то есть солнце возвращалось. Таким же образом египтяне чтили своих героев; и, возможно, от них римляне назвали день зимнего солнцестояния “natalitia invicti solis”. Альфхейм, обитель светлых эльфов, был дан ему богами в качестве пристанища, когда у него прорезался первый зуб. “К Нему следует обращаться, - говорится в Эдде, - за миром и хорошим временем года: он раздает благословения человечеству”.

3. Валашский залив.

Лиосбери, несущий свет, который продолжался с 21 января по 19 февраля, начался, когда солнце вошло в Валаскьяльф, резиденцию Вале, и был посвящен этому богу. Он был сыном Одина от Ринды (мороза), олицетворения замерзшей бесплодной земли. Он правил в середине зимы. Поскольку солнце теперь набирало силу, его праздник отмечался иллюминацией в домах. В подражание этой языческой церемонии у готических христиан были свои Сретения и праздник факелов. Вале тоже был лучником, вероятно, из-за солнечных лучей, которые теперь били вниз с большей силой. Говорили, что Валаскьяльф был белым и покрыт серебром — намек на снежный характер месяца. Вале (также называемый Бо^[26]) убил Ходера, слепого бога, который убил Бальдра. Этот миф означает, что день начинает торжествовать над ночью, поскольку Ходер — символ тьмы. День Святого Валентина пришелся на владения Вале, когда прошла половина месяца. Было ли оно получено от этого языческого бога?

4. Созквабек.

Четвертый месяц, священный для Саги, начался 19 февраля. и закончился 19 марта. Soequabesk означает “глубокий ручей”; без сомнения, это намек на обильные дожди, которые выпадают в этот период, и на тающие снега, которые в некоторых местах и по сей день носят название Филлбрук. Мифологически считается, что в этом месяце Один и Сага обильно пьют. Сага, богиня традиций и истории, здесь названа в честь Урды, норны прошлого. Однако название месяца или дома гораздо более определено, чем название богини; ибо что общего у глубокого ручья с историей? Ключ к этой трудности, как нам кажется, можно найти в том факте, что в этот период проводилось великое собрание в Упсале, когда все свободные люди, которые были в состоянии присутствовать, поспешили в храм и выслушали рассказ первосвященников о прошлых подвигах богов; затем на вечере, который состоялся сразу после жертвоприношений, судьи выслушали объяснение старых законов и обнародование новых. Упсал был местом встречи шведов: у датчан и норвежцев было другое место, но в одно и то же время года. В этих случаях люди заботились о том, чтобы название месяца, Созкуабек, было подходящим; ибо, в подражание Одину и Саге, они заставляли чашу весело пускать по кругу.

5. Гладсхайм.

Гладсхайм, дом радости, месяц, посвященный Одину, несет в себе свое собственное значение. С 20 марта по апрель это было действительно радостное время года.

6. Тримхейм.

Следующий месяц, когда солнце находилось в Тримхейме (с 21 апреля по 20 мая), назывался Харпа или Гарпен, вероятно, имея в виду пение птиц в это время года. Этот шестой дом,

Тримхейм, когда-то был резиденцией великана Тиасса, но теперь принадлежит его дочери Скаде. После его смерти от рук Тора она была отдана Ниорду и, таким образом, стала богиней. Этот миф можно легко объяснить. Древнее лето началось с этого месяца. Тиасс, гений зимы, убит Тором, богом грома, — ибо в горных районах севера снова начинается раздаваться звук. Скада олицетворяет чистый, пронизывающий весенний ветер.

7. Брейдаблик.

Девятый солнечный дом (с 21 мая по 23 июня), Брейдаблик, широко сияющий, был назван Бальдром в честь бога, населявшего его. Безоблачное солнце, теплый ветерок и внезапное плодородие привели к тому, что этот бог стал почитаться самым прекрасным из всех божеств; его называли справедливым, ярким, нежным, добрым. Миф о его смерти от рук Ходера^[27], может быть объяснен постепенной уступкой солнца вторжениям ночи; поскольку Ходер представлен слепым и используется как символ тьмы. Ночи начинают удлиняться, солнце покидает северное полушарие: Ходер, или тьма, по наущению Локи, олицетворения зла, посягает на свет. Во всех древних системах, особенно в магической, которая имеет так много общего со скандинавской, ночь является характеристикой зла, точно так же, как свет - доброго принципа; и первая всегда находится в состоянии войны со второй. Слезы всей природы о судьбе Бальдра более убедительно иллюстрируют истинность физической интерпретации. Даже омела, орудие смерти Бальдра, была выбрана неспроста; она расцветает, когда дерево гниет; она сохраняет свою зелень в течение всей зимы: следовательно, она была символом бессмертия, в то время как физический бог был создан смертным. Когда умирали герои или монархи, их тела сжигались: следовательно, погребальный костер был ритуалом, необходимым для чествования умершего; и все, кто любил его или зависел от него, присутствовали на этом последнем торжественном мероприятии. В мифах присутствовали Один и все боги: их почитатели, подтверждая физическую интерпретацию, чтили Бальдра в канун середины лета, зажигая костры на высоких горных вершинах. Когда норманны и, мы можем добавить, Шотландия и Ирландия приняли христианскую веру, они все еще сохраняли этот обычай; но теперь они воздавали почести не Бальдру, а святому Иоанну, праздник которого приходился на то же время.

8. Himmelbiereg.

Восьмой солнечный дом, *Химмельбьерг*, или небесная гора, обитель Хеймдаля, был назван так потому, что солнце сейчас находилось в зените. Химмельбьерг, будучи самым высоким из всех дворцов, был хорошо приспособлен для наблюдения; следовательно, Хеймдаль был стражем богов; и со своего возвышенного положения он обозревал всю вселенную. Его золотые зубы, его конь с золотой гривой, его прозвище “белейший и ярчайший из Азеров” - вот лишь множество выражений необычного великолепия солнца в это время года (с 23 июня по 23 июля). Другой из его эпитетов, *склоняющийся*, намекающий на склонение солнца на небесах, в равной степени объясняет мифы. Хеймдаллю, говорится в “Эдде”, нужно спать меньше, чем птице; это намек на крайнюю короткость ночей в северных странах в день летнего солнцестояния. Он может видеть так же хорошо, добавляет он, ночью, как и днем, что означает, что в это время года не существует такого понятия, как темнота в собственном смысле этого слова. Его слух тоже не менее остр: от него не ускользал ни рост травы, ни шерсти на спине овцы. Это может означать тишину всей природы во время сильной жары, и особенно ночью.

9. Фолквангур.

Солнце светило в Фолквангуре с 23 июля. по 23 августа. Это слово означает встречу людей в поле, наиболее очевидно намекая на сбор урожая в это время года. Следовательно, Фрейя считалась богиней плодородия и, образно говоря, любви. Продолжение той же фигуры сделало ее богиней ночи, луны, планеты Венера.

10. Глитнер.

Глитнером, десятым домом (с 23 августа по 23 сентября), правил бог Форсете, что означает *предводитель*, президент. Каждый год это божество проводило *Мероприятие* по воле Урды, норни прошлого; и там он решал все споры так справедливо, что каждая сторона была довольна. Следовательно, Форсет был богом правосудия. И на земле, в подражание описанным выше мифическим процессам, в это время года проводилось великое судебное собрание, или Все остальное. На время его действия, да и вообще на все время сбора урожая, все распри были приостановлены; отсюда всеобщее удовлетворение его властью.

11. Нетун.

Ноатун был обителью Ниорда и одиннадцатым великим солнечным домом (с 23 сентября по 23 октября). Ниорд (о котором подробнее ниже) был принцем ванов, но был допущен к богам. Он был повелителем ветров и, следовательно, моря, которым они управляют. Говорили, что Ноатун, его резиденция, находится недалеко от морского берега, но выше в облаках. Он был благодетельным божеством моря, в то время как Эгир и Рам были ужасными божествами той же стихии. Это означает, что, хотя в этом месяце дули сильные ветры, они не были разрушительными для кораблей.

12. Вид на сушу.

Ландвейд, двенадцатый солнечный дом, означает пустую или бесплодную землю — термин, достаточно описывающий землю в это время года. Поскольку это последний из месяцев, Видару, главенствующему божеству, предстоит пережить остальных богов и отомстить волку Фенрису за смерть своего отца Одина.

Таковы были божественные чертоги Асгарда. Но в этом огромном мире были и другие части, требующие немедленного внимания. Три из них принадлежали Одину: Гладсхейм был большим дворцом или залом, где он председательствовал над двенадцатью диарами, или судьями, которые управляли делами Асгарда. Валаскиальф, дворец его сына Вале, тоже принадлежал ему. Самая высокая часть этого жилища называлась Лидскиалф, где у него был трон, и который был настолько возвышен, что он мог видеть всех обитателей земли. Но более знаменитой, чем эти или все другие его обители, была *Валгалла*.

Они легко могут

Которые приходят к Одину

Воспринимай и познай Валгаллу.

Крыша украшена копьями,

Стены, покрытые щитами,

Скамейки со шлемами.

Это был большой зал, в котором Один принимал эйнхериев, или души воинов, павших в битве. Как и во дворце Тора, в нем было 540 ворот. Их вкусно кормили кабаном Шримнером, которого, хотя и убивали и ели каждый день, вечером он всегда оживал. Андримнер, лучший повар в мире, приготовил это блюдо. Что касается медовухи, без которой в изобилии не обходилось бы ни одно северное застолье, то в изобилии ее приготовила коза Хейдрун. Никогда еще у гостей не было более щедрого хозяина. Он обращался с ними так, чтобы, когда наступят страшные сумерки богов, они могли помочь ему отразить нападение великанов и духов огня. Он также не позволял им забывать свои боевые упражнения. Каждое раннее утро их будит крик петуха с золотым гребнем — того петуха, который также обречен предупреждать богов о приближении последнего врага. Поспешно надев визоры, 800 из них вышли у каждого из 540 ворот, так что у бога было почти полмиллиона добрыхспутников. Все время от восхода солнца до обеда прошло в сражениях; и с такой искренней доброжелательностью, что толпы были повержены ниц; но когда настал великий час, все встали в полном здравии, чтобы сразиться за кубки так же усердно, как они это делали на поле боя. Им служили Валькирии, то есть выбирающие убитых, — богини, которые были любимыми посланницами Одина и единственными женщинами, допущенными в Валгаллу.

Поэтически описано, как герой, погибший в битве или пометивший свою грудь рунами в честь Одина, покинул Мидгард и отправился в Валгаллу. Таким образом, вскоре после своего погребения король Хако в своем безмолвном кургане впервые сменил позу с лежачего положения на сидячее. Правой рукой он сжимал свой меч, левой — щит, в то время как небесный скакун с золотыми копытами, которого послали проводить его, с явным нетерпением топтал землю снаружи. Курган открывается; монарх поднимается, садится на благородного коня, скачет галопом по Вифросту и проходит через Гладсхайм в Валгаллу, где боги вышли ему навстречу; в то время как Брага, божество песни, возносит ему хвалу на небесной арфе.

Мы видели дневные занятия эйнхериев — драки и пьянство. Они спали? Мы так предполагаем. Иногда, однако, они садились на коней, галопом скакали вниз по Вифросту и входили в свои могильные холмы. Иногда они также присутствовали в битве; в другое время они общались со своими смертными друзьями.

Кровожадный характер норманнов, которые не могли наслаждаться миром, не разрывая друг друга на куски, был справедливо разоблачен историками. И все же, как бы ни ценилась доблесть, мы бы не стали утверждать, что это была единственная добродетель в сознании скандинавов или что небеса были закрыты для всех остальных. Действительно, есть основания предположить, что этот догмат был ограничен всего лишь сектой — кастой, — доминирующей из них, — непосредственными последователями Одина.

Поскольку нам придется часто говорить об этих небесных резиденциях в ходе этой главы, мы только добавим, что в Асгарде был еще один дворец под названием Вингольф, где встречались асиниары, или богини, точно так же, как боги встречались в Валгалле.

СВАРТАЛЬФАХЕЙМ

Был обителью Черных эльфов (чтобы отличать их от Светлых или сияющих эльфов, которые жили в Лойсалсфакейме), а также гномов.

Но были эльфы, которые жили в воздухе, в воде, среди деревьев. Их нельзя было назвать подземными людьми; и почти сомнительно, что их можно причислить к Черным эльфам.

Однако, поскольку этот термин был принят для указанной нами цели, а именно для того, чтобы отличать эльфов земли от эльфов высших небес, — как тех, кто обитает *на*, так и тех, кто обитает *ниже*, — здесь можно рассматривать поверхность земли — доброжелательных и недоброжелательно настроенных.

“Наши языческие предки, — говорит Торлациус, —^[28], - подобно пифагорейцам, верили - и чем дальше в древность, тем тверже - что весь мир наполнен духами различных видов, которым они приписывали в целом ту же природу и свойства, что греки своим демонам. Они были разделены на небесных и земных, исходя из мест их обитания. Первые, согласно представлениям того времени, обладали доброй и возвышенной натурой и дружелюбно относились к людям, откуда они также получили название Белых или Светлых альф, или духов. Последние, напротив, которые были классифицированы по их обитанию в воздухе, море и на земле, не представлялись в столь благоприятном свете. Считалось, что они, особенно *сухопутные*, *δαίμονες ἐπιχθόνιοι* греки, постоянно и при любых обстоятельствах стремились мучить или ранить человечество, и что частично они жили на земле в больших и густых лесах, откуда и пошло название Skovtrolde^[29] (Дерево - Тролляды); или в других пустынных и уединенных местах, частично в земле и под землей, или в скалах и на холмах: эти последние назывались Бьерг-Тролляде (Горные тролляды); первым, из-за их разной природы, было дано название Dverge (карлики) и Alve, откуда произошло слово Ellefolk, которое до сих пор есть в датском языке. Этих демонов, особенно подземных, называли Свартальфарами, то есть Черными Духами, а поскольку они творили зло, - троллями”.

В прозаической “Эдде” проводится широкое различие между светлыми и черными эльфами: первые белее солнца, вторые темнее смолы.

“О происхождении слова Alf, “ говорит м-р Кейтли, ” нельзя найти ничего удовлетворительного. Некоторые думают, что это сродни латинскому *albus*, белый; другие - *alpes*, альпийские горы. Предполагается, что существует какая-то таинственная связь между ним и словом Elf или Эльв, обозначающим воду в северных языках; аналогия, которая, как считалось, соответствует аналогии между латинскими *Nympha* и *Lympha*. Оба отношения, возможно, скорее причудливы, чем справедливы. О происхождении Alf, как только что было замечено, мы ничего определенного не знаем^[30]; и первоначальное значение *Nympha*, по-видимому, было бы “женщина, вышедшая замуж”^[31], и отсюда молодая женщина на выданье; и это слово применялось к предполагаемым обитателям гор, морей и ручьев по тому же принципу, по которому северные народы давали им названия мужчин и женщин, то есть из-за их воображаемого сходства с человеческим обликом.

“Каким бы ни было его происхождение, слово “Альф” сохранилось до наших дней во всех тевтонских языках. У датчан и шведов есть Эллен, или эльфийский Дан, и Эльфвор Свед (*Elvus*), и слова *Elf-dans* и *Elf-blæst*, вместе с Олофом и другими именами собственными, происходят от этого. Немцы называют кошмар *Alp*; и в их старых поэмах мы встречаем *Elben* и *Elbinnen*, эльфов мужского и женского пола, и *Elbisch* часто встречается у них в плохом смысле “эльфийского” у Чосера и наших старых романистов, и от него образовался ряд имен собственных, таких как *Alprecht*, *Alpine*, *Alpwin* и др.; Несомненно, до того, как оно приобрело свой нынешний дурной смысл. В англосаксонском эльфийском языке часто встречается слово женского рода во множественном числе. Оркады, Наяды и гамодриады греков и римлян представлены в англосаксонском глоссарии мунт-эльфенне, фэ-эльфенне и фельд-эльфенне. Эльф является

составной частью имен собственных Эльфред и Эльфрика; и автор поэмы 'Юдифь' говорит, что его героиней была Эльф-сциене (эльфийский блеск), яркая, как эльфийка. Но о характере и деяниях эльфов в англосаксонской литературе не сохранилось никаких преданий. В английском языке слова "эльф", Elves и их производные встречаются во все периоды, от его первого формирования до настоящего времени".^[32]

Рассудительный и неутомимый писатель, за которым мы следили в предыдущем отрывке и который изложил предмет с подробностью и точностью, не имеющей себе равных в этой стране, продолжает:

“Альфы все еще живут в памяти и традициях скандинавских крестьян. Они также, в определенной степени, сохраняют свое деление на белых и черных. Первые, или добрые эльфы, обитают в воздухе, танцуют на траве или сидят на листьях деревьев; вторые, или злые эльфы, считаются подземным народом, который часто причиняет болезни или увечья человечеству; для лечения этого существует особый вид врачей, называемый Клока, которых можно встретить во всех частях страны.

Считается, что у эльфов есть свои короли, которые празднуют свои свадьбы и банкеты, точно так же, как и у обитателей земли. В народной традиции существует интересный промежуточный класс этих существ, называемый людьми холмов (Högfolk), которые, как считается, обитают в пещерах и на небольших холмах: когда они проявляют себя, у них красивый человеческий облик. Простые люди, кажется, связывают с ними глубокое чувство меланхолии, как бы оплакивая наполовину угасшую надежду на искупление.

Есть лишь несколько стариков, которые сейчас могут рассказать о себе что-то большее, чем о сладостном пении, которое иногда летними ночами доносится с их холмов, когда человек стоит неподвижно и слушает, или, как выражается в балладах, *прикладывает ухо к эльфийскому холму*: но никто не должен быть настолько жесток, чтобы малейшим словом разрушить их надежды на спасение, ибо тогда бодрая музыка превратится в плач и причитания.

Норвежцы называли эльфов Хульдрафолками, а их музыку - Хульдраслат: она написана в минорной тональности и имеет унылое и скорбное звучание. Альпинисты иногда играют на ней и притворяются, что выучили ее, слушая подземных жителей среди холмов и скал. Есть также мелодия, называемая "Мелодия короля эльфов", которую некоторые хорошие скрипачи знают очень хорошо, но никогда не отваживаются сыграть; ибо, как только она начинается, и старые, и молодые, и даже неодушевленные предметы пускаются в пляс, и игрок не может остановиться, пока не сыграет мелодию задом наперед или пока кто-нибудь не подойдет к нему сзади и не перережет струны его скрипки.

“Маленькие подземные эльфы, которые, как считается, обитают под домами людей, описываются как спортивные и озорные, подражающие всем действиям людей. Говорят, что они любят чистоту в доме и на месте и вознаграждают тех слуг, которые опрятны.

“Эльфы чрезвычайно любят танцевать на лугах, где они образуют круги более живого зеленого цвета, которые из-за них называются эльфданами (Elfdance): когда деревенские жители видят утром полосы на росистой траве в лесах и лугах, они говорят, что эльфы танцевали там. Если кто-нибудь в полночь войдет в их круг, они станут для него видимыми, и тогда они могут ввести его в заблуждение. Не каждый может видеть Эльфов; и один человек может видеть, как они танцуют, в то время как другой ничего не замечает. Воскресные дети, как их еще называют, *то есть*,

кто родился в воскресенье, примечательны тем, что обладают этим свойством видеть Эльфов и подобных им существ. Эльфы, однако, обладают властью даровать этот дар тому, кому им заблагорассудится. Они также говорили о книгах эльфов, которые они дарили тем, кого любили, и которые позволяли им предсказывать будущие события.

“Эльфы часто сидят на маленьких камнях круглой формы, которые называются эльфийскими мельницами (эльфийский кварнор); говорят, что звук их голоса сладок и мягок, как воздух.

“Датские крестьяне дают следующий отчет о своей элфантине или эльфийском народе:

“ Народ Элль-мур живет в районе Элль-мур. Внешность мужчины - это старик в шляпе с низкой тульей на голове; женщина-Элль молода, у нее красивое лицо, но сзади она пустая, как корыто для теста. Молодые люди должны быть особенно осторожны с ней, потому что перед ней очень трудно устоять; кроме того, у нее есть струнный инструмент, который, когда она играет на нем, совершенно покоряет их сердца. Этого человека часто можно увидеть возле Эль-мавров, купающимся в солнечных лучах; но если кто-нибудь подойдет к нему слишком близко, он широко открывает рот и дышит на них, и его дыхание вызывает болезнь и мор. Но женщин чаще всего можно увидеть при свете луны; тогда они танцуют в высокой траве так легко и грациозно, что редко встречают отказ, когда предлагают руку опрометчивому молодому человеку. Необходимо также следить за скотом, чтобы он не пасся в тех местах, где бывали эльфы; ибо если какое-либо животное придет в место, где эльфы плюнули или сделали что похуже, на него нападет какая-нибудь тяжелая болезнь, которую можно вылечить, только дав ему съесть горсть зверобоя, сорванного в двенадцать часов ночи на Святого Иоанна. Может также случиться, что они могут понести некоторый вред, смешавшись со скотом народа элле, который очень крупный и голубого окраса, и которого иногда можно увидеть на полях, слизывающих росу, на которой они живут. Но у фермера есть простое средство против этого зла, ибо ему нужно только пойти на Элль-хилл, когда он выгоняет свой скот, и сказать: ‘Ах ты, маленький тролль! можно мне пасти своих коров на твоём холме?’ И если ему не запретят, он может успокоиться”.^[33]

О скандинавских *карликах* широкому читателю известно гораздо меньше.

“Эти миниатюрные существа, обитающие в скалах и холмах и отличающиеся мастерством в металлургии, по-видимому, характерны для готической мифологии. Возможно, наиболее вероятным объяснением их является то, что они являются персонификациями подземных сил природы; ибо можно снова заметить, что все части любой древней мифологии являются всего лишь персонифицированными силами, атрибутами и моральными качествами. Эдда так описывает их происхождение:

Затем боги сели на свои места, и провели совет, и вспомнили, как дергарыюжили в глине под землей, подобно личинкам в плоти. Дергары были созданы первыми, и вселились в плоть Имера, и были личинками в ней, и по воле богов они стали участниками человеческих знаний, и имели подобие людей, и все же они обитали в земле и камнях. Первым из них был Модсогнер, а затем Дайрин.

“Дуэргары описываются как существа низкого роста, с короткими ногами и длинными руками, доставающими почти до земли, когда они стоят прямо. Они искусные работники по обработке золота, серебра, железа и других металлов. Они создают множество чудесных и экстраординарных вещей для асов и смертных героев, а оружие и доспехи, которые

производятся в их кузницах, не имеют аналогов. И все же дар должен быть дарован спонтанно, ибо несчастье постигает тех, у кого его вымогают насильем”.^[34]

Два повествования, несомненно, древних, проиллюстрируют хитрость этих подземных рабочих. Однако они несколько неуместны, поскольку лучше подошли бы для следующего раздела.

Первое — из "Эдды":-

“Локе, сын Лауфейара, из озорства остриг все волосы Сиф. Когда Тор узнал об этом, он схватил Лока и переломал бы ему все кости в теле, если бы не поклялся заставить Суарталфар изготовить для Сиф золотые волосы, которые росли бы как любые другие волосы.

Затем Локи отправился к Гномам, которых называют сыновьями Иваллдра. Сначала они сделали волосы, которые, как только их надевали на голову, росли как натуральные; затем корабль Skidbladnir^[35], с которым всегда был ветер, куда бы он ни плыл; и, в-третьих, копье Гугнер, которое всегда поражало в бою.

Тогда Локи упрекнул Гнома Брока в том, что его брат Эйтри не смог выковать три такие ценные вещи, как эти. Они пошли в кузницу; Эйтри поднес свиные мехи к огню и велел своему брату Броку раздувать и не отходить от огня, пока он не достанет все, что положил в него.

“И когда он вышел из кузницы, и Брок дул, прилетела муха, села ему на руку и укусила его; но он дул не переставая, пока кузнец не снял работу с огня; и это был кабан, и щетина у него была золотая.

Затем он подбросил золото в огонь и велел ему не переставать дуть, пока он не вернется. Он ушел, и тогда прилетела муха и села ему на шею, и укусила его сильнее, чем раньше; но он продолжал дуть, пока кузнец не вернулся и не достал из огня золотое кольцо, которое называется Друпнер.

Затем он положил железо в огонь и велел ему раздувать, сказав, что, если он перестанет раздувать, вся работа пропадет. Теперь муха села ему между глаз и укусила так сильно, что кровь хлынула ему в глаза, так что он ничего не мог видеть; поэтому, когда мехи опустились, он со всей поспешностью поймал муху и оторвал ей крылышки; но тут пришел кузнец и сказал, что все, что было в огне, почти испортилось. Затем он достал из огня молот Мельнера и отдал все вещи своему брату Броку, велел ему отправиться с ними в Асгард и уладить пари.

Локе также достал свои драгоценности, и они выбрали Одина, Тора и Фрейра в качестве судей. Тогда Локи отдал Одину копье Гугнер, а Тору волосы, которые должны были достаться Сив, и Фрейру Скидбладнору, и рассказал об их достоинствах, как они уже были описаны. Брок достал свои драгоценности, отдал кольцо Одину и сказал, что каждую девятую ночь с него будут падать восемь других колец, таких же ценных, как и оно само. Фрейру он отдал кабана и сказал, что тот будет бегать по воздуху и воде, днем и ночью, лучше любой лошади, и что никогда еще ночь не была такой темной, чтобы путь, по которому он шел, не был освещен его шкурой. Он отдал молот Тору и сказал, что он всегда попадет в Тролля, и что, куда бы он его ни бросил, он никогда не промахнется; и что он никогда не сможет забросить его так далеко, чтобы он сам не вернулся в его руку; и когда он захочет, он станет таким маленьким, что он сможет положить его в карман. Но вина молотка заключалась в том, что его рукоятка была слишком короткой.

Они пришли к выводу, что молот был лучшим и что Гном выиграл пари. Тогда Локи усердно помолился, чтобы не потерять голову, но Гном сказал, что этого не может быть. 'Тогда поймай меня', - сказал Локи; и когда он пошел ловить его, тот был далеко, потому что у Локи были ботинки, в которых он мог бегать по воздуху и воде. Тогда Гном взмолился Тору, чтобы тот поймал его, и Тор так и сделал. Теперь Карлик пошел, чтобы отрубить ему голову, но Локи сказал, что ему достанется только голова, а не шея. Тогда Карлик взял нож и ремешок и пошел зашивать себе рот; но нож был плохой, и Карлик пожалел, что шило его брата не оказалось там; и как только он захотел, оно оказалось там, и он зашил себе губы ".^[36]

Физическая интерпретация этого мифа заслуживает некоторого внимания. Сиф - олицетворение земли, "жена Тора, неба или атмосферы: ее волосы - это деревья, кустарники и растения, украшающие поверхность земли. Локе - бог огня, который наслаждается озорством, *bene servit*, мужской императив. Когда неумеренным жаром он выжег волосы Сиф, ее муж заставляет его умеренным жаром согреть влагу земли, чтобы ее прежние продукты возшли более красивыми, чем когда-либо. Кабан отдается Фрейру, которому и его сестре Фрейе, как богам плодородия животных и растений, северные народы приносили в жертву это животное, как итальянцы приносили в жертву землю. То, что Локи принес дары подземного народа, по-видимому, указывает на веру в то, что металлы были приготовлены подземным огнем; и, возможно, выковка земным демоном молота Тора, мифической эмблемы грома, на подземной наковальне, может свидетельствовать о том, что естественную причину грома следует искать в земле".

Следующая иллюстрация взята из "Хеймскринглы Снорро":—

ТОРСТОН И ГНОМ.

Когда пришла весна, Торстон подготовил свой корабль и посадил на него двадцать четыре человека. Когда они пришли в Винланд, они загнали ее в гавань, и каждый день он выходил на берег, чтобы развлечься.

Однажды он вышел на открытое место в лесу, где увидел большой камень, а на маленьком кусочке от него - Карлика, который был ужасно уродлив и смотрел вверх его головы, широко открыв рот; и Торстону показалось, что он тянулся от уха до уха, а нижняя челюсть доставала ему до колен. Торстон спросил его, почему он ведет себя так глупо. 'Не удивляйся, мой дорогой мальчик', - ответил Карлик. "Разве ты не видишь того огромного дракона, который летит вон там? Он забрал моего сына, и я верю, что это сам Один послал чудовище сделать это. Но я взорвусь и умру, если потеряю своего сына. ' Тогда Торстон выстрелил в дракона и попал ему под одно из крыльев, так что тот упал замертво на землю; но Торстон поймал ребенка Карлика в воздухе и принес его к отцу.

"Карлик был чрезвычайно рад, и ликовал так, что никто не мог бы этого выразить; и он сказал: 'У меня есть великая награда для тебя, избавителя моего сына; а теперь выбери себе награду в золоте и серебре'. ' Вылечите вашего сына, ' сказал Торстон, ' но я не привык получать вознаграждение за свои услуги. "Не подобало бы, - сказал Карлик, - если бы я не вознаградил тебя; и пусть моя рубашка из овечьей шерсти, которую я тебе дам, не покажется презренным подарком, ибо ты никогда не устанешь плавать и не получишь раны, если будешь носить ее рядом с кожей".

Торстон взял рубашку и надел ее, и она пришлась ему впору, хотя и показалась Гному слишком короткой. Гном достал из своего кошелька золотое кольцо, отдал его Торстону и велел ему хорошенько беречь его, сказав, что он никогда не будет нуждаться в деньгах, пока хранит это кольцо. Затем он взял черный камень, отдал его Торстону и сказал: 'Если ты спрячешь этот камень на ладони, тебя никто не увидит. У меня не так много вещей, которые я мог бы вам предложить, или которые представляли бы для вас какую-либо ценность; однако я дам вам огненный камень для вашего развлечения'.

Затем он достал из кошелька камень, а вместе с ним стальное острие. Камень был треугольный, белый с одной стороны и красный с другой, и его окружала желтая кайма. Тогда Гном сказал: 'Если ты уколешь камень острием в белую сторону, разразится такая буря с градом, что никто не сможет на него смотреть; но если ты хочешь остановить этот ливень, тебе нужно только уколоть желтую часть, и хлынет столько солнечного света, что все растает. Но если вам захочется уколоть красную сторону, то из нее вырвется такой огонь, с искрами и потрескиванием, что никто не сможет на нее смотреть. Ты также можешь получить все, что пожелаешь, с помощью этого острия и камня, и они сами придут обратно в твою руку, когда ты позовешь их. Теперь я больше не могу делать тебе таких подарков'.

Затем Торстон поблагодарил Гнома за его подарки и вернулся к своим людям, и для него было лучше совершить это путешествие, чем оставаться дома.

ХЕЛЬХЕЙМ И НИФЛЕХЕЙМ.

Дворец Хелы уже был описан, по случаю визита Хермода к своему брату Бальдру.^[37]

О Нифлехейме больше нет необходимости добавлять к тому, что уже было сказано. Ни одно из мифологических существ, которых знала Скандинавия, не стремилось исследовать его.

Таковы были миры язычников-норманнов. Но прежде чем мы оставим эту часть нашей темы, мы должны на мгновение обратиться к одному, имеющему более философское значение, —

ИГГДРАСИЛЬ.

Поскольку для нас это, по крайней мере, загадочный предмет (мы не претендуем на способность "смотреть сквозь жернова"), мы представим его читателю словами Магнуссена, способного критика нашей собственной страны.

"Главное и самое святое место богов находится у ясеня Иггдрасиль. Этот яшень - самое большое и лучшее из всех деревьев. Его ветви раскинулись по всему миру и достигают небес. У дерева есть два корня, которые широко простираются; один к Асеру, другой к Ледяным великанам, где раньше была Гиннунга-гэп; третий простирается над Нифлехеймом, и рядом с ним находится Хвергельмер (бездна), где (Змеинный король) Нидхуг грызет корень под ним.

"У другого корня, который тянется к Ледяным великанам, находится колодец Мимера, где сокрыты Мудрость и Понимание. Мимер, владелец колодца, полон мудрости, ибо каждое утро он пьет из колодца из рога Джаллара. Однажды пришел туда Всеобщий Отец (Один) и попросил напиться из колодца, но не достиг своего желания, пока не отдал свой глаз в залог. Как сказано в "Велуспе":

“Все знают меня, Один,
Где ты спрятал свой глаз;
В чистом поле
Колодец Мимера.

Мимер мид

Каждое утро выпивает

Из клятвы Всеотца.

“У третьего корня ясеня, который простирается до небес, находится источник Урдар. У источника стоит прекрасное жилище, из которого выходят три служанки: Урда, Веранда и Скульд. Эти служанки определяют продолжительность жизни всех мужчин, и их зовут Норнир. О них говорит Вала:

“Оттуда приходят служанки

Много знающий,—

Три, —из озера (или зала)

Под деревом" и т. Д.

Норниры, живущие у источника Урдар, каждый день берут воду из колодца и вместе с грязью, которая находится вокруг колодца, поливают ясень, чтобы его ветви не сгнили и не засохли. Эта вода настолько святая, что все, что попадает в колодец, становится белым, как оболочка внутри яичной скорлупы. Так сказано в "Велуспе",

“Пепел знает, что я стою,

Иггдрасиль - это высота,

Высокое дерево , усыпанное кустами

С белой водой;

Оттуда исходит роса

Который в долинах ниспадает;

Вечно зеленое оно стоит

Над колодцем Урды.

“Роса, которая сходит с него, называется Медвяной росой и является пищей пчел. В Урдар-фонте кормятся две птицы: их называют лебедями, и от них произошел этот вид птиц.

“На ветвях ясеня Иггдрасиль сидит орел, который знает многое; между его глазами сидит ястреб, называемый Ведерлефнер (Гаситель бурь). Белка, по имени Рататоск, бежит взад-вперед по дереву и пытается поспорить орла и короля Змей Нидхуг. Четыре оленя бегают по

ветвям дерева и обкусывают почки. В Хвергельмере, у корней дерева, так много змей, что ни один язык не может рассказать об этом. Итак, в Гримнис-мале,

“Рататоск, высокая белка”,

Кто должен баллотироваться

Сквозь пепел Иггдрасиля:

Слова орла

Он свыше понесет,

И Расскажи об этом Нидхуг ниже.

Есть также четыре харта,

Кто распускает почки на ветвях

Грызущий с кривой шеей,

Дэйн и Двалин,

Дюнуир и Дуратрор.

Еще лежат змеи

Под пеплом Иггдрасиля

Больше, чем кто-либо может подумать.

Пепел Иггдрасиля

Терпеть тяжелый труд

Больше, чем думают мужчины.

Олень грызет его сверху:

В боку он гниет;

Нидхуг растрчивает его внизу.

“Миф об Иггдрасиле содержится в предыдущих отрывках; и северным мифологам в целом, и Магнуссену в частности, повезло больше всего, чем в их объяснении этого. Иггдрасиль, по их словам, олицетворяет вселенную (скорее, мир); его три корня лежат в трех частях, на которые, согласно системе создателей Иггдрасиля, разделена вселенная. Центральный корень находится в Нифльхейме, темной и унылой бездне под землей, и его поливает Хвергельмер (Древний Котел), а его стебель проходит сквозь землю к вершине небес. Второй корень находится у источника Мимера, на севере, в обители Ледяных великанов. Третий корень находится у источника Урдар, на ярком и теплом юге, чьи воды три Девы, *то есть* Время Прошедшее, Настоящее и Будущее, орошают его листву, чтобы сохранить ее в вечной зелени.

Ветви - это эфир, их листья - облака, гроздь ключей - созвездия; четыре оленя - это четыре ветра, орел обозначает воздух, ястреб - неподвижный эфир, белка - хлопья снега, градины и капли дождя. Источник Урды, *то есть* источник Судьбы, является источником жизни, света и тепла; белоснежные лебеди, которые плавают по его водам, олицетворяют солнце и луну. Миф о колодце Мимера показывает, как солнце (*око*Одина) каждый вечер опускается в море, где ночью оно учится мудрости у владельца колодца; золотистый мед, который Мимер пьет каждое утро, - это красноватый рассвет, который ежедневно разливается по небу перед восходом солнца”.^[38]

Не может быть никаких сомнений в том, что эти мифы охватывают две различные системы творения. Они не могли возникнуть у одного и того же народа. Есть веские основания полагать, что Имерийская система была *родной*, а Иггдрасиль - *иностранной*.

Из предыдущего наброска скандинавской вселенной мы видим, что она была населена множеством различных рас. С одним небольшим изменением они могут быть классифицированы после девяти миров:—

1. Сияющие эльфы Лиосальфахейма.
2. Огненные духи Муспельхейма.
3. Асеры и Асиниары, боги и богини.
4. Ваны, или обитатели ветреного Ванхейма.
5. Человечество.
6. Великаны и великанши; потомки Бергельмера и его жены.
7. Черные эльфы, или гномы, мужчины и женщины.
8. Подданные Hela.
9. Неописуемые надписи, которые озадачили бы лучших антикваров, если бы они сказали, что это такое.

С большинством из них мы мало знакомы. Во дворцах Асиниара можно встретить нескольких Светлых эльфов, но ни одного из сыновей Маспела мы не встречаем. О ванах в целом мы знаем мало; но полдюжины представителей этой расы почитаются в Асгарде. Утгард и его сыновья были хорошо известны по их общению, враждебному или дружескому, с Асерами; и еще более известен Асгард. Землю Черных эльфов часто посещали люди и боги. В царства Хелы лишь однажды ступали живые ноги — ноги Хермода.^[39] Из людей мы можем упомянуть только таких, которые вступали в контакт с существами высшей или низшей природы. Таким образом, от большинства из этих классов можно отказаться, сделав несколько общих замечаний. Подробности, касающиеся *отдельных лиц* в большинстве этих классов, можно найти под именами главных Асеров, или богов.

Были ли асеры богами, или только смертными, или обожествленными людьми, долго и яростно оспаривалось. Каждая сторона приводит тщательно продуманные доводы в пользу своей собственной гипотезы, и они убедительны если не для других, то для нее самой. В предмете, для понимания которого требуется помощь воображения и к которому можно применить только

умозрительные рассуждения, такое разнообразие было неизбежно. Однако за последние двадцать лет более тщательное изучение языческих памятников древности и более подробное знакомство с религиозными системами других народов привели к выводу, что асеры, как и ванеры, никогда не существовали на земле и что они являются чисто мифологическими. Для такого вывода, безусловно, есть много оснований. Удовлетворительный способ, которым функциибожеств были преобразованы в физические качества, вполне может подкрепить его. Тем не менее, есть трудности — мы считаем, что они непреодолимы, — которые необходимо устранить. Описание, которое мы привели в предыдущем томе этой работы^[40], об Одине, Ниорде, Фрейре и Бальдре, едва ли подтверждает гипотезу. Обстоятельства, сопровождавшие продвижение Одина; те, которые сопровождали и последовали за его прибытием на север; его мирская политика даже больше, чем его духовная; его экстраординарный успех; троны, которые он установил; сыновья, которых он оставил; всеобщее беспокойство северных князей — даже саксонских — объявить его своим предком, и предком, удаленным от них всего на несколько поколений^[41]; предоставить, как мы думаем, достаточно доказательств его земной карьеры. Мы также не должны упускать из виду тот факт, что и Саксон Грамматик, и Снорро Стурлесон — первый хорошо был знаком с традициями и историей своей страны; второй наиболее глубоко разбирался в религии и литературе скифских завоевателей — отстаивали смертный характер Асера. В те дни это не было новой интерпретацией предмета: поднимитесь по течению времени так далеко, как только сможете, и все равно мы обнаружим, что Один и его верховные вожди считались людьми, которых легкое обожествило. Таково было мнение Адама Бременского в одиннадцатом веке; биографа святого Ансара в девятом; святого Кентигерна в шестом. В одной из своих проповедей язычникам юго-восточной Шотландии названный последним святой упрекал их в безрассудстве за то, что они поклоняются тому (Одину или Водану), который, по их собственному признанию, жил на земле, был саксонским королем, заплатил общий долг природе, тому, чьи кости давным—давно смешались с прахом. Ученые мужи, которые жили намного ближе к тем временам, когда на севере правил король-понтифик, — у которых, насколько нам известно, были более веские доказательства, чем традиция, подтверждающая его действия, какими бы молодыми ни были эти традиции, — думали так же. Было сказано, что даже малейшее из этих действий носило слишком сверхчеловеческий характер, чтобы когда-либо приписываться смертному; и что существо, относительно которого они были придуманы, должно было быть мифологическим. Но это утверждение не было бы сделано, если бы обратились к памяти: оно дало бы нам персонажей, несомненно исторических, о которых были бы придуманы более дикие легенды (если легенды могут быть более дикими), чем об азиатском завоевателе. Что говорят древние римляне или современные персы о своих королях? Что было сказано об Аттиле? Что об Артуре? Что о Макбете и Доне Себастьяне? Действительно, в истории средневековья найдется немного выдающихся персонажей, о которых не были бы придуманы сверхъестественные истории и в которые не верили. Возможно, однако, что *изобретенный* термин слишком суров, поскольку в целом действия или качества персонажей гораздо более древних были перенесены на более поздние даты.

Эти трудности показались столь непреодолимыми большинству защитников мифологической системы, что они были вынуждены принять гипотезу о двух Одинах, появлявшихся на севере через разные промежутки времени; первый был первосвященником, которого суеверие впоследствии обожествило; другой — королем, однако главой религии, который, видя почитание, которым пользовался его предшественник, смело объявил себя воплощением того же существа. Эта гипотеза, которая является чисто произвольной, не только не уменьшает

трудности, но и значительно увеличивает ее, и в других отношениях не заслуживает дальнейшего рассмотрения. Вторая гипотеза более правдоподобна и не столь произвольна. Он представляет первосвященника-воина — *второго* Одина — как принимающего имя и претендующего на атрибуты другого Одина, долгое время считавшегося богом. В данном случае бог, должно быть, воплотился в лице этого скифского воина; однако у нас нет даже тени доказательства того, что метемпсихоз был доктриной, когда-либо принятой скандинавами или каким-либо другим народом готов. У кельтов была такая^[42]; однако это широкое различие между двумя расами не помешало их смешивать. С таким же успехом можно путать кафра с чероки. Эдды уверяют нас, что, когда смертный платил долг природе или пал в битве, он сразу отправлялся в Хельхейм или Валгаллу. Тем не менее, есть два или три случая, когда переселение в другие тела было осуществлено; и хотя они явно расходятся с религиозными верованиями севера и должны рассматриваться просто как экстраординарные исключения, мы не склонны отвергать гипотезу о том, что Один принял, или, скорее, после смерти, его народ присвоил ему имя бога, которому они так долго поклонялись. Факты, изложенные Снорро, находят немалое подтверждение в том, что в Азии король-понтифик был известен под именем *Сигоэ*. Правда в том, что переселение душ является частью кельтского вероучения, и Один мог бы настолько воспользоваться им, чтобы сойти за воплощенного бога. Однако в любом случае, если мы не отвергнем Снорро и Саксона, и "Саксонскую хронику", и Адама Бременского, и множество авторов средневековья, мы придем к выводу, что Один жил, правил и завоевывал на севере.

Таким образом, отстаивая, как мы это намеренно делаем, историческую интерпретацию, нам еще предстоит объяснить экстраординарные способности, приписываемые простым смертным; экстраординарное различие их религии; еще более экстраординарные доктрины этой религии, содержащиеся в Эддах. Этот предмет не лишен трудностей, но, вероятно, они могут быть устранены несколькими естественными размышлениями. Никто не будет отрицать, что Один и его двенадцать верховных вождей по прибытии на север установили какой-то вид религиозного поклонения. Каковы были доктрины этой религии? Здесь нами может руководить только догадка: у нас нет ни письменных, ни традиционных памятников этого предшествующего культа. Мы читаем только, что асеры — скифские племена из Азии — были вынуждены бороться с местными властями; но, обладая в такой большой степени превосходством в мудрости, они вынудили туземцев принять их духовное, не меньшее, чем светское, иго. Их оружие, без сомнения, подействовало больше, чем их аргументы; но предполагать, что они могли искоренить господствующую веру — если бы действительно не существовало нескольких устоявшихся форм богослужения в разных провинциях севера, - было бы само по себе очень иррационально и несовместимо со всеми известными фактами истории. Языческие завоеватели всегда были расположены уважать богов других народов. Считалось, что в каждом регионе есть свои особые божества; и чтить их было необходимо, если этот регион хотел оставаться постоянным или процветать. С другой стороны, сами туземцы в суевский век были бы достаточно расположены уважать богов своих победителей, ибо процветание человечества всегда считалось делом рук небес. Если бы они все еще сохраняли свои собственные, они не отказались бы от почитания более могущественных чужеземных богов, чьи святилища теперь были перенесены к ним и которых они постепенно должны были рассматривать как своих собственных божеств-покровителей. Отсюда и объединение двух религий; не совсем полное, но, безусловно, в очень значительной степени. Их боги были бы объединены; так же как и те догмы, которые не были абсолютно несовместимы друг с другом; и через несколько, очень немногих поколений и то, и другое было бы воспринято священниками и народом так, как если

бы они всегда были идентичными и нерасторжимыми. О том, что так *было* в других странах, мы знаем из достоверной истории. Так было с греками; так было с римлянами; так было со времен их завоеваний нескольких азиатских народов. И разум подсказывает нам, что так всегда должно быть естественным ходом событий.

Но на этот счет у нас есть нечто большее, чем предположения, или даже доводы; у нас есть факты. В Эддах и еще больше в скальдических толкованиях содержатся принципы, слишком противоположные друг другу, чтобы когда-либо полностью прийти к согласию. Мы знаем, что Тор был более почитаем в Норвегии, чем Один; и что в Дании, не меньше, чем в Швеции, Один был более почитаем, чем Тор. Причина в том, что готы, или, лучше сказать, последняя их группа, прибывшая с Одином, имели большее влияние в этих последних королевствах, чем в первых. Тору, действительно, поклонялись почти исключительно норвежцы, которые призывали Одина только накануне битвы. Они считали, что первый неизмеримо превосходит другого; и, в противоположность шведам и датчанам, утверждали, что Один был сыном Тора. Старшая Эдда называет его самым могущественным из богов; а в Сагах древнейших Скальдов он часто изображается враждебным по отношению к другому божеству. Принимая во внимание эти факты и всеобщее почитание, которое до сих пор оказывают Тору финны и лопари — люди одной расы с норвежцами, — мы придерживаемся мнения, что Тор был местным божеством, а Один — чужеземным. Великаны тоже, по-видимому, были местного, возможно кельтского, происхождения и были приняты готами-скифами после их прибытия; в то время как *черные* карлики, обитавшие в недрах земли, были завезены последними и вскоре стали частью местной веры. Белые, или доброжелательные эльфы, были повсеместно приняты готами; но темные, злобные эльфы, по-видимому, были привезены из восточного региона. В высшей степени абсурдно предполагать, что, если бы к этому вероучению не было посторонней примеси, и примеси очень большой, у нас было бы девять разных миров с их сложными, часто диссонирующими отношениями друг к другу. Там, где обнаруживается эта сложность и, что еще более важно, этот очевидный диссонанс между элементами, мы можем с уверенностью заключить, что они были введены в разные периоды; что могучее и неправильной формы здание было воздвигнуто разными руками. Но если бы не было другого аргумента для установления диссонанса, за который мы ратуем, и насильственное объединение мнений никогда не имело целью гармонизацию, это было бы достаточно очевидно из различия между двумя великими системами творения, на которые мы уже ссылались, — имерийской, или животной, и Иггдрасилем, или растительной.^[43] Вне всякого сомнения, они были столь же различны по своему происхождению, как и по своей природе; и долгое время люди считали их существенно разными. Мы склонны рассматривать имерийскую систему как родную, а Иггдрасиль — как иностранную. Гиганты были больше связаны с кельтским, чем с готским вероучением. Последние, действительно, ненавидели их даже больше, чем боялись. Тот, кто внимательно прочтет те отрывки из двух Эдд, где упоминаются великаны, вероятно, придет к тому же выводу, что и мы, — что они были чужды гению скифов. Мы можем обожать то, чего мы *боимся*, но мы никогда не обожаем то, что мы *ненавидим*, и тем более то, что мы *презираем*. То же самое можно наблюдать в отношении магических обрядов двух народов. О *темной* магии мы повсюду читаем у людей первой расы. Мы встречаемся с ним в районах, где никогда не обитали скифоготы, — в более отдаленных районах Лапландии и Финляндии. Обряды, мнения людей в этих районах были также, как мы полагаем, обрядами, мнениями всех народов, населявших Норвегию и Швецию. Мы знаем, что некоторые из них не нравились последователям Одина. Норвежец Рауде исповедовал не одиинанскую, то есть готическую, или *белую* (невинную)

магию.^[44] Не одиинанская или готская магия была причиной того, что Харальд Харфагер был так надолго и так фатально пленен дочерью финского свасо.^[45] В последнем случае ничто не может быть более очевидным, чем то, что это была природная, черная магия, которая произвела этот эффект. Отсюда и отвращение, с которым этот монарх, каким бы язычником он ни был, относился к искусству.^[46] Это не была магия Одина, которой Эгилл пользовался, когда покидал Норвегию, объявленную вне закона Эриком Кровавым Топором. Прежде чем окончательно отчалить от берега, он прикрепил лошадиную голову к одному из весел судна и, подняв ее высоко, воскликнул: “Здесь я воздвигаю жезл мести королю Эрику и королеве Гунхильде!” Повернув голову лошади в другую сторону, он воскликнул: “Я налагаю это проклятие также на богов-покровителей Норвегии, чтобы они скитались, испытывая боль, и не имели покоя для подошв своих ног, пока не изгонят короля и королеву!” Это странное проклятие он затем вырезал руническими знаками на весле и поместил его в расщелину скалы, где его вряд ли могли найти или заклинание было снято. Именно природная магия отличала Гунхильду, жену Эрика с Окровавленным Топором.^[47] Более одного короля, поклонявшегося Одину, наказали смертью наблюдателей за этими обрядами. И у большинства готических авторов, языческих или христианских, пальма первенства в магии присуждается профессорам-туземцам. Магия последнего могла быть более темной, бесчеловечной, дьявольской, но также признавалась более глубокой и могущественной. Мы согласны с Магнуссеном в выводе о том, что существовал союз, более или менее полный, двух школ магии, а также двух религий. Но существовали принципы, которые не могли быть согласованы, и туземцы, придерживаясь своих собственных, увековечили систему, существенно отличавшуюся от системы завоевателей.

Следует признать, что эти факты, эти аргументы имеют значительный вес. Мы приведем еще одно, которое, в сочетании с предыдущим, должно прояснить вопрос о факте господства религии на севере до одиинизма и существенно отличной от него. Грубые камни и скалы — настолько грубые, что едва ли имеют форму, — в последнее время и, вероятно, поклоняются сейчас более отдаленным финнам и лопарям. Этого идола они называют *Сторджункар*, или великий правитель; они приносят ему жертвы (обычно оленя-поводыря) и падают ниц перед ним в определенных горных районах, вдали от обычных поселений людей.^[48] Это поклонение является пережитком идолопоклонства, некогда распространенного среди норвежцев, не меньше, чем среди финнов и лапландцев, которые имеют то же происхождение. То, что он отмечался в Норвегии, несомненно; поскольку мы находим его в Исландии еще в конце десятого века. Индрид был смертельным врагом Торстейна; и однажды ночью он вышел из своего дома, чтобы убить его. Последний вошел в храм, где он привык поклоняться, пал ниц перед камнем и молился о том, чтобы узнать свою судьбу. Камень ответил чем-то вроде песнопения, что ноги его уже в могиле, что его смертельный враг совсем рядом и что он никогда не увидит восхода солнца на следующее утро. Все подобные камни, все подобные боги были чужды скифо-готам; и это отношение, связанное с другими, которые можно было легко установить, доказывает, что норвежцы, которые мало ощущали азиатское иго, сохранили многих своих богов, многие свои религиозные обряды, несмотря на противодействие.

Говорить больше об этом предмете в данном месте было бы бесполезно, поскольку в ходе настоящей главы у нас будет достаточно возможностей как обратиться к более древнему суеверию, так и сравнить их. Мы полагаем, будет обнаружено, что большая часть космогонии Эддаймов имеет местное происхождение; что большинство миров и их обитателей были местными; и что скифские воины добавили немногим больше, чем свой Мидгард, свой Асгард, особенно свою Валгаллу; свои двенадцать богов (кроме Тора) с Одним во главе; своих женских

божеств (числом едва ли дюжина); и такие другие пункты символа веры, которые были необходимы для объединения и иллюстрации их основных статей.

Если оставить в стороне вопрос о двух различных религиях, то будет нетрудно объяснить прогресс, которого Один и его спутники достигли в направлении обожествления. Большинство шагов, действительно, были указаны в предыдущем случае^[49], и их не нужно повторять здесь. Мало было царственных понтификов Азии, которые не хвастались бы своим происхождением от какого—нибудь бога - какого-нибудь царя-воина, которого спустя века обожествили, восхищаясь его успехами. Один вряд ли пренебрег бы столь полезным инструментом для своих замыслов. Затем, поскольку он и вожди ванов, несомненно, были гораздо более цивилизованным народом, чем уроженцы севера; поскольку его таланты, вне всякого сомнения, были командирского порядка; поскольку религиозные обряды, в которых он был высшим наследственным понтификом, отмечались с большей помпой; поскольку успех сопутствовал всем его мероприятиям, будь то в войне или политике; поскольку он сам и его последователи претендовали на нечто божественного характера, местные жители вскоре стали считать его сверхъестественной личностью. Это чувство, без сомнения, разделяли его соплеменники, которых всегда учили верить, что божественный дух может вселяться в грудь героя или короля. Как в прежние века к Ровстаму и Джемшиду, так и в более поздние века к Алариху и Аттиле относились с равным почтением. С равным почтением в наши дни относятся к своим правителям китайцы, тибетцы, татары. То же самое делали мексиканцы и перуанцы. Однако от Снорро мы узнаем, что продвижение Одина к обожествлению было намного медленнее, чем обычно предполагается. Он недвусмысленно намекает, что королю стали оказывать особые почести *после* его смерти: “С этого времени люди стали больше верить в Одина и приносить ему обеты”. Если были признаны его притязания на божественность, то должны быть признаны и притязания его главных понтификов, поскольку дело и интересы этих двоих были неразделимы.

Первоначальная резиденция той колонии готов, которую Один повел на север, не без оснований была расположена к востоку от Танаиса или Дона: вероятно, она находилась значительно восточнее этой реки. По этому вопросу у нас не может быть лучшего наставника, чем Снорро: “Сфера мира, в которой обитает человеческая раса, как нам сообщили, пересечена заливами: великие моря из океана проникают в твердую землю. Хорошо известно, что от Гибралтарского пролива (Ньевасунд) великое море простирается до самой Палестины (земли Йорсала). От этого моря к северо-востоку тянется залив, называемый Черным морем, который отделяет друг от друга три части света: земля к востоку называется Европой, другие - ВДНХ. К северу от Черного моря лежит большой или холодный *Свитьод* (Свеция или Великая Скифия). Некоторые утверждают, что великий Свитьод не менее обширен, чем Серкланд (Северная Африка); другие даже сравнивают его с великой блаженством (*Ethiopia magna*). Северная часть Свитьода не возделывается из-за морозов, точно так же, как южная часть Блаланда лежит в запустении из-за палящей жары. В великом Свитьоде есть много провинций, населенных различными племенами, говорящими на разных языках. Здесь есть великаны и карлики; есть черные люди, драконы и другие дикие звери огромных размеров. К северу, в горах за пределами обитаемой местности, берет начало река, собственно называемая Танаис, но получившая название Танасквил, или Ванасквил, и которая, протекая через Свитьод, впадает в Черное море. Страна, окруженная притоками этой реки, в те дни называлась Ваналанд или Ванахеймр. Этот поток отделяет *три* части света друг от друга, причем часть, лежащая к востоку, называется Азией, а та, что на западе, Европой. Страна к востоку от Танаскисла в Азии

называлась Асаланд или Асахеймр, а столица этой страны - Асгард. Там правил Один, и там тоже было великое место для жертвоприношений. Двенадцать понтификов (хофгодаров) председательствовали в храмах, которые в то же время были судьями закона”.^[50]

Какими бы несовершенными ни были географические знания Снорро, он, без сомнения, правильно определил колыбель этого народа и ванов. Они были соседями; следовательно, они часто воевали, пока вожди обоих не согласились не только навсегда сохранить дружеские отношения и участвовать во всех будущих завоеваниях, но и в некоторой степени объединиться посредством государственного союза. Отсюда соединение ванов с асерами и смежность их соответствующих регионов в скандинавском календаре. То, как Асгард и Ванахейм оказались не только на земле, но и на небесах, озадачивало многих авторов. Они могут быть в равной степени озадачены тем, что двенадцать дротменов, или первосвященников-вождей, были преобразованы в такое количество божеств, а храм земного перенесен в небесный Асгард. Есть два способа решения этой проблемы. Возможно — это даже чрезвычайно вероятно, — что скифы задолго до своего переселения из Азии назвали свою страну в честь небесного существа, в котором они ожидали поселиться после смерти. Правительство Азеров было по сути теократическим и, насколько это было возможно, ассимилировалось с тем, что, по их мнению, существовало наверху. Они не были особенными и в этой экономике: Афины и более крупные нации сделали то же самое. Двенадцать великих жрецов Египта были названы в честь двенадцати богов, которые управляли таким же количеством небесных знаков. Так было в Ассирии. В Персии также число жрецов в великом храме соответствовало числу Амшаспандов, или небесных гениев, которые правили миром как наместники Ормузда. В самом деле, нет ничего более естественного, чем положение, при котором люди, посвятившие себя служению богам, старались бы строить свои учреждения по образцу, который, как считалось, приняли сами боги. “Таким образом, асеры были богами новой религии, введенной Одним, и в то же время его временными спутниками и последователями - племенем асов, или асоготов, с реки Танаис. Асгард, или Годхейм, является их небесной обителью, откуда они спустились на землю (Манхейм), чтобы смешаться с детьми человеческими; и в то же время является первоначальной резиденцией Одина и его народана реке Танаис”.^[51] Это мы считаем более естественным решением рассматриваемой проблемы. Возможно, однако, что ученики первого понтифика начали после его смерти наделять его и его спутников знаками божественности и уподобили их, как по количеству, так и по атрибутам, древним божествам Скифии, внеся, однако, некоторые изменения. В любом случае должны были произойти какие-то изменения. Мы уже высказывали наше мнение, что Тор не был скифским богом: следовательно, он (и то же самое можно сказать об одном или двух других) должен был быть впоследствии принят в божественную коллегия, когда между местной и иностранной религией произошел союз, за который мы боролись; или, скорее, когда иностранная религия была привита к местной системе. Эта система, повторяем, была, по нашему мнению, основой той, что содержится в Эддах; и гораздо больше, чем основа.

Союз, который мы пытались установить, объясняет сложную, хотя и разнородную систему Эдд. Эта система, несомненно, не была работой одного народа или, мы можем добавить, одной эпохи. Оно было получено от людей, сильно отличавшихся друг от друга по характеру, привычкам, мнениям и манерам; и, вероятно, это была работа столетий. Есть основания полагать, что преемники двенадцати первоначальных понтификов добились гораздо большего, чем они сделали или чем их предшественники. Элементы, действительно, были разбросаны по Норвегии; но их едва ли можно было собрать в единое целое; еще меньше могли они принять ту величественную форму, которую они демонстрировали в эпоху Семунда и Снорро. Они

состояли из отдельных частей, составленных в разные периоды и, вероятно, не соединенных — не сформированных в единое целое - до тех пор, пока спустя много столетий после смерти Одина. Более того, есть некоторые основания заключить, что два исландца, о которых мы только что упомянули, были первыми собирателями этих разрозненных фрагментов, равно как и комментариев к каждому из них недавних скальдов их собственной страны и более древних скальдов Норвегии. Такого же мнения, вероятно, будет и читатель, прежде чем он закроет настоящий том.

Дав теперь общее представление как о скандинавской вселенной, так и о ее обитателях и показав вероятную связь между тамошними богами и смертными, мы переходим в следующем разделе к более подробному изучению этих богов и, где это практически возможно, к объяснению их соответствующих атрибутов физическими явлениями, на которых они так часто основывались.

РАЗДЕЛ II.

ГЛАВНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ СКАНДИНАВИИ.

ОДИН, ТОР И ЛОКИ.—ИХ ПЕРСОНАЖИ ФИЗИЧЕСКИ ИНТЕРПРЕТИРОВАНЫ.—ИХ ЖЕНЫ И ПОТОМСТВО.—ТРОЕ ДЕМОНИЧЕСКИХ ДЕТЕЙ ЛОКИ.—ВЛИЯНИЕ ЭТОГО БОЖЕСТВА НА СУДЬБУ ВСЕЛЕННОЙ.—ОН ПРИСУТСТВУЕТ ВО ВСЕХ ВЕЛИКИХ МИФАХ.—ИЗНАСИЛОВАНИЕ ИДУНЫ.—ВИЗИТЫ ТОРА В ЕТУНХЕЙМ.—ТОР И ВЕЛИКАН ГИМИР.—ТОР И ВЕЛИКАН ТРИМ.—НИВОД, ФРЕЙР, ФРЕЙЯ.—ЭКСПЕДИЦИЯ СКИРНИРА-ЭГИРА И РАНА.—ДРУГИЕ БОЖЕСТВА.—БАЛЬДЕР.—НАКАЗАНИЕ ЛОКА.—РАГНАРЕК.—ПРИЗНАНИЕ ВЕЛИКОГО ПЕРВОПРИЧИНЫ СКАНДИНАВАМИ-ЯЗЫЧНИКАМИ.

ОДИН, ТОР, ЛОК.

Первых двух богов мы помещаем вместе как для сравнения, так и для контраста; последнего - потому, что его действие необходимо для объяснения двух других.

Согласно Эддам, у Одина было несколько жен; первой была *Фрея*, или *Фригга*, от которой у него было пятеро сыновей: Тор, Бальдр, Брага, Хермод и Тир; второй была *Скада*, от которой у него был Семминг; третьей была *Гриду*, от которой у него был Видар; четвертой была *Ринда*, от которой у него был Бальдр, или Бо.^[52]

В Валгалле у него есть стол отдельно от эйнхериев, но он питается только вином; а мясо, поставленное перед ним, он раздает двум волкам, которые стоят рядом с ним. Это *Джери* пожирающий и *Фреки* свирепый.

Он узнает обо всем, что происходит на земле, не утруждая себя восхождением на Лидскиалф^[53] с помощью двух воронов, которые покидают Асгард на рассвете, а к обеду возвращаются, садятся ему на плечи и шепчут на ухо все, что видели. Эти вороны — Наблюдательность и Память; оба подарка от волшебницы Хульды. Поэтому его называют богом-вороном.

Эти мифы по большей части достаточно очевидны. Фригга - олицетворение земли; в то время как сам Один в своем качестве главного бога может представлять небеса. Небо и земля дают начало грому (Тору), летнему солнцу (Бальдру), быстрому вестнику (Хермоду), гостеприимному

стола (Браге) и неустрашимому защитнику природы (Тиру). Скада, дочь великана Тиасса и горная нимфа, является олицетворением весенних ветров; но мы не можем понять смысла мифов — если, конечно, они действительно были задуманы — в отношении Земминга. Причина, по которой Видар должен быть отпрыском Гридура, столь же темна; но есть достаточно оснований в том, чтобы сделать мороз (Ринду) матерью бесплодия. Два волка рядом с Одином обозначают его свирепость как бога сражений; а два ворона, память и наблюдательность, объясняют его знание прошлого и настоящего. На будущее этот бог не претендовал; оно принадлежало норни Скулде и нескольким вейлам, или пророчицам.

Непосредственно зависящими от Одина — исполнителями его воли как бога войны - были три валькирии, или выбирающие убитых. Они также угощают убитых на его пиру.

Существует множество легенд об Одине, который часто посещал человечество. Мы выбрали один из них, потому что он иллюстрирует наблюдения, которые мы сделали относительно соперничества Тора и Стеркоддера, знаменитый чемпион^[54], будучи ребенком, был взят в плен. Он выпал на долю некоего Гране, или Вискерса, которого звали Бакенбард из Конского волоса и который воспитывал его как приемного сына. Это был не кто иной, как переодетый Один, чья привязанность к тому, кому суждено стать таким непревзойденным в военном деле, может быть легко понята. Однажды ночью ему должна была быть показана судьба молодого человека, неизвестная ему самому. Бакенбарды из конского волоса, о качестве которых он ничего не знал, сели с ним в маленькую лодку, и они доплыли до острова, высадились и к полуночи достигли открытой равнины посреди леса. Там он увидел большое собрание; и внутри круга, образованного собранием, было двенадцать мест для такого-то количества судей. Одиннадцать были полны, но одна оказалась пустой, и Бакенбард из Конского Волоса немедленно уселся в нее. По мгновенному приветствию Одина судьями и упоминанию его имени вождь понял, что находится в ужасном присутствии этого божества и других богов. Один сказал, что теперь судьи должны определить судьбу Стеркоддера. Затем заговорил Тор и сказал: “Альфхильд, мать отца Стеркоддера, выбрала в качестве отца своего сына (мужа) очень мудрого Етунна (великана) вместо Асатора; поэтому я назначаю Стеркоддеру, чтобы у него не было ни сына, ни дочери, и, таким образом, он был последним в своем роду”.

Один. “Я дарую ему прожить три человеческих возраста”.

Тор. “Он совершит мерзкий поступок в каждом из них”.

Один. “Я даю ему лучшее оружие и сбрую”.

Тор. “И я назначаю ему, что он не будет владеть ни землей, ни песком”.

Один. “Я даю ему, что он будет богат деньгами”.

Тор. “Я уверен, что ему никогда не будет казаться, что ему этого достаточно”.

Один. “Я дарую ему победу и боевое мастерство в каждой битве”.

Тор. “Я клянусь ему, что в каждом бою он потеряет конечность”.

Один. “Я наделяю его способностями поэта, чтобы он создавал стихи с такой же легкостью, как и неизмеримый язык”.

Тор. “Он никогда не сможет запомнить стихи, которые слагает”.

Один. “Я дарю ему благосклонность тех, кто обладает величайшим рангом и именем”.

Тор. “Его возненавидят все остальные”.

Затем судьи подтвердили Стеркоддеру все, что было сказано, и совет разошелся.

Сага, из которой был взят этот инцидент, была написана норвежцем, который, безусловно, считал Тора равным Одину, если не превосходящим его. Это мало чем отличается от сцены магов при сотворении мира, когда ко всякому благу, предписанному Ормуздом, присоединялся злой Ариман. То, что Один и Тор были божествами-соперниками и что они породили враждебные секты, очевидно. И есть еще один момент, с которого можно рассматривать эту враждебность. Все воины, отправившиеся в Валгаллу, были благородного происхождения; они были ярлами или херсерами, были богаты и могущественны. Но что стало с более подлыми свободными людьми и рабами (крепостными), которые пали в битве? Они отправились в Трудхейм, во дворец Тора, Бильскирнер^[55], который, чтобы владелец не мог превзойти, имел такое же количество ворот, как и дворец Одина, а именно. пятьсот сорок. Разве это не доказывает, что Тор был местным, а Один - чужеземным богом? — что первый принадлежал побежденным, а второй - народу-победителю? Само имя Тора показывает, что он был кельтским божеством. Он - *Таранис* из Лукана, Торон с Шотландского нагорья и Тирмес с лопарей.^[56]

Визит Одина к великану Вафтрудниру и его состязание с ним^[57], также может служить иллюстрацией его хваленых знаний, а также силы. Фригг, его жена, была встревожена, когда впервые услышала о намерении своего мужа навестить “этого ученого великана”. Он действительно побеждает в борьбе, но не благодаря какому-либо превосходству в знаниях: скорее, благодаря недостойной уловке.

Фригга, жена Одина, была выдающейся личностью на северном Олимпе. Она королева и мать богов. Ее дворец, называемый Фенсейл, был великолепен; и это была своего рода гостиная для всех богинь. Ее дар предвидения был велик; она могла предвидеть будущее, и к ней обращались женщины при родах.

Согласно вульгарной генеалогии, которую стремились установить единисты в противовес тористам, Тор был старшим сыном Одина и Фригг. Даже в Швеции он был первым по рангу среди богов после Одина. Мы можем даже усомниться в том, что какая-либо секта единистов не почитала его первым; ибо его изображение в Упсале, где он изображен сидящим на троне, окруженный атрибутами божественного величия, — в то время как Один, бог войны, стоит по правую руку от него с обнаженным мечом, а Фригг, богиня производства, по левую руку от него, с плодами природы в руках, - ясно указывает на его главенство. Его силе не было равных, а телосложение было таким большим, что ни одна лошадь не смогла бы его унести: он всегда путешествовал в колеснице, запряженной двумя козлами. У него было три сокровища, все непревзойденные, все созданы гномами. Самым известным из них был его молот, названный *Мьельнер* (мельник, громила), который, когда он бросал его сильной рукой, был неотразим; однако, как бы далеко он ни был брошен, он всегда возвращался к нему. Каким бы внушительным оно ни было, оно было таким маленьким, что он мог положить его в карман. Ни одна рука, кроме его, не могла прикоснуться к нему; и даже он сам без своих замечательных стальных перчаток, второго из его сокровищ. Третьим был пояс — *Мелгингандур*, который удваивал его силу всякий раз, когда он надевал его. Превыше всех богов он был врагом

Римтурсеров, или Ледяных Великанов, против которых со своим страшным оружием он вел непрестанную войну. Сам блеск его глаз был ужасающим: это была молния; и молния испускалась колесами его колесницы, когда он катился вперед. Каждый день он совершал обход Асгарда, чтобы отогнать великанов.

Вряд ли требуется толкование этого мифа. Мильнер - его удар молнии. Его антипатия к великанам — силам тьмы и холода в равной степени, и его ежедневный обход Асгарда - в достаточной степени объясняют сами себя. Его перчатки и пояс были украшением, которое не имеет необходимой связи с его природой. Последнее можно найти во многих восточных художественных произведениях (например, "Тысячи и одной ночи"), а также во многих из них, распространенных по всей Европе. Его жена, *Сиф*, является еще одной иллюстрацией к этому мифу. Она считается олицетворением летней земли и представлена в акте раздачи фруктов и цветов. Ей, как и ее мужу, особенно поклонялись в Норвегии. От бывшего мужа у нее был сын — Уллер, бог охотников, чьей резиденцией был Идейл, или Росистая долина.^[58] Самой замечательной из ее особенностей были ее *волосы*, которым не было равных по своей красоте и о которых мы уже упоминали ранее.

Тот факт, что Сиф поклонялись только в Норвегии из всех скандинавских регионов, является еще одним аргументом в пользу высшего поклонения ее мужу задолго до прихода Асеров. Еще более сильный аргумент можно найти в том факте, что Трудхейм, или Трудванг, был названием области в этом королевстве, не менее чем дворца на небесах; и самым сильным из всех является особая привязанность, с которой к нему относились норвежцы, считавшие его своим уроженцем, своим богом-покровителем. Похоже, у него были некоторые атрибуты римского громовержца: один и тот же день (четверг) и одна и та же планета (Юпитер) были для него священными.

Великаны, для которых Тор, таким образом, был естественным, извечным врагом, были, как мы часто наблюдали, потомками Бергельмера, горного старика, и его жены, которые избежали уничтожения своей расы кровью Имера только потому, что случайно оказались в море на рыбалке, когда был убит великан. Переместившись в темную нижнюю область, лежащую в пределах полярных морей, они вскоре заселили ее. Темнота, действительно, была стихией этих существ: никакое солнце не освещало и не подбадривало их. Когда они посетили землю, это было ночью, ибо тогда их могущество было наибольшим. В магии они превосходили всех других существ: они владели многими тайнами, относящимися к происхождению и природе вещей, неизвестными мудрейшему из богов. У них учились три норнии, или судьбы, — у них воспитывалась сама Вала, великая пророчица небес. Они относились к Аскерам с неприязнью — как к узурпаторам мира, который по праву принадлежал им; и к сынам Аскура, творению богов, они питали такую же неприязнь. Это чувство, действительно, не мешало азерам время от времени вступать с ними в смешанные браки; но браки никогда не были удачными. Королем этого обширного мрачного региона был Угartilок, или, более правильно, Утгарделок, а именно. локе Утгарда, монарх внешнего мира. Представление, которое датчане имели об этом персонаже и обо всей расе в целом, мы показали в предыдущем случае.^[59] Какими бы дикими ни казались связанные с ними легенды, они имеют свое значение. Читатель не преминет заметить, что эти исконные обитатели земли — этот народ, уничтоженный азерами и сосланный в унылые пустоши Севера, был исконной финской, или, скорее, кельтской расой, которую изгнали готы. Мифология этой расы была полна великанов; друиды хвастались знакомством с природой, в котором отказано остальному человечеству; и хвастовство это, вероятно, было справедливым.

Свидетельство Цезаря об обширном характере их знаний в изобилии проиллюстрирует эту часть исторического вопроса. И снова кельты претендовали на мистическую науку: в доказательство этого обратитесь к Цезарю, к традициям, распространенным везде, где проживали кельты, и, прежде всего, к фрагментам древних валлийских бардов, сохранившимся в Археологии княжества. Эдды полны кельтских мифологических аллюзий. Например, кельтскими были гномы или феи из доброжелательного класса; в то время как злобные, которые были своего рода злыми гениями, пришли вместе с Азерами из места, где два принципа добра и зла были доминирующей статьей популярного вероучения.

Персонажем, не менее важным, чем Один или Тор в скандинавской мифологии, является Локе, или, как его иногда называют, Луптур. Он был важен не из-за своей силы, или своей мудрости, или своего достоинства, а из-за своей хитрости, своего предательства, своего дурного характера и влияния, которое он оказывал одинаково на богов и людей. Он был сыном великана Фарбауте от волшебницы Лауфеи. Хотя он принадлежал к расе великанов, он получил признание среди богов: действительно, поскольку его манеры были чрезвычайно приятными, его постоянное веселье и безграничное остроумие, когда они не были смешаны со злобой, он не мог не быть приемлемым для такой вульгарной расы, как асеры. Но когда, как это действительно часто бывало, в его шутках сквозила злоба, его смех заставлял слушателя содрогаться. Почему боги должны были терпеть его, не очень ясно; но судьба, вероятно, была причиной, которую набожный сторонник Одинизма приписал бы этому, — очень удобная причина в большинстве систем мифологии. Его рождение можно было бы проследить до начала времен, поскольку, так или иначе, он был связан с Одним в работе по сотворению мира, хотя на эту связь очень туманно намекают. Как нам сказали, он был родственником Утгарда Локе, или Угартилока, монарха ледяных великанов. Эти два персонажа, без сомнения, изначально были одним и тем же; но поскольку кельты и асеры имели разные представления об одном и том же существе, было сочтено необходимым ввести их обоих в единый символ веры. В силу своей связи с ними, Локи часто навещал великанов, которые доверяли ему так же мало, как и Асер. Но иногда он был полезен обоим; и из-за злобы своей натуры, не меньше, чем из-за неприязни к богам, которых он одновременно боялся и ненавидел, он часто был союзником гигантов в их усилиях вернуть утраченное владычество и уничтожить узурпаторов. Если он таким образом подвергал последних опасности, то только он мог избавить их от нее. В полном соответствии с "Эддами" Оленшлагер описывает его следующим образом:

Среди лордов светлого Асгарда

Равен единице, Как высота Луптура.

Его слова подобны меду;

Его сердце наполнено злобой:

Его форма вполне приличная,

И победный вид у него;

Но все еще его коварная ухмылка

Показывает, что внутри все ложно.

Несмотря на частые его предательские уловки

Гнев Асера провоцирует,

Его гладкий язык все еще очаровывает,

И останавливает надвигающийся удар.

Часто цитируется, чтобы появиться

Перед этим он стряхивает Пепел.^[60]

За столом Одина рядом с

Его место занимает Аса Тор.^[61]

Как бог, он действительно был близким спутником Тора, который, однако, не испытывал особого желания общаться с ним. Как и большинство богов, он был женат. Его жена, *Сигне*, была дружелюбным существом, которое любило его, несмотря на его порочность. От нее у него было два сына, Нари и Вали, о судьбе которых будет упомянуто в соответствующем месте. Но у него были другие, более озорные отпрыски от великанши Огербод, — *волк* *Фенрис* *Jormungandur the great serpent*, and *Hela*,, королева смерти. Это предполагаемое родство подтвердит наблюдение, что первоначально был только один Локе, владыка Утгарда и, следовательно, вечный враг богов. То, как асгардский Локи мог стать настолько злым, чтобы произвести на свет такое потомство, могло бы нас удивить, если бы мы не были уверены, что изначально он таким не был и что он стал таким, съев наполовину прожаренное сердце чародейки.

Эти трое детей Локе были воспитаны матерью в Утгарде. Роковое влияние, которое им предстояло оказать на вселенную, не укрылось ни от Вали, таинственной небесной пророчицы, ни от Скулды, Норны будущего. Боги были предупреждены и посланы обезопасить их. Йормунгандур, один из самых страшных, был схвачен Одином и брошен в великое море, отделяющее людей от мира великанов. Там он стал таким большим, что окружил всю землю, будучи обречен держать свой хвост во рту и таким образом образовывать круг. Там он лежит, ожидая времени, когда судьба освободит его — Рагнарека, или сумерек богов; когда он будет способствовать разрушению видимой вселенной.

Хела, следующее мифологическое потомство, отвратительна на вид — ее тело наполовину мертвенно-бледное, наполовину естественного цвета. По воле Одина, или, скорее, по воле судьбы, орудием которой он был, она была помещена в верхние пределы Нифлехейма - в область, которая по ее имени называется Адом (*Helheim*). Она была наделена властью над шестью или, возможно, семью из девяти миров (как мы уже отмечали ранее, есть некоторые сомнения в том, что Муспельхейм вечен) — над людьми, карликами, великанами и богами. Все, кто умирает естественной смертью, отправляются в ее “мрачную обитель”: отсюда ее титул “королева мертвых”. “Чертог Хелы, - говорится в прозаической “Эдде”, - это страдание; ее стол - голод; ее нож - голод; ее порог - подъемный мост; ее постель - затяжная болезнь; ее шатер - проклятие”. У нее тоже, как и у Одина, были норни, в обязанности которых входило призывать смертных в ее обширные владения. Но они намного уступали по красоте и достоинству небесным норни. Они являлись обреченной жертве только ночью. Иногда считалось, что таким образом появляется сама Хела. У нее был темно-красный петух, который своим кукареканьем

означал приближение судьбы, и призрачный конь, который нес обреченных в ее мрачную обитель.

Третий демонический отпрыск Лока, волк Фенрис, не менее прекрасен, чем его брат и сестра. Одна была застигнута врасплох и сброшена в море; другую частично убедили подчиниться благодаря высокому достоинству, предложенному ей; но Фенрис, который был более могущественным, доставлял и больше хлопот. Его действительно схватили и связали; но он разорвал свои оковы, какими бы крепкими они ни были, как будто их не было вовсе. Теперь была сделана массивная цепь, и ему предложили испытать ее на прочность: она хрустнула, как будто была из высохшей глины. Другой был сделан вдвое сильнее предыдущего, — самый сильный, какой только могли создать боги; но с очень небольшим усилием он тоже уступил. Что же было делать с этим грозным преступником, которому суждено, если оракулы верны, подвергнуть опасности весь мир? У богов не было оков, которыми они могли бы связать его; нельзя было ожидать, что искусные гиганты объединятся в каком—либо замысле против кого-либо из своего собственного тела, к тому же такого, которое по природе своей было враждебно Асеру. В этом, как и во многих других дилеммах, приходилось прибегать к помощи Карликов в недрах земли. По просьбе Скирнира, посланца Фрейра, они соорудили цепь под названием Глейпнер; которая, хотя и была такой тонкой, что напоминала шелковую нить, тем не менее, ее не могли разорвать ни боги, ни великаны, ни карлики. Эдда знакомит нас с материалами, из которых она была построена. Их было шесть, и все достаточно любопытные, чтобы заслуживать упоминания: звук, издаваемый лапами кошки; борода женщины; корни огромных камней; волокна деревьев; дыхание рыб; слюна птиц. Но как связать этим грозное чудовище? Нужно использовать обман. Отправляясь с ним на уединенный остров, боги пожелали, чтобы он испытал свою силу на этом, как он делал на предыдущих вещах. “Мало чести, - ответил хитрый демон, - может быть, если порвать шелковую нить; но, вероятно, она может быть заколдована!” и он отказался попробовать. Затем над ним стали насмехаться; и в досаде он, наконец, согласился быть связанным; но затем, чтобы убедиться, что боги были честны в своем предложении, он настоял, чтобы кто-нибудь из них приложил руку к его рту. Они были в полном смятении; но неустрашимый Тир^[62], северный Марс, защитник богов, вконец концов решил пожертвовать членом сообщества ради сохранения вселенной. Поэтому он положил руку на открытую челюсть, и волк позволил сковать себя. Цепь была хитро закреплена вокруг его тела, пропущена через расколотую скалу, опущена вниз, к центру земли, и там закреплена. Теперь Фенрис пытался, как и прежде; но пока что он был далек от побега, каждое усилие, которое он предпринимал, только запутывало его еще больше и крепче затягивало путы. Поэтому он воздержался, но в гневе откусил руку Тира. С этого момента бог был только левшой; но поскольку он использует эту руку с большим эффектом, его по-прежнему следует опасаться. Только у него хватило смелости принести пищу животному, рев которого ощущала вся природа, пока боги не вонзили меч ему в пасть и таким образом не заткнули ему рот кляпом. Там он пролежит до Рагнарека, когда, подобно змее Мидгарда, вырвется на свободу.

Во всей системе нет персонажа более мифического характера, чем Локи. Очевидно, он был олицетворением активного принципа зла. Его имя означает *пламя*; и он является представителем демона огня — *разрушительного*, в противоположность пищевому, воздушному огню, символом которого можно считать Бальдра. В наши дни норвежцы называют дьявола Локе. Тем не менее, в мифах о нем часто присутствует некоторая неясность, и это вызвано тем, что его так часто путают с королем демонов Утгарда. Хотя первоначально они были *одним*, Эдда превратила его в двоих, что, без сомнения, соответствует гениальности двух

различных систем мифологии. Таинственный намек на помощь, которую он оказал Одину в творении, является одним из великих доказательств его отождествления с силами зла: его отношения с гигантами с обеих сторон в достаточной степени объясняют его враждебность по отношению к богам, с которыми он общался, чтобы найти возможность восторжествовать над ними. Его называют трусом, потому что его поступки не несут света — изобретателем обмана, лжи, всего низменного. Первый из его отпрысков, великий змей, очевидно, является пережитком кельтского вероучения. Бритты признали его существование, и на побережье есть два выдающихся мыса, которым они дали название Голова Червя.^[63] Волк Фенрис персонаж более неясный, хотя и не менее подтверждающий мифы. Несомненно, это символ разрушения. В некоторых странах Востока считается, что волк окончательно уничтожит если не весь мир, то солнце и луну. Таким образом, в системе Будхист волк, Раку, всегда начеку, готовый проглотить оба светила. Мы подозреваем, что этот миф принадлежит живому автору^[64], породил суеверие, столь распространенное в средние века, — суеверие о людях-волках; а именно, способность некоторых людей принимать облик этого животного. Хела, или смерть, порождение греха, или сатана (Локе), не нуждается в объяснении. Мы можем, однако, заметить, что есть некоторое правдоподобие в аргументах Магнуссена, когда он пытается показать, что Хельхейм более древний, чем Валгалла; что это место наказания, признанное первоначальными жителями, в то время как рай для воинов был введен готскими завоевателями.

Мифологические басни, в которых так заметно фигурирует Локи, проиллюстрируют его характер лучше и, безусловно, приятнее, чем любое формальное описание. В большинстве из них он был связан с Тором; но мы выбираем один, в котором с ним были связаны Один и Хенир. Мы должны заметить, что Хенир - это всего лишь другое имя Вайла, брата Одина, который помогал в творении.^[65]

ИЗНАСИЛОВАНИЕ ИДУНЫ.

Однажды трое Асеров покинули Асгард, чтобы увидеть другие миры, особенно Утгард. Путешествуя по унылым пустошам, они добрались до гористой местности, где были голодны больше, чем в течение некоторого времени. Войдя в долину, они нашли стадо крупного рогатого скота и убили одно из животных на ужин. Локе, который должен был быть поваром, развел костер и приступил к своей работе, в то время как два более благородных бога ходили вокруг. Но, несмотря на сильный жар огня, бык не поджаривался. Голос с дерева над ним сказал ему, что он не будет ужинать, если не пообещает позволить говорящему присоединиться. Он поднял глаза и, увидев только орла, дал свое согласие. Птица теперь спустилась к огню и ухватила за оба плеча, чего он, считая свою долю несколько великоватой, не допустил. Взяв большую поленицу, он ударил неразумное животное; орел мгновенно взлетел вверх, один конец полена прилип к его клюву. Но увы! другой конец был не менее цепким в руке Локи; и его потащило прочь через горы, леса и ручьи, его рука была готова отвалиться от тела, а ноги были сильно изранены из-за того, что он волочился по острым камням и кустам. Он страстно воззвал о помощи к Одину и Тору. “Кричи прочь!” - ответил орел, который был не кем иным, как гигантом Тиассом в этом обличье^[66]; “но никогда ты не выйдешь из этой ситуации, если не пообещаешь клятвой доставить мне Идуну и ее яблоки из Асгарда!”

Идуна была женой Браги, бога красноречия, и дочерью гнома Ивальда, одного из самых ученых представителей его расы. Она была богиней и женой бога: обеими почестями она, без сомнения, была обязана чудесным яблокам, хранительницей которых она была и которые были

подарены ей ее родственниками. У них была такая добродетель, что, когда боги чувствовали приближение старости, им достаточно было съесть эти яблоки, чтобы вернуть себе весь расцвет юности. Гиганты, подобно богам, были подвержены разложению; и, подобно богам, они желали обрести бессмертие — сбежать из темной империи Хела.

Поскольку Локи не был другом Азера, он поклялся выполнить требование великана в течение определенного времени. Поэтому он был освобожден и получил возможность вернуться с двумя богами в Асгард. Когда пришло время заключать завет, он сказал Идуне, что в соседнем лесу нашел несколько яблок, гораздо более прекрасных и ценных, чем все, что у нее было. Охваченная любопытством, она взяла с собой несколько своих яблок, чтобы сравнить с другими, и Локе проводил ее в лес; но едва они миновали границу Асгарда, как Тиасс, приняв облик орла, унес ее в темные горы Утгарда.

Велик был ужас асеров при исчезновении Идуны и ее яблок. Эффект был замечен вскоре: они стали слабее, менее эластичными, дряхлыми и морщинистыми. Хотя время года было весеннее, цветы увяли, а листья стали пожухлыми, как в конце осени. Был созван совет богов, чтобы узнать, как и куда исчезла Идуна. Никто не мог сообщить им никакой другой информации, кроме этой, — что в последний раз ее видели вместе с Локе, покидающей Асгард. Локи был допрошен; и когда он проявил склонность уклоняться от задаваемых вопросов, Тор схватил его и подбросил в воздух так высоко, что его пятки коснулись луны, а затем спустился к морю. Все это было ничем по сравнению с тем, что ему предстояло выстрадать, если он не вернет богиню. Он с готовностью пообещал сделать это, если Фрейя одолжит ему свой облик ястреба. Вооружившись им, он полетел в этом обличье в Утгард и достиг жилища Тиасса как раз в тот момент, когда тот великан покинул его, чтобы ненадолго поплавать по соседнему морю. Превратив Идуну в ласточку, он вернулся с ней в когтях к Асгарду. Когда Тиасс вернулся и узнал об уходе богини, он надел свой орлиный наряд и быстро последовал в том направлении, куда улетел ястреб. Он увидел беглецов как раз в тот момент, когда они приближались к Асгарду; и он, несомненно, догнал бы их, если бы не хитрость азеров, которые с тревогой наблюдали за погоней. Сложив огромную кучу хвороста под стенами города, они подожгли ее, и пламя поднялось так высоко, что обожгло крылья орла. Тиасс упал на землю, и Тор тут же разделался с ним.

Это одна из самых интересных басен прозаической Эдды. В этом, несомненно, есть смысл, хотя мы ни в коем случае не уверены, что Магнуссен нашел правильный. По его словам, Идуна - это источник, который можно назвать обновителем молодости природы. Весне всегда сопутствуют радость и гармония — пение птиц, жизнерадостный гул людей, резвость животных, резвый ветер: поэтому она олицетворяется в Идуне: она жена Браги, бога поэзии, музыки, пения, гармонии. Тиасс, великан, олицетворяет зиму: Идуна улетаёт от него в образе ласточки, которая повсюду является весенней птицей. Уничтожение гиганта пламенем означает, что зимний сезон был убит весенней жарой. Нельзя отрицать, что такое объяснение мифа остроумно и правдоподобно; но мы не вполне удовлетворены им. Хотя в этих баснях заложен определенный смысл, мы сомневаемся, что все инциденты были задуманы таким образом. Многие из них были изобретены из любви к изобретательству или, скорее, в угоду толпе; и такие изобретатели не всегда соблюдали физические принципы. По этой очевидной причине требуется большая осторожность при интерпретациях, которые не имеют положительного авторитета в своей основе.

Следующий миф, в котором представлен Локи, связан с Тором.

ВИЗИТЫ ТОРА В УТГАРД.

Гейрут, также называемый Гейрродом, был одним из самых грозных врагов Асера. В предыдущем томе мы приводили из Саксона Грамматика описание его империи^[67], — описание, соперничающее по силе изобретательности с любым, которое можно найти у Гомера. К нему мы отсылаем читателя, прежде чем он продолжит это повествование, поскольку ничто не может быть более любопытным, чем сравнить рассказ, который Саксон почерпнул из традиции (Эдда тогда еще не была составлена), и, более того, из датской традиции, с тем, что приводится в священных книгах скандинавов из норвежских источников.

Первому путешествию Тора предшествовало путешествие Локи. Локи, при всей своей хитрости, часто попадал в неприятности; — а как могло быть иначе у дьявола? Приняв облик ястреба (ястреб во многих странах, кроме Севера, был символом этого персонажа), он проник во владения Гейрута, был схвачен и, когда отказался отвечать на заданные ему вопросы, был заперт в сундуке на три месяца. Затем его месть дала о себе знать, и он признался, кто он такой. Затем великан отпустил его, пообещав привести Тора в Утгард без пояса и молота. Цель политики гиганта легко угадать. Тор, защитник Асгарда, вечный враг гигантов, был бы низведен до того же уровня, что и они сами, если бы лишился этих замечательных сокровищ. Локе без труда уговорил добросердечного бога посетить владения короля великанов. На пути в те края, в пределах Утгарда, был волшебный лес, все деревья в котором были железными. В нем жили некие волшебницы, которые были матерями мужчин и женщин-колдунов, которые могли в любой момент принять облик волка. Эти чародейки были жестоки: они часто вызывали бури и заманивали путешественников в свою власть из простой любви к разрушению. Тор встретил одну из этих ведьм, которая предостерегла его от искусства Гейрута и подарила ему пару железных перчаток, пояс и посох.

Добравшись до реки Вимур, самой длинной в мире, он заметил Гиалп, одну из дочерей великана, стоявшую верхом на всей реке — по одной ноге на каждом берегу; и заставлявшую воду страшно подниматься. Он бросился на нее и заставил отступить. Перейдя вброд, он направился ко дворцу Гейрута, в который вошел, и для него было предоставлено отдельное жилище. В одном углу пещеры стоял табурет, на который он сел; но едва он сел, как табурет начал подниматься с земли. Посохом, который он держал, он ударил по своду пещеры и тут же услышал громкий крик внизу. Присмотревшись, он обнаружил со сломанными спинами трех дочерей хозяина, которые забрались на крышу с намерением раздавить его насмерть. Самому Гейруту спастись было не легче. Пригласив Тора выпить с ним, они вдвоем сели в другой части дворца, по обе стороны от большого камина. Посидев некоторое время, великан схватил раскаленный докрасна железный клин, который пылал в огне, и изо всех сил швырнул его в бога. Последний поймал его рукой в перчатке и вернул с такой силой, что, хотя Гейрут забежал за колонну, пуля прошла насквозь и через пиллара, и через него самого, и через стены дворца. Все еще это оставалось в его груди; и в таком положении, окруженный заботами трех своих дочерей-калек, он оставался до сих пор.^[68]

Во втором путешествии, которое носит гораздо более творческий характер, Тора сопровождал Локи. Храм Упсал посетил Утгарделок (король демонов Утгарда)^[69], который не только погасил священный огонь, но и разрушил здание. Теперь Апсал был дворцом, который Один любил больше всего в Мидгарде. В нем также с большой пышностью поклонялись Тору и Фригг; и

жрицы последней были королевской крови — дочери королей. Велик был гнев трех божеств. Было замечено, что Тор, в частности, нахмурил брови и сжал кулак за столом; но он не произнес ни слова, ибо обдумывал способы мести. Поскольку он знал, что король демонов обладает естественной и еще более сверхъестественной силой — наукой, неизвестной богам, — он решил вторгнуться в его владения. Осушив полный рог, подаренный ему одной из Валькирий, он позвал свою машину, своих коз и Локе, как спутника в своем путешествии. Запряг животных, прибил гвоздями их золотые подковы, обмотал поводья вокруг пояса, вошел вместе с Локе и, схватив Мильнера в правую руку, быстрым шагом направился вниз по мосту Бифрост.

По указанному пути

Как управлял стремительный бог,

Красное пламя, переливающееся, играющее

Вдоль колес - широкие колеи.

Хеймдаль громко протрубил в рог,^[70]

Бог с недремлющим оком;

Семь служанок покорно склонились^[71]

Когда золотая машина пролетала мимо.

На земле какой-то ужасный метеорит

Люди думали тогда узреть;

Небеса были полны огня;

Раскатами прокатился гром.^[72]

Добравшись до хижины ближе к ночи, они попросили гостеприимства, которое было с готовностью оказано. Хижина была скромной, и в ней было мало того, чем могли бы пировать боги, — ничего, кроме простых овощей. Но Тор не беспокоился по этому поводу. Своим молотом он убил двух своих козлов, с которых сняли шкуру и зажарили со значительной быстротой. Угощение было обильным; не только мясо было восхитительным, но и место изобиловало превосходным медом; и можно составить некоторое представление о божественном аппетите, если мы добавим, что два козла были съедены полностью, все, кроме костей, которые, по желанию Тора, должны были быть аккуратно брошены обратно в шкуры, растянутые перед очагом. Но Тьялф, сын деревенского хозяина и совсем юноша, сломал бедренную кость одной козы ради костного мозга. На следующее утро, еще до рассвета, Тор встал и замахнулся своим молотом над двумя шкурами, как вдруг два козла поднялись, как ни в чем не бывало. Но один из них хромал, и ужасен был лик бога. Мольба, однако, обезоружила его; он взял юношу и сестру к себе в услужение; и, оставив машину и коз у крестьянской хижины, все четверо пошли пешком. Мальчик, который сразу же завоевал расположение своего хозяина, нес кошелек, а девушка, настоящая красавица, легко спотыкалась. Тор маршировал задумчиво; его молот был перекинут через плечо; его темные локоны выбивались из-под серебристой каски. Они достигли моря, которое было взбудоражено ужасной бурей; и Локи начал бояться; но он был вынужден последовать за богом, который бросился в воду, подобно грохочущей скале. Смертные тоже

последовали за ним, но буря продолжала бушевать, и им потребовалась вся помощь предводителя, чтобы добраться до другого берега. Дальше предстояло пересечь непроходимую пустыню; и они пошли дальше в темноте, если не считать того, что время от времени светила луна, — усталые, голодные, промокшие и ослабевшие. Предстояли и другие испытания — буря, молния, скользкий лед, глубокая грязь; ревущий ветер, который король демонов возбуждал своей магической силой. Тор, который должен был поддерживать деву Роску, вышел из себя; и он поклялся отомстить Утгарделоку, когда встретится с ним. Появилось то, что казалось хижинкой посреди безжалостной пустыни; и трое из них вошли в нее, сам Тор остался у входа со своим молотом в руке, чтобы защитить их, пока они спали. Обширное помещение странной формы было единственным помещением, которое имелось в хижине; но в шторм любой порт желанен. Ближе к утру, когда Тор в сильном гневе оглядывал пустыню, он услышал странный шум и почувствовал странное движение. Поднявшись, он увидел при слабом мерцании луны огромного великана — такого огромного, что занимал несколько акров, — спящего и храпящего. Схватив свой молоток, он готовился наказать незваного гостя, когда гигант встрепенулся. “Кто ты?” - потребовал ответа Тор. “Скримнер, слуга короля Утгарделока, только что прибыл из Етунхейма”. Он обратился к Тору по имени, о подвигах которого он много слышал; но общие слухи, как ему показалось, были слишком благоприятными; в конце концов, даже он, который не пользовался большим уважением по сравнению со своими собратьями, мог поместить этого героя богов на ладонь своей правой руки. “Я потерял свою перчатку!” - внезапно заметил великан и, нащупав ее, поднял. Что это было, как не странная хижина, в которой Локи и двое смертных провели большую часть ночи? Все, кроме Тора, были встревожены таким началом их знакомства с подданными Утгарделока; но Тор доверял своему молоту. “Что привело вас в такую даль, чтобы посмотреть на пустыню?” - был естественный вопрос Скримнера. Тор ответил, что он был полон решимости увидеть лицом к лицу их хваленного монарха, чью магию и ледяные горы он только высмеивал. Великан подумал, что он может пожалеть о своей смелости: однако, если он твердо решил идти дальше, позвольте ему это сделать, и он (Скримнер) будет его проводником. Когда наступил вечер и великан улегся спать под большим деревом, пока не был готов ужин, волшебства стало еще больше. Ни Тьялф, ни Локе, ни сам Тор не могли открыть кошелек или перерезать веревки. В великом гневе бог схватил свой молот и ударил в лоб спящего великана. “Неужели лист упал мне на лицо?” - спросил великан, потирая лицо и удивляясь, почему они до сих пор не заснули. Ближе к полуночи храп Скримнера так разъярил Тора, что он встал и нанес чудовищу сильный удар: казалось, молот вошел в самый его мозг. “Неужели упал желудь?” - холодно заметил другой, потирая лицо. Третий удар, который, казалось, пришелся по самой рукоятке в голову великана, возымел не лучший эффект; так что теперь Тор стал меньше доверять оружию, которое до сих пор наводило ужас на все сотворенное.

Но мы не должны останавливаться на событиях, которые так часто описывались.^[73] Приключения бога и его спутников во дворце Утгарделок были не такими, чтобы внушать ему больше доверия. Локе — сам огонь, который пожирает все сущее, — был избит при употреблении в пищу. Тьялф — тоже мифологический персонаж, хотя и представленный в виде крестьянского сына, его имя означает *мысль* — превзойден в расе. Сам могучий громовержец побежден в трех последовательных испытаниях. Хотя он - солнце, несомненно, величайший любитель выпить во всей природе, он не может немного уменьшить количество поданного ему большого рога спиртного; он не может поднять с пола огромного кота; он не может в борьбе сбросить с ног беззубую старуху, которая опускает его на одно колено. С большим стыдом, хотя

и без ужаса, бог вернулся со своими спутниками. Однако, покинув пределы города, он познакомился с обманом, который был применен к нему. Три удара, которые он нанес, были нанесены не по голове, а по скалистой горе; и глубокими были впадины, которые они проделали в ней. Рог был океаном; однако он выпил его так много, что во многих местах вместо воды осталась суша. Кот был великим змеем Мидгарда, которого он почти поднял из моря. Старухой была Хела, богиня смерти, которая со всей своей силой смогла поставить его только на одно колено. В сильном гневе он собирался отомстить за подобные проделки, когда призрак и сам город исчезли, как туман.

Этот миф в значительной степени объясняет сам себя. Состязание между Тором и монархом Утгарда, очевидно, происходит между летом и зимой, между жарой и холодом, между светом и тьмой. Мы считаем, что многие детали в противовес Магнуссену, который видит в каждой вещи физический смысл, были созданы без какого-либо иного замысла, кроме развлечения.

Гимискида, песнь о Гимире, взята из старшей Эдды и имеет большую древность.

ТОР И ВЕЛИКАН ГИМИР.

Морской бог Эгир устроил пир в честь богов; но он был мало подготовлен к таким любителям выпить, и его меда не хватило. Тор потребовал еще с некоторым гневом; и этот гнев не уменьшился, когда он обнаружил, что больше ничего не последовало. Оправданием было то, что у Эгира не было котла, достаточно большого, чтобы сварить достаточное количество медовухи за один раз. Тир, присутствовавший вместе с остальными и который, хотя и был богом, представлен как сын великана Гимира, заметил, что у его отца был колодец глубиной в милю, который можно было заполучить хитростью. По этому делу два бога немедленно отправились в колеснице Тора к обители Химира, которая лежала на берегу восточного моря. Здесь они нашли двух дам, мать и жену великана; первая была странным существом с 900 головами; вторая, которая была матерью Тира, была прекрасной женщиной, хотя и миловидной. Она сказала им обоим, что боится возвращения Химира, поскольку он был подвержен ужасным страстям, и спрятала их за какими-то котлами. Ближе к вечеру он вернулся не в хорошем настроении. Когда он вошел в дом, ледяные горы издали оглушительный шум. Он был похож на старика, и волосы на его голове, напоминавшей лес, замерзли. Его жена, поприветствовав его, сказала, что прибыл их сын в компании знаменитого врага великанов и друга людей Веора.^[74] “Посмотри, - добавила она, - где они сидят, в конце дома, чтобы не попадаться тебе на глаза!” Великан посмотрел; но они были скрыты девятью котлами. Однако при его взгляде дерево или балка, на которой они были подвешены, сгорели надвое, и восемь из них лопнули. Теперь два бога приблизились; и хотя Гимир был вынужден проявить некоторую степень гостеприимства, он сделал это неохотно. Было приказано зажарить трех быков (по одному на каждого, мы предполагаем, если только львиная доля не должна была принадлежать Гимиру). Но Тор показал, что у него аппетит не просто великана, ибо, к удивлению своего хозяина, он сам съел двух животных. Это заставило последнего заметить, что на следующий вечер двое посетителей должны съесть все, что смогут взять на охоту или рыбалку для себя. Поэтому на следующий день Тор предложил порыбачить, если великан даст ему наживку. “Ступай к стаду и схвати одно”, - был ответ. “Однако я подозреваю”, - добавил Хаймир, “что тебе будет нелегко поймать такую наживку”. Не ответив, Тор пошел в лес и, схватив за рога большого черного быка, оторвал ему голову и вернулся к великану, который выразил некоторое удивление такому подвигу столь маленького существа. Теперь они вышли в море, и великан вытащил двух китов. Но более

благородной была добыча Тора: головой быка он поймал великого змея Йормунгандура, голову которого он вытащил из воды и который изрыгнул на него яд. Скалы задрожали; пустынные места завывали, и древняя земля подкатилась ближе. Затем он ударил чудовище своим молотком, и оно утонуло. Гимир греб обратно, угрюмый и молчаливый; и сила, проявленная при доставке двух китов в его горный дом, дала ему некоторый повод для размышлений. По возвращении двум богам было предложено испытать свои силы в других делах. В руки Тора была вложена чаша, и ему было отказано в том, чтобы разбить ее. Напрасно он бил ею о несколько столбов подряд: он расколол их, но она осталась целой. Теперь жена шепотом посоветовала ему бросить его в голову великана, которая была намного тверже камня. Он так и сделал; голова не пострадала, но чашка была разбита, и владелец оплакивал ее потерю. Следующим испытанием сил было вынести большой котел из дома. Тир попытался дважды, но не смог даже сдвинуть его с места. Но Тор надел его себе на голову; и хотя края доходили ему до пяток, он ушел с ним. Теперь его преследовало множество великанов, которых он сразил своим молотком. С тех пор морской бог мог обращаться с людьми—асерами так, как им заблагорассудится.

Физический смысл этого мифа темен; и эта темнота, вероятно, объясняется любовью, с которой северные скальды добавляли посторонние обстоятельства ради приукрашивания. Действительно, нет ничего более безнадежного, чем попытка восстановить эти древние фрагменты в первоначальном фрагментарном состоянии, в котором они были оставлены жрецами Тора и Одина. Скальд, приукрашивая, скрыл священника; баснописец скрыл теолога-философа. Все, что мы можем с уверенностью утверждать, это то, что здесь имеет место физическая борьба между теплом и холодом, между испарением и застыванием; что солнце (Тор), выпив все потоки земли, теперь вторгается во владения мороза и снега. Лопающиеся сосуды под взглядом Гимира - понятие, повсеместно распространенное в северных широтах. Таким образом, два волшебника, женихи Гунхильды, могли уничтожить все одним своим взглядом.^[75] Значение, несомненно, заключается в том, что чрезмерный мороз делает все хрупким, и поэтому можно сказать, что все раскалывается.

Если скальды позволяли себе такие вольности с древней или поэтической Эддой, как часто хоронили солнце, то по отношению к младшей или прозаической Эдде они были еще более распушенными. Эта работа, очевидно, была составлена для объяснения первого. С *этим* была взята еще более опасная лицензия, так что во многих случаях она мало соответствует предыдущей работе. Мы можем добавить, что, модернизировав, перефразировав и приукрасив прозаическую Эдду, Оленшлагер не оказал никакой услуги древней мифологии своей страны: за ним не может последовать никто, кто сформировал бы правильное представление об этом предмете. Точно так же, как составители второй Эдды отступили от духа первой, так и знаменитый датский поэт отступил от них.^[76] Чтобы проиллюстрировать это расхождение, давайте на мгновение обратимся к одному и тому же приключению в прозаической "Эдде" и в версии "Оленшлагера": окажется, что оно утратило свой мифический характер пропорционально совершенствованию своей басни.

Когда Тор размышлял о грубых уловках, которые применил к нему Утгарделок, он опасался, и не без оснований, что боги и люди примут его за дурака. Чтобы оправдать свои заслуги, он отважился снова посетить Утгард, но уже без Лока, в чести которого он справедливо сомневался. На этот раз он, как и они, изменит свою форму, и он получил от Одина в виде мази силу, которая позволила бы ему сделать это. Оставив позади свою машину и своих коз —

Над хребтом Довре^[77] он шагал,
Ни обрыва, ни провисания потока;
Высокие сосны, по которым он ступал,
Как поле, покрытое растрескавшейся стерней.

Снежный пик Снихеттана,
И Йотанфилд прошел мимо,
Затем устремился к равнинам внизу,
И море наконец достигло цели;
Он отмечен вьющимся венком
Унылая волна откатывается прочь,
И увидел, где, далеко внизу,
Змей, задумавшись, лежал.

Его сердце с надеждой забилося сильнее,
Его голос дрожал, когда он заговорил:
Обратив к небу свой взор,
“Хватит, проклятая змея”,
Сказал он: “в гигантском изгибе”
Ты останешься в Земной тюрьме,
Ни борющегося морского человека послать
В глубокую пещеру фелл Ран.

Но теперь, решив действовать осторожно, он начал с изменения своего облика. Бросив свой тяжелый шлем на землю, он превратился в скалу, поросшую соснами.

Затем, судя по его раздвоенному подбородку,
Он рвал густую бороду;
Который, брошенный в овраг,
Показалась колючая роща.

Гладколицый крестьянский мальчик
Он стоял, в wadmel^[78] синий,
Белый Хеймдалль радостно улыбнулся

Хитрая уловка, на которую стоит посмотреть.

Теперь прямиком в грот Гимира

Он хиес, простая лань,

Его льняные локоны развеваются

Дикий утренний ветер;

Его пояс, с помощью волшебного обмана,

Показался шерстяной пояс,

Встретиться с искусством, подобным искусству,

Асер не сочла это постыдным.

Мильнер в роли топора дровосека,

Поперек своей руки он обнажил,

Его мужество высоко поднялось

При мысли о близкой мести.

В поросшей мхом глубокой пещере,

Убаюканный игрой потока,

Ложась спать по утрам,

Наконец великан лег”.

“Поэт, описывая резиденцию Гимира, дает яркую картину норвежского пейзажа: черные скалистые утесы, увенчанные соснами, водопад, река, белая от пены, несущаяся сквозь густой кустарник вниз по ущелью, а рядом - зеленая лощина, заполненная скотом. Услышав шаги незнакомца, Гимир вскочили спросил юношу, как он посмел без приглашения забрести в его лес. Тор ответил, что не испытывает никаких опасений:

"Мой пульс бьется ровно",

Юноша ответил: "ни за что

Суровый указ норнийцев

Меня изменил, я думаю, страх.

Один в такой хорошей форме,

Щедрой души надо быть;

Моя маленькая капелька крови,

Какая тебе от этого польза?”

Он заканчивает длинную речь словами, что его целью было получить разрешение великана сопровождать его, когда он выйдет на рыбалку.

Жуткий гигант ухмыльнулся

Настолько широкий, что любое ухо

Сзади показался его рот,

Никогда еще не видели такой ухмылки;

Земля содрогнулась со всех сторон,

Он смеялся так от души,

Тот , у кого такое здоровое сердце

Я никогда не причиню вреда”, - сказал он.

Затем он удовлетворил просьбу и пригласил Тора укрыться в его пещере от пронизывающего утреннего ветра, насмешливо добавив:

Когда за много лиг от берега

Мы слышим фыркание кракена,

И раскатистый рев Мальстрема,

Вот тогда мы и поговорим о страхе”.

“Тор попросил только, чтобы его подвергли испытанию, и теперь умолял позволить ему взять с собой все, что ему может понадобиться для рыбалки. Гимир согласился, сказав ему, что в качестве наживки он найдет пищу среди коров. Тор вышел в поле, и к нему бросился дикий бык, он схватил его за рога и оторвал ему голову, а затем, перекинув ее через плечи, перепрыгнул ограду и поспешил к Химиру, который готовил лодку.

Когда Гимир - бычья голова

На плечах юноши увидел,

Он рассмеялся и признался в содеянном

Было неплохо для такого сырого.

Затем оттолкнул лодку от берега,

Стремительно неся он по волнам.

Гимир хорошо управлялся со своим веслом,

И Тор тоже греб бы отважно.

Теперь бог пришел в восторг от близкой перспективы сравняться со змеем и дал полную свободу своим мыслям. Если бы ему удалось убить его,

‘Автор: Иггдрасиль^[79], подвиг

Это, безусловно, обрадовало бы меня больше,

В Валгалле есть чем победить

Десять десятков эйнхериев.

Какие плодотворные семена зла

Чтобы испортить смертное состояние человека,

И землю, наполненную горестями,

Из червя исходят!

Его зловонное дыхание

Лихорадки и язвы вызывают,

И каждая болезнь ведет к смерти

Которую человек безвременно рисует.

Когда человек в расцвете мужественности

Чувствует свой приближающийся конец,

И прежде чем истекло его время,

Перед властью Хелы надо склониться;

Когда его супруга с разбитым сердцем

Видит, как рушится последнее обещание хоуп,

Тогда его упавшая мощь пробудится

Чтобы поиздеваться над стенаниями вдовы.

Ее малыш, который не успокоится

Когда бледная мать обнимает,

И напрасно дает грудь,

Борясь за жизнь, оно задыхается.

Бедняжка, как рано встала

Поздняя свежесть —она видит его глазами

В смерти навеки близок—

И не плачет от агонии:

Когда тот, кто горит чисто,

Отсутствовал много лет,
К своей настоящей любви возвращается
И находит ее лежащей на носилках.
Когда из царства скорби
Какой-то добродетельный принц - это таэн,
Или вождь склонил свой шлем;
Тогда будьте уверены, что мерзкую змею видели
Корчащиеся от радости. Их рождение
Все змеи, которые кишат
Центральное место человека на земле,
Втяни воздух из его ноздри.
Великий змей, чья широкая челюсть,
(На юг, далеко отсюда)
Проглотит разъяренного быка,
Через него я впервые увидел этот день.
Его хвост обвился вокруг дуба
Он долго следит за своей добычей,
Который из испуганного стада
Борясь, оно утаскивается прочь.
Другие, с глазами-бриллиантами,
Смертной расе Аскура,
Обреченный на смерть! хотя и меньше размером,
Увы! не менее фатально.
Приятно видеть их формы для обозрения
Купаясь в новеньком блеске,
К их фиолетово-синему
Должен давать, или изумрудно-зеленый:
Они знают, судя по взгляду волшебника,
Свернулся бы под какой-нибудь лиственной беседкой,

Их добыча от страха остекленеет,
И очаровать его своей властью.
Изможденный Фенрис, сын Лоптура,
Кто любит бродить по ночам,
Сбитые с толку путешественники спускались вниз
Бросок со скалистой высоты:
Когда повсюду царит кровавая измена,
Когда из-за какого -то грязного убийства
Бандит точит свой нож,
Волк от радости воет.
Все, кто наслаждается кровью
От него начало иметь;
От него тигриный выводок,
Предательский смех гиены;
Как всякий зверь-разбойник,
Который от яркого света съеживается,
Наименьшее количество расхитителей,
Куница, и лисица, и рысь.
Ни для чего нет у Фенриса рут,
Когда в полночь дуют хриплые ветры,
Его кощунственный зуб
Вырывает из могилы тело—
По-прежнему это моя самая большая радость
Мерзкий червяк и его выводок
Рептилий, которых нужно уничтожить.
Меня огорчает, что человек - еда
Из ползающих червей следует:
Этот убит, его жизнь должна пройти,
От отвратительной болезни свободен,

В годы счастья.

И, когда вы населили землю

Больше ее сыновья не могли прокормиться,

Самые храбрые должны выйти вперед,

И, как хорошие воины, истекают кровью.

Не следует обнажать ненависть

Ни их мечи, ни жажда власти,

Но согревающий душу гнев,

Исчез, когда началась драка.

Из какого - то темного облака вырвалась драка

Я бы наблюдал, держа болты в руках

Самые смелые на своем пути

В чертог Одина, чтобы отправить.

Так размышлял Асер Тор,

И потянул изо всех сил,

Каждый раз , когда он ударял веслом

Темно-зеленая волна стала белой.

Тем сильнее разгорался его гнев

Огромная лодка набирала скорость еще больше,

Казалось, что это волны, которые оно отвергает

Скользящий, как Дельфин, над водой—

Так стремительно на нем летел,

Стороны начали расходиться,

Море так быстро нахлынуло,

Двое в воде сидят.

Химир быстро подскочил к бэйлу

Выкрикни это и громко зарычи,

(Его гигантское сердце может подвести)

‘ Эй, там! убери весло.

И ты продолжаешь в том же духе
Мы скоро в Ран пойдем'—
Ответил Тор: "Мужайся, еще должен
С десяток хороших лиг или около того.
- Выиграть лиги! - воскликнул Гимир. - Еще бы,
Искусство сошло с ума! отмечай не шторм!
Теперь я могу описать
Там, где лежит упавший червь Мидгарда.
- И какое мне дело до червяка!
Воскликнул Тор, добрый рыболов:
"Самая жестокая буря сурового севера"
Но разжигает мою разгоряченную кровь —
Я люблю рев бури —
На! там ударил мерзкий червь,
Теперь я возьму свое весло,
И попытать с лайном моей удачи.
Затем, поднявшись в полный рост,
Железный бочонок, который он взял,
Который, хотя и казался ему легким,
Должно послужить ему крючком.
Окровавленная бычья голова
Он взял его на приманку —
Великан, бледный от ужаса,
На корме, дрожа, насытившись.
Что касается лески, то затем он освободился
Его пояс, и один конец пропущен
Дважды обмотал петлей вокруг его талии
Хорошо связан с другим постом
Крючок с наживкой, который он привязал,

И в океан выбросил:

С податливого борта лодки

Пояс с шипением слетел.

Ohlenschlager.

“Следует признать, - говорится в ”Эдде в прозе“, - что Тор здесь выставил Йормунгандура таким же дураком, каким выставил его Утгардс-Лок, когда король великанов заставил его подняттьчервя, полагая, что это кошка. Червь проглотил голову быка с такой жадностью, что крючок глубоко застрял у него в челюстях. Как только он понял это, он нырнул с такой яростью, что оба кулака Тора ударились о борта лодки, на которые одновременно обрушился гнев бога и его сила, и он так яростно потянул змею, что обе его ноги прошли сквозь лодку, и он остался стоять на дне моря. Теперь он подтянул змею к краю лодки, и, по правде говоря, это было ужасное зрелище - видеть, как Тор так мрачно смотрит на змея, а змей все это время разевает рот и извергает яд на Тора. Сообщается также, что великан Гимир изменил цвет и побелел от страха, когда увидел змею и темно-синее море, бьющее сквозь борта лодки.

В тот же миг Тор схватил свой молот и взмахнул им в воздухе, но великан нащупал свой нож и перерезал узел Тора, отчего змея освободилась и опустилась на дно моря. Тор бросил свой молот ему вслед, и утверждалось, что таким образом он размозжил ему голову о буруны. Но я думаю, что совершенно очевидно, что червь Мидгарда все еще жив и лежит в море. Затем Тор поднял руку и отвесил Химиру такой подзатыльник, что тот упал за борт, а подошвы его ног задралась в воздух, но Тор добрался до берега вброд”.^[80]

Контраст между предыдущей версией и простым изложением в почтенной поэтической Эдде, без сомнения, покажется читателю поразительным и полностью подтвердит все сделанные нами наблюдения по этому вопросу.

ТОР И ВЕЛИКАН ТРИМ.

Поэма о *Трим-гвиде*, или песнь о Триме из "Старшей Эдды", имеет физический смысл, хотя этот смысл темен. Проснувшись однажды утром, Тор не смог найти свой молот. Подобно Юпитеру, он тряс головой и бородой и шарил руками во всех направлениях. Подозвав Локи к себе, он сказал: “Случилось несчастье, доселе невиданное ни на земле, ни на небесах, — я потерял свой молот!” Без сомнения, он был украден ночью одним из великанов, которые всегда были начеку, чтобы ранить Азера. Затем оба бога отправились к Фрейе, чтобы одолжить у нее платье ястреба, как до этого Локи одолжил его, чтобы вернуть Идуну.^[81] “И ты должен был бы получить это, - ответила богиня, - если бы это было золото, нет, если бы это было даже серебро”.^[82] Локе надел это платье и полетел в гигантскую область Утгард. Там он нашел Трима, одного из лордов Утгарда, который делал золотые ошейники для своих собак, украшал гривы своих лошадей и все время пел. Увидев Лока, он спросил: “Какие новости об азерах? Что об эльфах? Что привело тебя одного в Етунхейм?” “Ни Азеры, ни эльфы сейчас не в порядке: ты спрятал молот Тора?” “Это у меня есть, в восьми милях под поверхностью земли; и вернуть это тебе никогда не удастся, если ты не возьмешь мне в жены богиню Фрейю!” Условие было тяжелым. Фрейя была королевой любви; она была Венерой Асгарда; и она также была луной - двумя вещами, столь

желанными в холодных темных краях Етунхейма. Прочь улетел Локи, хлопая крыльями, пока не достиг Асгарда, где его с тревогой встретил Тор. “Ты был в стране Великанов? И преуспел ли ты в своем деле? “Я был в стране великанов, и я преуспел в своем деле. У Трима, повелителя ледяных великанов, твой молоток, и он не вернет твой молоток, пока не возьмет Фрейю в жены! Потеря Фрейи была бы большой потерей, но потеря молнии была еще хуже, ибо как без нее можно было защитить Асгард от великанов? Два бога отправились к Фрейе, и Громовержец самым бесцеремонным образом велел ей готовиться к встрече с мужем и к поездке в Етунхейм:

Рассержена была Фрейя,

И она задрожала (от ярости),

Весь дворец богов

Был потрясен.

Теперь боги и богини собрались, чтобы обсудить другие способы вернуть молот.

Хеймдалль предложил Тору самому облачиться в свадебное платье, облачение и украшения Фрейи и отправиться в Йотунхейм: —

Давайте поработаем над ним

Ключи к [jingle^{\[83\]}](#);

И женское платье

Течь ниже колен;

И на его груди

Украшения из драгоценных камней;

И давайте наденем его

Красивый головной убор.

Тору не очень понравилось это предложение из страха, что боги впоследствии сочтут его униженным, будут считать его настоящей женщиной. Однако Локи сказал ему, что ему остается только выбрать между способом вернуть свой молоток и увидеть Асгард во владении великанов. Затем он позволил доставить себя предложенным способом. Тогда заговорил Локе, сын Лауфеи:

“Я как твой слуга

С тобою пойдут:

Мы вместе поедem верхом

В страну великанов.

Вывели колесницу, запрягли коз, и двое Азеров быстро направились к месту назначения, — так быстро, что камни раскалывались, а земля сверкала под сверкающими колесами: —

Тогда заговорил Трим,

Повелитель Четвергов^[84];

“Восстаньте, вы, великаны,

И посыпьте скамейки.

Тогда приведи ко мне

Фрейя, моя невеста,

Дочь Ниорда

Из Nocturn:

“Отнеси в беседку”

Коровы с золотыми рогами,

И угольно-черные волы,

Восторг великана.

У меня много драгоценностей

И множество сокровищ:

Только о Фрейе

Есть ли у меня потребность”.

Прибыли великаны, и свадебный пир был приготовлен. Велико было удивление Трима, когда он увидел, что его невеста съела целого быка и восемь лососин в придачу; и что она послала за всеми тремя бочонками медовухи:

“Кто когда-нибудь видел невесту

Есть так жадно?

Я никогда такого не видел

Пожирать так много;

И ни одна девственница

Выпей столько медовухи!”

Ответ Локи, переодетой служанкой, был готов: —

“Фрейя еще ничего не пробовала

Эти восемь ночей (дней),^[85]

Так велико было ее желание

Быть в Йотунхейме.

Великан галантно хотел поцеловать свою невесту; но едва он приподнял вуаль и увидел, как она выглядит, как в великой тревоге отскочил назад:

“Почему ты такой злой

Взгляд Фрейи?

Я вижу по ее глазам

Исходит сам огонь”.

Ответ Локи, служанки, был столь же готов:

“Фрейя так и не выпалась

Эти восемь ночей:

Таково было ее страстное желание

Посетить Йотунхейм!”

Сестра великана пришла за свадебным подарком, и ей предстояло получить подарок, которого она совсем не ожидала. Теперь, по приказу Трима, был принесен молоток, чтобы отпраздновать над ним свадьбу. Бог рассмеялся, хватаясь за свой хорошо знакомый болт; и как только он схватил его, то убил Трима, сестру и всех собравшихся.^[86]

По словам Магнуссена, физический смысл стихотворения таков. Зимой Тор, бог грома, спит; а Трим, владыка этого времени года, прячет молнию. Локе (*пламя* и, расширяя метафору, *жар*) отправляется в погоню за ним. Солнце и луна были очень важными и вполне естественными дарами, которые жители темного региона могли испросить у богов; и мир в данном случае, должно быть, остался бы во тьме или, скорее, в холоде, если бы не вмешательство Тора. В основании своей теории критик, несомненно, прав; но в объяснении сопутствующих обстоятельств — того, при котором бог принимает женский облик, — он достаточно причудлив. Правда в том, что основу можно проследить только в любом из их мифов: обстоятельства вводятся исключительно ради приукрашивания или для придания басне большей правдоподобности.

Прежде чем мы отпустим Тора, мы должны обратиться к богине *Сиф*, его жене. Это слово означает союз, родственница, и, вероятно, она была одной из членов его семьи. От нее у него было два сына, Магне и Мод, и две дочери, Фруд и Лора. Он не был ее первым мужем, чье имя не фигурирует; но от этого мужа у нее был сын по имени Уллер.^[92] Она отличалась целомудрием и пользовалась большим почитанием не только в Скандинавии, но и среди вендов и, возможно, славян как олицетворение летней земли. Ее самая большая гордость - ее светлые волосы, которые, как и молот Тора и волшебное кольцо, принадлежавшее Одину, были делом рук гномов. Оленшлагер описывает ее так:

Сиф, высокая и светловолосая, с природной грацией,

Никому в красоте не нужно уступать место

Спаси ту, кого Один призвал к свету,

Чтобы сделать прежний унылый мир более ярким.

Хотя это и справедливо, но для Фрейи никогда

Может ли статный Сиф сравниться по форме.

Не ее это говорящий взгляд ясных глаз,

Застывшая от времени кровь может заставить танцевать:

Или сердце, которое никогда не испытывало страсти

Как снег, который тает под полуденным солнцем.

* * * * *

Sif, похоже, какая-то Амазонка,

Ее взгляд был полон достоинства,

В ее глазах нет страстного взгляда,

Но покоится в холодном безразличии.

Ее округлые руки, похожие по форме, чтобы доказать

Состязания, или войны, или любви;

Безупречный изгиб ее лебединой груди

Заслужила бы золотая лира Браги.

Хоть и меньше ладони Фрейи, но не снежной

Чем просеянные, только что упавшие на вершину горы,

Ни белее, ни мягче девственного пуха

Ни из птицы-эйдера, ни из груди лебедя.

Две подведенные карандашом брови темно-коричневого цвета

Смотрю на нее спереди и, кажется, хмурюсь:

Какую более нежную красоту можно было бы испортить,

К ней, но добавляет еще одну грацию;

Ее жемчужные зубы ослепительной белизны,

С ярко-контрастной рубиновой формой губ;

Но ее первое очарование, ни с чем не сравнимое,

Это ее длинные, шелковистые, янтарного цвета волосы.

НИОРД, ФРЕЙР, ФРЕЙЯ.

Ниорд, лорд Ванеров, получил, как мы уже упоминали ранее,^[93] долю в правительстве Асер. Он действительно не мог поступить иначе после соединения этих двух людей. Мифологически он является повелителем Виндхейма, области ветров, и, следовательно, союзником Эгира, бога моря. Его дворец, Ноатун, изображен на границе океана. Таким образом, Оленшлагер, за которым можно следовать там, где требуется просто поэтическое описание:—

Ниорд, который с богом океана

Часто встречаются полные участники лиги,

Любит бушующий поток

В стремительной карьере до предела.

Скользя по спине каждой волны,

Громко ржет его угольно-черный скакун:

На спокойной волне нет следа

Он уходит — так велика его скорость.^[94]

Ньорд был дважды женат. От его первой жены, которая также была его сестрой, и нам четко сообщили, что союз таких близких родственников был характерен для ванов (обычай, однако, был общим для египтян, персов и королевской семьи Перу), у него было двое детей, Фрейр^[95] и Фрейя.^[96] Его второй женой была Скада, дочь великана Тиасса. Обстоятельства, которые привели к его женитьбе, были таковы. Как только Скада услышала, что ее отец был убит Тором^[97], она вооружилась и отправилась в Асгард, чтобы отомстить за его смерть. В качестве условия мира боги предложили ей взять у них мужа, но при выборе ей должны были завязать глаза. Она пошарила вокруг и, наконец, остановила взгляд на человеке с маленькими и хорошо сложенными ступнями, который, как ей показалось, был более лысоватым. Это был Ниорд; и свадьба была отпразднована. Пара, однако, не смогла договориться о месте своего проживания. Невеста не выносила морского берега; волны, по ее словам, не давали ей спать, и она тосковала по родным горам. Он был не менее враждебен к жилищу ее отца. В конце концов был достигнут компромисс; супруги должны были прожить девять дней в Тримхейме и три дня в Ноатуне; то есть девять дней в горах и три на морском побережье. Но этот компромисс не продлился долго. Эти двое были настолько непохожи по характеру, что не смогли прийти к согласию; произошло разделение, и Скада стала женой Одина.^[98] О Ньерде мы только добавим, что, хотя о нем мало говорится в Эдде, он, должно быть, был главным божеством, судя по условиям клятвы, торжественно приносимой скандинавами: “Да помогут мне Фрейр, и Ньерд, и могущественный Асер!”

Фрейр, сын Ниорда, упоминается как один из двенадцати правящих богов Асгарда - как бог солнечного света, дождя и, следовательно, растительности. Альфхейм, его резиденция, королевство светлых эльфов, было дано ему утром времени, когда у него прорезался первый зуб. Однажды он осмелился взойти на Лидскиалф, ужасную обитель Одина^[99]; и он был наказан за это, влюбившись в Герду, дочь великана Гимира, которую он видел выходящей из дворца ее отца на Севере. Поистине, красота девушки была непревзойденной; она была настолько яркой, что освещала всю округу. Он смотрел и любил; и после того, как прекрасное видение исчезло, он спустился, меланхоличный и несчастный, в свой собственный дворец. Была ли надежда

завоевать девушку-великаншу? Одобряют ли сами боги такую связь? Сон и аппетит покинули его. В сильном беспокойстве Ниорд умолял своего доверенного посланца, Скирнира, вывести у Фрейра причину его несчастья. После некоторых уговоров Скирнир согласился и долгими мольбами добился секрета:

Из дома Гимера

Я видел первый выпуск

По которому я тоскую.

Ее прекрасные руки сияли

Чтобы осветлить воздух и море.

Горничная мне дороже

Чем когда-либо была горничной для любого юноши.

Но о богах или полубогах

Никто не пожелает

Что мы должны быть едины.

Скирнир любит лорда, с которым он вырос; и он предлагает, если Фрейр даст ему коня “невзирая на пламя” и меч, отправиться завоевывать для него леди. Сев верхом, он обратился к животному так:—

“Темна ночь снаружи;

И все же нам пора уходить

Сквозь туманные холмы,

Через страну Терзателя.

Мы оба должны вернуться,

Или оба будут изъяты

Могучим великаном”.

Он поскакал в Етунхейм и перед воротами Гимера увидел свирепых собак. На холме неподалеку был пастух, к которому он подъехал верхом и спросил, каким образом он может передать собак, чтобы поговорить с дочерью Гимира. Пастух ответил, что он, должно быть, либо уже мертв, либо вот-вот умрет, если отважится на такое поручение; он никогда не сможет поговорить с леди. Скирнир заметил, что ему остается только умереть, что он не боится смерти, и спешил. Шум привлек внимание Герды: она пригласила незнакомца войти и таким образом обратилась к нему: —

“Кто ты?— из эльфов?

Или из сыновей Асера?

Или более мудрого Ванера?

Зачем ты пришел сюда один,

Сквозь бушующее пламя

Хочешь посетить наш зал?

Он ответил, что он не эльф, не асер и не ванир; и он предложил ей одиннадцать яблок, без сомнения, бессмертных, украденных из сокровищницы Идуны,^[100] — если она одарит своей любовью Фрейра, самого приятного из всех существ. Она с презрением отвергла яблоки, заявив, что никогда не будет жить с Фрейром. Затем он предложил ей кольцо — то самое кольцо, — которое было положено на погребальный костер вместе с Бальдром, сыном Одина, — то кольцо, которое каждую девятую ночь производило восемь других колец того же веса. Это она тоже презирала; в доме ее отца было достаточно золота. Затем он велел ей взглянуть на меч, который держал в руке, и пригрозил обезглавить ее, если она не полюбит Фрейра. Тем не менее она отказалась и сказала, что если он и ее отец встретятся, то произойдет кровопролитие. Он пустил в ход другие угрозы и пустил в ход чары, которые должны были навсегда лишить ее красоты, счастья, мирского уважения и обречь на самые ужасные муки. В разгар очарования она прервала его; она больше не могла сопротивляться; она предложила ему чашу медовухи и, наконец, назвала ту самую ночь, в которую она встретится с Фрейром в роще Барре.—Скирнир вернулся в великой радости. Его встречает Фрейр, который не позволит ему спешиться, пока он не скажет, какой успех сопровождал его. Новость, которая должна была бы наполнить его радостью, делает его нетерпеливым. Одна ночь кажется долгой; девять кажутся вечностью. Великанша сдержала свое обещание, и в награду Скирнир получил меч Фрейра.^[101]

Фрейя, сестра Фрейра и богиня любви, так описывается Уленшлагером:

-Зал Фрейи

Инкрустированный драгоценными камнями,

Стоит в одинокой долине,

Какие розовые леса затевают;

Лебеди, белые, как девственный снег,

Там по спокойным озерам плывут,

Влюбленные, которые никогда не нарушают клятву,

Расскажите там свою пламенную историю.

Но в беседке Фолквангура

Ничто не сравнится с его несравненной королевой;

Средь множества прекрасных цветов

По-моему, ни один цветок не сравнится с ней.

Ее фигура такая округлая и хрупкая,

Ее взгляд, лучащийся любовью,
Ее поступь, как свет Зефира,
Превосходит мечту любого поэта.
Каждая маленькая белая коническая кисть,
Рождает краснеющая роза,
Который через ее волшебную страну
Вдыхайте их ароматный воздух.
Их сладости не охраняет колючка
От грубых прикосновений необходимо защищаться,
Это они к вечеру и утру
Розовые оттенки, которые придают.
Подобных ей богинь нет,
Она спасает от ран и смерти,
Ее вздох — сладкий южный ветер
Полевые цветы дышат.^[110]
Круглые слезы о смертном горе
Каждое утро ее голубые глаза наполняются слезами,
Который на цветах ниже
Дистиллировать в чистейшей росе.
Ее дочери Сиофна^[111] высота
И Хнос, с янтарными волосами,
Только не духи света
Могу похвастаться чем-то столь же справедливым.
Что происходит яркого
На земле, из Хноса, мы призываем:
Сиофна дарит свет сну,
На чистые души опускается утро.^[112]

Фрейя имела равную долю с Одином в душах всех павших в битве; ибо разве любовь не является причиной такого же кровопролития, как и любая другая страсть? Все знатные девы также

поспешили в ее дворец Вингольф. Ее колесницу тянули две дикие кошки или, возможно, леопарды; и рядом с Фриггой, с которой ее часто путали, она была самой могущественной из всех богинь. Ее мужем был Оддур, о котором мало что известно, за исключением того, что он путешествовал далеко и широко, и что ее привязанность к нему побудила ее последовать за ним, проливая золотые слезы. И все же, если верить слухам, она не всегда отличалась супружеской верой. У нее были две дочери от Оддура, обе необыкновенно красивые на вид; и у нее было четыре служанки, каждой из которых была доверена какая-то часть ее власти. Таким образом, Шиофна была богиней первой любви; Лофна устраняла все препятствия, мешавшие осуществлению желаний влюбленных; Вар руководил обручениями и наказывал за ложные клятвы; Тир, привратница дворца Фрейи, отказывала во входе всем, кто не имел права войти; и она была врагом всех несчастных влюбленных: именно она препятствовала осуществлению их надежд.

Этот миф объясняет сам себя более удовлетворительно, чем любой другой.

ЭГИР И РАН

Принадлежали к расе великанов и были божествами глубин. У них было девять дочерей, олицетворений волн, течений и шторма.

Эгира можно было умиловить; но Ран всегда была жестока, когда судьба позволяла ей: она устраивала кораблекрушения, которым радовалась, из-за добычи, которую они приносили ей. У нее была чудесная сеть, которой она ловила тех моряков, которые падали в море.

В хрустальных залах его голова

Воспитывает Эгира, сурового супруга Рана;

Серебряный шлем красного цвета

Коралловый цвет защищает его брови;

Его борода из морских водорослей,

Его копье с янтарной колодой,

И жемчуг, но показать, что ему нужно,

И гордые волны остановлены.

Символ его власти

Когда поднимает водяного бога—

Быстро топит бушующее море,

Послушный своему жезлу;

Его жемчужный трон из мускулов,

В Хлеси можно увидеть;

Имеет дочерей девяти лет от роду,

Три - зеленые волны.^[113]

Во дворце Эгира, под водой, был устроен блестящий пир. Боги, богини и эльфы присутствовали, чтобы почтить его; и большой котел, который Тор украл^[114] в нем было достаточно меда для всех гостей. Следовательно, этот пир последовал за предыдущим, когда Тор возмутился отсутствием этого напитка. На этот раз Тора не было, но был Локи; однако он не был желанным гостем. Божества не любили его; во-первых, потому, что у него был злой язык, а во-вторых, потому, что у него было слишком много причин использовать его за их счет. Двое морских богов, их помощники, получив от всех похвалы за ловкость, Локе убил одного из них просто потому, что ему было невыносимо слышать, как кого-то хвалят. В великом гневе боги изгнали его из праздничного зала; но он, в конце концов, вернулся и попросил своего места, но не в покаянном настроении, а в решении посеять раздор. Все, казалось, были склонны отвергнуть его, пока он не победил Одина, напомнив ему о прошлых временах:

Помнишь ли ты, Один,

Как утром по времени,

Мы с тобой смешали кровь?^[115]

По вкусу ликера

Ты никогда не клянешься,

Если только это не было принесено нам обоим.

Отец богов был тронут этим призывом; и он воскликнул:

Встань, Видар,

И пусть отец волка

Займите его место за доской!

Он действительно занял свое место; и поскольку каждый из гостей упрекал его в дурном характере, он разразился новыми оскорблениями. Он никого не щадил, и хотя его упреки были горькими, они имели под собой достаточно оснований, чтобы их можно было остро ощутить. Ни ужасное достоинство Одина, ни молния Тора, появившегося примерно в разгар праздника, не могли защитить их от его атак. У нас нет места для описания предполагаемых пороков обитателей скандинавского Олимпа; но его жестокое обращение заставило богов внутренне решить уничтожить его при первой же возможности. Его участие в смерти Бальдра (о которой мы вскоре расскажем) ускорило время.

ДРУГИЕ БОЖЕСТВА.

Три норни, Урда, Верданди и Скула, прославлены в скандинавской мифологии. О них мы уже говорили, и здесь нам нечего добавить. Их происхождение неизвестно. По-видимому, они возникли вместе с великим деревом Иггдрасиль и зависели только от таинственного Альфейдера. Говорили, что они проявляли больше сочувствия, чем можно было ожидать от обреченных существ, и оплакивали падение своих любимцев. И Урда, и Скула часто обращались за советом к богам, которые ничего не знали о своей собственной судьбе.

Помимо них, среди эльфов и гномов были низшие норни.

Ночь и День (Нотт и Дагр) также обожествлялись; так же как и конь *Римфакси* (с морозной гривой), который нес ночь, и конь *Скинфакси* (со светлой гривой), который тащил колесницу дня. Роса - это всего лишь пена, которая падает с удил бывшей лошади. Ночь была дочерью великого Норвея; и, будучи замужем за богом Деллингом (рассвет), потомком был День. В следующем описании из "Поэтической эдды" есть доля поэзии:

Сын Деллинга (*день*) четвертый

Погнал свою лошадь,

Богато окруженный

С блестящими камнями.

Над Манхеймом (*землей*) мерцало

Грива скакуна,

Который подъехал на своей машине

Загадка Дуалина (*день*).

Через великую землю

Врата севера,

Под внешним корнем

Из древнего дерева,

Отдыхать теперь скользили

Великанши и великанши,

Призраки и карлики,

И темные альфы.

Восстали Герои,

Альф-бимер (*солнце*) встал:

На север, в Нифльхейм,

Пролетела ночь.

На Аргиелле (*радуге*) стоял

Сын Ульфруны (*Хеймдалля*),

Великий звуковой сигнал

С небесного холма.

Божеством зимы был великан *Хрснелгар*, который жил в пещере у мрачного полюса и из крыльев которого дул холодный северный ветер. Итак, Вафтруднис-мал:—

Гигантский Снежок

На краю небес

Сидит в облике орла.

Говорят, что с его крыльев,

Проносятся холодные ветры

Над всеми народами.

Это тот самый великан, которого Торкил видел в пещере.^[116] В двух или трех местах также упоминается бог лета, *Сфосодер*, сладостный, приятный; контраст с *Хрснелгаром*, пожирателем падали.

Поскольку Валькирии, эльфы и гномы уже были описаны, все, что теперь остается, - это рассказать об обстоятельствах, которые будут предшествовать и сопровождать разрушение мира. Многие из них имеют отношение к судьбе

БОЛДЕР.

На этом персонаже *исторически*— если он действительно когда—либо существовал с таким именем и характером - мы уже останавливались^[117]; теперь мы должны рассмотреть его *мифологически*.

Балдеру снились страшные сны, и он верил, что над ним нависло что-то ужасное. Он посоветовался со своей матерью Фригг, которая, хотя и была пророчицей, не могла истолковать его сны или предвидеть надвигающуюся опасность. Боги собрались; и поскольку из древних оракулов они узнали, как их судьба связана с его судьбой, они еще больше беспокоились о результате. Но все было во тьме. Один тщетно вырезал руны. Траин и Дэйн, два гнома, превосходившие всех живых существ в рунической мудрости, могли только сказать, что сон был тяжелым и предвещал зло. В это время Идуна находилась во власти Тиассы^[117], но с ней нужно было посоветоваться, ибо она была великой пророчицей. Хеймдалль, Локе и Брага отправились в Етунхейм с этой целью. Когда она стонала о радостях Асгарда, боги из жалости предварительно послали ей волчью шкуру, облачившись в которую, она забыла прошлое. Зачем же тогда трем Азерам отправляться на своих чудовищных конях в ее обитель? Единственным ее ответом были слезы, которые, хотя и доказывали, что она боялась, также доказывали, что она не знала причины этого страха. Снова были созваны Асеры; и тогда было решено, что Фригг должна взять с каждого клятву не причинять вреда Бальдру. Но как можно было предотвратить судьбу? Она не обратила внимания на Омелу.

В этот критический момент, когда будущее было непроницаемо для самых пророческих богов и гномов, Один спустился, чтобы посоветоваться с ужасной Валой, чья могила находилась на границах Хельхейма. О его происхождении мы уже рассказывали ранее.^[118] Он вернулся в Асгард с уверенностью, что ничто не сможет предотвратить судьбу его любимого сына или богов, предвестником гибели которых это было.

В работе destiny Локе, как и следовало ожидать, был самым активным действующим лицом. Именно он вытянул у Фригг тайну Омелы; именно он приказал слепому Ходеру бросить ее; именно он после того, как Хела согласилась освободить Бальдра из своей империи, если все существа будут оплакивать его, либо убедил женщину-великана отказаться, либо сам изобразил таковую.

Очевидно, что этот миф о Бальдре — один из самых знаменитых во всем спектре скандинавских преданий — имеет физическое значение: он обозначает уход летнего солнца из северного полушария. Некоторые обстоятельства, однако, не были удачно объяснены; и по причине, которую мы уже не раз указывали, — что они никогда не могут быть объяснены, поскольку они были изобретены не на физических принципах, а для того, чтобы приукрасить басню и сделать ее более интересной.

НАКАЗАНИЕ ЛОКИ.

Теперь преступления Локе были совершены; и боги решили больше не терпеть их. Их месть пала, во-первых, на двух его сыновей, Нари и Вали. Последний, превратившись в волка, пожрал своего брата. С некоторым трудом Тор схватил самого Лока и, подобно Прометею, привязал к кремнистым скалам. Если у него нет стервятника, который питался бы его внутренностями, то у него есть нечто не менее скверное — змея, висящая у него над головой, которая ежеминутно истекает своим ядом. Однако ему повезло больше, чем его прототипу, у него есть жена Сигни, которая постоянно находится рядом с ним и, соорудив большой таз, ловит предназначенный для него яд. Но через промежутки времени она вынуждена опорожнять таз; и когда она это делает, его агония из-за яда, попавшего на его незащищенное лицо, становится причиной землетрясений. Там, как и его чудовищное потомство, змей^[119] и волк^[120], он должен оставаться до Рагнарека, сумерек богов, когда он, и они, и вся видимая вселенная будут уничтожены.

РАГНАРЕК, СУМЕРКИ БОГОВ.

Об этом завершении, которого так боялись боги, эльфы, великаны и люди, в прозаической "Эдде" приводится следующий отчет:

Сначала наступит зима, которая будет называться Фимбульветр; снег будет падать со всех сторон, будут господствовать сильные морозы и пронизывающие ветры, так что солнечный жар не будет оказывать никакого влияния. Три такие зимы, не омраченные ни одним летом, будут следовать одна за другой. До этого весь мир будет страдать, также в течение трех зим, от войн и кровопролития. Братья будут убивать друг друга из-за алчности, и не будет пощады даже от родителей к своим детям.

“И теперь, к великому несчастью человечества, один волк пожрет солнце, другой - луну, звезды исчезнут с небосвода, земля сильно содрогнется, деревья будут вырваны с корнем, горы рухнут вместе, все цепи и оковы разорвутся, и волк Фенрис вырвется на свободу. Тогда океан поднимется над своими берегами, ибо великий змей Мидгарда восстановит свою гигантскую силу и будет бороться за завоевание земли.

Наконец-то он добьется успеха, корабль Нагельфаре будет спущен на воду, и великан Хаймир встанет у руля. Нагельфаре построен из ногтей умерших людей, и следует отметить, что когда человек умирает, а его ногти не обрезаются, предоставляются материалы для строительства

сосуда, завершение строительства которого и боги, и люди должны стремиться отложить как можно дольше.

Теперь Фенрис бросается вперед с открытым ртом; огонь струится из его глаз и ноздрей; его нижняя челюсть касается земли, верхних небес, и он открыл бы их еще шире, если бы было место. Йормунгандур изрыгает яд, который делает воздух и воду смертельно опасными. Он самый ужасный из всех и сражается бок о бок с волком.

“Посреди смятения небеса раскалываются на части, и сыны Муспелла (гении огня) выезжают вперед, ведомые Суртуром, который облачен в пламя, и чей непревзойденный меч превосходит по яркости само солнце. Мост Бифрост рушится под их весом. Сыны Муспелла продвигаются к равнине Вигрид, которая простирается на пятьсот миль во все стороны, и где они встречаются с Фенрисом и Йормунгандуром. Аса-Локе также отправился туда, и в то же время появляется Гимир с Ледяными Великанами. Все сыновья Хелы следуют за Локе.

Но теперь, с другой стороны, Хеймдалль просыпается и, трубя изо всех сил в свой Гьялларский рог, будит асеров, которые держат совет относительно того, что следует делать. Один едет к колодцу Мимера, чтобы выяснить, что лучше; ясень Иггдрасиль потрясен, и вся земля и небеса в смятении.

“Азеры и Эйнхейары идут на равнину Вигрид во главе с Одином. Вооруженный своим золотым шлемом, сверкающей кольчугой и копьем Гунгнир, он встречает Фенриса, который поглощает его.

"Тогда совершается

Горе второго сердца богини.^[121]

Тогда падает бог

Самая любимая Фригга". —*Волуспа*.

В тот же миг его сын Видар бросается мстить за своего отца; он придавливает ногой нижнюю челюсть волка и, подняв другую руку, раздирает его до смерти. Тор сражается со змеем и приобретает великую славу, убив его, но, пораженный ядом, который он извергает, отшатывается на девять шагов и падает замертво на землю.

Фрейр выступает против Суртура, но теперь лишается своего доброго меча, который он отдал Скирниру, и погибает. Пес Гармер, который до сих пор был связан в пещере, вырывается и бросается на Асатира, и оба падают. Подобным образом Локи и Хеймдалль убивают друг друга. После всего этого Суртур изливает огонь на землю, и весь мир сгорает. Великий Пепел, однако, переживает это всеобщее разорение.

Пепел Иггдрасиля

Шатается, но стоит". —*Волуспа*.

“Добрые и справедливые люди теперь будут доставлены в Гимле, который построен из красного золота и где есть различные великолепные и восхитительные жилища. Плохие люди, клятвопреступники, убийцы и совратители чужих жен отправятся в Настронд, огромное, отвратительное жилище, ворота которого выходят на север. Он построен из гадюк, чьи головы

повернуты внутрь и постоянно извергают яды, которые образуют большое озеро или реку, где его обитатели должны вечно плавать, подвергаясь ужасным пыткам.^[122]

“Новая земля, более прекрасная и зеленеющая, чем предыдущая, поднимется из моря, из которой само по себе прорастет зерно. Видар и Вейл переживут всеобщее разрушение и поселятся на равнине Ида, где раньше находился Асгард. Туда же отправятся починять Магне и Мод, сыновья Тора, взяв с собой Мьельнера. Бальдер и Ходер вернутся из Хелы, и эти боги сядут вместе и обсудят события прошлых времен.

- Асер встретится

На равнине Иды,

И разговоры о могущественных

Устройство для наблюдения за Землей^[123]:

Там они вспомнят

Великие дела древности,

И возвышенные боги

Древние знания".^[124]—*Voluspa*.

“Во время пожара, вызванного Суртуром, мужчина и женщина, Лиф и Ливтразер, спрячутся в месте, называемом Хомимерс-Холт, и будут питаться там утренней росой. От них должна произойти вторая раса людей”.^[125]

Волуспа также относится ко второму и более блаженному миру:—

Я вижу зал

Более яркий, чем солнце,

Покрытый золотой крышей,

На вершине Гимле;

Там будут жить

Добродетельная раса,

И наслаждаться блаженством

К вечному времени.

Туда идет могущественный

Совету богов,

В своей силе свыше;

Тот, кто думает за всех.

Он выносит приговоры,
Он прекращает раздоры,
И устанавливает мир
Существовать вечно.

Это должно положить конец видимой вселенной с ее физическими богами. Но бессмертие человеческой души - доктрина, прочно внедренная религией Севера. Души богов, действительно, должны, за двумя или тремя исключениями, погибнуть; и по той причине, что они являются всего лишь физическими богами, мифологическими творениями, обозначающими силы и функции природы. В этом обстоятельстве есть нечто приятное для созерцания. *Физический* Альфадер (Один) подвергся уничтожению; но вечный Альфадур (Всемогущий Бог) остается править миром и вознаграждать тех, кого он допустил к Гимле. Таким образом, даже в самых мрачных системах (а немногие из них темнее скандинавских) мудрецы пытались оправдать пути Провидения.

РАЗДЕЛ III.^[126]

ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ДАНИЮ И ШВЕЦИЮ.

НЕЯСНЫЕ ПОПЫТКИ АНГЛОСАКСОНСКИХ МИССИОНЕРОВ ОБРАТИТЬ В ХРИСТИАНСТВО ФРИЗИЮ И ДАНИЮ.—ПОБЕДЫ КАРЛА ВЕЛИКОГО ГОТОВЯТ ПУТЬ ДЛЯ БОЛЕЕ ШИРОКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА.—ВЕРНОСТЬ ХАРАЛЬДУ КЛАКУ.—МИССИОНЕРЫ, ОТПРАВЛЕННЫЕ НА СЕВЕР.—СВЯТОЙ АНСАР.—СОЗДАНИЕ АРХИЕПИСКОПСТВА.—СВЯТОЙ РЕМБЕРТ.—СМЕНЯЮЩИЕ ДРУГ ДРУГА АРХИЕПИСКОПЫ.—КОЛЕБАНИЯ В СОСТОЯНИИ НОВОЙ РЕЛИГИИ.—ЕЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ В СЕВЕРНЫХ КОРОЛЕВСТВАХ.

Поскольку о введении христианства в Норвегии уже говорилось, мы должны кратко рассмотреть его происхождение и развитие в двух братских королевствах.

Нет ничего более неясного, чем происхождение христианского богослужения в этих регионах. Вероятно, она была гораздо древнее, чем принято считать; но число христиан до девятого века, должно быть, было чрезвычайно невелико; и из них большинство, вероятно, были обращенными только номинально, присоединившись к поклонению Тору и Одину и Христу. Мы знаем, что в седьмом веке англосаксонские миссионеры пытались проникнуть в Данию, соседство которой с Фризией, и особенно с Германией, не могло не привлечь благочестивого рвения этих выдающихся людей. Святой Уилфрид мог сделать не больше, чем проповедовать евангелие нескольким фризам. Его преемник, святой Виллиброд, который в 696 году был рукоположен в сан архиепископа Фризского, перешел в Ютландию. Хотя миссия провалилась, прелат увел с собой тридцать молодых датчан, которых намеревался отправить миссионерами в этот варварский регион. Где бы ни проповедовал этот почтенный человек, он пытался разрушить идолов. Даже на священном острове Гельголанд, куда его забросила буря, он проявлял такое же неустрашимое рвение; и после своей смерти в 739 году он внушил соседним народам большое уважение к своему характеру. То, что он избежал мученической смерти, которая, по-видимому, была его целью, можно приписать только тому Провидению, которое не

допускает, чтобы воробей упал на землю незамеченным. Но требуются века, чтобы искоренить старую и насадить новую религию. Если обращенных было много, они были невелики по сравнению с основной массой населения; да и благотворный эффект не мог быть постоянным, когда не было церкви, не было преемственности миссионеров, продолжавших работу. Поэтому нам не нужно удивляться мученической смерти святого Бонифация, апостола Германии, в 755 году. Когда победы Карла Великого побудили саксов принять иго Христа, открылись лучшие возможности для проповеди Евангелия не только в Саксонии, но и в других частях Севера; ибо многие скандинавы, особенно из Дании, входили в ту же великую конфедерацию. Святой Штурм задумал обратить Данию, но император помешал ему, который больше заботился о распространении истины в своих новых завоеваниях, чем в более отдаленных регионах.

[с 822 по 826.]

Во время правления Карла Великого не предпринималось серьезных усилий для создания постоянного представительства в Дании или Швеции. У Луи ле Дебоннера было больше рвения или возможностей; и он с готовностью санкционировал уход Эббо, архиепископа Реймса. Эббо был саксом и больше стремился к обращению родственных датчан, чем кто-либо из французских прелатов. Воодушевленный папской буллой, он отважился на это опасное предприятие в 822 году. К счастью для него, Харальд по прозвищу *Клак*, правивший, по крайней мере, частью Ютландии, нуждался в помощи империи, чтобы закрепиться на троне. В качестве условия такой помощи он согласился не только стать вассалом империи, но и принять христианство и сделать все, что в его силах, чтобы заставить своих подданных принять его. Двор Харальда находился недалеко от нынешнего города Слешвик, в одноименном герцогстве. Эббо в сопровождении монаха Халитгера отправился туда, и с королевского согласия ему было разрешено проповедовать народу. Но судьба Харальда была разнообразной; его три или четыре раза изгоняли, и так же часто ему удавалось возвращаться, как благодаря иностранной помощи, так и благодаря усилиям его собственных сторонников. Из этих переворотов в его судьбе легко можно сделать вывод, что он был непопулярен. Одной из причин этой непопулярности, несомненно, было его исповедание новой веры; другой - почтение, которое он оказывал императору. И все же усилия, предпринятые королями, правившими в Зеландии, по созданию монархии и, следовательно, по уничтожению регулы, стремившихся к независимости, были, несомненно, более вредными для его интересов, чем недовольство язычников. Но в периоды мира его покровительство христианству было полезно для дела. Эббо, естественно, покинул страну, когда король был изгнан; и возникла опасность заглушить доброе семя, когда божественное Провидение взрастило другого, более ревностного миссионера, который продолжил начатую им работу и распространил ее на Швецию.

[с 826 по 830.]

Ансар, монах из Корби в Вестфалии, с юности был увлеченным церковником. У него были сны и видения, которые казались ему пророческими о его будущей мученической смерти. К этому результату он соответственно подготовился; и вскоре ему понравилось созерцать его как объект желания, а не страха. Поэтому, когда он услышал, что требуются миссионеры, чтобы продолжить работу, которую бросил Эббо, и снова вернуться с Харальдом в Данию, он с готовностью предложил себя и был радостно принят. Опасности, действительно, этого предприятия не прельщали роскошествующих священнослужителей того века — людей, которых обогатили милости сменяющих друг друга монархов; и Анскар с другим монахом,

Обером, были единственными обитателями большого заведения в Корби, которых можно было уговорить отправиться туда. Действительно, община была немало поражена, став свидетелем самоотверженности этих миссионеров. Покинув Корби, последние отправились в Южную Ютландию. Однако от Харальда они получили меньше помощи, чем могли ожидать. Зная о своей непопулярности, он оставался в основном в крепости, которую ему предоставил император. Действительно, Людовик был вассалом не только Ютландии, которая, возможно, никогда не признала бы его, но и обширной области на морском побережье, от Голландии до Гамбурга. И все же он не выражал особой благодарности своему императорскому повелителю. Его подозревали — вероятно, с большой долей справедливости — в содействии пиратским набегам датчан на побережье Фризии. Однако внешне он соответствовал христианству и был общепризнанным покровителем миссионеров, хотя и оставил их бороться с трудностями, для устранения которых он мог бы сделать больше. Но мы должны сделать некоторую поправку на ситуацию, в которую он попал. Он много лет — как и сейчас — воевал с другими претендентами на трон; и поскольку этих претендентов (сыновей Гудреда) поддерживало влияние языческих вождей, у него были заботы, которые он считал более неотложными, чем религиозные. В 828 году он потерпел сокрушительное поражение и был вынужден искать убежища в пределах владений, которыми он владел от императора. Вероятно, Анскар отступил вместе с ним; и впоследствии вернулся на свой пост. Но смерть его коадьютора и отчаянное положение дел Харальда убедили его, что время для обращения Ютландии еще не пришло; и он прислушался к предложению некоторых шведских послов императору о введении евангелия в этой стране.

Согласно шведским историкам, которые не желают признавать, что датчане были обращены раньше них самих, христианство было принято многими готами за много лет до прибытия святого Ансара. Они утверждают, что в 813 году в Линчепинге была возведена церковь благодаря святому усердию Герберта, саксонского священнослужителя. То, что Евангелие проповедовалось в Готии до того, как оно достигло Швеции, достаточно вероятно; но мы очень сомневаемся, что результат был настолько велик, как хотят заставить нас поверить национальные авторы. Как бы то ни было, святой Ансар был первым апостолом Свя. Достигнув Бирки, столицы — места, расположенного недалеко от современного Стокгольма, — он обратил в свою веру некоторых членов совета короля Бьорна, и ему было разрешено свободно проповедовать. Этот визит был благоприятным; успех казался неизбежным; но в разгар его трудов, пробыв там всего шесть месяцев, он и его спутница вернулись в Германию. Почему? Чтобы сообщить о том, что было достигнуто, говорит его биограф Ремберт, и попросить дальнейшей помощи для продолжения великой работы. Но если бы эти предметы были необходимы (чего мы не в состоянии постичь), то, несомненно, *один* из них мог бы остаться для подтверждения новообращенных. Ансар привез императору письмо Биорна, написанное руническими знаками и свидетельствующее об успехе двух монахов.

[с 830 по 852.]

Папа и император были очень довольны неожиданным открытием на Севере. Чтобы вознаградить Ансара и побудить его к большим усилиям, он был назначен архиепископом Гамбурга с юрисдикцией над всеми скандинавскими королевствами, когда ему следовало обратить их в христианство. Вдобавок он был наделен законнической властью над этими регионами; но она была разделена с Эббо, который меньше знал о людях, об их нуждах и нравах и который, конечно, не обладал ни рвением, ни благоразумием другого. Одним из первых

действий Эббо было посвящение епископа Гансберта, которого он отправил в Швецию, в то время как Ансар отправил викария. Очевидно, в намерения святого не входило возвращаться. Он справедливо полагал, что Дания - достаточно широкое поле для его собственных усилий и что он мог бы руководить шведской миссией из своей новой столицы. Эта миссия медленно, но верно набирала обороты; в то время как его собственные усилия в более южной части его огромной епархии соответствовали если не его желаниям, то, вероятно, его надеждам. Однако и у него, и у Гансберта была ошибка всех римско-католических миссионеров: они крестили до того, как получили достаточное наставление. Поэтому они испытывали унижение, видя, как многие из их новообращенных присоединяются к поклонению Одину и Тору вместе с поклонением Христу; и многие отказывались от своей новой профессии с таким же легкомыслием, с каким они приняли ее. Пришли и другие несчастья. Гамбург подвергся нападению пиратов; священные здания были охвачены огнем; та же участь постигла книги, которые собирал святой; и, без сомнения, постигла бы его и его духовенство, если бы они не бежали от опасности. Этих пиратов возглавлял король Ютландии и Фризии Эрик. На некоторое время работа практически остановилась. Другое разочарование — потеря монастыря, которым Ансар владел вместе с архиепископством и из которого черпалась главная поддержка миссии, — парализовало его усилия. Не менее серьезным несчастьем было изгнание Гансберта из Швеции. Это событие окутано некоторой неизвестностью. Оно не могло быть полностью вызвано религиозными преследованиями, поскольку король все еще был терпим. Возможно, Нитхард, спутник Гансберта и племянник Ансара, оскорблял популярных божеств и их почитателей. Поднялся большой переполох; дом миссии был разграблен и разрушен; Нитхард был убит; епископ со своим духовенством вынужден был покинуть королевство. Все это, однако, было “non-jussu regis”, которое шведские историки превращают в “Berone nesciente”. И все же Ансар не отчаивался. Несмотря на бедность, он все же ухитрился обучить нескольких датских детей, которых задумал сделать миссионерами для обоих королевств. Впоследствии, будучи отправленным послом к Эрику — тому самому принцу, который сжег свой собор и который после смерти Харда-Канута стал королем всей Дании, — он настолько смягчил этого монарха, что получил разрешение беспрепятственно проповедовать. В Слешвике ему разрешили построить новую церковь; число обращенных увеличилось, и их пыл возрос из-за расширения торговли с христианской империей. Такие новообращенные, действительно, не могли сделать чести религии; тем не менее терпимость была преимуществом, которое, как он надеялся, со временем могло привести ко всему, чего можно было желать.

[852.]

Каким бы неудачным ни был исход миссии в Швецию, *Ардгара*, очень святого отшельника, убедили возобновить ее. Вскоре к нему присоединились несколько новообращенных датчан. Херигар, один из главных дворян страны, искренне принявший христианство во время первой проповеди Ансара, принял их с радостью. Благодаря его влиянию в Бирке снова разрешили поклонение младенцам, но оно не принесло большого прогресса, и Ардгар, чье сердце тосковало по прежней отшельнической жизни, в конце концов сложил с себя миссионерскую должность и покинул страну. И все же Ансар не был обескуражен. Поскольку бременский престол был объединен с Гамбургским, это давало ему больше средств для осуществления его достойного предприятия. Придерживаясь той же точки зрения, он убедил германского государя направить его послом в оба королевства. От Эрика, датского короля, он привез письмо Олафу^[127] Швеции, содержащее почетную рекомендацию о его характере и поведении. Эрик утверждал, что никогда не знал такого хорошего человека, как архиепископ; поэтому он

позволил ему трудиться по-своему на благо народа. Но по прибытии в Швецию он столкнулся с новыми препятствиями. Жрецы Единства были серьезно встревожены усилиями, которые в течение более чем двадцати лет предпринимались для установления христианства на Севере. Обман, к которому они прибегли, служит хорошей иллюстрацией популярного характера не в меньшей степени, чем их религиозных представлений. Как только Ансар и его духовенство прибыли в столицу, там внезапно появился человек, который утверждал, что он является носителем послания богов королю Олафу и его народу. Суть его заключалась в том, что древние божества даровали Швеции великое процветание; что до сих пор у них не было причин жаловаться на неблагодарность своих почитателей; что теперь, однако, наблюдается печальный недостаток рвения, их алтари сравнительно опустели из-за алтарей нового и враждебного божества; что если люди стремились к другому богу, зачем ради него уезжать из своей страны? “Если, ” добавили они, “ вы действительно желаете другого, мы с готовностью допустим вашего покойного короля Эрика к почестям обожествления!” Каким бы грубым ни было самозванство, оно не вызывало сомнений; сердца шведов потеплели по отношению к Азеру, и в честь Эрика был воздвигнут храм, алтари которого дымились от продолжающихся жертвоприношений.

[с 853 по 865.]

Положение дел было настолько неблагоприятным, что соратники архиепископа уговаривали его покинуть страну. Но он не захотел во второй раз покидать свой пост. Он добился успеха с Эриком Датским и старался добиться такого же успеха с Олафом. Пригласив этого короля на пир, он удвоил свое внимание, которое исходило не просто от архиепископа, но и от посла могущественного монарха и было особенно благодарно Олафу. И все же Олаф был ограниченным правителем; хотя он с готовностью пообещал предоставить миссионерам всю возможную свободу, он был обязан считаться с волей народа и даже с волей богов. В истинно языческом духе он верил, что в других странах могут быть местные божества, так же как в Скандинавии, — божества столь же могущественные и способные защитить своих почитателей. Он посоветовал архиепископу послать заместителя на следующее собрание свободных людей, пообещав, что он воспользуется своим влиянием, чтобы получить необходимую лицензию на отправление нового культа. “Олаф впервые упомянул об этом в разговоре со своими вождями; был брошен жребий, и было объявлено, что боги — вероятно, благодаря какой-то интриге короля — не являются неблагоприятными для проповеди христианства. Когда, согласно германскому обычаю, народ собрался в своих ежегодных пледах, Олаф приказал герольду объявить тему французского посольства. В последовавшей дискуссии было слышно много ропота; одна сторона осуждала нововведение как неуважительное к их древним богам; другая отстаивала его как необходимое для благополучия королевства. Наконец заговорил почтенный старец: ‘Царь и народ, послушайте меня! Поклонение этому новому богу нам уже известно, и мы также знаем, что он часто помогает тем, кто взывает к нему. Это многие из нас испытали среди опасностей бездны, а также в других случаях: почему же тогда мы должны отвергать то, что, как мы знаем, полезно? Раньше многие из наших людей отправлялись в Дорштадт, чтобы принять эту благотворную веру; теперь, когда путь туда опасен, почему мы должны отвергать добро, которое приносят к нашим собственным дверям?’— ‘Мы часто находили наших собственных богов неблагоприятными: давайте культивировать благосклонность этого бога, который всегда готов, насколько это возможно, помогать своим слугам’. Проницательный варвар преуспел, потому что затронул в сердцах своих слушателей струну, которая откликнулась на его собственную. Ни он, ни они не имели особого

представления о религии, которая не даровала бы временных благословений; все в тот или иной момент были разочарованы в своих призывах к ним; поэтому все были расположены принимать благосклонные предложения от бога, который обещал им постоянную череду таких благословений. Это был плохой фундамент для строительства, но это было лучше, чем ничего. Теперь было провозглашено, что церкви могут строиться и что всякий, кто пожелает, волен принять веру Христову. Пока все это происходило в Швеции, революция в Дании стала фатальной для Эрика и, на какое-то время, для новой религии, которую следующий король запретил. Но на этот раз это время было недолгим, ибо благоразумие Ансара, который теперь вернулся из Швеции, полностью исправило катастрофу. Священнослужителям, которых он послал в обе страны, он повелел подражать примеру святого Павла - трудиться на свое собственное содержание, ни с кого не взимая платы. Вероятно, именно необходимость физического труда опровергала многих даже больше, чем преследования, которым они подвергались; ибо в течение всего своего понтификата он испытывал большие трудности с обеспечением зарождающихся церквей пасторами”.^[128]

[с 865 по 889.]

Работа, которую так хорошо начал Анскар, была также продолжена его учеником, его спутником, его другом, его биографом, *святым Рембертом*, который сразу после его смерти сменил его в архиепископском сане с полного одобрения папы римского и германского монарха. Он действительно указал духовенству на уместность избрания своего друга, о достоинствах которого он привел это великолепное свидетельство: “Ремберт больше подходит на роль архиепископа, чем я на роль скромного дьякона”. Об успехе трудов этого прелата свидетельствуют писатели, близкие к тому времени. Он основал несколько церквей не только в Швеции и Дании, но и среди славян. Его добродетели равнялись его рвению. Чтобы освободить христианских пленников из языческого рабства, он продал саму плиту алтаря. Однажды, для искупления девственницы, он отдал лошадь, на которой ехал. Его время всегда было занято; он почти не позволял себе есть или спать. В течение двадцати трех лет, что он возглавлял объединенные епархии Гамбурга и Бремена, он был не менее ревностен, чем в компании со своим предшественником. К концу своей жизни он выбрал своим помощником *Адалгара*, монаха из Нью-Корби, которого он хотел видеть своим преемником. — Об этом выдающемся священнослужителе записано столько же чудес, сколько он сам рассказал о своем предшественнике, святом Ансаре. То, что он верил им, несомненно; то, что его биографы верили тем, что о нем записано, также верно. Мы должны были бы рады видеть, что они созданы для более благородных случаев. При всем своем рвении Ансар и Ремберт оставили в Швеции мало коренных христиан, — мы имеем в виду, очень мало по сравнению с населением и, возможно, едва ли с теми преимуществами, которыми они обладали. Но им следует воздать должное! Если они и не сделали всего, чего мы могли пожелать, то, вероятно, они сделали все, что могли. Их чувство ответственности было достаточно сильно; но их епархия была слишком обширна, а обязанности - слишком многочисленны, чтобы они могли посвящать Северной миссии столько времени, сколько они сделали бы в противном случае. Мы также не должны упускать из виду закоренелый фанатизм некоторых язычников, безразличие других и (что еще худшее зло) жестокосердие, порожденное порочной религиозной системой.

[с 889 по 936.]

Преемник святого Ремберта не подражал усердию своих предшественников. Распространение его власти, по-видимому, было более дорогой целью, чем распространение религии. Несомненно, что он никогда не посещал Швецию: вполне вероятно, что он не посылал миссионеров в это королевство; мы также не читаем, что он проявлял какое-либо рвение в отношении Дании. *Хогер*, его преемник, был не более активен. О нем в бременском каноне выразительно сказано: “Unde fuerit, aut qualiter vixerit, Deo cognitum est”. И все же Хогер был наполовину святым; он молился и читал, когда ему следовало спать, и еще больше, когда ему следовало заниматься неотложными делами. Слишком много было церковников с таким эгоистичным характером, ценящих каждое потерянное мгновение, которое не было посвящено их собственному спасению, и выражающих лишь бесплодные пожелания спасения других. Однако справедливости ради и к Адальгару, и к Хогеру следует отметить, что их понтификат был очень кратким; и что, если бы их жизни были продлены, история могла бы оставить какие-то свидетельства об их рвении, если не об их успехах. *Уннус*, следующий архиепископ (916-936), был другого характера. Когда нашествия гуннов и язычников-норманнов были подавлены его императорским повелителем, он отправился ко двору Горма, короля Дании, которого, однако, тщетно пытался склонить в пользу христиан. С Харальдом, сыном Горма, он добился большего успеха. Хотя этот князь не сразу принял христианство, он относился к нему благосклонно и защищал, насколько мог, всех, кто его исповедовал, особенно священников. Из Дании он проследовал в Швецию, которую более шестидесяти лет не посещал ни один гамбургский архиепископ. Поэтому неудивительно, что, как сообщает нам Адам Бременский, он обнаружил, что христианство почти вымерло. И все же он находил христиан, которых старался утвердить в вере. Как утверждает Гельмольд, какими бы ни были преследования шведских королей по отношению к своим языческим подданным, с момента появления Евангелия христианское богослужение никогда полностью не прекращалось. Этот превосходный прелат скончался в окрестностях Бирки. Его лучший панегирик - в словах каноника Адама, который советует праздным, роскошествующим, мирски настроенным епископам того времени следовать его примеру: “Посмотрите, вы, епископы, которые постоянно остаются дома, всецело отдаваясь помпезности, наживе, еде и сну, и которые не находят удовольствия в самых неотложных обязанностях вашего поста — посмотрите, говорю я, на этого священнослужителя, бедного в глазах мира, но богатого в глазах Бога, — того, чей конец был столь славен, и кто оставил потомкам пример, что никакие бедствия времени, никакие блага не приносят радости”. удаленность от места может быть оправданием для безделья”. Но чего, кроме праздности, кроме безразличия, можно было ожидать в период, когда сами папы были такими никчемными?

[с 936 по 988 год.]

Во время понтификата *Адалрага*, преемника Уннуса, христианство добилось в Дании большего прогресса, чем когда-либо прежде. Этот священнослужитель был каноником Хильдесхайма; впоследствии, как нам сообщили, он был канцлером двух или даже трех Оттонов. Но это неверно. Он никогда не был архиректором, а был вице-канцлером только в течение короткого периода правления первого Отона. Вероятно, он был секретарем одного или нескольких из этих императоров; он определенно пользовался их благосклонностью. Под его влиянием в Ютландии были учреждены три епископства — Шлешвик, Райпен и Орхус, а также одно в Гольштейне, Альтенбургское, — все они подчинялись Гамбургской митрополии. Этот результат, как мы уже упоминали ранее^[129], следует отнести к победам Отона I., который подчинил себе всю Гольштейн и Ютландию. У Харальда не было бы мира, если бы он не согласился править в качестве вассала Отона по крайней мере в южной части Ютландии; платить ежегодную дань;

санкционировать создание этих епископств; принять христианство всей своей семьей; и способствовать его распространению по всем своим владениям. Если в тот раз он был невольным новообращенным, то впоследствии он искренне уверовал в его доктрины, которые открыто и постоянно исповедовал. В то время, когда он перенес свое правление из Ледры, древней резиденции единичестических суеверий, в Роскилле, он воздвиг в последнем месте церковь Пресвятой Троицы. Именно привязанность его сына к христианству, даже больше, чем честолюбие, привела к его трагической смерти. Старая языческая партия была полна решимости иметь короля своего вероисповедания: отсюда и восшествие на престол Свейна. Хотя Свейн был врагом новой веры, он не мог перечеркнуть дело своего отца и христианских миссионеров: новообращенных было слишком много, чтобы их можно было уничтожить. Через несколько лет он сам стал завоевателем Англии и счел удобным принять христианскую веру, которая после его смерти была доминирующей верой Дании. Архиепископ Адалраг также не упускал из виду Швецию, для возвращения которой его предшественник так много сделал. По его примеру Лиафдаг, епископ Рипена, и датчанин Одинкар старший трудились в королевстве и, вероятно, в некоторых частях Норвегии. Хако Добрый был в то время правителем последнего царства и, естественно, желал даровать своим подданным те благословения, которые получил сам.

[с 988 по 1026 год.]

Либентис, преемник Адалрага, также делал честь его достоинству. Он посылал подходящих миссионеров как в Данию, так и в Швецию; и если их прогресс был медленным, то он был устойчивым. Их усилиям во многом способствовали англосаксонские священнослужители, которые вызывали меньше зависти, чем немецкие, и которые имели счастье крестить шведского короля Эрика Арсаэля. Говорят, что этот монарх стал жертвой своего рвения. Не удовлетворившись поощрением распространения христианства по своим штатам, он насильственно наложил руки на святой храм Упсала; и за это последнее деяние население подняло бунт (1001). После смерти Либентиса в 1013 году его преемник, архиепископ Унвер, пошел по его стопам. Во времена этого последнего прелата Дания, которая подчинялась Кануту Великому, стала решительно христианской. Такое же благословение готовилось и для Швеции. Олаф, прозванный Шотландским конунгом, или Данником, потому что он санкционировал ежегодную выплату дани папе римскому, учредил три епископства и смог обеспечить преобладание религии, которую он принял. Таким образом, после его смерти в 1026 году Швецию можно рассматривать как христианское государство. Таким образом, все три царства отказались от идолопоклонства ради истины примерно в один и тот же период, а именно в начале одиннадцатого века. Эта революция, как мы имели много возможностей наблюдать, была чрезвычайно прогрессивной. В Норвегии это продолжалось в течение трех четвертей века; в Дании - от миссии святого Ансара до правления Канута Великого; в Швеции — от того же события до правления Олафа Скотконунга - в обоих случаях около полутора столетий. Однако мы не должны забывать, что язычество сохранялось во всех трех странах, особенно в Швеции, вплоть до двенадцатого или даже тринадцатого века.

КНИГА II.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

ГЛАВА I.

ДАНИЯ.^[130]

1014-1387.

КАНУТ ВЕЛИКИЙ.—ХАРДА-КАНУТ.—МАГНУС.—РОМАНТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХАРАЛЬДА ХАРДРАДЕ.—СВЕЙН II.-ХАРАЛЬД III.—КАНУТ IV.—ОЛАФ II.-ЭРИК III.-НИКОЛАС.—ЭРИК IV.-ЭРИК V.-КАНУТ V. И СВЕЙН III.—ВАЛЬДЕМАР I.—ЕГО УМЕЛОЕ ПРАВЛЕНИЕ.—АРХИЕПИСКОПЫ ЭСКИЛЬ И АВЕССАЛОМ.—КАНУТ VI.—ВАЛЬДЕМАР II.—УПАДОК ДАТСКОЙ ДЕРЖАВЫ И ПРИЧИНЫ, КОТОРЫЕ К ЭТОМУ ПРИВЕЛИ.—ЭРИК VI.—АБЕЛЬ.—КРИСТОФЕР I.—ЭРИК VII.—ЭРИК VIII.—КРИСТОФЕР. II.—МЕЖДУЦАРСТВИЕ.—ВАЛЬДЕМАР III.—ПАМЯТНЫЕ СДЕЛКИ С НОРВЕГИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ.—ОЛАФ III.—СОЮЗ ДАНИИ И НОРВЕГИИ.

КАНУТ ВЕЛИКИЙ.

1015–1035.

После смерти Свейна датчане провозгласили его сына Канута. Но это был сигнал к восстанию англосаксов против датского ига и к реставрации Этельреда. Этот опрометчивый и порочный принц был соответственно приглашен ко двору своего шурина, Ричарда, герцога Нормандии, при условии, что в будущем он будет лучше управлять страной. Что вселило надежду в него и в его народ, так это внезапный отъезд Канута в Данию. Харальд, брат последнего, которому было поручено управление, стремился к верховной власти в этом королевстве; и благоразумие требовало, чтобы он не пострадал от потери своего наследственного королевства, когда ему, очевидно, снова придется сражаться за Англию. Освобожденный смертью Харальда от всех опасений в этом квартале, он вернулся со всеми силами, которые смог собрать, к английскому побережью. Лорд Дании, значительной части Норвегии^[131], нескольких английских графств и прекрасной армии в этом королевстве, он считал себя способным на любое предприятие. Что больше всего благоприятствовало его взглядам на Англию, так это ненависть, с которой относились к Этельреду. Его труд был бы легким, если бы не доблесть Эдмунда Айронсайда, который, если бы не измена, царившая в советах его отца, и полная никчемность этого отца, успешно сопротивлялся бы. Оставляя историкам Англии задачу детализации последовавших сражений и переговоров, мы лишь отметим, что после смерти Этельреда (1016 г.) Эдмунд был признан Лондоном и некоторыми графствами; и что обе стороны, устав от разрушительной войны, согласились на компромисс — графства к северу от Темзы были переданы датчанам, а к югу от Темзы - саксам; и что после убийства Эдмунда (вероятно, по наущению Канута) датский монарх был признан всем королевством. Двое детей Эдмунда, действительно, остались; и, если верить слухам, победитель пытался изгнать их силой. Но шведский принц, которому они были доверены, отказался стать орудием его замыслов и отослал их для большей безопасности ко двору венгерского короля. В этих

отношениях, очевидно, многоромантики. У нас нет доказательств того, что шведский принц того периода был другом или даже союзником Канута. Вероятно, дети были отправлены их собственными друзьями в безопасное место.

|с 1016 по 1028 год.|

Английское управление Канутом следует искать в истории этого королевства. В Дании он пытался придать христианству преобладание, которого оно еще не достигло. После его восшествия на престол добрая половина датчан были язычниками. Чтобы вернуть их к жизни, были построены церкви и назначены англосаксонские миссионеры. Эта последняя мера была им ненавистна; и она не устраивала его христианских подданных, которые желали сохранить достоинство церкви для себя. Оба были недовольны его почти продолжительным отсутствием в Англии. Воспользовавшись этим всеобщим чувством, Ульфо ярл, как мы уже сообщали ранее,^[132] посадил на датский трон Хардаканута, малолетнего сына короля. Мы также затронули тему этого опрометчивого шага — отставки мальчика и убийства Ульфо по королевскому приказу. С этого времени как в Дании, так и в Англии воцарилось спокойствие. Канут, действительно, был слишком силен и слишком мстителен, чтобы ему можно было безнаказанно сопротивляться. Приобретение третьего королевства, которое он завоевал в 1028 году^[133], окружило его трон великолепием, которым раньше не обладал ни один саксонский или датский принц.

|с 1029 по 1035 год.|

То, что Канут был запятнан многими преступлениями, очевидно даже из его самых пристрастных историков. Он предал смерти многих, не соблюдая форм закона, либо потому, что хотел наказать их за прошлое, либо предотвратить их враждебность в будущем. После своего восшествия на английский престол он поступил с большой жестокостью по отношению ко многим англосаксонским дворянам и вероломно по отношению к еще большему количеству. Тем не менее, у него были замечательные качества. Должно быть, он был хорошим правителем, иначе не распустил бы своих датских последователей, за исключением примерно 3000 человек. То, что он поставил датчан и англичан на равную почву; что он вершил правосудие сострогой беспристрастностью; что он улучшил законы не меньше, чем административную систему; что англичане и норвежцы считали его иго терпимым не меньше, чем его наследственные подданные, - это историческая правда. “На самом деле, он был одним из лучших принцев, когда-либо управлявших английским скипетром. Если в прежние дни он был свирепым, то после своего восшествия на английский трон христианство очеловечило его. О его рвении к религии, не меньшем, чем к земному благополучию своего народа, мы имеем достаточно свидетельств в его деяниях. В монархе чувствовалось варварское величие, которого не было ни у одного другого монарха того времени”.^[134] Каким бы владыкой трех великих королевств он ни был, мы должны искать его истинное возвышение над собственным разумом; и (редкое явление) его моральные качества улучшались с годами. Мало примеров, будь то в истории или в обычной жизни, когда люди настолько полностью возвращались от зла к добру. Римско-католические историки приписывают большую часть этого преобразования его паломничеству в Рим. Было бы логичнее, если бы они назвали это паломничество следствием реформации. Состояние его ума, его мотивы, его принципы хорошо описаны в замечательном письме, которое он написал из вечного города и которое представляет его характер в более правдивом свете, чем комментарии любого историка.^[135]

Этот монарх был либеральнее как к своим последователям, так и к церкви. Нелегко понять, каким образом, учитывая великолепную свиту, которая обычно сопровождала его, великолепные подарки, которые он делал, церкви и монастыри, которые он основывал и одаривал, его все еще могли называть *Богатым*. Его благоразумие, несомненно, было велико, но его умеренность - это добродетель, о которой с наибольшим удовлетворением говорят его биографы. Может быть, и, вероятно, нет правды в хорошо известном анекдоте о том, как он упрекал своих льстецов на морском побережье. Но другой, который выставляет его в столь же поразительном свете, менее известен. За много лет до своего паломничества он составил свод законов и был одним из первых, кто нарушил их, убив в порыве гнева, усугубленного, возможно, опьянением, одного из своих слуг. Здравый смысл подсказывал ему, что это нарушение было плохим примером для его свирепой знати, и он решил, что его наказание должно быть суровым. Созвав своих судей, он предстал перед ними в одежде заключенного, обвинил себя в убийстве и ожидал их решения. Наказание, согласно германской юриспруденции, господствовавшей в большей части Европы, составляло сорок марок серебром за одного человека в состоянии жертвы.^[136] Но раболопные блюстители закона сочли, что, публично признавшись в своем преступлении, он получил достаточное вознаграждение. Видя их страх перед ним, он приговорил себя к выплате 360 серебряных марок, или девятикратной суммы законной компенсации. Из этого большого штрафа половина досталась родственникам жертвы, половина - короне; но король не притронулся к своей доле, которая была роздана бедным.

В своем последнем завещании, примерно за три года до своей смерти, этот монарх разделил свои состояния между сыновьями. Харда-Кануту, которого он назначил правительством Дании, он также покинул Англию, потому что этот принц был его отпрыском от Эммы, вдовы Этельреда II. Свейну, который после смерти святого Олафа (1030-1035) правил Норвегией, он завещал это королевство. Было ли сделано что-либо для Харальда Заячьей Ноги, старшего из его сыновей, не совсем ясно; но Харальд, воспользовавшись резиденцией своего брата в Дании, узурпировал английскую корону. Он не мог ожидать и, вероятно, не желал, чтобы все три покоились на одном челе. Разделение было манией того времени.

ХАРДА-КАНУТ.

1035–1042.

[с 1035 по 1040.]

После смерти своего отца Харда-Канут, наследник Дании, стал в равной степени наследником Англии; и он готовился перейти в это королевство, когда до него дошла весть об узурпации власти Харальдом. Но эта узурпация не была внезапной или полной; и если бы он поспешил с несколькими тысячами сторонников заявить права на корону, он бы восторжествовал. Но у него было мало энергии в характере, и пока он оставался нерешительным, период, благоприятный для его надежд, миновал. К счастью, правление Харальда было недолгим, и в 1040 году сами англичане призвали его взойти на трон. По прибытии он совершил акт бессильной мести памяти своего брата, кости которого по его приказу были преданы земле и выброшены в Темзу. Однако они были перезахоронены.

[с 1040 по 1042 год.]

В своем правительстве Англии Хардакант, по-видимому, совершил только один предосудительный поступок, и для этого у него были основания. Налог, взимаемый для

содержания датской армии, был осужден англичанами и в Вустере вызвал сопротивление, выразившееся в убийстве двух сборщиков. Чтобы отстоять свою власть, он прибегнул к суровым мерам. Главари были казнены, город разграблен и частично сожжен. В других отношениях он не был непопулярен. Его доброта к семье Этельреда оказала ему большую честь. Эмме он доверил долю в управлении; а принцу Эдуарду, младшему сыну Этельреда, впоследствии названному Исповедником, которого он отозвал из Нормандии, он подарил великолепное заведение. Поскольку он умер, не оставив потомства (вероятно, в результате его неводержанности), вместе с ним закончилась датская династия в Англии.

[с 1035 по 1042 год.]

О правительстве Харда-Канута в Дании у нас мало сведений. Он был небрежен и неводержан; и память об отце больше, чем его собственные качества, обеспечила ему трон. Его сделки с Норвегией заслуживают особого внимания. После смерти Канута Великого, как мы только что рассказали, скипетр этого королевства перешел к Свейну, который в течение нескольких лет возглавлял правительство. Но его правление не нравилось; он и его мать были одинаково непопулярны; и не прошло и года после смерти его отца, как оба были изгнаны из страны из-за господства Магнуса Доброго, внебрачного сына Святого Олафа.^[137] Свейн нашел убежище у своего ближайшего брата в Дании и умер в том же году (1036). Если датский король и был слаб, то не лишен честолюбия. Он знал, что унаследует английский трон; и поскольку после этого события он должен был стать единственным наследником обширной империи Канута, он настаивал на своих притязаниях на корону Норвегии. Сочтя Магнуса слишком могущественным для себя, он встретился с этим принцем и заключил уникальный по своей природе и важный по своим результатам договор. Если один из королей умирал, не оставив потомства, другой должен был унаследовать его владения. Эта конвенция была гарантирована высшей знатью и прелатами двух стран. Харда-Канут, как мы только что рассказали, умер, не оставив потомства, и датский трон, соответственно, перешел к

МАГНУС.

1042–1047.

[с 1042 по 1044 год.]

По прибытии этого принца в Данию его приняли с распростертыми объятиями. Он был сыном святого, чудесами которого гремел Север; и его собственные добродетели (гораздо менее сомнительные, чем у его отца) оправдывали ожидания счастливого правления. Действительно, история может приписать немногим князьям больше добродетелей, чем Магнусу; и все же он не был лишен действенных обязанностей, соответствующих его положению. Йомсбергских пиратов, которые подняли восстание и чья свирепость наводила ужас на Север, он быстро уничтожил, а их столицу превратил в пепелище. Это была услуга как датчанам, так и норвежцам, за которую они не могли быть слишком благодарны. Но первые, под влиянием непостоянства, или привязанности к своему старому королевскому роду, или из-за унижения от получения суверена из страны, которую они дважды завоевывали, вскоре обратили свой взор на Свейна, сына ярла Ульфо и Эстриды, сестры Канута Великого. После убийства своего отца^[138] этот принц искал убежища при дворе шведского короля. Приближаясь к поместью мэна, он устал от бездействия и, имея надежду на великодушие Магнуса, отправился к этому монарху в Норвегию. Он не просил никакой части обширных владений Канута: он просто хотел получить

работу при столь щедром монархе, и его просьба была немедленно удовлетворена. Его таланты, благородный вид, манеры поведения и, прежде всего, искусная лесть завоевали доверие норвежца, который сделал его первым министром, а затем своим наместником в Дании. Было большой неосторожностью доверять столь амбициозному человеку, так близко связанному с тронном, доверие подобного рода; но, судя о сердцах других людей по своему собственному, Магнус полагал, что такое доверие навсегда привяжет Свейна к его интересам и будет приятно датчанам. На мощах святого Олафа молодой принц поклялся в верности монарху и был хорошо принят народом. Он постоянно заботился о том, чтобы углубить это благоприятное чувство; и благодаря своей приветливости, вниманию к своим обязанностям и щедрости он полностью преуспел в этом. Убедившись в их привязанности, он открыто взбунтовался. Магнус собрал вооружение, двинулся в Данию, разбил и изгнал узурпатора, который снова искал убежища при шведском дворе.

[с 1044 по 1045.]

Не успел этот враг быть побежденным, как в языческих бандах, занявших все восточные берега Балтики, которые теперь входят в состав Российской монархии, появился другой. Эти люди, едва ли менее свирепые, чем их союзники йомсбергские пираты, вторглись в Слешвик, опустошая все огнем и мечом. Магнус бросился им навстречу и после жестокой борьбы одержал победу. Во время его отсутствия Свейн вернулся из Швеции, сократил Scania и, перейдя в Зеландию и Фунен, снова был признан народом. Победа в двух или трех последовательных действиях все еще была объявлена за монархом. И все же дело Свейна не было уничтожено. Благодаря помощи шведского короля, авантюристам на всех морских побережьях Балтики и, более того, благодаря привязанности датчан, он располагал ресурсами, которые даже могущество Магнуса не смогло полностью уничтожить.

[1045.] Теперь в лице Харальда появился третий враг по прозвищу *Хардрад*, или Суровый, сын Сигурда и сводный брат Святого Олафа. Если в древних сагах есть хоть капля правды, его приключения были самыми экстраординарными. Он присутствовал при последней роковой сцене в жизни Олафа и бежал из Норвегии ко двору русского князя Ярослава, к которому поступил на службу. В Элисиф (Элизабет), дочь Ярослава, он был глубоко влюблен; но его сватовство оказалось безуспешным^[139], он отправился в Константинополь и был принят в ряды варягов, или скифской гвардии императоров. Благодаря своей доблести и своему происхождению он в конце концов получил командование этим грозным, хотя и небольшим отрядом и своими подвигами придал своему имени большой блеск. Возглавляя экспедицию против пиратов африканского побережья, он вышел победителем в нескольких битвах и обладателем огромной добычи, часть которой отправил своим друзьям в Россию. Впоследствии он работал на Сицилии, в Италии и в путешествии в Святую Землю. Во всем этом нет ничего невероятного; но то, что следует за этим, слишком романтично, чтобы в это можно было поверить. В награду за свои услуги Харальд потребовал руки принцессы из императорской семьи, но получил отказ. “Те взрингяры, - говорит Снорро, - которые были в Миклагарде и получили награды за свои услуги во время войны, сказали после своего возвращения домой на Север, что в Греции мудрые и серьезные люди той страны рассказали им, что сама королева Зоя хотела, чтобы Харальд стал ее мужем, и что это на самом деле было причиной ее негодования и его желания покинуть Миклагард, хотя среди людей были распространены другие слухи. По этим причинам царь Константин Мономах, правивший империей совместно с царицей Зоей, приказал бросить Харальда в тюрьму. По пути туда ему явился святой Олаф и

пообещал ему защиту; и с тех пор на той же улице была возведена часовня, которая стоит и по сей день. Здесь был заключен Харальд вместе с Халльдором и Ульфом, еголюдьми. На следующую ночь пришла знатная дама с двумя слугами, которые спустили веревку в темницу и вытащили пленников наверх. Эта дама ранее была исцелена святым Олафом, королем, который открыл ей, что она должна освободить его брата из плена. Сделав это, Харальд немедленно отправился к вэрингьярам, которые все встали при его приближении и приняли его с радостью. Они схватились за оружие, пошли в комнату, где спал король, и выкололи ему глаза. В ту же ночь Харальд вместе со своими спутниками отправился в комнату, в которой спала Мария, и силой увел ее оттуда. После этого они направились к месту, где хранятся галеры "Вэрингьяра", и, захватив два судна, вошли на веслах в Босфор (Севидар-зунд). Когда они подошли к железным цепям, натянутым поперек пролива, Харальд приказал всем своим людям, которые не были заняты греблей, собраться на корме со своим багажом, а когда галеры наткнулись на цепи, броситься вперед, на нос, чтобы переправить галеры через цепи. Галеру, на которую сел Харальд, отнесло совсем на другой берег, но другое судно зацепилось за цепи и затонуло. Часть ее экипажа погибла в воде, но другие были спасены. Таким образом, Харальд сбежал из Миклагарда и вошел в Черное море, где высадил пресвятую деву на берег с несколькими слугами, чтобы сопровождать ее обратно в Миклагард, попросив ее сказать своей двоюродной сестре, королеве Зое, как мало ее власти могло бы помешать ему похитить пресвятую деву, если бы он так захотел". Беспокойство Харальда было вызвано известием о том, что его племянник Магнус взойшел на троны Норвегии и Дании. Проехав через Россию, он женился на дочери Ярослава и вместе с ней вернулся в Норвегию через Швецию.^[140]

|1045, 1046.|

Добравшись до Швеции, где слава о его богатстве предшествовала ему, он вступил в союз со Свейном. Цели этого союза не очень четко определены, но мы можем сделать вывод, что одной из них было возвести Харальда на норвежский престол, а Свейна - на датский. Богатство Харальда привлекло множество авантюристов; и два принца разорили берега Дании. Магнус снова подготовил оружие, чтобы противостоять им; но его более надежным средством была политика. Чтобы отвратить знаменитого варяжского вождя от дела датчан, он предложил ему половину норвежского королевства (а также, без сомнения, возможное наследование) при условии, что Харальд разрешит аналогичным образом разделить его сокровища. Последний охотно принял это предложение; он покинул Свейн, отправился в Норвегию, разделит сокровище, сумма которого описана как удивительно большая, и получил право на долю в управлении. Вопреки обычному опыту правителей, столь неравнодушных друг к другу, они жили в гармонии до смерти Магнуса в следующем году. Из-за этого предательства, или, скорее, из-за превращения союзника во врага, Свейн был вынужден уйти в отставку. Но у него были свои сторонники в Дании, и Магнус после его смерти проявил великодушие, объявив его своим преемником в этом королевстве. Норвежский трон был оставлен Харальду. Таким образом, два авантюриста стали королями немногим более чем через год после прибытия Харальда на Север.

Фамилия Харальда *Доброгов* достаточной степени характеризует его характер. Он действительно был замечательным королем и добродетельным человеком. Много похвал воздается своду законов, который он составил; но они больше не существуют в их первоначальном виде.

СВЕЙН II.

1047–1076.

[1047.]

Как и в случае с Хардой, Канут положил конец древней мужской линии Дании — линии, которая вела свое начало от Одина-Свейна II. его можно назвать основателем новой династии. Эта династия занимала трон до угасания своей мужской линии при Вальдемаре IV, когда ей наследовал правящий дом Ольденбургов.

[с 1048 по 1070.]

Едва Свейн был облечен этим достоинством, как обнаружил врага столь же могущественного, как Магнус, но менее щедрого, в лице Харальда Хардраде, который претендовал на датскую корону. Утверждение этого требования привело к многолетней войне, разорительной для обоих королевств, но особенно для Дании, побережья которой часто подвергались опустошению. В целом преимущество было на стороне норвежского монарха, который в 1064 году одержал крупную победу над датским флотом в устье Ниссы. С большим трудом Свейн бежал в Зеландию и начал собирать новое вооружение. К счастью, разум Харальда теперь был расположен к миру. Шестнадцать лет военных действий принесли ему мало пользы; удача в войне была сомнительной, а датчане, как и их король, испытывали отвращение к чужеземному игу. Два монарха встретились и заключили договор, по которому дела остались такими же, какими они были после смерти Магнуса. Это были не единственные боевые действия, в которых они участвовали. Оба предпринимали грабительские экспедиции к английскому побережью; но они не могли добиться никакого преимущества над бдительным и бесстрашным монархом (Вильгельмом I), который теперь держал в руках скипетр этого королевства.^[145] Свейн тоже испытал унижение, увидев, как его собственные побережья (Гольштейна) разоряются пиратами-вандалами, которые отреклись от христианства и превратили в пепел Шлешвик и Гамбург. Прежде чем он успел до них добраться, они удалились. Впоследствии его убедили выступить против саксов, находившихся в то время в состоянии войны с императором; но его войска, не имея намерения раздражать народ, с которым они долгое время были в дружеских отношениях, отказались от этого предприятия.

[с 1066 по 1070 год.]

Свейн проявил большую благосклонность к церкви. Он построил много культовых сооружений, которые наделил щедростью; и он основал четыре новых епископства: из них два были в Скании, а именно. Лунд и Долби, которые впоследствии были объединены; и два в Ютландии, а именно Вибург и Борглум. Однако эта щедрость не спасла его от ссоры с ними. Его главным пороком было недержание мочи. Многочисленными были его любовницы и многочисленное потомство: упоминается тринадцать сыновей, из которых ему наследовали пятеро^[146]; но число его дочерей было намного меньше; в истории упоминаются только две. За этот порок он не мог надеяться избежать порицания святой матери и женился. Однако он не женился с согласия этой матери, но выбрал своей королевой шведскую принцессу в пределах запрещенных степеней родства. Когда Адальберт, архиепископ Бременский, услышал об этом союзе, он гневно осудил его и через своих посланников пригрозил королю отлучением от церкви, если он не разлучится с принцессой. Король сопротивлялся и даже угрожал превратить Бремен (резиденцию легата) в пепелище; но власть церкви была слишком велика даже для него, чтобы

сопротивляться, и вконец концов он уволил свою жену, которая, к несчастью, приходилась ему двоюродной сестрой. Нет никаких оснований полагать, что недавний историк Дании^[147], что он уволил ее, чтобы пересмотреть своих любовниц; ибо теперь он достиг возраста, когда империя страстей не могла быть всемогущей. Но его, вероятно, научили верить, что реальное преступление менее греховно, чем воображаемое, — блуд, чем брак четвертой степени.^[148]

|1070.|

С другой стороны, мы должны восхищаться поведением церкви, хотя и осуждать его здесь. Свейн был человеком сильных страстей и раздражительного темперамента. На празднестве, которое он устроил для своей высшей знати в городе Роскилле, некоторые гости, разгоряченные вином, позволили себе неосторожные, хотя, возможно, и правдивые замечания по поводу его поведения. На следующее утро какие-то назойливые рассказчики ознакомили его с этим обстоятельством, и в порыве ярости он приказал предать их смерти, хотя в тот момент они были на мессе в соборе — том самом соборе, который был местом убийства его собственного отца.^[149] Когда на следующий день после этого трагического события он направился в церковь, его встретил епископ, который, подняв посох, приказал ему удалиться и не осквернять своим присутствием дом Божий — тот дом, который он уже осквернил кровью. Его слуги обнажили мечи, но он запретил им проявлять какую-либо степень насилия по отношению к человеку, который при исполнении своего долга бросал вызов даже королям. Скорбно удалившись в свой дворец, он облачился в одежды покаяния, плакал и молился и оплакивал свое преступление в течение трех дней. Затем он предстал в таком же убогом одеянии перед воротами собора. Епископ был в самом разгаре службы, *смилуйся, Господи*, были *chaunted*, и в *Глории* начинается, когда ему сообщили, что королевская каючийся был за воротами. Покинув алтарь, он направился к тому месту, поднял монарха-просителя и приветствовал его поцелуем мира. Приведя его в церковь, он выслушал его исповедь, снял с него отлучение от церкви и позволил ему присоединиться к богослужению. Вскоре после этого, в том же соборе, король публично признался в своем преступлении, попросил прощения как у Бога, так и у людей, получил разрешение вновь облачиться в королевское одеяние и торжественно получил отпущение грехов. Но ему еще предстояло выплатить компенсацию родственникам покойного в соответствии с законом; и чтобы смягчить каноническую епитимью, он подарил церкви одно из своих владений. Имя этого прелата (достойного соперника святого Амвросия) должно быть увековечено в истории. Это был англосаксонский священнослужитель Уильям, которого архиепископ Бременский выдвинул на это звание и который ранее был секретарем Канута Великого. За тот долгий период, что он управлял Роскилдской епархией, он завоевал уважение всех людей в равной степени своими талантами и добродетелями. За последнее он имел репутацию святого (и заслуживал этого отличия больше, чем девять десятых полубожеств, чьи имена позорят календарь), а за первое - репутацию волшебника. Тот факт, что ранее он был близким другом монарха, не умаляет чести этого апостольского церковника; равно как и тот факт, что после этого события Свейн оказал этому епископу большее уважение, чем раньше.

|с 1070 по 1076 год.|

С этого времени и до своей смерти Свейн с большим рвением соблюдал обряды римско-католической церкви. Своей чрезмерной щедростью он повредил своим доходам, а своим аскетизмом, возможно, и своему здоровью. Точный портрет его и его народа дает тот, кто хорошо их знал, Адам Бременский. Этот священнослужитель, услышав так много в пользу

датского короля, отправился к его двору и, как и все другие иностранцы, был любезно принят. “Свейн, - говорит каноник, - не только либеральнее по отношению к иностранцам, но и хорошо разбирается в литературе; и он с большим талантом руководит миссиями, которые основал в Швеции, Норвегии и на островах; из его собственных уст я узнал большую часть фактов, содержащихся в этой истории”. В его правление язычники Борнхольма были впервые обращены в христианство епископом Эгином. Изображение Фригги, которое они так долго привыкли чтить, они с презрением уничтожили. Еще одним доказательством их искренности стало предложение епископу своих самых ценных вещей. Это, в отличие от большинства церковников того времени, он отказался принять и посоветовал им потратить деньги двумя благородными способами — на основание церквей и выкуп христианских пленников. “У короля, - продолжает Адам, - нет порока, кроме невоздержанности”. В каноне говорится, что Дания почти полностью состоит из островов. “Из них Зеландия самая большая и богатая, а ее жители самые воинственные. Столицей была Ледра, но тогда Роскилд. Следующей по значимости после Зеландии была Фиония, которая была очень плодородной, но ее побережья подвергались опустошительным набегам пиратов. Столица, Одинси, была крупным городом. Переправляться с одного острова было опасно не только из-за штормового моря, которое бушевало между ними, но и из-за пиратов. В Ютландии была бесплодная почва, за исключением берегов рек, единственных возделываемых участков; остальная часть страны состояла из лесов, болот и пустошей и была труднопроходима. Главные города располагались вблизи узких бухт на побережье. Скания, которая географически всегда была, а теперь политически включена в состав Швеции, представлена как плодородная, очень густонаселенная и изобилующая церквями. На самом деле, нигде в Дании не было недостатка в этих сооружениях; в Фионии, как уверяет нас Адам, их было 100; в Зеландии - 150. “Скания - это почти остров, отделенный от Готланда большими лесами и скалистыми горами. Здесь находится город Лунд, где глубоководные грабители складывали свои сокровища. Эти грабители платили дань датскому королю при условии, что им будет позволено осуществлять свое призвание в борьбе с варварами”. Среди датчан Адам видит много других вещей, противоречащих справедливости: он действительно не видит ничего достойного похвалы, кроме обычая продавать в рабство тех женщин, которые обесчестили себя. Эти люди были так горды, что предпочли смерть побоям; и они двинулись к месту казни не только с неустрашимым, но и с торжествующим видом. Слезы и стоны они считали недостойными мужчин; и они не оплакивали ни своих жен, ни своих самых дорогих родственников.

HARALD III.

ПО ФАМИЛИИ ХЕЙН, ИЛИ КРОТКИЙ.

1076–1080.

[1076.]

Поскольку Свейн не оставил законного потомства, единственное, на что можно было претендовать, - это на его многочисленных бастардов. Харальд был старшим; но так как он обладал тихим, мягким характером, то был не очень приятен для свирепого народа. С другой стороны, Канут, следующий брат, сильно отличился в войнах с язычниками Ливонии. Соответственно, когда государства собрались, возник спор, большинство высказалось за Харальда, но вся Скания - за Канута; и результатом должна была стать гражданская война, если бы не взятки двух вождей, которые убедили выборщиков этой провинции утвердить выбор

Харальда. После этого решения Канут отказался оставаться в Дании и провел остаток жизни своего брата за своим старым занятием.

[с 1076 по 1080.]

Короткое правление Харальда не дает никаких материалов для истории. Молчаливый, сдержанный, робкий, не любящий пролития крови, даже за судебные проступки, он мало пользовался уважением. И все же мало было периодов более счастливых, чем тот, которым было засвидетельствовано его правление. Он издал новые законы, которые были восхвалены и осуждены. По словам Саксона, чье информирование невозможно оспорить, он отменил судебный поединок и заменил чистилище присягой — изменение, которое привело к частым лжесвидетельствам. Но если верить свидетельству Эльнота, он издал другие законы, которые долгое время ценились народом — настолько ценились, что заставляли каждого нового монарха клясться соблюдать их.

КАНУТ IV.

ПРОЗВАН СВЯТЫМ.

1080–1086.

[с 1080 по 1085.]

Этот принц, безуспешно боровшийся за корону со своим братом Харальдом и теперь единогласно избранный, был совсем не похож на своего предшественника. Стремясь к воинской славе, он вел войну в Ливонии до тех пор, пока не довел ее до выгодного исхода. Его следующий проект был более масштабным — подчинить Англию, которую датчане привыкли рассматривать как взбунтовавшуюся провинцию. Однако непостижимо, как столь дикий проект мог прийти в голову королю, даже несмотря на то, что норвежцы пообещали присоединиться к его осуществлению и хотя он получил помощь от своего тестя Роберта, графа Фландрии. Возможно, он всего лишь стремился к восстановлению Нортумбрии. Но хотя было собрано большое вооружение, оно так и не вышло в море из-за интриг английского монарха, или восстания вандалов-язычников, или, вероятно, из-за обеих причин вместе взятых. Чтобы усмирить взбунтовавшихся язычников, он посылал деньги и обещания и задерживал флот на ютландском побережье до тех пор, пока не станет известен результат. Тем временем его воины, не зная, чем вызвана его задержка, начали бунтовать: когда он наказал одних, другие тщетно замыслили покушение на его жизнь; в то время как остальные тихо разошлись, и он был вынужден отпустить норвежцев с подарками. Таким образом, вооружение не привело ни к чему, кроме разочарования и раздражения.

[с 1080 по 1086.]

Внутри страны правление этого короля отличалось большой энергией и большой любовью к справедливости. Под мягким влиянием его предшественника, да и вообще на протяжении большей части столетия, местные губернаторы были очень многими тиранами, одинаково не считающимися с законом, религией, приличиями. Из них он привел много суровых примеров; он карал смертной казнью за преступления, которые стали почти закоренелыми; он применил закон талиона ко всем, кто был осужден за нанесение побоев или увечий другим; он полностью реформировал администрацию, сместив коррумпированных судей и заменив их другими, более

честными и, мы можем добавить, более суровыми. Денежные штрафы - основа германской юриспруденции - применялись с невиданной ранее строгостью. Все эти меры короля были вполне оправданны, но от этого они не стали меньшим оскорблением для людей, закаленных долгой безнаказанностью. Открытый мятеж или подавленное недовольство, громкие угрозы или тайные заговоры были характерны для большей части его короткого правления. Даже суровость, с которой он пресекал пиратство, сделала его врагами; если это было приятно большей части его народа, то вызывало ненависть у распущенной знати, которая так долго наживалась на этом.

[с 1080 по 1086.]

Поведение святого Канута по отношению к церкви было не менее непопулярным. Он освободил духовенство от всякой зависимости от светских судов; он поставил епископов на один уровень с герцогами и принцами; он ввел духовенство в свой совет и попытался дать ему право голоса в ассамблее штатов. В этой политике мы не видим ничего, что можно было бы осудить.

Абстрактно, может быть, и верно, что церковники должны быть ограничены своей особой сферой деятельности - заботой о душах; но практически это никогда не было так; и, придавая им влияние в общественных делах, — превращая епископов в светских баронов, а высшее духовенство — в местных судей, - Канут действовал просто в соответствии с духом времени. И действительно, у него, похоже, были веские причины для такой политики. Церковники были лучше информированы и вели более регулярную жизнь, чем миряне: поэтому он верил, что из них получатся лучшие блюстители закона; и в этой вере он увеличил их полномочия за счет феодальной знати. Он не мог предвидеть, что, сделав их независимыми от короны и народа, он готовил бич для своих преемников.

[с 1080 по 1086.]

Хотя эти меры нажили ему много врагов, его расточительность по отношению к нескольким церквям и, более того, его попытка сделать десятину обязательным обманом привели к тому, что три четверти его народа были недовольны его властью. Однако и здесь беспристрастное потомство не должно порицать его. Он, несомненно, понимал, что если церковь вообще должна существовать, то она не должна зависеть исключительно от такого ненадежного источника, как добровольные взносы. Он видел, что десятина была санкционирована словом Божиим и обязательна во всем остальном христианском мире; и он считал самозванство менее жестоким, чем любое другое, которое можно было придумать. Но он не приступал к своей цели с достаточной осторожностью; он был слишком опрометчив: он проявлял раздражение там, где ему следовало бы пойти на примирение; и он был нетерпелив при малейшем противоречии своей воле. На самом деле, он был деспотом; в большинстве случаев из лучших побуждений; но его поступки были более очевидны, чем его мотивы; и хотя ему не ставили в заслугу эти поступки, его ненавидели за них. С другой стороны, он был невежлив. Зеландию он пожаловал в качестве феода своему брату Эрику с титулом ярла; Слесвик - своему брату Олаву с титулом герцога; и тем самым создал прецедент для расчленения своего королевства.

[1086.]

Когда существовало так много причин для неприязни, конец Канута вряд ли мог быть мирным. Он не мог решать вопрос о десятине в генеральных штатах; но своей собственной властью он взимал подушный налог, отчасти в наказание за сопротивление, оказанное его воле, а отчасти

для использования духовенством. Строгость сборщиков была не менее оскорбительной, чем сам налог. Жители Венд-сисселя подняли открытое восстание и отправились на поиски короля, который со своей женой, детьми и двумя братьями искал убежища в церкви Св. Альбан в Одинси. Там он вскоре был заключен; священное здание было захвачено; его слуги были преданы мечу, а Бенедикт, один из его братьев, бездыханным лежал на полу. Видя, что его собственная смерть неизбежна, король преклонил колени перед алтарем и в этой позе, согласно одному сообщению, получил смертельный удар. Другой говорит, что он был убит ударом копья в окно. Оба согласны, что он умер со смирением.

Благодаря церкви Канут был немедленно причислен к славному сообществу святых и мучеников. Его притязания на это отличие довольно сомнительны: если бы он был частным лицом или менее либеральным по отношению к духовенству, если бы он проявлял больше моральных добродетелей и основал меньше церквей и монастырей, несомненно, он никогда бы не был обожествлен, поскольку канонизацию вполне можно назвать именно так. Его вдова вернулась ко двору своего отца в сопровождении единственного из своих сыновей, Чарльза. Не так уж удивительно, что этому сыну была уготована та же участь, что и отцу. Став графом Фландрии, он был убит своими подданными в церкви и, как и его отец, “*inter divos relatus*”.

[1037.]

Народ Ютландии, гордый тем, что убил одного короля, хотел избрать другого, и в соответствии с волей Свейна II, согласно которой дети были отданы братьям, они отказались от малолетних сыновей Святого Канута и выбрали Олафа, герцога Слешвицкого, третьего сына Свейна. Олаф был в то время своего рода пленником при дворе графа Роберта Фландрского, куда он был отправлен своим деспотичным братом по подозрению в соучастии в мятеже флота. Но об этой жалобе нет никаких свидетельств. Говорят, что граф потребовал большой выкуп, прежде чем ему разрешили присоединиться к своим новым подданным.^[150]

ОЛАФ II.

ПО ПРОЗВИЩУ ФАМЕЛИКУС, ИЛИ ГОЛОДНЫЙ.

1087–1095.

Во время правления этого принца Дания имела одно благословение — мир. Но у него было и одно проклятие — голод, который духовенство объявило божественным наказанием за убийство святого мученика Канута. Люди, как нам говорят, умирали тысячами и десятками тысяч из-за отсутствия самого необходимого для жизни; и этой причине, если Саксон прав, следует приписать спокойствие в стране. Лошади и даже собаки были обычной пищей людей. В стране, где презиравлось сельское хозяйство, неурожайный сезон не мог не вызвать голода; нас удивляет только то, что визиты не были более частыми. Принц Олаф взял на себя всю вину; именно его вина, а не недостаток предусмотрительности у его подданных, стала причиной зла. Его личный характер, похоже, не был дружелюбным. Он представлен как жадный, деспотичный, бесчувственный; как пренебрегающий законами и их управлением; отсюда тирания в высших кругах и распущенность в народе. Согласно одному сообщению, он был найден мертвым в своей постели после развлечения, которое он устроил или намеревался устроить для своей знати и духовенства; согласно другому, он умер от естественной болезни, о чем никто не сожалел. Если молитва, которую Саксон вкладывает в свои уста, действительно принадлежала ему, он не заслуживает той суровости, с которой с ним обошлись. Огорченный продолжением

голода, он сказал: “О Господи, я больше не могу выносить тяжесть твоей руки! Если ты разгневан на мой народ, пощади их и позволь мне страдать одному!”

ЭРИК III.

ПО ПРОЗВИЩУ ДОБРЫЙ.

1095–1103.

[1095, 1096.]

Эрик был четвертым сыном Свейна II., и штаты возвели его на трон этого королевства из ярлдома Ютландии. Поскольку следующий урожай был обильным, люди снова были довольны, и он получил признание за это изобилие с той же несправедливостью, с какой его брат был осужден за голод. Более деятельный, чем его предшественник, он энергично проводил законы; и он разрушил Йомсберг, оплот пиратов, которые снова подняли голову во время предыдущего правления. Чтобы держать их в постоянном подчинении, он возвел в их стране крепости и хорошо разместил в них гарнизоны.

[с 1097 по 1103 год.]

Самым примечательным событием правления этого монарха является возведение Лунда в сан архиепископа. До сих пор Дания полностью зависела от архиепископа Бременского, юрисдикция которого распространялась на весь Север. Король поссорился с надменным прелатом Лимаром, который тогда занимал престол и которым он был отлучен от церкви. Вместо того чтобы подчиниться, Эрик обратился к Риму и даже посетил этот город, чтобы лично отстаивать свое дело. Он добился своего и с триумфом вернулся в свое королевство. Впоследствии (в 1103 году), по пути в Святую Землю, он снова посетил Вечный город и убедил папу римского наделить Лунд столичными привилегиями. Папа ни в чем не мог отказать брату святого, который почти равнялся этому брату в преданности церкви: кроме того, огромная власть, которой обладали бременские архиепископы, сделала их опасными, когда они приняли, как они обычно делали, сторону германских императоров против римского престола. Буллой, изданной по этому случаю, Адгар, потомок знаменитого Пальнатоко, стал примасом Дании, Швеции, Норвегии и островов, зависимых от этих королевств.

[1103.]

Причина паломничества Эрика, из которого ему было суждено никогда не вернуться, не очень хорошо известна; но, вероятно, это было сделано для того, чтобы искупить смертоносный акт, который он совершил в припадке гнева или опьянения. Досужая басня Саксона о том, что, находясь под влиянием музыки, он убил четырех своих слуг (или солдат своей гвардии), достаточно характерна для этого автора, но не получила признания в нашей стране с тех пор, как авторы "Всеобщей истории" взяли ее на вооружение. Какова бы ни была причина, он решил посетить Святую Землю, и это тоже вопреки молитвам и слезам своего народа, которым он был дорог. Проехав через Рим, где, как мы только что рассказали, он добился возведения Лунда в ранг митрополии, он направился в Константинополь. Алексей Комнин принял его с большим почетом, хотя в течение некоторого времени за ним строго следили, чтобы при всем своем благочестии он не встал во главе варяжской гвардии и не доставил беспокойства своему воинству. Его манеры вскоре рассеяли эту неуверенность, и его великолепно развлекли.

Снабдившись не только провизией и кораблями, но и изрядным запасом золота, он отплыл в Палестину; но, высадившись на острове Кипр, пал жертвой чумы.

[1103.]

Эрик III. был одним из лучших принцев, когда-либо правивших датским скипетром. “Со своим народом, - говорит древний писатель, - он жил, как отец со своими детьми, и никто не уходил от него неудовлетворенным”. Отсюда и его фамилия *Добрый*. Он никогда не брался за какое-либо важное дело, не посоветовавшись со своим штатом. Его главным недостатком было недержание мочи. Если, как нас уверяют, он воздерживался от постели своей королевы, то только для того, чтобы более свободно предаваться удовольствиям со своими наложницами, которых у него было значительное количество. Саксон уверяет нас, что она вовсе не обиделась на своего царственного повелителя за эту слабость, апустила избранных дам в свои покои и помогла украсить их к его удовольствию. И все же Эрик был недалеко от канонизации; и если бы не эта хрупкость, он, вероятно, удостоился бы этой чести. Его щедрость по отношению к церкви, его паломничество, поселение цистерцианцев в его владениях и основание в Лукке монастыря для размещения датских паломников обеспечили ему прозвище святого не у одного писателя того времени.

НИКОЛАС.

1105–1134.

[с 1103 по 1105.]

После смерти Эрика наступило двухлетнее междоусобие. Он оставил своего сына Харальда наместником королевства на время своего отсутствия; но поведение этого принца было настолько непопулярным, что, когда государства собрались, они исключили и его, и его братьев и решили выбрать кого-нибудь из его дядей. Старший, по имени Свейн, умер до того, как его смогли избрать. Уббо, следующий принц, отказался от сана; которое затем перешло к Николасу, следующему по возрасту.

[с 1105 по 1126 год.]

Долгое правление этого монарха было сплошным бедствием, вызванным главным образом его ревностью к своему племяннику Кануту, второму сыну покойного короля. Генрих король оботритов, славянского народа, обитавшего на балтийском побережье от Мекленбурга до Померании, был почти связан с королевским домом Дании, его матерью была Сигрита, дочь Свейна II. Поскольку оботриты были покорены по меньшей мере двумя датскими королями и вынуждены принять христианство, к ним относились как к вассалам. Но Генрих, более могущественный, чем любой из его предшественников, поскольку он подчинил своему игу другие славянские племена, не был вассалом Дании, хотя, безусловно, был вассалом Германии. Сначала он потребовал приданое своей матери, которое, как он утверждал, так и не было выплачено; а когда в этом было отказано, вторгся в южную часть Ютландии. Николай выступил против него и потерпел поражение. Остановить карьеру захватчика было поручено Кануту, которому его отец передал герцогское поместье Слешвик. Этот принц не только очистил герцогство от захватчиков, но и перенес войну в страну оботритов. Теперь Генрих запросил

мира и с тех пор был другом своего племянника. Канут спас Данию от многих бед, и теперь его поведение показывало, что он был не менее превосходным губернатором, чем когда-то генералом. Он истребил бандитов, восстановил империю законов и привел к процветанию искусства жизни. Его репутация сильно оскорбляла короля; и это чувство не уменьшилось, когда после смерти Генриха император Лотарь подарил ему освободившийся королевский феодал. С такой возросшей властью ему стало легче поддерживать спокойствие не только в своем герцогском поместье, но и во всей Дании. Его старший брат Харальд, чьи пороки лишили его трона, совершил множество враждебных вторжений в Ютландию; но Эрик, его следующий брат, был не менее готов, чем он, защитить это королевство.

[с 1126 по 1132 год.]

Контраст между поведением Николаса и Канута произвел глубокое впечатление на датчан. Для двоих из них, короля и его сына, это было не менее болезненно, чем глубоко. Целью обоих было ускорить его гибель. Первой попыткой было обвинить его в каком-то преступлении в ассамблее штатов; но он защищался так убедительно, что был единогласно оправдан. Разочарованный таким мнением, Магнус попросил о встрече с ним под предлогом мирного урегулирования всех разногласий; и, не подозревая об опасности, убил его. Вся Дания мгновенно пришла в смятение. Родственник жертвы поспешил на собрание штатов и, демонстрируя свою окровавленную одежду, призвал отомстить убийцам. Спасаясь от народного негодования, Магнус бежал в Швецию; но Николай, полагавшийся на поддержку одной партии, попытался противостоять буре. Однако он был торжественно низложен, и на его место был избран Эрик, брат Канута. Но он отказался подчиниться указу. Он собрал войска и выступил против своего соперника, который проявил не меньшую активность в его собственных интересах. В последовавшей гражданской войне приняли участие епископы, которые сражались наравне со светской знатью. Канут был вассалом Лотаря и потребовал помощи империи; и этот монарх, собрав небольшую армию, двинулся в Ютландию, чтобы сотрудничать с Эриком в отмщении за смерть Канута. Видя, что союз императора и Эрика должен быть фатальным для его дела, Николай вывел первого из союза, предложив большую сумму денег и согласившись сохранить Данию в качестве феодала империи. Затем Лотарь вернулся, предоставив военной удаче решать между двумя королями.

[с 1132 по 1134 год.]

Отступление немцев стало сигналом к возобновлению еще более ожесточенных боевых действий между соперниками. Со своим обычным упрямством Харальд оставил дело своего брата Эрика, чтобы сражаться за Николая; и Магнус, у которого была мощная армия в Швеции, привел подкрепление для участия в войне. Успехи были разными: на глубине потерпел поражение Магнус; на суше - Эрик. Но некоторые акты более обычного варварства, совершенные Николасом и Харальдом в Роскилле, уменьшили число их сторонников. Тем не менее, им удалось еще раз закрепиться на побережье близ залива Фодвиг в Скании. Победа была объявлена за Эриком: Магнус пал в битве, а Николас с большим трудом бежал в Ютландию. Среди убитых было пять епископов и шестьдесят священников. Поскольку Магнус был мертв, Николас объявил Харальда, брата Эрика, своим преемником — заявление, которое не принесло пользы его собственному делу. Чтобы спастись от преследования своего соперника, он бросился в Слешвик, который был укреплен лучше, чем любой город на Севере. Но это был неосмотрительный поступок: в этом городе память Канута боготворилась; и там он

был убит несколькими членами братства, главой которого был покойный принц. Так пал монарх, который в начале своего правления давал своим подданным повод надеяться, что он станет благословением для королевства, но чье последующее поведение навлекло на него всеобщую ненависть.

ЭРИК IV.

ЕГО ЗВАЛИ ЭМУНД.

1135–1137.

[с 1135 по 1137 год.]

О правлении Эрика IV, который после смерти своего соперника унаследовал управление всем королевством, мало что известно истории. Одним из его первых подвигов было предание смерти своего брата Харальда и одиннадцати сыновей этого принца. Был двенадцатый, Олаф, который бежал в Швецию и впоследствии стал королем Дании. Затем он преследовал вендских пиратов до их крепости Арконы, которую захватил и разрушил. По возвращении он с рвением взялся за отправление правосудия и был убит ютландским вождем, отца или брата которого он по суду приговорил к смертной казни. Эта трагедия произошла не только при его дворе, но и среди его народа, во время председательства в ассамблее ютландских штатов.

Было кандидатов на корону - 1. Канут, сын Магнуса и, следовательно, внук Николая; 2. Свейн, внебрачный сын Эрика IV.; 3. Вальдемар, сын Канута, короля оботритов, который был убит Магнусом и который в 1170 году был канонизирован, как мученик с таким именем, правивший Данией. Пристрастие собрания было явно в пользу Вальдемара; но поскольку и он, и два других кандидата были неженатых лет, выбор пал на внука Эрика Доброго от дочери.

ЭРИК V.

ПО ПРОЗВИЩУ ЯГНЕНОК.

1137–1147.

[с 1137 по 1147 год.]

Фамилия этого короля в достаточной степени объясняет его характер. Он действительно был одним из самых миролюбивых людей. И все же он был вынужден сражаться за свою корону, ибо Олаф, единственный сын Харальда, избежавший кровавых проскрипций Эрика Эмунда, появился во главе значительного войска и потребовал ее. Несомненно, что если рассматривать только наследственное право, то это требование было обоснованным, поскольку он был единственным представителем своего отца, старшего сына Эрика Доброго. Но датский трон был выборным, и хотя притязания были ограничены одной семьей, праву первородства уделялось мало внимания. После многих удачных поворотов судьбы Олаф был побежден и убит (1143). Но сам Эрик был завоеван славянскими пиратами Балтики, которые, хотя и были так часто унижены (если это заслуга национальных историков), вскоре вновь появились в количестве, достаточно внушительном, чтобы встревожить королевство. Это препятствие и последовавшее за ним падение его репутации в глазах воинственного народа вскоре побудили его отказаться от короны и принять монашество в монастыре Одинси.

[1147.]

После ухода Эрика Агнца на пенсию три принца, которым ранее было отказано из-за их молодости, снова стали кандидатами. Поскольку Вальдемара сочли еще слишком молодым, выбор был ограничен двумя другими. К несчастью для интересов порядка, оба были избраны: Свейн — землями Скания и Зеландия, Канут — народом Ютландии.

КАНУТ Против

1147-1156.

СВЕЙНА III.

1147-1157.

[с 1147 по 1157 год.]

То, что раздел суверенитета неизбежно приведет к гражданской войне, мог предвидеть самый слепой. Это была долгая и кровопролитная война, которая, хотя и была приостановлена на время усилиями папы римского, желавшего, чтобы весь христианский мир вооружился против неверных, разразилась с новой силой. Адзер, архиепископ Лунда, повел датское войско против язычников Балтийского моря; но поход был бесславным, и остатки, вернувшиеся из него, примкнули к одной из двух партий. Судьбы обоих разнились, но когда Вальдемар, любимец нации, присоединился к Свену, преимущество было на стороне этого короля, который одержал победу по меньшей мере в трех битвах над своим соперником. В свое время Канут был изгнан из королевства и вынужден искать убежища при дворе императора Конрада III. Но спокойствие не было результатом его отставки. Вендские пираты, недовольные победой над архиепископом и подстрекаемые возбужденным состоянием общественного сознания, опустошали побережья как Ютландии, так и островов. Убедившись, что их король и знать не в состоянии защитить их, люди вступили в вооруженные братства, которые были освящены религией. Они не только защищали свои собственные побережья, но и снаряжали суда для плавания по Балтике и для нападения врасплох на те языческие корабли, которые могли оказаться оторванными от остальных. За несколько лет двадцать два таких судна захватили более восьмидесяти судов противника. Тем не менее, это были частичные, изолированные последствия, которые мало влияли на общую массу страданий. Когда Канут вернулся в качестве вассала империи, снова разгорелась гражданская война. Фредерик Барбаросса, как верховный лорд, теперь вмешался и, встретившись с двумя сторонами, постановил, что, хотя титул короля Дании должен быть оставлен победоносному Свену, Канут должен править Зеландией как феодал датской короны. Эта награда не удовлетворила ни одну из сторон, и меньше всего нацию, которая была возмущена ими обоими за то, что они пожертвовали своей независимостью ради императора. Свейн отказался уступить Зеландию своему сопернику; и гражданская война вот-вот должна была возобновиться, когда Вальдемар, чьей доблести Свейн был обязан всем, убедил одного уступить, а другого принять взамен этого острова определенные владения в Ютландии и Скании. Таким образом, на данный момент был установлен мир; но это был пустой покой, который могло нарушить часовое происшествие.

[с 1152 по 1156 год.]

Преимущество, которое Свейн получил с помощью Вальдемара, он потерял из-за своего неправомерного поведения. Он принял немецкий костюм; подражал немецким манерам; выражал большое презрение ко всему датскому как в высшей степени варварскому; редко появлялся на национальных мероприятиях; восстановил старое судебное испытание дуэлью; стал роскошествовать; и обложил свой народ высокими податями. Провальная экспедиция в

Швецию вызвала у него не только ненависть, но и презрение, а по возвращении в Сканию на него обрушились крики разъяренного населения. Он пережил бы нечто худшее, чем этот результат, если бы вождь по имени Тихо, один из самых влиятельных в провинции, не спас его от занимаемой должности. Оказавшись на свободе, он позволил своим распущенным последователям грабить жителей. Многих он предал смерти; и среди них был храбрый человек, который спас его от их ярости. Эта чудовищная неблагодарность лишила его расположения Вальдемара, который перешел на сторону Канута и укрепил союз, женившись на сестре этого принца. Теперь целью Свейна было схватить обоих принцев, открыто или хитростью; но они были настороже, и каждый всегда был окружен вооруженной свитой. В конце концов он был побежден и вынужден искать временного убежища в Саксонии. Но он заручился поддержкой герцога этой провинции и архиепископа Бременского, который никогда не мог простить датчанам насильственной отмены его юрисдикции над Севером и вступил в союз со славянскими пиратами, которые всегда были готовы присоединиться к любой партии, предложившей им добычу. Во главе этих войск он вернулся и вынудил народ принять его как своего короля. Снова Вальдемар и Канут выступили против него; но первый, сочувствуя страданиям народа, предложил свое посредничество, и спокойствие на время было восстановлено. Главным условием этого договора было то, что королевство должно быть разделено на три суверенности; что Свейн должен получить Сканию, острова Кнут и Вальдемар Ютландию в дополнение к своему герцогству Слешвик. Весь народ предался веселью, и Свейн, делая вид, что присоединяется к нему, устроил великолепное развлечение для своих братьев королей в замке Роскилда. Но на том самом празднике он приказал убить обоих. Кнут пал; но Вальдемар, который мужественно защищался, бежал в Ютландию.

[с 1156 по 1157 год.]

Репутация Вальдемара и, прежде всего, его слова легко побудили людей поддержать его дело. Преследуемый своим активным врагом, он был вынужден вступить в бой до завершения приготовлений. Результат, однако, был неопределенным. В последующем и более общем сражении под Вибургом Свейн потерпел поражение и был вынужден бежать. Победители яростно преследовали его, настигли в болоте, выбраться из которого ему не позволял вес его доспехов, и он был немедленно обезглавлен. Никогда датчане не страдали так сильно, как при этом недостойном принце. Ослабленные дома, деградировавшие за границей, лишены правительства или безопасности как для личности, так и для имущества, они пали духом даже в своих собственных оценках. Но в этих бедствиях они могли винить только себя; они были неизбежными результатами их собственной глупости при разделении монархии.

ВАЛЬДЕМАР И.

ПО ПРОЗВИЩУ ВЕЛИКИЙ.

1157–1182.

[с 1157 по 1169 год.]

Никогда радость людей не была больше, чем радость датчан, когда Вальдемар, таланты которого испытывались так часто, унаследовал безраздельный трон. Они нуждались в просвещенном, патриотично настроенном, активном, твердом правителе, который спас бы их от анархии дома и унижения за границей. Одной из его самых неотложных задач было обезопасить свое побережье от языческих разбойников. Однако в своей первой экспедиции он

мало чего добился; его вооружения было недостаточно для этого предприятия. Во втором он подчинил себе большую часть острова Рюген и получил большую добычу. В третьем он имел своим союзником Генриха Льва, герцога Саксонии; и оба принца захватили морское побережье Балтийского моря, диктуя такие условия, какие им заблагорассудится. Но такие походы никогда не имели постоянного эффекта. Если язычники покорялись или бежали, едва их победитель выходил за пределы своей территории, они возобновляли свою незаконную деятельность. Так было с Вальдемаром; так было с самым доблестным из его предшественников. Пять или шесть вооружений подряд дали лишь временный результат, о котором мы упоминали. Он видел, что до тех пор, пока он полностью не разрушит их крепости, не разорвет на куски их богов и искренне не обратит их в христианство, от них нельзя ожидать мира. С этими намерениями в 1169 году он повел еще один военный отряд против острова Рюген и напал на Аркону. Он был расположен на северной оконечности острова и настолько защищен природой и искусством, что считался неприступным. Жителям было объявлено о христианстве, но как только приезжие ушли, они вернулись к своему идолопоклонству и изгнали миссионеров. Своему гигантскому идолу Свантовиту они приносили человеческие жертвы и считали христианина самым приемлемым из всех. Первосвященник имел над ними неограниченную власть. Он был толкователем воли идола; он был великим предзнаменованием; он пророчествовал; никто, кроме него, не мог приблизиться к божеству. Сокровища, сложенные к ногам идола из большей части славянского мира, были огромны. Затем был прекрасный белый конь, к которому мог подойти только первосвященник; и в нем часто пребывал дух божества. Считалось, что животное каждую ночь совершает огромные путешествия, в то время как сон угнетает смертных. Триста избранных воинов составляли почетную стражу идола; они также приносили в святилище все, что добыли на войне. С храмом был связан престиж; он считался палладиумом не только острова, но и славянской свободы; и любой подход к нему тщательно охранялся. Вальдемар не был встревожен. Он энергично вел осаду Арконы и собирался продолжить ее штурмом, когда два его военных священника, Авессалом, епископ Роскилда, и Эскиль, архиепископ Лунда, посоветовали ему пощадить идолопоклонников на следующих условиях: что они доставят ему своего идола со всеми сокровищами; что они отпустят без выкупа всех своих рабов-христиан; что все будут с постоянством следовать Евангелию Христа; что земли, ныне принадлежащие их священникам, должны быть переданы христианским церквям; что, когда потребуется, они будут служить в армии. армии короля; что они будут платить ему ежегодную дань. Получив заложников для выполнения этих условий, захватчики вошли в храм и приступили к разрушению Свантовита на глазах у множества язычников, которые каждую минуту ожидали увидеть ужасное чудо. Идол был так велик, что они не могли сразу сбросить его на землю, чтобы он не упал на кого-нибудь и язычники не могли похвастаться тем, что он отомстил за себя. Они разломали его на куски, а дрова разрубили на поленья для костров в лагере. Велико было изумление зрителей, ставших свидетелями такой покорности со стороны столь могущественного бога; и они могли объяснить это только предположением, что Христос был еще более могущественным. Следующим был сожжен храм, как и три других, все с идолами. Многочисленные гарнизоны острова были вынуждены капитулировать; победители с триумфом вернулись в Данию; и были посланы миссионеры, чтобы разъяснить жителям доктрины и обязанности христианства. По просьбе епископа Авессалома остров был присоединен к епархии Роскилла. Это было славное и продолжительное завоевание; свирепый народ превратился в гармоничных подданных, и пиратство потеряло свою огромную поддержку.

[с 1169 по 1175 год.]

Но благодаря этим энергичным усилиям пиратство не было искоренено: напротив, в следующем году славонцы сами разорили датские побережья. Эта катастрофа произошла из-за гнева Генриха Льва, герцога Саксонии, который направил контингент в корпус Вальдемара. Вероятно, он не ожидал взятия Рюгена; он определенно завидовал успеху своего союзника; и, чтобы спровоцировать разрыв, он потребовал половину сокровищ, пленных, заложников и дани, которая должна была быть выплачена. Вероятно, в этом требовании была доля справедливости; но король отказался выполнить его, и Генрих в сильном гневе сообщил славонянам, что они могут считать себя вправе нанести датчанам любой ущерб, какой только смогут. Как этот князь приобрел столь большое влияние на этих людей; как они стали называть себя его вассалами, - это одна из тех проблем, которые история не может решить. Должны были быть договоры, браки и завоевания, которые хронисты опустили. Факт его господства неоспорим. "Он был единственным принцем на земле, - говорит Гельмольд, - который мог вложить узду в уста этого свирепого народа и направлять его по своему усмотрению". Огромные беспокойные племена, от Курляндии до Мекленбурга, хотели только этого стимула, чтобы восстать; и они восстали, причем в количестве, слишком огромном, чтобы им можно было сопротивляться. Вальдемар и его министры терпели, пока накатывала волна: им было стыдно наблюдать за ее опустошениями на своих берегах; но когда она истратила часть своей ярости, они собрали вооружение, очистили свои берега, вошли в Балтийское море и, получив некоторые преимущества, перенесли войну на территории вандалов.^[151] Но какое благотворное впечатление могло быть произведено на народ, который при приближении врага вместе со своим имуществом нырнул в непроходимые дебри своих лесов и вернулся, как только враг отступил? Йомсберг, действительно, один из самых цветущих приморских городов Европы, был взят, и его несметные сокровища достались победителям; но это место было захвачено раньше Канутом Великим в 1010 году и Магнусом Добрым в 1044 году. Не успел он быть разрушенным, как начал подниматься из своих руин. Поэтому Вальдемар понял, что, поскольку он не мог истребить эти многочисленные племена, которые часто действовали во всеобщем союзе и всегда были готовы напасть на его берега, его единственной надеждой было дружественное вмешательство саксонского герцога. Поэтому он встретился с этим государем, уступил всем его требованиям и с удовлетворением увидел, как Генрих издал свой приказ о том, что датские берега больше не должны подвергаться нападениям. В течение нескольких лет это было не так; но очень ненадежной гарантией было то, что зависело от воли другого человека — человека, который мог в любой момент изменить свою политику или чье влияние могло быть уничтожено смертью.

Два прелата, имена которых мы упомянули, Эскиль и Авессалом, имели большое влияние на короля и на все дела королевства. Они были государственными министрами, а также епископами и способными генералами не менее, чем министры. Эскиль получил образование в Хильдесхайме, одной из лучших школ Германии того периода. Его первым назначением была должность священника в кафедральном соборе Лунда; и он поднялся по ступеням иерархии до престола Роскилда и, наконец, до архиепископства Лунда с главенством Севера. Датские короли вскоре обнаружили, что церковь унаследовала нечто большее, чем власть древних понтификов. При старой системе не существовало отдельного жречества; любой вождь своего клана — по крайней мере, любой, кто мог проследить свое происхождение от обожествленных героев Севера, — мог приносить жертвы. Но теперь все религиозные должности принадлежали организации, перед которой из-за ее нерасторжимого единства, обширных владений, исключительных привилегий, благосклонности папы и святости в глазах народа было почти

невозможно устоять. Эскиль, будучи епископом Роскилда, боролся с Эриком Эмундом за права своей церкви — не только духовным оружием, но и мирским мечом. Потерпев поражение, он был приговорен к уплате штрафа в двадцать фунтов золота. Эта враждебность к королевской воле не помешала преемнику Эрика добиться его возведения на архиепископский престол Лунда. Во время гражданских войн между Эриком Ягненком и Олавом, сыном Харальда, он придерживался своего законного суверена и, следовательно, был изгнан со своего престола; но после восстановления королевской власти он также был восстановлен. В тех битвах между Свейном и Канутом, предшественником Вальдемара, он некоторое время доблестно сражался за первого; но, как и Вальдемар, он обратился ко второму, за которого с такой же доблестью обнажил меч. Одно время он был заключенным, но был освобожден благодаря вмешательству своих друзей и, прежде всего, благодаря святости его характера, которая делала его послушным только папе. Вскоре ему пришлось спорить с Вальдемаром по вопросу о расколе, который разделил церковь. Он выступал за Александра и при этом действовал заодно со всем христианским миром, за исключением Германии, или, скорее, германского императора Фридриха Барбароссы, который поддерживал дело Победителя. Вальдемар, находившийся под влиянием императора, последовал за той же партией, как и Авессалом, друг царя. За это присоединение Авессалом был отлучен от церкви своим митрополитом; но с помощью короля он воспротивился: пришлось прибегнуть к оружию, чтобы выяснить, у какого папы больше прав на тиару; результат оказался неудачным для Эскиля, и он был вынужден удалиться в Швецию. В конце концов он подал прошение о помиловании и получил его при условии возвращения в королевские руки некоторых владений, которые расточительность прежних королей даровала лундской церкви. Некоторое время спустя он сложил с себя сан и удалился в монастырь Клерво во Франции. Этому уединению он отдал предпочтение из-за своей близости со святым Бернаром. Он основал в Дании пять монастырей того же ордена (святого Бенедикта реформатского); и, несмотря на его воинскую доблесть, обитатели Клерво считали его наполовину святым, особенно после его паломничества в Иерусалим. Он умер в 1181 году.

[с 1175 по 1179 год.]

Преемником Эскиля на посту первосвященника был епископ Авессалом. Этот церковник, уроженец Зеландии и потомок одной из знатнейших семей Дании, был самым воинственным прелатом того времени. Его привязанность к Роскиллу была такова, что он сначала отказался от этого сана, несмотря на искренние мольбы курфюрстов и повеления короля. Он не хотел отделяться от народа, с которым был так давно знаком; а занимать обе кафедры противоречило канонам. Когда мольбы и награды оказались одинаково безрезультатными, было подано прошение к папе, который приказал ему, под церковным наказанием, принять на себя первенство с легатской властью и в то же время занять престол Роскилля. Поэтому он подчинился и взялся за множество дел, которые были необходимы при столь многих должностях — главного государственного министра, генерала, адмирала, судьи, епископа, архиепископа, легата: нас может удивить, как он находил время для всех своих обязанностей. Его военные таланты были высокого порядка, и его оружие не заржавело после его возвышения. Он часто помогал усмирять венд-пиратов; и теперь ему предстояло защищать от них свою паству на более открытых побережьях своей епархии. С этой целью он приказал построить грубые хижины в различных частях побережья; и, оставив свой дворец духовенству, он жил в той или другой из них, в зависимости от обстоятельств. Днем и ночью он был готов отразить любое нападение пиратов на свою скромную паству. Ни зимний шторм, ни сильный холод не могли помешать ему курсировать у побережья в поисках врага. Было даже известно, что он покидал алтарь при

приближении опасности и владел мечом рукой, с которой мало кто из мирян-аристократов мог сравниться. Так, в одно вербное воскресенье ему сообщили, что пираты высадились на берег и опустошают округу. Отбросив митру, посох и папское облачение, он поспешно облачился в доспехи, созвал своих домочадцев, выступил на место и заставил их с большими потерями отступить к своим кораблям. Но если он был таким воинственным, то ни в коем случае не был невнимательным к обязанностям своего положения. Он был деятельным епископом и щедрым покровителем литературы. Благодаря ему Свейн Аггесен и Саксон Грамматик получили возможность написать свои соответствующие истории. Он уделял большое внимание школе, которую основал Эскиль; и при распределении церковного покровительства (а его было огромное количество) он всегда отдавал предпочтение людям, которые, *при прочих равных условиях*, преуспевали в литературе. Следовательно, он оказывал гораздо большее влияние, чем его предшественник, на судьбы королевства. В Этом вопросе к его голосу всегда прислушивались с уважением; он был решительным сторонником национальной независимости; и его влияние в равной степени как над сувереном, так и над знатью часто позволяло ему восстанавливать мир, когда отсутствовали другие средства примирения. Мы также не должны упускать из виду, что ему город Копенгаген обязан своим происхождением. В 1168 году это была простая рыбацкая деревня. Епископ воздвиг на этом месте крепость для защиты от морских разбойников и разместил в ней сильный гарнизон. Безопасность, обеспечиваемая этим местом, привлекла к нему многих поселенцев; оно росло в богатстве и численности населения, и Вальдемаром было присоединено к престолу Роскилд, чтобы оставаться зависимым от власти, которая вызвала его к существованию. Преемниками Авессалома он был наделен муниципальной хартией, а его привилегии подтверждены короной.

[с 1176 по 1179 год.]

Было только одно обстоятельство, которое уменьшило популярность Вальдемара и его архиепископа. Последний, ярый защитник всех церковных привилегий, убедил первого обеспечить сбор десятины даже с помощью меча. Возвышенность их характеров и заслуги, которые оба оказали стране, предотвратили беды, которые последовали бы, если бы любые другие люди действовали с такой же строгостью в отношении этого отвратительного самозванца. Оба считали, что сопротивление этому самозванству было двойной виной — бунтом и нечестьем, — и, исходя из этой веры, действовали. Но у них были и другие причины для суровости. Сканцы, которые больше всего отличались своей враждебностью к самозванцу, также недружелюбно относились к епископам и еще больше к клерикальному безбрачию. Увещевания их также не удовлетворили; они взялись за оружие, и архиепископ был вынужден удалиться. Но он удалился только для того, чтобы собрать вооруженные силы; и, когда к нему присоединился король, он вернулся в провинцию. Поскольку оба были снисходительны, они попытались сделать то, чего можно было добиться путем переговоров. Но повстанцы были непрактичны: вероятно, они полагали, что оба боятся их; и они упорствовали в своем восстании, пока не были разгромлены с большими потерями. Их единственным выходом было положиться на милость короля, и они были с готовностью помилованы. Они по-прежнему отказывались платить десятину; и поскольку Вальдемар опасался еще большего зла, он убедил архиепископа приостановить сбор до тех пор, пока умы его паствы не станут более разумными.

[с 1166 по 1177 год.]

Задолго до смерти Вальдемара государства королевства, благодарные за услуги, которые он каждый день оказывал своему народу, постоянно рискуя собственной жизнью, провозгласили его сына Канута своим преемником. В 1177 году к управлению присоединился молодой принц.

[1180.]

О сделках Вальдемара с правителями Норвегии будет рассказано в главе, посвященной истории этого королевства. Те, кто владел империей, имели более сложный и не менее интересный характер. Это было целью Конрада III. и Фредерика Барбароссы - сделать его и его королевство полностью зависимыми от империи. Для последнего эта цель имела большее значение, поскольку в своих постоянных спорах с духовным главой христианского мира он нуждался во всей возможной поддержке. Поскольку посольство мало на что могло повлиять, он провел по крайней мере две беседы с Вальдемаром, которого сопровождал Авессалом. В первый раз Фредерик скорее заставил, чем убедил его совершить акт почтения. Есть авторы, которые утверждают, что это почтение было оказано только за завоевания, которые король совершил на Балтийском побережье, или, самое большее, за герцогство Слешвик. Однако из письменных документов явствует обратное. В другом случае императору понадобилась помощь Вальдемара против герцога Саксонии Генриха Льва; и король лично оказал эту помощь. Прибыв со своим флотом в Любек, его величественное присутствие вызвало восхищение немецких князей. От императора он получил множество милостей, и вопрос о дани уважения королевству Дания на этот раз был снят. Нам не говорят, почему Вальдемар с такой готовностью отказался от саксонского герцога (дочь которого была женой его сына Канута) ради императора; но интерес, вероятно, был главным мотивом. Польщенный предложением о двустороннем брачном союзе между его семьей и семьей Гогенштауффенов, он бросил несчастного Генриха на произвол судьбы. Эти союзы, однако, не были заключены из-за молодости сторон и еще больше из-за крупной суммы, которую Фредерик потребовал в качестве приданого.

[1182.]

Вернувшись в свои владения, Вальдемар готовился к новой экспедиции против славян — вероятно, чтобы подчинить их своему скипетру и получить над ними такое же влияние, каким обладал Генрих Лев, — когда смерть застала его врасплох в Зеландии, на сорок восьмом году его жизни. Никогда еще монарх не оплакивался так сильно; он действительно был великим и хорошим человеком. Как завоеватель, победивший жестоких врагов, чье унижение было необходимо для спокойствия королевства, он прославился по всей Европе. Но он был также законодателем. Его авторитет проистекал из трех различных кодексов: —закон Скании, основанный на древних обычаях жителей, также был дополнен новыми положениями, ставшими необходимыми в связи с улучшением состояния общества. Те, которые были по сути языческими, были отвергнуты; другие, языческие по своему происхождению, были легко применены к христианским временам. Этот кодекс был опубликован в двух частях — церковной и гражданской - первая в 1162 году, вторая в следующем году. 2. Закон или кодекс Новой Зеландии также был основан на неписаных обычаях жителей; эти обычаи были изменены, видоизменены, урезаны или усилены в соответствии с реальными потребностями того периода. Они были опубликованы в 1171 году и также были разделены на две части — гражданскую и церковную. Эти кодексы с добавлением закона Ютландии, который был добавлен Вальдемаром II, составляют основу нынешнего законодательства Дании. Со времени правления этого способного монарха права всех классов общества были определены более четко. Но права

сельскохозяйственного класса не улучшились в результате изменения обстоятельств. До правления Вальдемара даже крестьяне посещали провинциальные собрания с оружием в руках. Они пользовались избирательным правом, которое унаследовали от своих языческих предков, с такой же свободой, как и дворяне. Но когда феодализм достиг такого прогресса в королевстве; когда они были вынуждены обменять свои аллодиальные земли на вассалитет и выступить в поход по приказу своего светского или церковного вождя, они потеряли свою благородную независимость. И все же от зла исходит добро. Многие из них были неуправляемыми подданными; будучи неспособными что-либо предпринять с помощью крика, они использовали свое оружие с большим эффектом, и благодаря своему численному превосходству они слишком часто брали верх над спокойной мудростью старых вождей. Теперь им больше не разрешалось появляться с оружием в руках, и эта перемена была благословением.

КАНУТ VI.

1182–1202.

[1182.]

Этот принц был коронован при жизни своего отца и с четырнадцати лет получил долю в правительстве. Таким образом, ожидалось, что его присоединение к безраздельному суверенитету пройдет без сопротивления. Но народ Скании избрал другого суверена — Харальда, внука принца Магнуса. Борьба, однако, была недолгой; они были разбиты, а их правитель вынужден бежать в Швецию.

[с 1182 по 1189 год.]

Правление этого монарха было временем завоеваний и процветания. Вскоре после своего восшествия на престол архиепископ Авессалом возглавил вооруженный поход против Богислава, герцога Померании, который проявил недоброжелательность к Дании и ее вассалам и одержал полную победу над врагом. В течение двух последующих лет военные действия продолжались, и Богислас, в конце концов, был вынужден положиться на королевскую милость. Помимо предложения большого количества золота, он отдал все свое имущество Кануту. Два герцога Мекленбургские также были унижены и признали верность ему. Подчинение двух таких провинций, которые находились в зависимости от Генриха Льва и впоследствии признали превосходство империи, доставило королю такое удовольствие, что он принял титул короля вандалов. На этот титул он, по его мнению, имел двоякое право: во-первых, в силу посвящения его предка, Кнута, герцога Слешвичского, в королевское поместье Оботритес^[152]; и, во-вторых, в силу его нынешних завоеваний.

[с 1183 по 1188 год.]

Установление феодального господства над этими регионами было ударом по авторитету императора Фридриха Барбароссы. Между этими властителями возникло недопонимание с самого начала правления Канута. Фредерик пригласил его к своему двору под предлогом более тесного сближения дружеских уз, которые установились между ним и Вальдемаром; но поскольку король подозревал, что это всего лишь приманка для принуждения к выплате дани, он уклонился от согласия. Вскоре выяснилось, что таково действительно было намерение, поскольку с этой целью он был официально вызван в сейм. Повторный отказ присутствовать так

разозлил Фредерика, что он пригрозил передать датское поместье какому-нибудь другому вассалу. Король ответил, что, прежде чем отдать его, он должен сначала его принять. Поскольку все переговоры были бесполезны, император нанес величайшее оскорбление величеству Дании, отослав обратно в ее собственную страну сестру Канута, которая была помолвлена с его вторым сыном, герцогом Швабским. С этого момента разрыв стал непоправимым, и король с еще большим рвением взялся за дело своего тестя Генриха Льва.

[с 1191 по 1202.]

Следующие три года были годами спокойствия для королевства, но теперь его покой был нарушен епископом и членом королевской семьи. Вальдемар, незаконнорожденный сын Канута V., владел престолом Слешвика. Кроме того, король возложил на него управление герцогством до тех пор, пока Вальдемар, брат короля, которому предназначалось это поместье, не достигнет возраста, пригодного для управления. Когда наступил этот возраст, принц был посвящен в рыцари и в то же время наделен герцогством, которым он поспешил завладеть. Епископ вкусил сладость власти и был глубоко уязвлен ее лишением: с этого момента он стал врагом короля. Преисполненный решимости отомстить, он вступил в союз со всеми, кто, как он знал, был враждебен Кануту, и, среди прочих, с Адольфом Шавенбургским, графом Гольштейнским. Когда его приготовления были закончены, он сбросил маску, заявив, что его право на датский трон такое же, как у короля, и потребовав долю суверенитета. Проехав в Норвегию, которая в то время не была в дружеских отношениях с Данией, он раздобыл припасы, вернулся в последнее королевство и принял королевский титул. В то же время другая армия, возглавляемая графом Гольштейнским, двинулась к Эйдеру, чтобы поддержать его взгляды. Для Канута было очевидно, что их операции не могут продолжаться долго; что захватчики вскоре почувствуют нехватку провизии и рассеются сами по себе. Поэтому вместо того, чтобы рисковать, он спокойно наблюдал за движениями епископа. Результат оправдал его политику; сокровища Вальдемара были быстро истощены; его наемники исчезли; он сдался на королевскую милость; но был заключен узником в сильную крепость в Зеландии (1194). Адольф все еще оставался; король выступил против него и заставил его просить мира. Но этот мир был недолгим. Граф, от которого требовалось засвидетельствовать почтение Кануту за некоторые владения, полученные им в результате низложения Генриха Льва, отказался признавать кого-либо еще выше, кроме императора; и, чтобы защититься от мести короля, он заключил союз с маркграфом Бранденбургским, территория которого примыкала к вандальским владениям датчан и который был заинтересован в предотвращении какого-либо дальнейшего усиления в этой части. Чтобы напасть на обоих, Канут отправил вооружение на северное побережье Балтийского моря; и поскольку достопочтенный Авессалом был уже слишком стар и немощен для активных боевых действий, командование было поручено епископу Роскилда. Результат был не очень благоприятным для короля. Однако два года спустя он лично выступил на поле боя и вынудил Адольфа принять условия мира: главными из них были то, что Дитмарш с сильной крепостью Ратцбург должен быть передан Дании (1200 г.). Но в этом, как и в предыдущем случае, спокойствие длилось недолго. Адольф снова поссорился со своим союзником; и Вальдемар, брат короля, вторгся в Гольштейн. Результат был благоприятен для датского оружия: Адольф, который бросился в Гамбург, был вынужден покинуть его и стать свидетелем падения Любека, который был феодально подвластен ему. Большая часть Гольштейна была теперь покорена, и герцог, приняв от имени короля оммаж городов и знати, вернулся в Шлешвик. Едва он покинул провинцию, как граф появился снова; но только для того, чтобы его взяли в плен и с триумфом препроводили в одну из датских крепостей. Сам король

вскоре появился среди своих новых подданных; и в Любеке он принял оммаж великих вассалов Гольштейна, Дитмарша, Стормара, Ратцбурга, Шверина и других сеньорий, которые теперь подчинялись ему, но которые он не мог включить в состав монархии, потому что они были зависимыми от империи, и за них он должен был сам засвидетельствовать оммаж главе этой империи. Это был день гордости для Дании; но эта гордость была сильно омрачена внезапной смертью Канута, находившегося в самом расцвете сил.

Процветающее государство Дания при этом принце хорошо описано Арнольдом Любекским. Он намекает на ее обширную торговлю, на ее непрерывную деятельность, на ее постоянно растущее богатство, на ее усовершенствования в жизненных искусствах, на ее военную репутацию, на ее рвение к учебе. Он сообщает нам, что многих датских юношей ежегодно отправляли учиться в Париж, где они проявили себя в философии, праве и теологии. Многие стали замечательными канонистами; многие тонкими дидактиками. Визиты молодых датчан в столицу Франции можно объяснить союзом Ингеберга, сестры Канута, с Филиппом Августом. Этот союз действительно долгие годы был несчастлив; ее уволили, чтобы уступить место наложнице, пока папа не вынудил монарха принять ее обратно в свой дворец.

[1201.]

К концу правления Канута скончался архиепископ Авессалом, занимавший кафедру Роскилда с 1158 года, а первенство - с 1178 года.

ВАЛЬДЕМАР II.

ПРОЗВАННЫЙ ПОБЕДОНОСНЫМ.

1202–1241.

[1202.]

Как Канут VI. когда он умер, не оставив наследников мужского пола, выбор государства пал на его брата Вальдемара, герцога Слешвицкого, который, как мы только что рассказали, продемонстрировал некоторые доказательства военного таланта.

[1203, 1204.]

Подобно своему предшественнику, новый король отправился в Любек, чтобы принять почести покоренных жителей; и там он принял титулы "Король славонян" и "Повелитель Нордальбингии". В разгар своего триумфа он предложил освободить графа Адольфа при условии, что последний навсегда откажется от всех притязаний на Гольштейн с другими своими владениями к северу от Эльбы и обязуется не воевать ни лично, ни через своих союзников с королем Дании. Условия были приняты; и поскольку для их казни были переданы заложники, счет был увеличен. Тюремное заключение, казалось, отрезвило его, ибо остаток своих дней он провел в спокойствии.

[со 1204 по 1210 год.]

Посеяв смуту в Норвегии в отместку за помощь, оказанную епископу Вальдемару, и взыскав ежегодную дань с Эрлинга, которого он противопоставил Гутруму^[153], датский король отправился в более дальний поход — против язычников Ливонии. Однако участие в нем не

увенчалось большим успехом: лучшее, что можно о нем сказать, - это то, что оно не было катастрофическим. Последующая экспедиция в Швецию оказалась более неудачной: он потерпел сокрушительное поражение; но мир был заключен на достаточно почетных условиях. Примерно в то же время национальное оружие вернуло себе былой блеск после завоевания Восточной Померании, герцог которой засвидетельствовал почтение Вальдемару.

[со 1205 по 1218 год.]

Из тюрьмы, в которую его отправил Канут VI. епископ Слешвича не был невнимательным наблюдателем событий. Он жаждал мести, но сначала он должен был вернуть себе свободу. С этой целью он обратился к папе римскому, архиепископу Лунда, многим датским прелатам и даже к королеве и настолько заинтересовал их в своем деле, что Вальдемар, по их заступничеству, согласился освободить его при условии, что он никогда больше не приедет в Данию или любое другое место, где он мог бы нанести оскорбление государству. Гарантией выполнения этих условий был папа, и он отправился в Болонью; но этот город он вскоре покинул, чтобы отстаивать свои интересы с бременским капитулом, некоторые члены которого проявили склонность избрать его. Король немедленно пожаловался Иннокентию III. что Бремен был из всех городов тем, где епископ, в случае избрания, с наибольшей вероятностью причинил бы ему вред; и папа, признав справедливость ходатайства, приказал прелату воздержаться от претендования на вакантный сан. Этим приказом он пренебрег. Филипп Швабский, ныне глава империи, был враждебен датскому королю: епископ с готовностью набрал у него войска и с ними поспешил в Бремен, где вскоре был избран. Но Буркард, другой кандидат, получив поддержку гамбургского капитула, имевшего на выборах такой же голос, как и бременский, также принял архиепископский сан и получил войска от датского короля. Что подтвердило триумф последнего, так это отстранение папой от должности епископа Вальдемара и смерть его покровителя Филиппа. Оттон, новый император, согласился с папой римским и Вальдемаром в изгнании епископа из Бремена. Но после смерти Буркарда епископ Вальдемар был представлен на престол с полного согласия императора. В отместку датский король поддержал интересы Фредерика II, короля Неаполя, в противовес интересам Оттона. За эту услугу благодарный Фредерик уступил датской короне завоевания, которые Вальдемар и его предшественник Канут VI совершили в империи и Славонии. Но грамоты-патенты, содержащие эту уступку (датированные 1214 годом в Меце), не могли иметь юридической силы, поскольку Оттону все еще подчинялась значительная часть империи. Тем не менее, уступка была триумфом. Не менее важным было отлучение папой от церкви Оттона и архиепископа Вальдемара. Первый вскоре умер; последнему наследовал епископ Оснабургский, он удалился в монастырь и навсегда умер для мира.

[с 1219 по 1223 год.]

Освободившись от забот, которые так долго отвлекали его, король снова обратил свой взор на Ливонию. Его прежние успехи в этом регионе не соответствовали его приготовлениям: рижский епископ подвергался гонениям как со стороны язычников, так и со стороны христиан-греков; слава защиты истинной веры была немалой в его глазах; но честолюбивое намерение править всем морским побережьем Балтийского моря, от Гольштейна до Ливонии, было еще большим стимулом для совершения новой экспедиции. Никогда Дания не располагала таким мощным вооружением, как то, которое сейчас покидало ее порты. Эстонцы, против которых были направлены главным образом его атаки, приготовились принять его, но потерпели поражение;

был построен новый город Ревель, чтобы внушать благоговейный трепет перед провинцией, и христианский епископ сделал его своей метрополией. Преимущества, полученные в результате этого завоевания, были почти сведены на нет враждебностью рижского епископа, который считал своего нового брата незванным гостем в своих собственных владениях. Он объявил большую часть Эстонии частью своей юрисдикции и послал через нее своих миссионеров, чтобы избавить ее от идолопоклонства. С другой стороны, архиепископ Лунда от имени своего королевского повелителя запретил этим миссионерам заниматься своим призванием и послал представителей его собственной страны и его собственной церкви выступить против них. Современные читатели вряд ли поверят — хотя факт кажется неоспоримым, — что датчане действительно повесили эстонского принца ни за какое иное преступление, кроме того, что он принял крещение от рук иждивенцев рижского епископа. Какиебыли мотивы — проницательные, хотя и языческие — сделать вывод из этого и подобных фактов, отличных от этого, - что бог датчан не был богом германцев? Папа и император выступили в защиту датского короля, вопреки жалобам и увещаниям епископа. В конце концов Вальдемар по собственной воле отказался от большей части своих притязаний и позволил уступить часть спорной территории епископу и христианским рыцарям, которых этот епископ взял к себе на службу.

[1223.]

В этот период Дания находилась на вершине своей славы. Ее падение было более быстрым, чем ее взлет. Во всей истории мало примеров, когда это падение было столь примечательным. Причиной этой перемены стал человек, незначительный сам по себе и по своему влиянию. Среди вассалов, которых Вальдемар приобрел благодаря своим успехам над графом Гольштейнским, был Генрих, граф Шверинский. Даруя Генриху титул лорда, Вальдемар потребовал руки сестры графа для своего внебрачного сына Николаса, которого он сделал графом Верхнего Халланда, и, в качестве приданого, половину замка Шверин с иждивениями. Было ли это условие одобрено графом, мы не знаем; но мы знаем, что Вальдемар насильно занял часть светлости и передал ее этому сыну. Это была несправедливость, и она была жестоко отомщена. Граф Генрих отправился к датскому двору, проявил большое подобострастие, завоевал доверие короля, и однажды ночью, когда они стояли лагерем в лесу после тяжелого дня охоты, он застал врасплох Вальдемара и его старшего сына, поднял их на борт судна, доставил к мекленбургскому побережью и заточил в крепком замке Шверин! Вся Европа была поражена событием, которое больше напоминало сказку о странствующем рыцаре, чем факт, — что безвестный, бессильный граф Генрих таким образом схватил величайшего монарха Севера и бросил его, как обычного преступника, в темницу.

[с 1223 по 1226 год.]

То, что вся Дания не восстала как один человек и не поспешила освободить своего монарха, может показаться современным читателям невероятным. Но если бы это было сделано, мы не знаем, каким мог бы быть результат. Если бы это были дни рыцарства, то это были также дни вопиющего вероломства: когда армия приближалась к Шверину, его перевели бы в какую-нибудь более отдаленную крепость до тех пор, пока он не согласился бы на все выдвинутые от него условия. Многие из знатных князей были готовы разделить ответственность за этот акт при условии, что они могли бы также разделить его преимущества; даже император Фредерик был склонен подражать примеру своего предшественника в отношении Ричарда Плантагенета. Более разорительным для Дании было пленение Вальдемара, чем пленение Ричарда для

Англии. Мы не будем подробно описывать переговоры, которые в течение трех лет волновали королевство; но неудачи, испытанные датским оружием, можно отметить. Новые завоевания к северу от Эльбы были потеряны. Ливония и Эстония были освобождены от зависимости от короны. Славянские провинции Померания заявили о своей независимости. Любек, а также Дитмарш проявили стремление вырваться из-под ига. В конце концов угрозы папы, а еще больше подарки, розданные ведущим участникам этого странного процесса, привели к освобождению монарха. Условия заключались в том, что в качестве выкупа за него должно быть выплачено 45 000 марок чистого серебра со всем золотом и украшениями, которые были у королевы, и полное снаряжение для 100 рыцарей; что сорок датчан, включая двух сыновей короля, должны остаться в качестве заложников; что все владения между Эльбой и Эйдером должны быть переданы империи; что все славянские завоевания должны быть прекращены, за исключением острова Рюген; что Вальдемар должен поклясться никогда не пытаться отвоевать территории, ныне покинутые.

[с 1226 по 1238 год.]

По возвращении в свои собственные государства Вальдемар обратился к папе с просьбой освободить его от данной им клятвы и вернуть заложников; пообещав, что в случае успеха он присоединится к крестовому походу. Напрасно папа вмешивался; кроме освобождения от своей клятвы, он не получил никаких преимуществ. Слишком многие были заинтересованы в деле графа Генриха, чтобы оставлять его таким образом беззащитным перед королевской или папской местью. Адольф Шавенбургский, Альберт герцог Саксонский, архиепископ Бременский, принц Верле — все нажились на награбленном, и у всех были войска, готовые защищать их узурпацию. В великом гневе Вальдемар выступил в поход; но удача покинула его навсегда; и после многих бесплодных, хотя и разорительных усилий он был вынужден заключить мир со своими врагами и заплатить деньги для выкупа своих заложников. Потеря Любека и всего Дитмарша опечалила его, пожалуй, больше, чем остальных, ибо Любек уже был богатым и густонаселенным городом, центром крупной торговли. Столь же бесплодными были его попытки вернуть славянские провинции. Они находились во власти рижского епископа и тевтонских рыцарей, которые всегда могли рассчитывать на благосклонность папы римского и императора. Ревель и небольшой район Лифляндии были, наконец, возвращены ему.

[с 1238 по 1241 год.]

Всю оставшуюся жизнь Вальдемар посвятил внутреннему управлению. Он приказал провести обследование всего королевства, и большая часть этого важного документа сохранилась до сих пор. Существовало восемь епископств, разделенных на приходы и на Стирешавне, или приморские округа, каждый округ должен был поставлять определенное количество людей и каждый видеть определенное количество кораблей, когда это требовалось государственной службе. В Северной Ютландии было четыре таких порта — Райпен, Орхус, Виборг, Борглум, которые вместе поставляли 450 судов. Южная Ютландия, или Слешвик, была разделена на 130 таких округов, каждый из которых должен был обеспечить судно. Фиония, Лаланд и Лангеланд, образующие епархию Одинси, получили оценку 100. Зеландия, Моэн, Фальстер и Рюген, которые образовали епархию Роскилд, получили оценку 120; Скания, Голландия и Блекинг, подчиняющиеся архиепископу Лунда, внесли свой вклад в 150.

[1240.]

Как законодатель Вальдемар занимает видное место в датских анналах. В 1240 году он обнародовал так называемый закон Ютландии^[154], но который он предназначал для всего королевства. Однако приверженность Скании и Зеландии своим неписаным обычаям побудила их принять этот кодекс только в качестве дополнения. К этому мы вернемся в главе, посвященной юриспруденции севера.

ЭРИК VI.

ПОЛУЧИЛ НАЗВАНИЕ ПЛОГПЕННИНГ, ИЛИ ПЛУГ-ПЕННИ.

1241–1250.

[1241.]

Покойный король связал с ним в правительстве своего старшего сына по титулу Вальдемар III., и когда этот принц был убит на охоте (1231), Эрик, герцог Слешвикский, следующий сын, предоставил ему комнату. Таким образом, Эрик был коронован и принимал активное участие в правительстве за десять лет до смерти своего отца. В то время, когда он был таким образом связан с королевской властью, он отказался от герцогства Слешвик в пользу своего следующего брата, Авеля, в то время как Кристофер и другие братья получили обширные владения в разных частях королевства. Ничто не могло быть более неразумным, чем подобные феодальные уступки: они наверняка породили бы ссоры и, в конечном итоге, гражданские войны.

[с 1241 по 1248 год.]

Едва Эрик вззошел на трон, как у него произошла смертельная ссора с Абелем, герцогом Слешвикским, его следующим братом. Он хотел вернуть некоторые территории, которые его отец был вынужден уступить, особенно Голштину: Абель, который был опекуном детей графа Голштинского, сопротивлялся под надуманным предлогом, что он обязан защищать их интересы; но его истинный мотив, как мы вскоре увидим, был совсем другим. Два брата взялись за оружие; но благодаря вмешательству немецких и датских друзей между ними произошло очевидное примирение: Абель сложил с себя обязанности наставника и, следовательно, перестал нести ответственность за результат. Но он, очевидно, питал мстительные чувства к Эрику и не мог долго воздерживаться от их проявления. Он отказался отдать дань уважения Гольштейну, который он решил сохранить под полным суверенитетом. Меч снова был обнажен; и хотя на время он вернулся в ножны, чувство ненависти терзало сердце герцога. Во время этой короткой приостановки военных действий Эрик попытался вернуть Любек и отправил вооружение в реку Траве; но флот из Швеции, которая была очень заинтересована в защите этого города, вынудил его снять осаду. Побережья его королевства теперь были опустошены объединенными силами шведов и горожан; и в то же время, под влиянием его порочного брата, граф Голштинский и архиепископ Бременский стали его открытыми врагами. Привлеченные успешным примером Авеля, другие братья также отказались отдать дань уважения. Видя, что на карту поставлено само существование монархии, он выступил в поход. Как ни многочисленны были его враги, он создал еще больше, и тех, кто был более грозен, чем остальные, — своих собственных епископов, которые, естественно, примкнули к партии Авеля. Разрушения, совершенные в ходе братской войны, были ужасны. Наконец город Слешвик был захвачен

врасплох, и Авель бежал к своим союзникам; а когда он ничего не смог добиться оружием, он прибегнул к хитрости. Он с готовностью принял предложения о примирении от герцога Саксонии и маркграфа Бранденбурга, которые были связаны с королевской семьей Дании. Братья встретились, поклялись в дружбе и расстались.

|1249.|

Освободившись от этого ужасного бедствия, гражданской войны, Эрик теперь планировал экспедицию в Ливонию, чтобы вернуть территории, которые уступил его отец. Чтобы покрыть расходы, на каждый плуг в королевстве был наложен налог в размере серебряного пенни. С большим трудом он получил санкцию штатов на это самозванство; еще с большим трудом она была собрана, по крайней мере, в Скании. Жители этой провинции любили бунтовать: в данном случае они взбунтовались; но, как обычно, их усмирили, наказали и заставили вносить свой вклад, как остальных датчан. Экспедиция прибыла в Эстонию, но ее подробности очень неполно зафиксированы в национальных хрониках. Они просто говорят нам, что тевтонские рыцари признали право короля на то, чем он владел, и на то, что он мог бы впоследствии отвоевать у язычников. Конечно, он не совершал никаких завоеваний; и, вероятно, его войска были разбиты святым Александром Невским, правителем Новгорода.^[155]

|1250.|

Вернувшись, Эрик вступил в войну с графом Гольштейнским, который совместно с архиепископом Бременским и епископом Падерборнским осадил Рендсбург. Чтобы облегчить его, король двинулся вперед во главе значительных сил. Но его гибель была близка. Недалеко от Слешвича его встретил Авель, который отнесся к нему с величайшим почтением, с самым подобострастным почтением; и настолько обезоружил его, что он с радостью в сердце принял приглашение в один из загородных дворцов герцога в непосредственной близости от Слешвика. Из этого дворца его насильно затащили на борт лодки по реке Сли, отвезли в уединенную часть этой реки, высадили на берег, позволили исповедаться и обезглавили. Затем к его трупам прикрепили тяжелые цепи, и он был брошен в самую глубокую часть реки. Распространилась весть, что он случайно погиб в реке; но монахи, которые совершали над ним последние религиозные обряды, заявили, что он был убит, хитрость которого была неизвестна. Тело, впоследствии найденное какими-то рыбаками, подтвердило это заявление. Оно было похоронено в церкви монастыря. Братья даже утверждали, что у его могилы творились чудеса, и им поверили: через несколько лет после его смерти он был канонизирован; и он стал пятым датским принцем, обожествленным таким образом.

АВЕЛЬ.

1250–1252.

|с 1250 по 1252 год.|

Чтобы получить награду за это братоубийство, Авель послал своих созданий в ассамблею штатов, созданную для избрания нового короля. Поскольку существовало только подозрение, ему было позволено очистить себя его собственной клятвой и клятвой двадцати четырех дворян в том, что он невиновен в содеянном. Нас может удивить, как он смог найти такое количество людей, которые дали такую клятву; но мы должны помнить, что суть ее заключалась в том, что “насколько они могли верить”, обвиняемая сторона не была виновна в преступлении. Поэтому

он был избран и коронован архиепископом. Щедрыми дарами духовенству и знати, которые были приверженцами его, и утверждением своих братьев (которых он больше всего опасался) в их соответствующих поместьях, он подавил всякий ропот. Чтобы также предотвратить войну, которая, как он хорошо знал, привела бы к его разорению, он уступил графу Голштинскому владения, которые занимал его брат, и тевтонским рыцарям большую часть того, чем он еще владел в Ливонии. Эти уступки не причинили вреда Дании, а некоторые из других его мер были определенно хороши. Он восстановил самые мудрые части конституции Дании, особенно ежегодное собрание штатов; он усовершенствовал законы; и начал выкупать земли короны, которые во время позднего правления были заложены. Короче говоря, как и все узурпаторы, он пожертвовал популярностью и преуспел настолько, что смог создать выдающегося самозванца, чтобы завершить свое дело искупления. Однако в западных районах Слешвика сборщики встретили сопротивление, и Авель, чтобы наказать неповиновение, выступил в поход с отрядом войск. Он проник в страну, всегда болотистую, а теперь ставшую еще болотистее из-за дождей. Застигнутый врасплох сильным отрядом жителей, он бежал и провалился в болото, из которого не смог выбраться под тяжестью своих доспехов. В этом беспомощном положении он был обнаружен и убит.

[1252.]

Изуродованный труп Авеля был оставлен в болоте, где и оставался некоторое время, и, если верить преданию, к великому неудовольствию всей страны. Авель был слишком большим грешником, чтобы мирно лежать в могиле. Он стал блуждающим духом. Сверхъестественные голоса настолько напугали людей, что они были рады передать тело бременским каноникам, которые почтили его совершением обряда погребения. Но вскоре у них тоже появились причины сожалеть о соседстве вампира: его часто видели выходящим из могилы, и в конце концов труп был извлечен из могилы и похоронен в уединенном болоте в нескольких лигах от Готторпа. Передышки по-прежнему не было, и ближайшие к этому месту жители отошли на некоторое расстояние. По сей день сохранилось суеверие, согласно которому иногда можно увидеть убийцу на грязной лошади, преследуемого демоническими гончими, под звуки волшебного рога. Предоставив эти дикие фантазии вульгарному восхищению, христианин вряд ли откажется признать, что в смерти Авеля было возмездие.

Абель оставил троих сыновей, старший из которых, Вальдемар, предназначался ему в преемники; но молодой принц, вернувшийся из Парижского университета, был схвачен архиепископом Кельнским и содержался в тюрьме до тех пор, пока не был выплачен выкуп в 6000 серебряных марок. Вероятно, этот акт был совершен по наущению Кристофера, брата покойного короля, который знал, что его одного следует опасаться, поскольку он уже был признан штатами, а его братья были слишком молоды для исполнения государственных обязанностей. Кроме того, неприязнь к потомству Авеля была всеобщей, и Кристофер вполне мог претендовать на трон, который после их изгнания перешел к нему по праву. Он также не был разочарован: штаты немедленно избрали его.

КРИСТОФЕР И.

1252–1259.

[с 1252 по 1258 год.]

Правление этого принца было еще более беспокойным, чем у его предшественников. Опасаясь народного протеста в пользу сыновей Авеля, которые были несовершеннолетними, он потребовал опекунства. Голштинский дом воспротивился этому требованию; и, чтобы решить спор, обе стороны прибегли к оружию. Король потерпел поражение; и хотя вскоре он собрал большие силы, он обнаружил, что число его врагов увеличилось. Жители Любека, всегда враждебные Дании и по той же причине всегда бывшие союзниками графов Гольштейнских, опустошали побережье, в то время как эти дворяне завоевывали Слешвик. Два маркграфа Бранденбурга также пожаловались на то, что один из них не получил обещанного приданого вместе со своей женой Софией, дочерью Вальдемара II.; и они присоединились к общему союзу. И это было еще не все: во время правления Авеля возникли некоторые разногласия со Швецией и Данией, и, чтобы уладить их, между тремя королями было заключено соглашение. Смерть Авеля помешала установлению мира, и Кристофер, поглощенный другими проблемами, был не в состоянии дать им требуемое удовлетворение. В отместку норвежцы прибыли с большим вооружением, в то время как 5000 шведов проникли в сердце страны. Никогда положение Дании не казалось столь критическим; но, как ни странно, ее безопасность заключалась в количестве ее врагов, которые стали завидовать друг другу, и в преимуществах, которые каждый мог получить. При таком раскладе предложение посредников было принято, и условия мира между Кристофером и его племянниками были наконец утверждены. Он согласился передать этим племянникам, по достижении ими совершеннолетия, герцогство Слешвик; а они, в свою очередь, должны были отказаться от всех притязаний на корону. В соответствии с этим договором Вальдемар, старший сын Авеля, был освобожден из кельнской тюрьмы и назначен правительством герцогства. Маркграф Бранденбургский был умиротворен залогом двух крепостей до тех пор, пока не будет выплачено приданое. Таким образом, оставалось умиротворить только Норвегию и Швецию; и хотя военные действия продолжались некоторое время, они носили бессистемный характер и были прекращены примирением. Беседа с Биргером, регентом Швеции, легко привела к такому результату; и когда Хако из Норвегии, который снова прибыл с грозным вооружением, увидел, что Кристофер искренне желает удовлетворить его, он теперь принял волю к действию и стал другом монарха.

[1256, 1257.]

Но главные проблемы Христофора возникали из-за его собственных прелатов. Якоб Эрландсен, епископ Роскильский, личный друг Иннокентия IV, усвоил самые высокие представления о привилегиях духовенства. Он осудил влияние короны на выборы епископов, что было безусловно, злом, поскольку королевские фавориты назначались только на богатые престолы. Действуя по своему собственному принципу, согласно которому у епископов не было земного начальника, кроме папы римского, он отказался, когда лундский капитул избрал его на первенство, либо допустить, чтобы королевское влияние имело какой-либо вес при выборах, либо принять конфирмацию из королевских рук. Затем он осудил некоторые положения церковного закона, который Вальдемар I. обнародовал в Скании; и когда король воспротивился этому, он вступил в интригу с королевскими врагами. Не может быть никаких сомнений в том, что в своем сопротивлении посягательствам короны не только на свободу выборов, но и на церковные доходы он был вполне оправдан; но *манера* его сопротивления заслуживала порицания; и тем более его союз с врагами короля. Если примас был архиепископом, он также был светским бароном; не было ничего проще, чем смешать эти два персонажа; и хотя Кристофер решил наказать его за последнее, он предпочел забыть о привилегиях первого. Эрландсена вызвали в штаты в Выбурге. В ответ он созвал национальный совет, который

должен был состояться в Веделе, городе в епархии Рипена в Ютландии. На том собрании было постановлено, что, если какой-либо датский епископ будет схвачен и изувечен или ему будет нанесено любое другое жестокое увечье по приказу или при попустительстве короля или любого дворянина, на королевство должен быть наложен интердикт, а богослужение приостановлено. Если такое же насилие было совершено каким-либо иностранным принцем или дворянином, и были основания предполагать, что это было сделано по наущению короля или кого-либо из его совета, в епархии этого епископа должно было состояться “*cessatio à divinis*”, и король в течение месяца должен был быть обязан добиться свершения правосудия: в случае его отказа интердикт распространялся на все королевство. После того, как он был заложен, ни один священнослужитель под страхом отлучения от церкви не должен был совершать какие-либо религиозные обряды в присутствии короля. Указ был отправлен в Рим и утвержден папой Александром в октябре 1257 года.

[1257.]

Этот смелый, хотя, возможно, и необходимый поступок вызвал гнев короля и его вельмож. Но примас отличался бесстрашным нравом и был вполне готов разделить, если потребуется, судьбу нашего Томаса Бекета. На следующем сейме против него был выдвинут ряд несерьезных и два или три существенных обвинения; и он попросил время до следующего заседания штатов, чтобы подготовить свои ответы. Тем временем предпринимались попытки примирить их, и они иногда встречались. Но Эрландсен, отлучив от церкви даму из Скании, фаворитку короля, снова разжег полузадушенный гнев Кристофера. Вернувшись в Лунд, последний созвал свой трибунал, пригласил всех, у кого были какие-либо жалобы на архиепископа, предстать перед ним и вызвал самого архиепископа, чтобы тот явился и ответил на все, что могло быть выдвинуто против него. Поскольку церковники, в силу определенного положения, подчинялись только своим собственным законам, церковник отрицал компетенцию трибунала. В отместку король отменил уступки привилегий, иммунитетов и даже владений, предоставленные его предками Лундскому кафедральному собору, — странная и незаконная мера, которая, если бы была одобрена нацией в целом, должна была привести к полному разрушению церкви. С таким же успехом частный джентльмен мог бы отменить завещание своего отца и вернуть собственность, наследование которой было санкционировано законами общества. Офицер, исполнявший акт об отзыве, был отлучен от церкви примасом, на стороне которого был и народ. Двое или трое епископов были привлечены двором; остальные остались верны своему духовному главе. С каждым днем пропасть между двумя главными персонами нации увеличивалась. Поскольку штаты были созваны в Одинси, чтобы присягнуть на верность Эрику, старшему сыну короля, Эрландсен отказался явиться и приказал своим суфражистам также отказаться. Ярость короля была безгранична. От штатов, которые он теперь созывал в Копенгагене, он получил разрешение схватить примаса вместе с другими епископами и заключить их в тюрьму. Брат примаса был орудием его задержания, и он был препровожден в крепость в Фионии. Декан и архидьякон Лунда вместе с епископом Рипена были схвачены; но два духовных пэра Одинси и Роскилд успели бежать из королевства.

[с 1258 по 1259 год.]

В плену с предстоятелем обращались очень сурово. Чего его гордый дух меньше всего мог вынести, так это оскорблений; если это правда, что его заставляли носить шапку из лисьей шкуры, мы можем улыбнуться тому, что вызвало горькое негодование у него самого и папы

римского. Вскоре короля заставили раскаяться в своем насилии. В силу постановления национального совета в Веделе беглые епископы наложили интердикт на королевство; папа встал на защиту своей церкви; и Яромир, принц Рюгенский, к гостеприимству которого бежал епископ Роскильдский, был уговорен обоими выступить в защиту алтаря. Велик был гнев Кристофера, когда он увидел, что интердикт так хорошо соблюдается, и услышал ропот своего народа. Как мог он в одиночку противостоять силе, которая оказалась роковой для стольких императоров и стольких королей, по сравнению с которой он был самым ничтожным вассалом в своих владениях? В надежде добиться того, что он называл правосудием, он обратился к Риму. Но в то же время он пытался расположить к себе своих королевских соседей Швецию и Норвегию. Уничтожены были епископы, и дело одного было делом всех: по его словам, это была борьба между правами королей и наглостью их подданных. Они пообещали помочь ему в этой войне как с папой римским, так и с его собственным духовенством, которых он собирался лишить их временных полномочий; и уже привели в действие мощное вооружение, когда до них дошли сведения, что его больше нет.

[1259.]

Сомнительно, умер ли этот монарх естественной смертью или от яда. Внезапность этой смерти и особые обстоятельства, при которых он встретил ее, не могли не вызвать подозрений, и у некоторых умов подозрение - это правда. Даже монах, чей фанатизм, как говорили, послужил причиной этого поступка, был указан по имени. Однако в письме, которое и его вдова, и его сын направили папе римскому после этого события, никто не замешан, и обвинение в отравлении, истинное или ложное, было просто изложено в общих и неопределенных выражениях. То, что он стал жертвой яда, не было доказано, тем более что это было сделано священнослужителем. Свидетельства, однако, скорее указывают на трагический конец, хотя причины и обстоятельства навсегда должны остаться тайной.

ЭРИК VII.

ПО ФАМИЛИИ ГЛИППИНГ.

1259–1286.

[с 1259 по 1268 год.]

Эрик, старший сын короля, был избран штатами; и поскольку на момент смерти отца ему было всего десять лет, регентство перешло к его матери, Маргарите, дочери Самбира, герцога Померании. Эта принцесса обладала большим мужеством и благоразумием, и то и другое требовалось в особенно трудных обстоятельствах, в которые она попала. Некоторые епископы были изгнанниками, некоторые сидели в тюрьме, но все они находились под защитой папы и почитались народом. Эрик, сын Авеля, поддерживаемый графами Гольштейнскими, принцем Рюгенским и изгнанными прелатами, стремился к трону. Запрет все еще сохранялся, а следовательно, и недовольство народа. И вот Яромир, принц Рюгенский, и герцог Слесвицкий в сопровождении епископа Роскильдского высадились на побережье Зеландии с грозной армией. Маргарет собрала все войска, какие смогла, и поспешила навстречу врагу. Битва была катастрофической для королевской свиты, 10 000 человек остались на поле боя. Последствия были еще более катастрофическими — оккупация Зеландии и разрушение победителями нескольких городов (среди прочих Копенгагена, которому недавно были предоставлены муниципальные права). Следующим был захвачен Борнхольм, затем Скания, которая с

благодарностью вспоминала своего предстоятеля; и все королевство, должно быть, было бы покорено славянским князем, если бы трагическая смерть не остановила его карьеру. Это была тяжелая потеря для церковной партии, но епископ Роскилда подтвердил порицание и отказал в христианском погребении умершим членам королевской партии. Ютландия осталась верна только последнему. И все же Маргарет не была встревожена: несмотря на интердикт и абсолютный запрет, изданный как примасом, так и епископом Роскилда, она добилась коронации своего сына. Чтобы в какой-то степени смягчить враждебность первого, она освободила его и всех церковников; но он не захотел поступиться тем, что считал своим долгом; он отверг все ее предложения и удалился в Швецию, чтобы ожидать решения Рима. За это поведение он подвергся резкому порицанию со стороны современных историков. Они должны, однако, помнить, что он не мог поступить иначе: решение находилось уже не в его руках, а в руках папы римского, к которому оно было передано по апелляции обеих сторон. Александр IV. был мертв; и Урбан IV., возведенный в сан, осознал причину. Он осудил предстоятеля и приказал ему передать свой архиепископский сан в руки двух церковных уполномоченных, которых он назначил для этой цели. Эрландсен повиновался; но, услышав, что Климент IV. наследовал Урбану, он поспешил в Рим, чтобы ходатайствовать за себя. Климент не подтвердил решение своего предшественника; он взялся за дело *de novo* и послал легата для изучения на месте обстоятельств спора и вынесения решения в соответствии с правосудием. Собрав свой трибунал в Слешвиче, папский чиновник призвал короля и королеву-мать предстать перед ним; но они отказались под предлогом того, что Слешвич был неблагоприятен для них. Заявление было несерьезным и было придумано только для того, чтобы прикрыть их решимость не признавать компетентность судей. Опасаясь за свою безопасность в городе, зависевшем от короля, легат и епископы отправились в Любек, где отлучили от церкви Эрика, его мать и всех, кто отказался подчиниться указу. Примас удалился в Рим, где пробыл около семи лет; и в течение этого периода интердикт оставался в полной силе.

[с 1261 по 1264 год.]

Пока происходили эти события, произошли другие, еще более важные для королевы и ее сына. После смерти Вальдемара (1257), старшего сына Авеля, который был переведен из кельнских застенков в герцогский дворец Шлешвик и не оставил потомства, на престолонаследие претендовал Эрик, следующий брат. Правивший тогда Абель отказался наделить его властью, и поэтому он бросился в объятия своих родственников, графов Голштинских, и с их помощью приступил к управлению герцогством. Не имея возможности лишить его собственности, Маргарет предложила признать его, при условии, что он признает, что владеет поместьем исключительно по милости короны, а не по какому-либо праву наследования. Но во всех европейских странах, за исключением Скандинавии, феодалы издавна передавались по наследству: они стали аллодиальной собственностью; и Эрик отказался утвердить условие, которое, должно быть, оказалось фатальным для надежд его семьи. Чтобы наказать его, королева и ее сын двинулись на юг, но на равнинах Слешвика потерпели сокрушительное поражение. Бегство не спасло их от власти врагов: они были настигнуты и отправлены в заточение — первый в Гамбург, на попечение графов Гольштейнских, второй - в крепость Норбург, подвластную герцогу Эрику. Там оба могли бы остаться до конца жизни (ибо епископ и народ были одинаково недовольны), если бы Альберт Ангальтский, женившийся на принцессе Мехтильде, сестре короля, не вмешался в их защиту. Королева вскоре была освобождена (1263) и получила возможность возобновить управление страной: король был передан под опеку Иоанна, маркграфа Бранденбургского, также связанного кровными узами с королевской

семьей. В конце концов было решено, что он должен быть увеличен при условии его женитьбы на Агнессе, дочери маркграфа, чье приданое в 6000 марок должно было быть внесено в счет его выкупа. Вернувшись в свою столицу (1264), он был уже достаточно взрослым, чтобы принять бразды правления.

[с 1272 по 1275 год.]

В 1272 году умер Эрик, герцог Слешвицкий - событие, которое снова нарушило спокойствие страны. У него осталось два сына, Вальдемар и Эрик, оба несовершеннолетние. На опекунство подал иск король, а другой - графы Гольштейна. Обе стороны взялись за оружие, и поначалу преимущество было на стороне графов; но, видя, что королевские силы увеличились, они согласились передать управление делами в королевские руки при условии, что он передаст герцогство старшему из них по достижении надлежащего возраста. Теперь Эрик отпраздновал свой брак с Агнессой Бранденбургской; и он также с удовлетворением увидел созыв общего совета (Лионского в 1274 году), призванного снять интердикт с его королевства. Однако ему было предписано не просто принять примаса в свою дружбу, но и выплатить ему 15 000 марок в качестве компенсации. Это может показаться большой суммой, и историки подвергли ее критике. Однако они забывают сообщить нам, что во время долгого отсутствия архиепископа он получал доходы епархии — сумму, во много раз превышающую компенсацию. В следующем году (1275) национальный совет, состоявшийся в Лунде, завершил работу по примирению короля с церковью.

[с 1280 по 1286 год.]

Но если Эрик, таким образом, пребывал в мире со своим духовным началом, то он часто вступал в споры со своими светскими баронами, на права которых он всегда был готов посягнуть. Несмотря на свой договор с графами Гольштейнскими, он пытался уклониться от передачи Слешвича в пользу Вальдемара. Однако обе стороны были в равной степени виноваты; ибо, когда Вальдемар был инвеститурен, он претендовал на другие владения во Фризии под предлогом того, что они принадлежали его дяде по отцовской линии. Когда в этом ему было отказано, он вступил в союз с врагами Дании: заговор был раскрыт, и он был заключен в тюрьму при дворе Эрика. Но его заключение было недолгим; и по заступничеству его союзников срок его заключения был увеличен после подписания некоторых условий, которые более четко устанавливали власть короны над феодалом. И все же, если один враг был побежден, оставались другие, и жертвой некоторых из них, или, скорее, своих собственных пороков, король пал. По отношению к графу Халланду он был деспотом: лишил его владений и, если верить слухам, обесчестил жену в отсутствие мужа. Поклялся отомстить, и клятва была сдержана. Однажды ночью, после охоты, он был убит спящим в сельской деревне в Ютландии. Королевский камергер был посвящен в замысел: именно он привел убийц (всех в масках) к кровати. Впоследствии они бежали в Норвегию, король которой защитил их от мести семьи Эрика.

Так закончилось смутное правление, большинство из которых нельзя с какой-либо справедливостью приписать монарху. Однако его собственные пороки значительно усугубили его несчастья. После заключения мира с церковью, когда от него можно было ожидать умеренности, он часто захватывал церковную десятину и использовал в своих целях продукты, полученные с монастырских владений. Со своей знатью он был не менее суров; и не раз (особенно в 1262 году) ему грозила опасность быть изгнанным из королевства их объединенным

оружием. Эрик обнародовал кодекс, получивший название *Биркеретта*, на положения которого мы будем ссылаться в будущем.

ЭРИК VIII.

ПО ФАМИЛИИ МАНВЕД.^[156]

1286–1319.

[с 1286 по 1308 год.]

На момент смерти отца Эрику было всего двенадцать лет. Поэтому был необходим опекун и регент, и на этот пост претендовал Вальдемар, герцог Слешвикский, ближайший родственник Эрика по мужской линии. Королева-мать Агнес Бранденбургская, желая, но боясь отказать, в конце концов признала его притязания. Лучшего выбора и быть не могло: он забыл о несправедливости своей семьи, выполняя свои новые обязанности. На первом собрании, которое он созвал, он призвал отомстить убийцам покойного короля. Они были встревожены и, чтобы избежать последствий, вступили в заговор, целью которого было схватить молодого короля и удерживать его в качестве заложника до тех пор, пока штаты не объявят об их помиловании. Этот заговор не ускользнул от бдительности регента, который принял меры, чтобы его расстроить, а также в то же время распорядился назначить комиссию, уполномоченную расследовать обстоятельства смерти Эрика Глиппинга. Эта комиссия состояла из Оттона Бранденбургского, брата королевы-матери; Викислава, принца Рюгенского; графов Гольштейнских и двадцати семи датских дворян. Результатом стал вердикт о преднамеренном убийстве Джеймса, графа Халланда, Стига, маршала суда, и семерых других. Приговоренные к вечному изгнанию, они отправились ко двору норвежского короля, находившегося в то время в состоянии войны с Данией, где были гостеприимно приняты. С его помощью они получили возможность посещать северные районы своего феода и в течение многих лет совершать значительные грабежи. То, что норвежский монарх таким образом стал союзником убийц — к тому же убийц брата—короля, - могло бы нас удивить, если бы мы не помнили, что он и его отец давно просили, но тщетно, удовлетворения по пунктам, справедливость которых никогда не отрицалась. Одна из них заключалась в том, что приданое его матери, Ингебурги, датской принцессы, так и не было выплачено. Возглавив значительный флот, он сам вскоре последовал за цареубийцами и опустошил побережье. Ни к каким предложениям о мире он не прислушивался, если только цареубийцы не были помилованы — таково было его обязательство с ними. Эта война бушевала до 1308 года, когда мир был восстановлен Копенгагенским мирным договором. Главным условием было то, что в качестве компенсации за приданое своей матери норвежский монарх должен был получить северный Халланд в качестве феода от Эрика Датского. Что касается цареубийц, то было оговорено, что некоторым должно быть позволено вернуться и пользоваться своим имуществом, но что более виновные никогда не должны возвращаться в королевство. Тем не менее, даже им было дано разрешение в течение трех лет распоряжаться своими землями и личным имуществом.

[с 1292 по 1299 год.]

Эта долгая война была не единственной проблемой Эрика. Как и два его предшественника, он был связан с церковью. К Гранду, сановнику Роскилля, он относился враждебно по причинам, которые, очевидно, не имели под собой никаких оснований. Когда этот сановник был избран на Лундский престол, он, как и Эрландсен, отказался либо просить, либо принять королевскую

конфирмацию; и он поспешил в Рим, чтобы добиться ее от папы. По возвращении он был арестован Кристофером, братом короля, и с ним обращались с удивительной суровостью. Его имущество было конфисковано; его заставили сменить папскую мантию на самые жалкие лохмотья; его привязали к спине измученной лошади и в таком виде повели, под насмешки королевских слуг, в крепость Хельсинбург. Вскоре его перевели в замок Зебург, где его ждала нездоровая темница, тяжелые кандалы и скудная пища. Такому же обращению подвергся Ланге, другой сановник Лунда; но ему посчастливилось бежать и добраться до Бонифация VIII. в Авиньоне (1295). Некоторое время спустя самому Гранду посчастливилось сбежать и вернуться на Борнхольм, где его приняли как мученика. Он тоже прибыл в Авиньон и был встречен папой, который совершенно справедливо заметил, что было много святых, которые меньше пострадали за церковь, чем архиепископ Грандт. Спор между королем и церковью рассматривался в Риме комиссией кардиналов. Награда была суровой для короля; он приговорил его выплатить архиепископу в качестве компенсации 49 000 марок серебром; и до тех пор, пока деньги не будут выплачены, не только его королевство должно было оставаться под интердиктом (он действовал с тех пор, как архиепископ был схвачен), но и он сам должен был быть отлучен от церкви, а также его брат Кристофер, орудие этого ареста. Когда король не проявил желания платить деньги, папский легат, который был направлен в Данию по этому случаю, наложил арест на часть королевских доходов в Скании. Эрик почувствовал эту меру и отдался на милость папы римского. Бонифаций настолько смягчился от своей суровости, что позволил архиепископу сложить с себя полномочия лундского престола и уменьшить компенсацию до 10 000 марок. Впоследствии Грандт стал архиепископом Бременским, в то время как папский легат унаследовал первенство Дании.

[с 1299 по 1319 год.]

Но все правление Эрика не было катастрофическим. Любек и барон Росток обратились к нему за защитой и заплатили ему за это: он получил от последнего некоторое увеличение своей территории, а от других германских держав крупную сумму денег. Спокойствием, однако, в течение сколь-нибудь длительного периода ему наслаждаться было не суждено. Одним из его злейших внутренних врагов был его брат Кристофер, который вступил в союз с королями Швеции, Норвегии и другими врагами королевства. В качестве наказания, видя, что снисхождение ни к чему не привело, Эрик занял свои владения. Он бежал к Вратиславу, герцогу Померании, который поддержал его дело; то же самое сделали графы Голштинские и некоторые другие князья. В 1317 году был заключен мир, но Кристофер не был восстановлен. Два года спустя король заплатил долг природы, оставив свое королевство погрязшим в долгах, вызванных его попытками справиться со своими невзгодами. Он обладал большей проницательностью, чем некоторые из его предшественников. Он поощрял рост муниципалитетов, некоторым из которых он даровал хартии, аналогичные тем, которые существовали в Германии. Для коммерции он был благодетелем; и он был полезен судебной администрации составлением кодекса (в шести книгах), названного Законом Зеландии. Он сделал больше: он составил подборку таких публичных актов, которые могли бы пролить свет на национальную историю.^[157] Из его отпрысков никто не пережил его; по крайней мере, один, на кого он возлагал надежды, погиб трагической, но случайной смертью; и горе привело его королеву в монастырь, где она умерла за несколько месяцев до него. Таким образом, ему некому было наследовать, кроме его беспокойного брата Кристофера, находившегося в то время в Швеции, которого он посоветовал штатам отстранить от престолонаследия.

[1319.]

Но Кристофера не следовало так легко лишать того, что он считал своим правом по рождению; и когда он услышал, что у него появится соперник в лице Эрика герцога Слешвицкого, он начал свои интриги и начал военные приготовления с такой энергией, которая свидетельствовала о его решимости достичь своей цели. Обещания, которые он дал знати, духовенству и муниципалитетам, были чрезвычайно щедрыми и, в случае их выполнения, должны были превратить правительство в аристократическую республику. Лишь немногие из них он имел малейшее намерение выполнить; и поскольку большинство так и не было выполнено, мы не будем их перечислять. Они отвечали его целям, поскольку он был избран штатами, и в то же время его старший сын Эрик присоединился к нему в правительстве.

ХРИСТОФОР II.

1320–1334.

[с 1320 по 1323 год.]

Хотя Кристофер таким образом был возведен на трон, вскоре выяснилось, что удержаться на нем, в то время как активный соперник стремился сместить его, было нелегким делом. Поэтому он начал щедро раздавать пожалования своей знати, чтобы ввергнуть корону в новые трудности и угрожать расчленением монархии. К церкви он проявлял большое почтение: он безропотно перенес перенос своей коронации до тех пор, пока примасу не будет удобно вернуться из-за границы; и он взял на себя обязательство никогда не нарушать привилегии, которые были узурпированы. Но он также нуждался в иностранных союзниках, и, чтобы заполучить их, он проявил такое же пренебрежение к общественным интересам. Вратиславу, герцогу Рюгенскому, он подтвердил передачу этого феода вместе с некоторыми другими владениями. Генриху Мекленбургскому, который держал Росток в залоге, в счет денег, выданных покойному королю, он предоставил эту территорию в бессрочное владение датской короны. С Жераром, графом Гольштейнским (тогда графом Рендсбургским), он заключил более тесный договор, по которому каждый обязывался помогать другому, когда потребуется, всеми имеющимися в его распоряжении силами. Передача стольких феодальных владений как внутри самой Дании, так и за ее пределами не могла не иметь фатальных последствий. Не менее пагубным был обычай уступать, пока не будет произведена оплата, целые острова и провинции в обмен либо на личные услуги, либо на денежные авансы.

[с 1324 по 1325 год.]

Вскоре произошло то, что все люди могли бы предвидеть. Хотя Кристофер никогда не должен был вводить никаких налогов без согласия знати и никогда, ни при каких обстоятельствах, не требовал налога от церкви, его потребности были настолько велики, что вскоре он наложил новый и экстраординарный обман на оба государственных порядка. Знать должна была выплачивать десятую часть своих годовых доходов; духовенство - в равной пропорции; народ - еще больше. Внезапно из каждой части королевства раздался всеобщий крик сопротивления. Архиепископ смело заявил, что будет сопротивляться до последнего; что если король не сдержит своих обещаний, данных при восшествии на престол, ни церковь, ни знать больше не будут выполнять *своих* обещаний; что они должны считать себя освобожденными от своей верности. Кристофер поддался влиянию, которому не мог сопротивляться; но он уже вывел из себя свой народ, и его отказ от самозванства не вернул им хорошего настроения. Его

следующая мера была не только достойна порицания, но и в высшей степени несправедлива: она заключалась в возвращении силой оружия островов, провинций и владений, которые были заложены, без выплаты какой-либо части долга. В наши дни может показаться почти невероятным, что вся Скания, почти треть королевства, находилась в руках одного дворянина. Кредиторы, лишённые своих прав, естественно, объединились, чтобы добиться справедливости силой. Им помогали все недовольные, и немало таких, у кого не было причин для недовольства, но кто надеялся извлечь выгоду из перемен. Скания и Зеландия были опустошены огнем и мечом. От двух его врагов, а именно. архиепископ Лундский и Эрик герцог Слешвицкий, он был освобожден смертью; но последнее событие, от которого он ожидал такой большой выгоды, имело пагубные последствия. Эрик оставил маленького мальчика, Вальдемара. Кто должен был стать наставником? Чтобы получить должность, Кристофер вторгся в Слешвик. Но он нашел конкурента в том самом союзнике, на которого он так сильно полагался, Жераре Голштинском, которого называли Великим и который, как дядя Вальдемара по материнской линии, имел такое же право на доверие. В разгар своих успехов, после завоевания большей части герцогства, он потерпел поражение от этого графа и был вынужден уйти в отставку.

[1325.]

Многие недовольные подданные Кристофера молчали из страха: теперь, когда он был побежден, на него обрушилась одна всеобщая жалоба. Знать требовала своих поместий, кредиторы - своих денег, народ - отмены налогов; и все горько жаловались на нарушение им веры, хотя это нарушение было неизбежным следствием его положения. Восстание приобрело всеобщий характер; и когда штаты собрались, он был торжественно низложен, назвав причиной этой меры “невыносимое злоупотребление, которое он допустил своей властью”. Когда Кристофер получил это известие, он был в Зеландии со своим сыном; в то же время он узнал, что граф Джерард продвигается вперед. Чтобы отразить захватчика, Эрик выступил в поход с одноразовыми войсками; но он потерпел поражение, был предан в руки своих врагов и заключен в темницу. С потерей этого сына, его коллеги по трону, он потерял всякую надежду на нынешнее сопротивление и вместе с двумя младшими сыновьями поспешно покинул королевство. В Росток он заручился помощью Генриха Мекленбургского и нескольких вандальских князей и вернулся к борьбе за свои права. Он взял крепость, но этот успех не сделал штаты более благоприятными; они упорствовали в своем решении избрать другого государя. Осажденный и взятый в плен Джерардом, он получил разрешение удалиться в Германию. Он предпринял еще одну попытку, с таким же отсутствием успеха, снова был схвачен и снова освобожден при условии его возвращения в Росток.

[с 1326 по 1328 год.]

Штаты, собравшиеся в Ньюбурге для избрания короля, остановили свой выбор на Вальдемаре, герцoge Слешвицком, все еще несовершеннолетнем, — без сомнения, главная причина его избрания, поскольку должно было быть регентство, и самые могущественные могли надеяться на участие в общественной добыче. Джерард был главой регентства: к нему присоединились с полдюжины других дворян, и все стремились извлечь максимальную выгоду из достойного правления, которое, очевидно, должно было быть кратким. Жерар получил герцогство Слешвик на вечные времена. Графу Иоанну Гольштейнскому были переданы острова Лаланд, Фальстер и Фемерен. Канут Порс, которого Кристофер провозгласил герцогом Северного Халланда и который, тем не менее, был одним из первых, кто покинул этого несчастного короля, был

утвержден во владении в дополнение к Южному Халланду: оно больше не подлежало отзыву, нопереходило к его потомкам. Архиепископ Лунденский получил Борнхольм; другой дворянин получил Колдинг и Райпен; третий - Лангеланд и Арро; короче говоря, вся страна была разделена на мелкие княжества, которые, хотя и феодально подчинялись короне, фактически представляли собой множество суверенитетов. Эти меры не могли не вызвать недовольства всех, кто хоть сколько-нибудь любил свою страну: дюжина тиранов была более деспотичной, более алчной, чем один; и к отсутствующему Кристоферу начали испытывать жалость. Этот принц не бездействовал во время своего уединения в Росток. Самыми щедрыми обещаниями он получил помощь людьми и деньгами от некоторых своих союзников; и многие из его собственной знати, среди которых были примас и епископы, пообещали присоединиться к нему, как только он высадится в Дании. Он высадился на берег, и к нему присоединились епископы Орхуса и Райпена, а также многие вельможи, и это дало ему возможность получить некоторые преимущества перед регентами. Но он не научился мудрости в невзгодах. Одного из своих союзников, графа Иоанна Гольштейнского, он превратил в смертельного врага; и он оскорбил церковь, арестовав епископа Борглума. Прелат сбежал, подкупив свою охрану, и поспешил в Рим, чтобы добавить папу к другим врагам Христофора. На королевство был немедленно наложен интердикт.

[с 1329 по 1331 год.]

В этой чрезвычайной ситуации Кристофер попытался предотвратить свое изгнание из королевства, прибегнув к тому же способу подкупа, к которому он прибегал ранее. Чтобы умиротворить графа Джона, он уступил ему Зеландию и часть Скании, в дополнение к Лаланду и Фальстеру, которые он все еще удерживал. Жалованиями, столь же расточительными и столь же разорительными для государства, он пытался заручиться помощью других дворян. Он добился такого успеха, что Жерар, покинутый многими сторонниками, подал в суд с просьбой о мире. Статьи были подписаны в Райпене в 1330 году. Вальдемар был отправлен обратно в Слешвик; но возвращение герцогства было закреплено за Жераром в случае смерти Вальдемара без наследников мужского пола. Поскольку это было всего лишь будущее и условное преимущество, Фиония была передана в его руки до тех пор, пока Слешвик не перейдет к нему по наследству; и за этот остров он должен был стать вассалом датской короны. И это было еще не все: он должен был удерживать всю Ютландию в качестве залога до тех пор, пока ему не возместят военные расходы, которые он оценивал в сорок тысяч марок.

[с 1331 по 1332 год.]

Это спокойствие длилось недолго. Два графа, Джерард и Джон, поссорились; и Кристофер, вместо того чтобы оставаться нейтральным, поддержал последнего. Он потерпел поражение от Жерара, и большая часть Ютландии отошла от него, чтобы поддержать дело победителя. Его единственным выходом было теперь положиться на великодушие противника, который заявил о своей готовности заключить мир в обмен на сто тысяч марок; и пока эта сумма (огромная по тем временам) не будет выплачена, он должен был удерживать Ютландию. Два графа также договорились друг с другом, Джон передал Джерарду половину долга за Фионию; и они договорились гарантировать друг друга в приобретениях, которые они сделали, то есть в расчленении королевства. В то же время "Скания" на сезон вырвалась из-под скипетра датских королей. Эта провинция перешла в руки Иоанна, графа Голштинского, из-за неспособности короны выплатить займы, которые были на нее взяты. Поэтому сборщики из Голштинии

наводнили его, чтобы получить доходы, на которые претендовал представитель кредиторов. Они были еще более непопулярны, чем те, что были у короля; и туземцы нередко устраивали им резню. Триста человек были одновременно казнены в кафедральном соборе Лунда. Чтобы избежать наказания, жители обратились не к Кристоферу, который был беспомощен, как младенец, и которому они не доверяли, а к Магнусу, королю Швеции. Они предложили признать его своим сувереном при условии, что он будет защищать их от графов Голштинских. Почти нет необходимости добавлять, что Магнус с радостью воспользовался возможностью получить провинцию, которая географически находилась в пределах его королевства и которая всегда была предметом вожделения его предшественников. Он получил почтение всей страны и направил войска на ее защиту. Вместо того чтобы обнажить меч, чтобы вернуть его, Джон продал свою долю в нем и все права на его правительство или доходы за тридцать четыре тысячи марок - сумму, которую Магнус с готовностью заплатил ему. Последние имели теперь двойное право на провинцию — право добровольного подчинения и право покупки.

[1332, 1333.]

В последний год жизни Кристофера двое из его дворян, стремясь заручиться благосклонностью семьи Гольштейн, вступили в заговор с целью его убийства. Они подожгли его дом, схватили его, когда он убегал, и отвезли в крепость на острове Лаланд, принадлежавшую графу Джону. Этот дворянин, однако, больше не боялся принца, который вызвал всеобщее презрение и чье дело было безнадежным. Поэтому он приказал освободить его. В следующем году Кристофер умер естественной смертью после самого катастрофического правления в анналах королевства.—От своей жены Евфимии, дочери Богислава, герцога Померании, у него было три сына и три дочери. Эрик, старший, сошел в могилу первым; Отон в конце концов стал рыцарем Тевтонского ордена; Вальдемар после короткого междуцарствия наследовал ему. Из его дочерей две умерли в юности, но старшая, Маргарита, была замужем за Людовиком Бранденбургским, сыном императора Людовика Баварского.

МЕЖДУЦАРСТВИЕ.

1333–1340.

[1333, 1334.]

Два графа Голштинские, разделившие таким образом королевство между собой, совещались, как им увековечить свою узурпацию. Наилучшим способом было как можно дольше оттянуть выборы нового монарха; исключить двух сыновей покойного короля из процесса наследования престола; и, когда выборов уже нельзя было избежать, добиться объединения избирательных прав в пользу какого-нибудь принца, которого они могли бы контролировать. В любом случае, поскольку их влияние могло и, вероятно, должно было быть кратковременным, их интерес заключался в том, чтобы в кратчайшие сроки извлечь максимальное преимущество из своего положения. Отсюда их алчность, которую их армии позволяли им проявлять безнаказанно.

[с 1334 по 1340 год.]

Ни при каких обстоятельствах чужеземное господство нельзя было бы долго переносить без отвращения: господство алчных чужеземцев было вдвойне обидным. Поднявшийся со всех

сторон ропот придавал смелости двум сыновьям Кристофера бороться за его наследство. Но они вышли на поле боя прежде, чем их приготовления были достаточно зрелыми. Оттон с горсткой войск, предоставленных его шурином, маркграфом Бранденбургским, высадился в Ютландии. Он, очевидно, полагался на народное негодование, питаемое к двум узурпаторам; но он упустил из виду их средства, их военные таланты и господство, которое дали годы успехов. Он был побежден и заключен в строгое заточение, из которого не сбежал в течение многих лет. Чтобы предотвратить очередное вторжение, лишив сыновей всякой надежды на престолонаследие, Джерард обратился к Вальдемару, герцогу Слешвичскому, который был возведен на трон во время изгнания Кристофера. Если герцог добьется успеха, герцогство перейдет в наследство графу Жерару; но он не стал бы ждать вероятностей. В обмен на обещанную помощь Вальдемар в торжественном договоре согласился немедленно уступить эту провинцию; и если он не получит объект своих амбиций, то взамен получит Ютландию. Были упомянуты права Жерара на этот полуостров в силу ста тысяч марок, которые он потребовал от короны; следовательно, эти права он мог передать. В разгар переговоров принц Вальдемар приготовился вернуться и победить или разделить судьбу своего брата Оттона. Народ почти повсеместно был настроен к нему благосклонно, и его прибытия ожидали с нетерпением. Когда ютландцы услышали о договоре, который отдавал их во власть Вальдемара Слешвицкого, они больше не ждали своего принца, а открыто восстали. Жерар был вынужден отступить, но только для того, чтобы вернуться с десятью тысячами немецких вспомогательных войск; и с ними он опустошил полуостров. Его судьба, однако, была близка. Ютландский дворянин, имея всего пятьдесят сообщников, решил избавить свою страну от тирана. Поспешив в Рандерс, где находился граф с четырьмя тысячами человек, в полночь он обезоружил стражу, проник в спальню регента, убил его и сбежал прежде, чем армия узнала о содеянном.

[1340.]

Так погиб Джерард, прозванный Великим, принц великих талантов и еще больших амбиций. Вместе с ним погибло величие его дома. Его сыновья не обладали его личными качествами, и они не могли удержаться в том положении, в котором он их оставил. Ободренные этим событием, государства встретились и объявили отсутствующего Вальдемара, третьего сына Кристофера (Оттон все еще находился в заключении), наследником престола. Акт об избрании был направлен этому принцу, несмотря на то, что графы Голштинские позаботились о том, чтобы предотвратить всякие сношения между страной и изгнанником. Вальдемар получил его при дворе императора Людовика Баварского, и этот монарх немедленно приказал своему сыну, маркграфу, способствовать возвращению своего шурина. С санкции императора в Шпандау состоялась конференция. На ней было решено, что Оттон получит свободу при условии отказа от всех притязаний на корону. Новый король обручился с Хедвигой, сестрой Вальдемара, герцога Слешвицкого, чье приданое в размере 24 000 марок должно было быть вычтено из 100 000, на которые претендовали сыновья графа Жерара. Пока не будет выплачена остальная сумма, Фиония и часть Ютландии должны были оставаться в руках графов. Король не должен был защищать убийц покойного графа. Были и некоторые другие условия, имевшие гораздо меньшее значение — все они были продиктованы необходимостью многим пожертвовать, чтобы получить большее преимущество. Этот договор был торжественно ратифицирован, Вальдемар вернулся в Данию и вззошел на трон без сопротивления.

ВАЛЬДЕМАР III.

ПО ФАМИЛИИ АТТЕРДАГ.

1340–1375.

[1340.]

Когда этот принц взошел на трон, перспектива перед ним предстала мрачная: монархии не было, доходов не было. Скания и Голландия были в руках шведов; Фионию и Ютландию насильно удерживали графы Голштинские; Зеландия и Лаланд подчинялись другому вождю; а на остальных островах каждый имел своего правителя, который рассматривал это как свое собственное поместье, которое должны были унаследовать его дети. Но даже это было не самым страшным злом. Многолетняя анархия привела к тому, что законы были забыты; слабые повсюду становились добычей сильных; бедные воевали с богатыми, туземцы с иностранцами; и никто не думал ни о повиновении властям, ни о выплате взносов, необходимых для удовлетворения потребностей общества.

[с 1340 по 1344 год.]

Двумя первыми целями Вальдемара были обеспечение соблюдения законов и возвращение, одно за другим, путем завоевания или договора, отчужденных владений. Без первого не могло быть безопасности; без второго не могло быть процветания. Чтобы вызвать уважение к судьям, он сам вершил правосудие. Таким образом, он председательствовал в судах не только в течение нескольких дней, но и в течение недель и месяцев подряд, как в городах, так и в сельской местности. В то же время он заставил большинство дворян, поблизости от которых ему довелось находиться, предъявить свои титулы на владения, которыми они владели; а когда они оказались недействительными, он восстановил феоды. Против Ингеборги, вдовы герцога Альберта Порсе, на жадность которой мы уже ссылались, он возбудил иск и взыскал с нее два титула лорда; но в самом суде правосудия у него были свои вооруженные люди — доказательство того, что решение будет в его пользу и, несмотря на все возражения, приведено в исполнение. Твердое поведение монарха оказало благотворное влияние на его народ, который восстал против своих иностранных угнетателей, в то время как последние защищались с присущей им доблестью. Эта бессистемная война бушевала много лет.

[1344.]

Возвращение нескольких владений по справедливости или силой оружия побудило короля упорствовать в своих усилиях. Но были партии, против которых ни то, ни другое не помогло бы — они были слишком могущественны ни для той, ни для другой, и перед ними он мог предстать только с деньгами. Где ему их взять? Он рассчитывал на Магнуса, короля Швеции, который не чувствовал себя в полной безопасности во владении Сканией и от которого он получил 49 000 марок в качестве условия навсегда уступить эту провинцию северному королевству. То, что такой патриот, как Вальдемар, таким образом санкционирует разрушительное расчленение монархии, вполне может нас удивить. Но, вероятно, он рассуждал так: “Если провинция *будет* потеряна, пусть эта потеря будет уравновешена другими приобретениями: если она не будет потеряна окончательно, — если сложатся обстоятельства, благоприятные для того, чтобы я вернул ее, — пусть военная удача решит, возвращать мне деньги за покупку или нет”. Этими деньгами он нашел хорошее применение: он выкупил у графа Иоанна Гольштейнского остров Фальстер со многими владениями и замками в других частях; вскоре он также выкупил Ворденбург и весь остров Лаланд. Таким образом, он увеличил свою собственную власть в той

же степени, в какой ослабил власть своих врагов. Должно быть, однако, между двумя сторонами было какое-то соглашение, поскольку он не подвергался никаким посягательствам в своих финансовых делах, и особенно с тех пор, как в 1345 году он смог покинуть королевство, чтобы уладить дела Эстонии.

[с 1345 по 1348 год.]

В этой стране произошло восстание всего подневольного населения против своих господ, большинство из которых были немцами. Великого магистра тевтонских рыцарей попросили оказать помощь местным феодалам, и он согласился сделать это; но из его мер было очевидно, что он стремился сместить датского монарха. Вальдемар отплыл к побережью, но по прибытии обнаружил, что между его собственными губернаторами и другой стороной было подписано перемирие. Оттуда он отправился в Святую Землю — вероятно, вследствие какого-то обета, - и это обстоятельство доказывает, что его королевство, должно быть, находилось в более безопасном состоянии, чем нам пытаются внушить хронисты того времени. Говорят, что папа осудил его за то, что он осмелился посетить святыне без разрешения апостольского престола. Однако его отсутствие, должно быть, было недолгим, ибо в следующем году (1346) он снова был в Эстонии. О мотивах его второй экспедиции можно судить по результату: он продал эту провинцию тевтонским рыцарям за 19 000 марок. Этот поступок был сильно осужден историками, но нам он кажется мудрым. Расходы на поддержание этого отдаленного владения были больше, чем оно того стоило: для этого нельзя было жалеть войск, когда дома требовался каждый свободный человек; а деньги были необходимы для оплаты некоторых назойливых требований и выкупа другой части национальных владений. Эти деньги были хорошо потрачены; они позволили ему вернуть все крепости в Ютландии и Зеландии, которые ранее не были выкуплены. В обмен на другие владения он получил от графов Голштинских половину Фионии и город Ньюбург. Это обстоятельство подтверждает то, о чем мы только что упомянули, — что периоды войн не были столь частыми и продолжительными, как периоды мира; что он жил с графами и другими своими соперниками в гораздо менее враждебных отношениях, чем мы могли бы предположить, исходя из строгого языка хронистов.

[с 1348 по 1350 год.]

Еще одна возможность пополнить свою пустую казну открылась Вальдемару благодаря помощи, которую он оказал своему шурина маркграфу Бранденбургскому, сыну императора Людовика Баварского. За эту помощь он получал ежегодную дань, которую город Любек выплачивал семье маркграфа за защиту(или адвокатию, как это называлось в средние века), оказываемую этой семьей торговле жителей.

[с 1351 по 1357 год.]

По возвращении в Данию король с таким же рвением, как и прежде, приступил к задуманным им реформам. Требовалась строгость, и он применил ее; но она превращала во врагов всех, чьи дурные поступки он наказывал. Это было самое серьезное из препятствий, мешавших его карьере совершенствования. Целое поколение анархии сделало дворян нетерпимыми ко всяким ограничениям; они вздыхали о своей прежней безнаказанности и ненавидели правителя, который при исполнении законов не делал различия между ними и самым жалким ремесленником. Чтобы смирить этого тирана, каким они его считали, они возобновили свой союз с графами Голштинскими; но в то время это ни к чему не привело: у этих дворян еще не

было необходимости возобновлять войну с королем. Однако четыре года спустя (в 1357 году) они присоединились к ютландской знати, и король, выступивший против них, потерпел поражение. Но проверка длилась недолго, потому что через несколько недель он, в свою очередь, одержал победу — Адольф, один из графов, был оставлен мертвым на поле боя. Это была полезная победа: она позволила Вальдемару захватить другую половину Фионии без выплаты заложной. В следующем году он покорила Лангеланд, Альфен, Фемерен. Второй из них, принадлежавший герцогу Слешвичскому, он впоследствии восстановил, при этом было обеспечено, чтобы жители сохраняли нейтралитет в противостоянии между ним и голштинским домом. С этим домом, однако, вскоре был заключен мир; но в этот период чередование войны и мира продолжается вечно.

[с 1357 по 1360 год.]

Если Вальдемар и уступил Швеции важную провинцию Скания, то сделал это либо неохотно, либо с намерением вернуть ее при первой же возможности. Наконец такая возможность представилась, и совсем не так, как он ожидал. Король Магнус стал настолько непопулярен, что был вынужден отказаться от трона в пользу своего сына Эрика. Чтобы вернуть ее, он обратился за помощью к Вальдемару, но тот ничего не обещал, пока Скания не будет восстановлена. Условие было жестким, но предполагаемая награда имела большее значение, и в договоре (1359 г.) Магнус уступил это требование. В то же время, чтобы укрепить союз между ними, Маргарет, дочь Вальдемара, которой тогда было всего шесть лет, была помолвлена с Хако, королем Норвегии, еще одним сыном Магнуса. В соответствии с этим договором Вальдемар вторгся в Сканию и за короткое время захватил большинство крепостей. Однако от этой завоевательной карьеры его на мгновение отвлекло вторжение в Фемерен. Захватчиками были графы Гольштейнские, герцог Мекленбургский и многие дворяне Ютландии, которые были полны решимости ускорить падение сурового хозяина. Это была диверсия, предпринятая графами для спасения Scania, в сохранении которой для шведской короны они были заинтересованы. Они были союзниками Эрика, который восстал против своего отца Магнуса; а их сестра Елизавета, вместо датской принцессы, предназначалась Хако. Преимущество было на стороне короля, который, вынудив своих врагов к роспуску, вернулся в Сканию, которую он полностью захватил. Это он сделал без особых трудностей благодаря революции во внутреннем положении Швеции. Эрик, который был связан с Магнусом в правительстве, который враждебно относился ко всему датскому, который был близким союзником графов Гольштейнских, пал жертвой честолюбия своей собственной матери. Таким образом, Магнус возобновил единоличное руководство делами, и интересы Дании снова возобладали. Штаты действительно предписали ему защищать Сканию; но хотя он двинулся в сторону этой провинции, он не предпринял никаких попыток остановить продвижение датчан. Напротив, он заключил с ними новый союз, и предполагаемый союз между Маргарет и Хако был подтвержден.

[с 1360 по 1363 год.]

Магнус снова нуждался в помощи своего союзника против своих мятежных подданных. Жители Висби, столицы острова Готланд, отказались платить обман, который он наложил на них; и Вальдемар, повинаясь его желанию, отплыл, чтобы наказать их. Висби был одним из крупнейших портов Европы; здесь хранились балтийские товары. Большая их часть принадлежала ганзейским городам, особенно Любеку. Огромной была добыча, которую

датский монарх захватил в этом городе; но почему он должен грабить подданных своего союзника ради собственной выгоды, объяснить нелегко. Каковы бы ни были его собственные причины, вскоре он раскаялся в своем насилии. Шведы, возмущенные своим монархом, который, как они знали, был причиной катастрофы, заперли его в крепости, призвали Хако норвежского на помощь и объявили войну Дании. Чтобы получить дополнительную помощь, они вступили в союз с врагами Дании — с графами Голштинскими, с герцогом Мекленбургским и с ганзейскими городами, которые были справедливо возмущены разграблением Висби. Конфедеративные державы пустили в ход свое вооружение и вскоре захватили Копенгаген. Хельсингбург в Скании был осажден, но Вальдемар снял осаду и разгромил союзный флот с большими потерями. Следующим подвергся нападению Вордингбург, но не с большим успехом; и вскоре другие бедствия заставили союзников стремиться к миру, который был заключен в Любеке в 1363 году. Но это продолжалось недолго. Состоялось общее собрание депутатов от всех городов Ганзейского союза, числом более семидесяти, и результатом их обсуждений стала новая война. Было действительно очевидно, что до тех пор, пока этот орган не обеспечит свободный транзит товаров, всему торговому предпринимательству должен быть положен конец, и худшие дни пиратства должны быть восстановлены. Вскоре были снаряжены два орудия; и число нападавших увеличилось из-за присоединения исконных врагов Дании. Перепуганный Вальдемар прибегнул к переговорам. Адольфа, графа Гольштейнского, он отделил от лиги, передав ему остров Фемерен. Ганзейские города он умилиствовал коммерческими привилегиями. Соответственно, было заключено перемирие, и король был предоставлен самому Себе, чтобы возобновить свои интриги на Севере.

[с 1362 по 1363 год.]

После заключения Магнуса в тюрьму, которому, однако, вскоре разрешили участвовать в управлении страной, Хако был единственной надеждой шведов: они короновали его в 1362 году, а затем убедили жениться на сестре графов Гольштейнских. Но нарушение контракта между Маргарет и Хако не могло быть так легко расторгнуто: он был составлен и скреплен необходимыми формальностями и скреплен клятвой. Тем не менее, шведские государства, независимо от этих обстоятельств, направили посла в Гольштейн для совершения церемонии бракосочетания по доверенности. Это событие было отпраздновано с большой помпой; и вскоре после этого новая королева Норвегии и Швеции отправилась к месту назначения. Это известие стало для Вальдемара ударом, но удача помогла ему оправиться от него. Буря выбросила невесту на датский берег, и ее доставили ко двору, где ее ожидал самый лестный прием. Черeda пиров и увеселений на некоторое время лишила ее возможности видеть замыслы Вальдемара; но в конце концов она поняла, что при всем том юморе, который ей так старательно уделяли, она была немногим лучше пленницы. Но она и не подозревала, какая глубокая игра велась. Во время ее пребывания при дворе, которое затянулось на много недель, Хако был вынужден посетить страну и торжественно заключить свой брак с принцессой Маргаритой. Велика была радость датчан по поводу этого события и не менее велико было огорчение той многочисленной партии в Швеции, которая настаивала на союзе с Гольштейном. Поскольку Маргарет была еще очень молода, брак не был заключен в течение трех лет. Но преимущество было получено, и Елизавета в отчаянии приняла постриг в шведском монастыре.

[1363.]

Этот брак заслуживает особого внимания из—за одного обстоятельства; он привел к объединению корон Дании и Норвегии, союзу, который сохранился нерушимым до наших дней. В течение значительного периода это также привело к объединению трех королевств, составляющих Скандинавию. Однако, прежде чем это удалось осуществить, возникло множество препятствий; и действительно, во время его празднования не было никакой надежды на такой результат. Шведы были так возмущены этим, что объявили трон вакантным и избрали Альберта Мекленбургского править ими. Хако, таким образом, как и его отец, потерял корону; но эти обстоятельства могут быть подробно описаны только в главе, посвященной истории Швеции.

[1364, 1365.]

Следующий год Вальдемар провел за границей, в Германии, Польше, Венгрии, Италии и Франции. Изобретательность историков показала, почему он покинул королевство в столь критический период; но ни одна из их догадок не является удовлетворительной; и его действия должны оставаться окутанными тайной. Вернувшись после десятимесячного отсутствия, он обнаружил, что в его собственном королевстве так же спокойно, как в Швеции было неспокойно. В последнем были две партии — та, которая придерживалась Магнуса и Хако, и та, которая пригласила Альберта взойти на трон. Первые, численно уступавшие, получили помощь из Норвегии и Дании и с этой помощью совершили вторжение в провинции, которые удерживали Альберта. Последовало сражение, в ходе которого Магнус был взят в плен; но Хако, хотя и был смертельно ранен, сумел сбежать. Но Вальдемар набрал себе сторонников и своим оружием, равно как и интригами, поставил Альберта в такое замешательство, что тот был вынужден, чего бы это ни стоило, умиловить грозного датчанина. Родственники Альберта, соответственно, сделали Вальдемару предложение, и он принял его с готовностью. Однако они были обманчивыми; ни одно из данных обещаний не было выполнено или не предполагалось к исполнению.

[с 1367 по 1370 год.]

Влияние Альберта и его связей оказалось для Вальдемара более пагубным, чем он мог ожидать. Его собственные подданные, особенно жители Ютландии, которые были в союзе с графами Гольштейнскими, снова подняли открытое восстание. Им помогали король Швеции (Альберт), герцог Мекленбургский, ганзейские города и другие враги Дании. Самым экстраординарным обстоятельством является то, что в этот самый период, когда монархии угрожали изнутри и извне, Вальдемар снова покинул королевство, чтобы провести несколько месяцев за границей! Намеревался ли он заинтересовать императора и папу в своих интересах? Таково было мнение авторов. Другие, опять же, приписывали его уход грандиозному заговору, цель которого он видел в тумане. Предмет должен оставаться в тайне. Гипотеза о заговоре, однако, находит некоторое подтверждение в том факте, что после его отъезда ганзейские города, графы Гольштейнские и Альберт Шведский, предприняли одновременные нападения на разные части королевства, причем с некоторым успехом. Однако в 1370 году министр, которому Вальдемар доверил дела королевства, заключил мир со всеми врагами Дании.

[с 1370 по 1375 год.]

В том же году вернулся Вальдемар, и в том же году также пресекся герцогский род Слешвиков, который, как мы уже рассказывали, происходил от Абея, короля Дании. Вернуть герцогство

было целью Вальдемара задолго до смерти герцога Генриха; и когда это событие произошло, его меры были приняты настолько хорошо, что через несколько недель большинство крепостей оказались в его распоряжении. Но графы Голштинские настаивали на своих притязаниях в силу соглашения между их отцом Жераром и герцогом того периода. Однако они не сразу перешли к военным действиям, и им не посчастливилось померяться силами с Вальдемаром, поскольку, будучи занят внутренними реформами, которые он так долго обдумывал, он увидел, что война неизбежна; и в этом предчувствии он обратился к папе Григорию XI с просьбой вмешаться в его интересах — учить своих подданных послушанию, а своих врагов умеренности. Папа в своем ответе заявил о своей готовности поддержать королевское дело; но прежде чем его вмешательство смогло принести пользу, Вальдемара больше не было. Он умер, доверившись шарлатану, лекарства которого принимал. От своей королевы, Хедвиги, у него было шестеро детей, четверо из которых предшествовали ему в могиле. В живых остались две дочери — Ингебурга, вышедшая замуж за Генриха герцога Мекленбургского, и знаменитая Маргарита, впоследствии королева Севера.

[1375.]

Вальдемар был первым датским монархом, который называл себя королем *готов*. Такое предположение было вызвано либо завоеваниями, которые он совершил в Готланде (они были очень временными), либо отвлекающими маневрами, которые Альберт, чтобы сохранить свой союз, намеревался предпринять и, фактически, предпринял в этой провинции.

ОЛАФ III.

1376–1387.

[1375, 1376.]

С Вальдемаром III. закончилась мужская линия династии, основанной Свейном, племянником Канута Великого. Кто должен был стать его преемником? Как мы уже рассказывали ранее, у него осталось только две дочери, а именно: Ингебурга, жена Генриха, герцога Мекленбургского, и Маргарита, супруга Хако, короля Норвегии. Поскольку на Севере не было примера наследования по женской линии, выборщикам приходилось обращаться либо к какой-нибудь побочной ветви семьи, либо к сыновьям этих принцесс, - если только они действительно не делали того, что могли бы легко сделать, и о чем многие действительно заявляли, а именно. сделайте выбор в пользу иностранного дома. Однако большинство проголосовало за сохранение скипетра в древнем доме, и без учета побочных ветвей. Таким образом, выбор лежал между вопросом Ингебурги и вопросом Маргариты; а именно. между Альбертом Мекленбургским и Олафом Норвежским. Первая была старшей дочерью, а Альберт был намного старше Олафа, но еще совсем ребенок; но чувства штатов, казалось, были в пользу последнего. На первом собрании ничего не было сделано; в промежутке между ним и созывом следующего Маргарет не бездействовала. Ее интриги, ее подарки, ее обещания и, прежде всего, тот факт, что Олаф был наследником норвежского престола и, следовательно, что произойдет объединение двух королевств, решили вопрос в его пользу. В этом решении также была определенная доля неприязни к Швеции, поскольку Альберт был близок к королю, который был избран преемником Магнуса. По этому случаю не было общего собрания штатов; и представители каждой провинции голосовали отдельно. Ютландия с ее тремя орденами, а именно. дворяне, духовенство, бюргеры и богатые крестьяне подавали пример. За ним

последовала Скания, а остальные, сдерживаемые их преобладающим влиянием, присоединились к ним.

[1376.]

Обещания королевы, на которые мы ссылались, не отличались от тех, что дал Христофор II. . От имени своего сына (ему было всего пять лет) она гарантировала духовенству все их права, иммунитеты и привилегии. Мирянин не должен получать никаких пособий. Ни один иностранец не должен становиться сановником. Ни один епископ или любой другой священнослужитель не должен быть арестован, сослан или лишен своих доходов без предварительного приговора только церковного судьи. Аббаты, монахи и ректоры должны были зависеть только от епископа, своего законного настоятеля. Дворяне, а не корона, должны были получать штрафы, налагаемые на сельских жителей в пределах их соответствующих округов любым светским судьей, когда эти штрафы были ниже определенной суммы, в соответствии с обычаями провинции: в некоторых провинциях максимум составлял три, в других - девять марок; когда он превышал три или девять, он, бесспорно, переходил к короне. Король не должен был начинать войну без согласия своих сенаторов, прелатов и некоторых представителей знати королевства. Ни один человек, посвященный в священный сан, не должен занимать какую-либо мирскую должность. Ни один человек не должен быть казнен, если он не был осужден судом или пойман *на месте преступления* в каком-либо деле, заслуживающем смертной казни. Даже если бы он был приговорен трибуналом, ему должен быть предоставлен один месяц и один день для бегства из королевства! Крестьян нельзя заставлять ремонтировать королевские дворцы без санкции сената. Король не должен строить в каких-либо других владениях, кроме своих собственных, без согласия владельца. Имущество ни одного человека не должно быть конфисковано, даже в судебном порядке, если только не будет доказано, что он виновен в государственной измене или поднимал оружие против своей страны. Иностранные купцы могли свободно торговать по всему королевству и не должны были облагаться никакими другими налогами или поборами, кроме тех, которые уже были санкционированы обычаем. Великие судебные заседания, согласно древнему обычаю, должны проводиться ежегодно в праздник святого Иоанна Крестителя. Ни один судебный исполнитель не должен ссылаться на кого-либо в иностранном суде — например, в суде Норвегии, - но каждый человек должен подчиняться только местной юрисдикции.

[1376.]

Таковы были основные положения соглашения между Маргаритой и народом. Национальные историки сурово осудили их как посягательство на справедливые прерогативы короны. Но, конечно, не все они заслуживают порицания. Некоторые из них в высшей степени полезны. То, что действительно позволяло дворянам получать удовольствие от штрафов, взимаемых с их вассалов, или, правильнее сказать, свободных людей (подчиняющихся, однако, многим вассалитетным обязательствам), подлежало осуждению; но это было обычным явлением в большинстве других стран, где существовали феодальные суды. Два или три из тех, которые касались духовенства, также заслуживают порицания; но они были санкционированы каноническим правом и были столь же обязательны в других местах, как и в Дании. Величайший недостаток этой капитуляции заключается в том, что дворянам было оставлено слишком много влияния. Но как можно осуждать Маргарет за то, что она пожертвовала собой ради аристократии, когда аристократические привилегии преобладали повсюду?

|с 1376 по 1380 год.|

Избрание Олафа не могло не вызвать раздражения у партии Альберта. Глава Мекленбургского дома призвал императора Карла IV. чтобы вмешаться в защиту своего внука, он взялся за оружие и убедил своего сына Альберта, короля Швеции, присоединиться к нему; и он объединил дворы Голштинии в тот же союз. Этими графами, в случае наследования престола Альбертом, должны были стать Шлешвик, Альфен и Лангеланд. Со своей стороны, Маргарет не сидела сложа руки. Она также приобрела союзников, среди которых были герцоги Померании, наследственные враги семьи Мекленбург. Результат оправдал ее политику. Грозное вооружение приближалось к берегам, и она была готова встретить его. Стихии, однако, сражались за нее: вооружение было рассеяно или уничтожено; и враг согласился с тем, чтобы основные предметы спора были переданы на рассмотрение арбитров. Это означало признание Олафа *фактическим* сувереном Дании, каких бы уступок от него ни ожидали взамен. Имело ли место когда-либо это арбитражное разбирательство, не очень ясно: записей о нем нет; тем не менее, есть некоторые основания подозревать, что оно имело место, и что с рассматриваемого периода мекленбургский дом был освобожден от всякой дани уважения светлости Ростока. Что подтверждает этот вывод, так это то, что в течение нескольких лет королевство не беспокоили внешние враги, и регентша была вольна проводить свой политический курс. Этот курс был разумным. Она укрепила связь между Данией и ганзейскими городами; она обхаживала духовенство; она была милостива к баронам; она старалась устранить все предметы раздора и подчинить все распоряжения народа своему правительству.

|с 1380 по 1386 год.|

В 1380 году Хако, муж Маргарет, который был намного старше ее, заплатил долг природы. Таким образом, Олаф, еще ребенок, стал королем Норвегии. Но Хако также был законным наследником шведского престола, и эти права Маргарет решила закрепить за своим законным наследником, своим сыном. Это действительно было главной, постоянной целью ее политики: она объединила два королевства и теперь добавит третье. Огорчение шведского короля было велико. Он боялся, как бы сила двух враждебных королевств не объединилась и не стала роковой для него самого. Чтобы предотвратить этот результат, он прибегнул к военным действиям во время отсутствия Олафа и его матери в Норвегии (1381). Хотя он и совершил некоторый вред, он не произвел особого впечатления на эту страну. Два года спустя он предпринял вторую попытку, но был вынужден отступить. В 1385 году и Олаф, и его мать отправились туда, чтобы утвердить народ в их верности и завоевать его расположение такими знаками благосклонности, какие только могут оказать монархи.

|1386.|

Что касается графов Гольштейнских, то у Маргариты было больше проблем, чем с Альбертом Шведским или принцем Мекленбургским. Эти графы, как мы часто намекали, рассматривали Шлешвик как свое законное наследство; они также не отказались от надежды на престолонаследие после возвращения феода короне из-за отсутствия наследства у покойного герцога Генриха. К удивлению многих, граф Джерард, внук знаменитого принца с таким именем, был официально наделен Олафом этим важным поместьем. В расчленении (ибо акт был ничуть не лучше) столь важной части датского тела, безусловно, было много невежливости; но этот поступок не настолько удивителен и не заслуживает порицания, как утверждают некоторые историки. На самом деле для этого есть веские причины. Джерард, представитель своего дома,

имел, согласно феодальному праву, веские права на престолонаследие. Следовательно, справедливость этого решения будет иметь вес не только среди союзников его дома, но и во всей Германии. Однако на этот важный шаг королевы-матери повлияла не столько справедливость, сколько политика. Неужели ничего не стоило отделить интересы голштинского графа от интересов мекленбургских герцогов? Она хорошо знала, какие усилия предпринимал и продолжает предпринимать Альберт Шведский, чтобы заручиться активной помощью первого. Кроме того, большинство ее подданных и все ее знатные подданные считали, что графа едва ли использовали из-за того, что он был лишен права первородства; и они не были лишены опасений, что, если оставить это в качестве прецедента, это может сыграть им во вред. Но самая веская из всех причин заключается в том, что граф уже *де-факто* был герцогом Слешвицким. Вскоре после смерти Вальдемара III он с помощью своих союзников занял его силой; и поскольку народ был привязан к его правительству, кто должен был лишить его собственности? Конечно, сделать это было не во власти королевы-матери или ее сына. Но хотя штандарт — обычный символ вероисповедания — был вручен Олафом графу и дань уважения выражена в ответ, по этому случаю не было ускорено выдача патентов. Почему? Потому что возник спор относительно условий владения поместьем. Джерард хотел владеть им на тех же условиях, что и его знаменитый предок, а именно. без обязанности военной службы; но с этим желанием Маргарет не согласилась. Таким образом, вопрос остался нерешенным, и это привело, как мы увидим в следующем томе, к обильному пролитию крови. С этим графом Жераром связано одно обстоятельство, заслуживающее внимания: его сестра Хедвига вышла замуж за Теодрика, графа Ольденбургского; и от этого союза произошел Кристиан I., король Дании, основатель прославленного рода, который сейчас восседает на троне.

[1387.]

Через год после этого важного посвящения Олаф, чье телосложение всегда было слабым, заплатил долг природы. Поскольку ему шел всего семнадцатый год, он не оставил потомства и действительно никогда не был женат. Таким образом, опять же, мужская линия вымерла; и править могла только Маргарет, если только (чего никто не предполагал) иностранный дом не будет призван к наследованию. Королева-мать была настолько явно заинтересована в этом событии, что некоторые люди заподозрили ее в том, что она потихоньку сместила своего сына, чтобы править вместо него. Подозрение, действительно, было абсурдным: для него не было и тени основания; но оно соответствовало народной доверчивости и позволяло, как мы покажем ниже, фальшивому Олафу обмануть значительную часть толпы. Францисканцы утверждают, что король, движимый исключительно благочестием, отказался от своего мирского величия и удалился в дом их ордена в Италии, где и умер, благоухая святостью.

После смерти этого монарха Маргарита стала правительницей как Дании, так и Норвегии; и с этого периода вплоть до девятнадцатого века обе короны были объединены на одном челе. Отныне судьбы обоих неразделимы. Нашей следующей заботой должно стать краткое изложение норвежских событий, предшествовавших этому союзу.

Норвегия.

1030—1387.

КАНУТ ВЕЛИКИЙ.—СВЕЙН.—МАГНУС I.—ХАРАЛЬД ХАРДРАДЕ.—ОЛАФ III.—МАГНУС II.—МАГНУС БОСОНОГИЙ.—ПОРОКИ РАЗДЕЛЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА.—РОМАНТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СИГУРДА I.—МАГНУС IV.—ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ.—НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕРРО.—ХАКО IV.—МАГНУС VI.—ЭРИК II.—ХАКО V.—ДРУГИЕ ГОСУДАРИ.—СОЮЗ НОРВЕГИИ С ДАНИЕЙ.

[с 1030 по 1035 год.]

После смерти Святого Олафа^[159] Канут Великий был бесспорным сувереном Норвегии. Забота о трех королевствах была слишком велика даже для его силы, и он доверил управление Норвегией вместе с королевским титулом своему сыну Свейну, которому в своей последней воле он завещал корону. Но Свейну не нравились его новые подданные. Независимо от унижительного осознания того, что он не принадлежал к их собственной расе, а был навязан им в результате завоевания, его собственное поведение не было таким, чтобы устранить предубеждение против него. То, что при распределении феодальных владений и почестей он отдавал предпочтение датчанам, достаточно вероятно; то, что он не испытывал привязанности к людям, которые его ненавидели, также верно; но если бы его беспристрастие было строгим, а его добродетели неоспоримыми, он никогда не смог бы основать династию в этой стране. Только страх перед его отцом, величайшим монархом своего времени, удерживал их в повиновении; и как только они услышали о смерти этого монарха, они посмотрели на Магнуса, сына Святого Олафа, который в то время был изгнанником в России.^[160]

[1035.]

Магнус, как мы уже сообщали ранее,^[161] был внебрачным сыном этого странного святого от его наложницы Альфхильды. Он сопровождал своего отца в изгнании в Хольмгард и оставался там во время неудачной экспедиции этого отца в Норвегию. Оставшись сиротой, он был хорошо принят своим хозяином, великим князем Русским. Здесь он получил известие о смерти Канута, о непопулярности Свейна и о тревоге, с которой ожидали его возвращения. Прибыв в Швецию, он был с почетом принят Эмундом и его мачехой Астрид^[162], сестрой этого монарха. Благодаря ее влиянию небольшая, но решительная группа вооруженных людей сопровождала его в Норвегию. Когда он перевалил через горы в Дронтхайм, приверженцы Свейна в большой тревоге бежали в южные провинции; и сам Свейн последовал его примеру. Продвигаясь вперед, Магнус получил множество свидетельств народной доброй воли. В Нидаросе, столице, его встретили с энтузиазмом. На торжество, собравшееся по этому случаю, стеклось множество людей, дружественных его делу; и там он был торжественно избран королем.

[1035, 1036.]

Первой заботой Магнуса I. было вознаградить своих последователей, передав им правительства, которые были у сторонников Свейна. Следующим его шагом было собрать войска и выступить против своего соперника. Чтобы отстоять свои права, последний,

находившийся тогда в Хадаланде, разослал стрелы войны во все стороны; и многие поспешили на его зов. В разгар собрания он спросил, готовы ли они присоединиться к нему в сопротивлении Магнусу. Некоторые выразили свое согласие; некоторые открыто отказались; большинство колебалось; но недовольство его делом было настолько очевидным в большом собрании, что он объявил о своем решении искать более верных защитников. Покинув Норвегию, он отправился в Данию, где в том же году скончался. Харда-Канут, как мы уже рассказывали, претендовал на корону Норвегии; но военные действия были прекращены странным договором, согласно которому, если один из них умрет бездетным, он унаследует владения другого.

[с 1038 по 1040 год.]

Астрида, вдова Святого Олафа, сопровождала Магнуса в Норвегию; и помощь, которую она ему оказала, была такова, что он с благодарностью поселил ее в своем дворце, оказывая ей величайшие почести. Но в то же время он послал за своей матерью Альфхильдой, к которой относился с большей любовью, но с меньшим почетом. Возмущенная таким различием, она настаивала на большем, чем равенство, которое Астрида не желала признавать, и две дамы больше не могли проживать в одном доме. В своем королевстве Магнус имел больше влияния, чем во дворце, он эффективно восстановил спокойствие и стал популярным. О его покойном отце рассказывали о чудесах. Простого сообщения было достаточно: он притворился, что верит в это; он хорошо знал, какая честь будет ему оказана благодаря его происхождению от святого; и он распорядился поместить мощи царственного мученика в великолепный ларец и выставить на всеобщее обозрение верующих.

[с 1042 по 1046.]

После смерти Харда-Канута Магнус, в соответствии с заключенным между ними договором, отправился в Данию, чтобы вступить во владение тронem. Его притязания, как мы уже отмечали, были признаны его новыми подданными. Мы рассказали о его сделке со Свейном, сыном Эстрит, сестры Канута, и основателем династии королей, более трех столетий просидевших на датском троне. Нам также нет необходимости снова возвращаться к его сделкам с Харальдом по прозвищу Хардрад, или Стерном, которого он признал причастным к управлению королевством. Мало кто в его обстоятельствах мог бы поступить более мудро, и все же, при всей своей мягкости, он был твердым сторонником своих собственных прав; и не раз он заставлял своего замечательного коллегу почувствовать, что между ними существует дистанция.^[163]

[1047.]

Кончина Магнуса последовала сразу же за его успешной экспедицией в Данию, чтобы отомстить за восстание Свейна. Сын святого едва ли мог покинуть мир без какого-либо проявления божественной милости. Во сне ему явился его отец Олаф и приказал ему сделать выбор между двумя предложениями — либо умереть и присоединиться к умершему королю на небесах, либо жить самым могущественным из монархов, но совершить какое-нибудь преступление, за которое он вряд ли мог рассчитывать на божественное прощение. Он немедленно выбрал первый вариант и немедленно заболел болезнью, результат которой, к великому сожалению его народа, оказался фатальным. Он был великим и добрым принцем, настолько превосходившим своего отца интеллектом и моральными достоинствами, насколько один человек может быть выше другого. Мы отдали должное его сдержанности по отношению к

Харальду, своему коллеге, и Свену Датскому; но, если верить Снорро, он проявил не меньшую сдержанность по отношению к нашему Эдуарду Исповеднику. Очевидно, что он был не лишен честолюбия; и как наследник датского престола, по своему договору с Хардакнудом, королем Англии и Дании, он претендовал после смерти этого монарха на все государства великого Канута. Эдвард дал энергичный ответ, справедливость которого он признал своим бездействием.

[с 1047 по 1064 год.]

После смерти Магнуса Доброго Харальд Хардраде стал бесспорным королем Норвегии. Он также стремился к датскому трону, с которого пытался свергнуть своего бывшего союзника Свейна. Мы уже рассказывали о его беспорядочных операциях и решающей победе над датчанами в 1062 году. Два года спустя был заключен мир, но ни одна из сторон не получила постоянного преимущества.

[1066.]

После смерти Эдуарда Исповедника и восшествия на престол Харальда, сына графа Годвина, норвежский монарх выступил с оружием в руках против этого узурпатора. Честолюбие, которое могло подтолкнуть его к такому предприятию, было не очень умеренным; но оно было характерно для этого короля, чье раннее знакомство с опасностями и чьи дикие приключения на Востоке и Севере придали ему уверенности в успехе. Если бы англичане не были благосклонны к сыну графа Годвина, они вряд ли могли быть благосклонны к *нему*; и надежда на победу, когда на поле боя выступал такой доблестный соперник, как Вильгельм Нормандский, любому менее отчаянному человеку показалась бы тщетной. Результат известен каждому читателю английской истории: на "Стэмфорд-Бридж" Харальд нашел могилу.

[с 1066 по 1069 год.]

С роковых берегов Англии Олаф III, сын Харальда, вернулся в Норвегию вместе со своим братом Магнусом II. был избран в правительство. Первому принадлежали восточные, второму - северные провинции королевства. Через три года Магнус выплатил общий долг, и Олаф стал единовластным монархом.

[с 1069 по 1093 год.]

Правление Олафа было мирным, и он приложил все усилия к цивилизации своего королевства. Он первым ввел в домах дымоходы и стеклянные окна; он основал торговый центр в Бергене; и ему мы должны приписать создание гильдий, или торговых братств, по образцу тех, что существуют в Германии и Англии. Его также следует похвалить за гуманность по отношению к подневольному классу: он ввел в действие национальный закон, согласно которому в каждом округе Норвегии крепостной должен ежегодно получать избирательные права. Для церкви он был щедрым покровителем. В Нидаросе, или Дронтхейме, он начал строить каменный собор, предназначенный для размещения священных реликвий его предка. "Этот город, " говорит Адам Бременский, современник Олафа Тихого, " столица норманнов. Он украшен церквями, и его часто посещают многочисленные толпы людей. Здесь покоится тело святого короля и мученика Олафа, у могилы которого ежедневно совершаются чудеса: сюда из самых отдаленных стран стекаются паломники к его святыне, чтобы разделить его благословенные заслуги. До настоящего времени не существовало фиксированных ограничений для епархий в

Норвегии и Швеции. Любой епископ, по желанию короля и народа, может построить церковь в любом округе и управлять теми, кого он обратит, до дня своей смерти”. Эти региональные епископы, как их называют, переезжали с места на место, крестя и проповедуя по ходу дела; и, несомненно, это более полезная, более апостольская практика, чем та, которая преобладала с тех пор.

[с 1093 по 1095 год.]

Магнус III по прозвищу *Барфут*, или Босоногий, наследовал своему отцу Олафу III. Сначала его признали южные провинции: в северных ему противостоял Хако, племянник покойного короля. Хотя смерть вскоре избавила его от этого соперника, только армия могла заставить эти провинции принять его.

[с 1096 по 1099 год.]

Это был первый норвежский монарх после Святого Олафа, посетивший Оркнейские острова. Он отправился наказать ярлов этих островов, которые отказались от своей верности ярму Норвегии. Этими ярлами были Эрлинг и Пауль, которых он взял в плен и отправил в свое королевство. Оставив своего сына Сигурда в правительстве с подходящими советниками, он опустошил Сазерленд, который был частью ярлдома и феодально зависел от шотландской короны. Отправившись на Гебридские острова, он подчинил себе и их. Его поведение на Ионе сильно отличалось от того, которого придерживались его языческие предки. Он проявил большое почтение к памяти С. Коломбе и большую приветливость к жителям всех подчинившихся островов. Следующим был сокращен Илай, затем Кантир. За этими успехами последовали грабительские набеги как на ирландском, так и на шотландском побережьях. В большинстве мест сопротивление было незначительным, но завоевание Англси не могло быть осуществлено без сражения. Два валлийских вождя, обоих звали Хью, стойко сражались за свою независимость. Один из них, Гуго Великодушный, был так закован в доспехи, что были видны только два его глаза: Магнус пустил стрелу в один глаз, а норвежский воин - в другой; и после доблестной борьбы победа была за норманнами. Нам говорят, что весь остров признал короля; но ни один читатель не поверит этому заявлению. Правда, по-видимому, заключается в том, что он заставил некоторых вождей проявить почтение к их соответствующим владениям; но они вновь заявили о своей независимости в тот момент, когда он покинул берега. Более вероятно другое утверждение северных хронистов о том, что он вынудил Малькольма Шотландского уступить ему суверенитет над всеми островами, от Оркнейских до Мэна. Из этой экспедиции он вернулся в 1099 году. Ее результаты были ценными: Гебридские и Оркнейские острова теперь принадлежали ему. Владение первым действительно было недолгим и ненадежным; но вторые долгое время находились в подчинении его преемников.

[с 1099 по 1101 год.]

Следующей войной этого беспокойного принца была война со своим соседом Инге, королем Швеции. Она возникла из-за спора о границе и бушевала в течение двух лет с переменным успехом, пока при посредничестве Эрика, короля Дании, не был восстановлен мир. По этому случаю Магнус женился на принцессе Маргарет, дочери Инге.

[с 1102 по 1103.]

В течение года после этого умиротворения Магнус, предприимчивость которого была воодушевлена его недавними успехами, снова отплыл в Ирландию с намерением подчинить если не местных королей, то тех, кто был скандинавского происхождения. В тот период на острове находилось несколько таких княжеств. Высадившись на побережье Коннахта, король которого Мердок был его знакомым и союзником, он заключил союз с этим вождем и подчинил Дублинское королевство. Следующую зиму он провел в Коннауте, а когда наступила весна, сел на корабль, чтобы вернуться. Медленно проплывая вдоль побережья Ольстера, он послал группу своих последователей на поиски провизии, то есть добычи. Поскольку их пребывание оказалось гораздо более длительным, чем он ожидал, он высадился с небольшим отрядом и с трудом пробрался через болота. Наконец к нему присоединились фуражиры, и он возвращался к своим кораблям, когда попал в засаду, приготовленную для него туземцами. Его легко было узнать по сверкающему шлему и нагруднику, а также по золотому льву на красном щите — гербу норвежских королей. Приказав одному из своих вождей с отрядом лучников очистить болото, а с другой стороны осыпать врага их стрелами, чтобы прикрыть и его проход, он сражался с отчаянием. К несчастью, вождь, на которого он так полагался, бежал, и за ним последовали остальные. Таким образом, Магнусу с горсткой людей пришлось выдерживать атаки множества врагов. Все, что могла сделать доблесть, было сделано им; но борьба была слишком неравной; и, получив несколько ран, он пал. Его сторонники отступили, оставив его труп в руках врага. Так погиб монарх, чья доблесть и постоянство сделали его равным древним героям Севера. Среди воинственных людей он был любим, но среди широких слоев населения, которых он облагал большими налогами, чтобы покрыть расходы на свои частые экспедиции, он не был любимцем. О его характере лучше всего можно судить по ответу, который он дал своим придворным, выразившим опасение, что продолжающиеся войны могут оказаться для него фатальными: “Для народа лучше иметь храброго, чем старого короля”.

[1103.]

После смерти Магнуса III Норвегия была разделена между тремя его сыновьями. Сигурду достались южные провинции с шотландскими островами, которыми он управлял через своих ярлов. Эйстейн I. правил Севером. Олаф IV. владел центральными и восточными провинциями. Все они были детьми, когда вступили на престол: старшему, Эйстейну, было всего пятнадцать; а Олаф был так молод, что в течение нескольких лет его частью монархии управляли его старшие братья.

[с 1103 по 1122 год.]

От двух из этих королей можно отказаться без особого внимания. Эйстейн отличался благоразумием и полезными постройками, которыми он украсил свою часть королевства. Он возводил каменные церкви и дворцы, которые были новинкой на Севере. Он хорошо разбирался в истории и законах и покровительствовал литераторам, особенно Скальдам. Олаф был самым любимым из троих; но он умер в 1116 году, и его владения были разделены братьями. Эйстейн никогда не был в открытой войне с Сигурдом; но два брата едва ли могли быть горячими друзьями; и хотя мы читаем об их спорах, мы удивляемся, что в королевстве могло царить такое спокойствие. В 1122 году он испустил дух, и Сигурд стал монархом Норвегии.

[с 1107 по 1111.]

Имя Сигурда I. прославлено в анналах Севера как его паломничеством в Иерусалим, так и подвигами во время путешествия. Помощь в освобождении святых мест из рук неверных могла бы обогатить предприимчивого монарха и, несомненно, открыла бы ему врата рая. Под влиянием этого двойного преимущества и надежды на добычу по пути Сигурд с шестьюдесятью кораблями отплыл с Севера. Первую зиму он оставался в Англии, и его гостеприимно принимал наш Генрих I. Вторую зиму, по крайней мере большую ее часть, он провел возле святилища Сантьяго в Галисии: он был паломником, не меньше, чем поборником креста. По пути в Лиссабон он захватил несколько неверных каперов и разрушил несколько мавританских поселений на побережье, особенно одно в Цинтре. Всех, кто отказывался креститься, он предавал мечу. Лиссабон, согласно северным хронистам, был разделен на две части, одну населяли мавры, другую - христиане. На первый он напал, захватил его и с большой добычей двинулся через Гибралтарский пролив в поисках новых приключений. Пройдя эти проливы, он победил целый флот неверных, и это была пятая битва с тех пор, как он покинул Норвегию. Напрасно мусульманские пираты на африканском побережье сопротивлялись ему: его доблесть превзошла все. Высадившись на Сицилии, он был великолепно принят Рожером, правителем острова, изгнавшим сарацин. Роджер был норманнского происхождения: он помнил землю своих предков и так далеко простирал свою добрую волю, что настоял на том, чтобы прислуживать Сигурду за столом. Продолжая свое путешествие, он высадился в Акре и направился в Иерусалим, где предложение своего меча было самым желанным для Болдуина. От этого короля он получил то, что считал ценным сокровищем, — осколок истинного креста, который он обещал поместить в усыпальницу святого Олафа. Он также пообещал, по просьбе своих новых друзей, учредить архиепископскую кафедру в Норвегии, строить церкви и обеспечить уплату десятины. Его последним подвигом в этих краях было участие в осаде Сидона; и когда этот город был взят, половина добычи перешла к нему. Когда он возвращался через Константинополь, греческий император оказал ему благородный прием; но многое из того, что рассказывают северные летописцы, носит следы вымысла. Таковы открытие золотых ворот; устилание улиц коврами; три больших подарка, сделанные ему Алексием, с их немедленным распределением среди последователей Сигурда; и дар последнего из его шестидесяти кораблей Алексису. Подобные басни могут удовлетворить воображение северянина, но история может сказать только, что в 1111 году король прибыл в Норвегию после четырехлетнего отсутствия.

[с 1111 по 1123 год.]

Несомненно, что эта замечательная экспедиция сделала Сигурду большую честь: с тех пор его очень почитали по всему Северу. Он женился и приступил к выполнению государственных обязанностей, особенно к искоренению идолопоклонства. Его экспедиция (предпринятая по просьбе датского короля) против жителей острова Смоланд была близка его чувствам. Они приняли христианство, но, как и многие другие части скандинавского населения, вернулись к идолопоклонству. Даже в Швеции были свои язычники и отступники, некоторые тоже королевского достоинства.^[164] Велико было наказание, которому Сигурд и его союзник Николай подвергли побежденных ими язычников; но милосердие к неверным, а тем более к отступникам, не входило в их вероучение.

[с 1124 по 1130 год.]

В последние дни жизни Сигурд, похоже, иногда терял рассудок, или, возможно, его посещал какой-то телесный недуг, который придавал ему вид безумия. Но он никогда не отказывался от королевских обязанностей. Одной из его последних забот было укрепить Конгеллу на реке Гота, украсить ее прекрасной готической церковью и поместить в это священное сооружение несколько картин, которые он привез с Востока. Но при всей его привязанности к церкви, он не был лишен своих проступков. Одним из наиболее известных из них было то, что он уволил свою королеву, чтобы освободить место для наложницы по имени Цецилия, на которой он решил жениться. По этому случаю было устроено большое развлечение, и в Бергене собралось много гостей. Епископ округа, услышав об этом намерении, поспешил в город и обвинил короля в том, что он бросил одну жену, чтобы взять другую, когда против первой не было выдвинуто никаких обвинений и, следовательно, не было возможности аннулировать брак. Велик был гнев Сигурда, который держал в руке обнаженный меч и в какой-то момент, казалось, был готов вонзить его в шею прелата. Если он до такой степени сдерживал свою страсть, что уходил, значит, он упорствовал в своем замысле, и союз был отпразднован. Правда в том, что его сердце было так привязано к этой девушке, что никакие земные соображения не могли заставить его покинуть ее. Некоторое время спустя он был поражен своей последней болезнью, которая многими была расценена как кара Небес за его преступление. Его придворные уговаривали его уволить ее; и она из уважения к нему — чтобы спасти его от нового чувства вины — действительно хотела уйти от него. Он был так привязан к ней, что не мог дать своего согласия на разлуку. Однако она ушла, и вместе с ней ушло единственное утешение, которое ему оставалось. Через несколько дней его больше не было. Незадолго до своей смерти он добился признания своего сына Магнуса своим преемником и заставил штаты поклясться, что они будут повиноваться ему.

[1130.]

Начиная со смерти Сигурда I. и заканчивая союзом Норвегии с Данией, в истории бывшей страны мало что могло бы нас заинтересовать. В течение всего двенадцатого века мы не видим ничего, кроме анархии и кровопролития, вызванных спорами за трон. В стране, где незаконность не была препятствием для наследования престола и где разделение суверенной власти было частым явлением, не могло не быть многочисленных кандидатов. Сигурду I наследовал его сын Магнус IV, которому, как мы уже рассказывали, государства королевства присягнули на верность перед смертью Сигурда. Вскоре стало ясно, насколько мало можно было полагаться на такую гарантию. Во времена правления предыдущего монарха авантюрист Харальд Гилле утверждал — вероятно, справедливо, — что он был побочным сыном короля Магнуса Босоногого. Поскольку он не смог представить никаких удовлетворительных доказательств этой связи, пришлось прибегнуть к решению Небес, и его заставили пройти через девять раскаленных лемехов. Это испытание, просто для того, чтобы доказать его происхождение, считалось суровым; но он не уклонился от него и, ведомый двумя епископами, выдержал его невредимым. Сопrotивляться божественному соизволению было невозможно, и притязания Харальда были разрешены даже Сигурдом при условии, что он не будет настаивать на преимуществе, на которое давало ему право его родство, до смерти своего сына Магнуса IV. Едва, однако, этот Магнус унаследовал трон, как Харальд выступил вперед, чтобы заявить о своих правах; и, судя по количеству, не меньшему, чем влияние тех, кто поддерживал его интересы (среди них были короли Дании и Швеции), у него были все основания надеяться на гражданскую войну. В этой чрезвычайной ситуации Магнус согласился на раздел королевства в тот самый год, когда он вступил на престол.

[с 1130 по 1152 год.]

[1134.]

[1136.]

Харальд IV. по характеру и манерам сильно отличался от своего коллеги Магнуса. Он был мягким, поскольку последний был суров, и щедрым, поскольку последний был скуп. Поэтому он стал любимцем народа. Это обстоятельство, вероятно, вызвало зависть Магнуса, который во главе множества сторонников выступил против него, победил его и вынудил покинуть королевство. Прибыв ко двору Эрика Эмунда, короля Дании, он был хорошо принят этим монархом, “потому что они были братьями по оружию”. С запасом денег и людей, предоставленных ему щедрым хозяином, он вернулся в Данию и скорее застал Магнуса врасплох, чем победил, отправив его в монастырь и лишив зрения. Таким образом, теперь он был монархом Норвегии. Но его правление было недолгим. Город Конгелла, который Сигурд укрепил и украсил столь великолепной церковью, был взят славянскими пиратами: он был полностью разграблен, а жители уведены в плен. За это бедствие Харальд подвергся порицанию: его обвинили в бездействии при отражении захватчиков; и даже большая часть его сторонников покинула его. В таком состоянии он был убит. Печальной иллюстрацией духа времени служит тот факт, что убийца Сигурд также признал Магнуса Босоногого своим отцом. Из этого кровавого деяния он не извлек никакой выгоды. Нация не признала его притязания, но провозгласила двух сыновей убитого короля, Сигурда II (1136-1155) и Инге I. (1136-1161). Оба, однако, были детьми; и их неспособность защитить себя привела к гражданской войне. Сигурд, их предполагаемый дядя, убийца их отца, собрал войска и опустошил страну. Чтобы укрепить свою партию, он заключил союз с Магнусом Слепым, которого он вывел из монастыря; но тот потерпел поражение и был вынужден бежать. Вскоре оба заручились помощью датского короля Эрика; но фортуна по-прежнему была неблагоприятна: в битве Магнус погиб, а неугомонный Сигурд тоже попал в плен и впоследствии был казнен. Хотя таким образом были устранены два врага, королевские братья, Сигурд и Инге, часто враждовали; и вскоре к Эйстейну II (1142-1157), младшему брату, который, вернувшись из Шотландии в 1142 году, получил третью часть королевства, добавился третий зачинщик. В стране не было и не могло быть никакого спокойствия. Жалобы, взаимные обвинения, ссоры, предательство, кровопролитие сменяли друг друга, когда прибытие папского легата, кардинала Альбано, приостановило на время кровавые действия этих князей.

[1152.]

Этим легатом был Николас Брейксспир, наш соотечественник, который впоследствии вззошел на папский престол как Адриан IV. Его миссия состояла из двух частей — восстановить мир между неестественными братьями и учредить архиепископство. Норвежские монархи давно требовали собственного примаса, вместо того чтобы зависеть от архиепископов Лунда. В обоих делах он преуспел. Три короля сложили оружие, объединившись в проявлении высочайшего уважения к легату, и с радостью наблюдали за созданием митрополичьей кафедры в Тронхейме, юрисдикция которой распространялась не только на Норвегию, но и на Исландию, Гренландию, Фарерские острова, Шетландские острова, Оркнейские острова, Гебридские острова и Ман. Взамен вожди и народ с готовностью согласились платить дань в размере пенсов Петра. Было много реформ, которые этот благонамеренный сановник пытался провести. Он ввел больше приличий в публичное богослужение; он обязал духовенство больше уделять

внимания своим обязанностям и меньше вмешиваться в светские дела; и внушил новому архиепископу необходимость строгого контроля за нравственностью своей паствы. Пытаясь навязать священническое безбрачие, он не встретил столь быстрого согласия; но никто не осмеливался открыто сопротивляться ему. Другому из его мер мы должны воздать гораздо более высокую оценку. Видя, что кровопролитие на протяжении многих царствований омрачало работу земского собрания, или провинциального собрания, он убедил вождей пообещать, что в будущем они не будут присутствовать на нем с оружием в руках. Даже короля должны были сопровождать только двенадцать вооруженных людей — исключение, соответствующее не столько его достоинству, сколько необходимости приводить в исполнение судебные приговоры. Для англичанина поведение кардинала Альбано в этой миссии вызывает удовлетворение. Норвежцы уважали его не меньше. “В некоторых других отношениях, - замечает Снорро, - он изменил обычаи и манеры народа за время своего пребывания; так что никогда еще чужеземец не приходил в страну, более почитаемую или более любимую принцами и их подданными”.

[с 1153 по 1161 год.]

Если господство кардинала восстановило мир, то за его уходом немедленно последовала новая борьба между двумя братьями. Эйстейн не принимал в них участия, потому что ушел в пиратскую экспедицию. Говорят, что он опустошал восточные побережья нашего острова, от Оркнейских островов до Хамбера. Вскоре после своего возвращения он вступил в заговор с Сигурдом, чтобы убить их брата Инге. В 1155 году Сигурд и Инге встретились на Турнире в Бергене, и хотя они не могли сразаться из-за отсутствия оружия, и они, и их последователи относились друг к другу со смертельной ненавистью. Едва было распущено собрание, как Инге, прослышавшая о заговоре с целью его смещения, решила предотвратить это, напав на Сигурда, и после ожесточенного противостояния последний пал. На следующий год Инге и Эйштейн, которые все еще были настроены враждебно, встретились, чтобы согласовать условия мира; но это было скорее перемирие, чем мир, и через несколько месяцев оно было нарушено обеими сторонами. Они двинулись навстречу друг другу с решимостью решить свою ссору мечом; но Эйстейн, который был непопулярен, был покинут большинством своих последователей и вынужден искать убежища в горах Викии. Там его преследовала Инге, он был предан в лесу и предан смерти одним из мирмидонов своего брата. Таким образом, благодаря этому поступку Инге стал монархом страны. Но вскоре у него появился конкурент в лице Хако III, сына Сигурда II, которого партия Эйстейна провозгласила королем (1157). Четыре последующих года были годами гражданской войны. Хако, совсем ребенок, был изгнан в Готланд. В следующем сезоне он вернулся и осадил Конгеллу; но он снова потерпел поражение и был вынужден вернуться в Швецию. Однако в начале 1159 года он прибыл в Дронтхайм, где нашел приверженцев. С тридцатью кораблями он опустошил берега, защищавшие Инге; но в большом морском сражении он был разбит этим королем, хотя и не без значительных потерь для победителя. Вернувшись в Дронтхайм, где он провел зиму, он подготовился к следующей кампании. Это не было решающим, но в 1161 году Инге, преданный своими собственными последователями, пал в битве с Хако.

[с 1161 по 1164 год.]

Можно было бы ожидать, что к этому событию Хако останется бесспорным сувереном Норвегии. Но норвежцы в этот период, по-видимому, мало стремились к монархии; и Магнус V (1162-1186) был возведен партией покойной Инге на северный трон. Магнус был внуком Сигурда I. И одной

из его обязанностей, по мнению the times, было отомстить за убийство своих сородичей. Однако, поскольку он был всего лишь ребенком, правительством управлял его отец Эрлинг. Эрлинг по браку приходился родственником датскому монарху, от которого он получил помощь в противостоянии враждебности Хако. Благодаря этой помощи он стал победителем; Хако пал (1162), и, следовательно, Магнус остался единственным оставшимся королем. Действительно, у него был соперник, Сигурд, сын Сигурда II; но немногим более чем через год этот соперник был сокрушен неумолимым Эрлингом. Чтобы подтвердить власть своего сына религиозной санкцией, Эрлинг попросил примаса короновать его. Архиепископ согласился при условии, что Норвегия должна рассматриваться как вотчина Святого Олафа; что после смерти каждого монарха корона должна быть официально предложена святому в соборе; что представитель святого, архиепископ того времени, должен получить ее; что от каждой епархии епископ, аббаты и двенадцать вождей должны собраться, чтобы назначить преемника, и что санкция примаса должна быть необходима, прежде чем кто-либо сможет стать законным королем Норвегии. То, что значительное сокращение числа выборщиков было политическим, оспорить невозможно; и, вероятно, это было одной из причин, побудивших архиепископа ввести столь экстраординарное нововведение. Но еще большим, без сомнения, было превосходство, которое церковь таким образом приобрела бы над государством. Предложение было принято, и Магнус, которому тогда было всего восемь лет, был торжественно коронован Эйстейном в присутствии папского легата.

[с 1164 по 1170 год.]

Помощь, оказанная датским королем, не была безвозмездной. В обмен на это Эрлинг пообещал провинцию Викия (Виген), и Вальдемар (первый носивший это имя) теперь требовал выполнения этого обещания. Его положение было критическим. У него не было власти передать эту провинцию, и если он попытается это сделать, результатом должно было стать его собственное уничтожение и уничтожение его сына. И все же, если он ничего не предпримет, он должен ожидать встречи с этим грозным монархом. Чтобы избежать этой дилеммы, он созвал штаты и изложил им предложение Вальдемара: они с негодованием отказались принять датское иго. Последовала открытая война, но благодаря политике Эрлинга вскоре за ней последовал мир. Он тайно пообещал владеть Викией с титулом ярла в качестве датского феода; и, в случае неудачи с потомством у его сына, подчинить все королевство той же короне.

[с 1166 по 1169 год.]

Ни санкция церкви, ни энергия его отца, ни даже его собственные добродетели не могли отвратить Магнуса от обычной участи норвежских королей - открытого мятежа и соперничества за трон. Следующим, кто нарушил его спокойствие, был Олаф, внук Эйстейна II. Провозглашенный горцами королем, Олаф имел славу победить регента; но, в свою очередь, он потерпел поражение, и был вынужден бежать в Данию, где и умер в следующем году (1169).

[с 1173 по 1177 год.]

Следующим был более грозный соперник в лице Эйстейна, принца из той же семьи. Став во главе недовольных, изгнанных, объявленных вне закона, этот принц стал главарем разбойников и опустошал провинции на границах Швеции. По мере того как росло число его последователей, росла и его смелость, пока с небольшим флотом он не отплыл в Нидарос,

который покорил. Здесь он убедил или вынудил народ избрать его королем (1176). В следующем году он проник в центральные провинции, у которых был выбор: либо принести дань уважения, либо испытать на себе все бедствия опустошения. В 1177 году, через четыре года после начала своей авантюрной карьеры, он встретился с Магнусом на поле боя и потерпел поражение. Его последователи поспешили в Швецию, восточные провинции которой все еще были языческими и слабо связанными с короной. Ему повезло меньше: он был убит во время бегства.

[с 1174 по 1178 год.]

Персонажем, отличным от любого из предыдущих, и более успешным в достижении своей цели, был следующий авантюрист, Сверро, чья карьера связана с романтикой. Его мать, Альфхильда, была наложницей Сигурда II, и он был причиной этой связи. После смерти Сигурда она стала женой кузнеца — ремесло, пользующееся высокой репутацией на Севере, — и переехала со своим мужем и сыном на Фарерские острова. Юный Сверро был создан для церкви, и по достижении двадцати пяти лет он принял духовный сан. Теперь, впервые, мать открыла ему тайну его рождения. Гораздо мудрее было бы ей поступить, если бы она хранила это у себя на груди, ибо как только молодой священник узнал об этом, он предался честолюбивым мечтам. Поскольку наш сон - это всего лишь образы наших мыслей наяву, ему приснился сон, который, казалось, предсказывал его будущее величие. Он упомянул об этом своему другу, который пообещал ему архиепископство Дронхейма. Но ему не нравилось церковное государство; и мысленно он интерпретировал это по-другому. Побуждаемый честолубием, он покинул безвестные острова, на которых так долго был заточен, и отправился ко двору Магнуса. Его ученость и воинственная внешность произвели благоприятное впечатление на регента Эрлинга; и он тоже так восхищался энергичным управлением этого вождя, что, отчаявшись совершить переворот, удалился в шведскую провинцию Вермеланд. Вероятно, его замысел состоял в том, чтобы прокормиться грабежом на службе у одной из тех разбойничьих банд, которые так часто встречаются на границах двух королевств. Поначалу, однако, его перспективы были мрачными, и в своем беспокойстве он решил отправиться в паломничество в Иерусалим, когда отряд, которым командовал Эйстейн, попросил его стать их предводителем. После некоторых колебаний он согласился, получил королевский титул и возможность выступить в поход.

[с 1178 по 1186 год.]

Первые попытки этого авантюриста были смелыми, но безуспешными. В походе по южным провинциям к нему действительно присоединилось несколько сотен сторонников, в основном бандитов; но когда он двинулся на север, где у Магнуса и Эрлинга была резиденция правительства, большинство его сторонников покинули его: предприятие было слишком отчаянным даже для них. С большим трудом ему удалось спастись, проникнув через горные перевалы в Вермеланд. Чтобы спастись от преследования своих врагов, не меньше, чем для пополнения своей численности, следующей весной он углубился в обширные леса современной Делекарлии, тогда называвшейся Ярнбераланд, или земля Железных существ. Жители мало что знали о шведских королях, или об остальном мире, или о христианстве; но они знали цену свободе; и, опасаясь, что он пришел, чтобы лишить их ее, они приготовились к решительному сопротивлению. Однако ему не составило труда убедить этих сынов леса, горы и реки, что у него нет никакого умысла против них — что ему нужны гостеприимство, проводники и войска. Из последних он, по-видимому, ничего не добился; но его хорошо развлекли и проведлив

Джамтланд, где был набран его маленький отряд. Трудности, которым он подвергся в этой экспедиции, — холод, голод, усталость — заставили его решиться на какое-нибудь предприятие, успех которого избавил бы его от этого жалкого образа жизни. Внезапно появившись перед Дронтгеймом, он надеялся застать это место врасплох, но получил отпор и снова был вынужден искать убежища в горах. Следующей его целью было увеличить число своих последователей; и поскольку он или некоторые из его окружения были хорошо знакомы с убежищами бандитов в непроходимом лесу и недоступной пещере, он добился значительного приобщения. Но самым ценным приобретением был отважный отряд лучников-крестьян из Теллмарка. Вновь появившись у ворот столицы, он разбил небольшую армию Магнуса и захватил знамя Святого Олафа. Поскольку и король, и регент находились в Бергене, их обычном месте жительства, он пробился в город, собрал жителей провинции и был провозглашен королем! Его задача, однако, не была выполнена и наполовину. Многочисленная партия, включая всех церковников, примкнула к Магнусу; и вскоре он был изгнан из Дронтхайма, чтобы искать убежища в его горных твердынях. Но с этими революциями он теперь был знаком: он знал, как набирать свои силы — наступать, когда была перспектива победы, — отступить, когда опасность была очевидна. В течение двух лет гражданская война бушевала с неистовством, и чередования триумфа и поражения быстро сменяли друг друга. Наконец, Сверро внезапно спустился с гор и победил регента и его сына, оставив первого мертвым на поле боя. Магнус бежал, но только для того, чтобы вернуться с другой армией. Второе сражение, однако, было не более удачным, чем первое; его армия была уничтожена или рассеяна; и он был рад найти убежище в Дании, в то время как архиепископ бежал в Англию. Датский монарх снабдил Магнуса вооружением, с помощью которого он снова боролся за трон, но не с большим успехом. Во второй раз он отправился в ту страну за помощью и снова сражался с узурпатором. Как и в двух предыдущих случаях, победа была за Сверро: его соперник бежал и погиб в волнах. Он не был одним из тех диких вождей, которыми восхищалась древняя Норвегия и о которых некоторые из ее современных сыновей просили бы нас упоминать с уважением. Если религия не сильно улучшила его душу, то образование очеловечило ее. К последователям Магнуса он проявлял большое милосердие. Он распорядился о пышном погребении павшего монарха в Дронтгеймском соборе; и он сам, в соответствии с древним обычаем, произнес надгробную речь о покойном, добродетелям которого, теперь, когда у него не было причин их опасаться, он воздал искренние почести.

[с 1186 по 1194 год.]

Таким образом, Сверро (1186-1202) получил объект своих амбиций, но он не мог рассчитывать сохранить его в покое. На самом деле, все его правление было борьбой за сохранение того, что он с таким трудом приобрел. Архиепископ Эйстейн из Англии обрушил громы церкви на голову священника-отступника; но обещание короля, что он изложит свое дело папе римскому и понесет такую епитимию, какую наложит его святейшество, побудило примаса вернуться и возобновить свои митрополичьи функции. Большая часть его внимания была направлена на расширение и благоустройство своего собора, который он хотел соперничать с самыми великолепными готическими сооружениями Европы. Король оказал ему значительную помощь в достижении этой цели; но он дожил только до того, чтобы закончить хор. Остальное было завершено архиепископом Сигурдом в 1248 году. Тогда это было очень респектабельное сооружение. Главный алтарь, украшенный дорогой серебряной ракой с мощами святого Олафа, которую посещали паломники со всех концов Севера, имел великолепный вид. Сверро, без сомнения, ожидал, что своей щедростью в этом случае он привлечет на сторону своего

правительства большую часть духовенства; но он отказался принять корону как феодал святого Олафа, то есть примаса; и этот мятеж перечеркнул все его другие заслуги. Осознавая влияние, которое оказывал примас на народ, после смерти Эйстейна он попытался добиться избрания преемника, разделяющего его взгляды; но вопреки его влиянию этим преемником стал один из его врагов, Эрик епископ Ставенджерский, который был теплым другом Эрлинга и Магнуса. Из рук нового примаса он потребовал проведения церемонии коронации, но Эрик отказался, и за это был подвергнут суровому порицанию. Следует, однако, помнить, что он не мог короновать отлученного от церкви принца. Это наказание Сверро понес за различные преступления — покинув алтарь без разрешения своего диоцеза, пролив кровь во главе бандитов, приняв корону без секуляризации и взяв жену. Ни епископ, ни митрополит не могли отпустить ему грехи: только папа был правомочен обходиться без авторитета канонов. В отместку за этот отказ Сверро, человек энергичного ума и без капли суеверия, попытался урезать доходы и покровительство церкви. Он настаивал на том, что его требование о денежном штрафе в случае убийства должно быть отменено и что штраф должен быть возвращен короне. За этот поступок он должен заслужить нашу похвалу; но мы не можем хвалить его за попытку узурпировать покровительство церкви. За всю историю у нас едва ли есть пример, когда король осуществлял свое доверие просвещенным и добросовестным образом. Эрик твердо поддерживал права церкви и тем самым навлек на себя королевское неудовольствие до такой степени, что был вынужден бежать в Данию. Оттуда он обратился к папе, который пригрозил наложить на королевство интердикт, если церковь не будет удовлетворена. Напрасно Сверро пытался доказать, что папа не имел права вмешиваться в подобные дела: каноники, как он хорошо знал, проповедовали иную доктрину. Тщетно он пытался заставить толпу поверить, что слепота, которой был поражен архиепископ во время диспута, была вызвана гневом небес. Народ больше доверял примасу и папе, чем монарху, чья ранняя карьера была не самой поучительной.

[с 1194 по 1200.]

Убедившись на собственном опыте, как мало можно добиться, борясь с грозной властью, которая унижала величайших монархов, Сверро обратился к папе за отпущением грехов. В первую очередь ему было предписано помириться с архиепископом, который единственный мог заступиться за него. Разгневанный таким ответом и опасаящийся, что народ покинет его из-за того, что он не был коронован, он созвал своих епископов и уговорил одного из них — всего лишь придворное орудие — совершить церемонию. Помазание священника-отступника не входило бы в рамки даже папской власти: епитимья и отпущение грехов ранее были необходимы; но ни то, ни другое не требовалось, а если бы и требовалось, то порицание мог снять только верховный понтифик. Епископ, совершивший церемонию, по самой своей природе недействительную, был отлучен от церкви; и собственное отлучение короля было подтверждено. В этой чрезвычайной ситуации Сверро созвал собрание в Бергене, где было принято решение направить депутатов в Рим для получения его отпущения грехов. По возвращении все они умерли в Дании — без сомнения, от яда. Они не принесли отпущения грехов, но подтвердили прежний приговор. Вместо этого документа король, который был способен на любые действия, заменил его другим, который содержал полное разрешение и который, как он объявил, был получен от главы церкви. Объясняя смерть своих посланников, он утверждал, что они были отравлены его врагами, чтобы папское отпущение грехов не дошло до него. Он не мог долго надеяться воспользоваться преимуществами этого обмана. Alexander III. обвинил его и в подлоге, и в убийстве и наложил интердикт на все королевство. Даже епископ Николай, который короновал его, теперь бежал в Данию, чтобы присоединиться к митрополиту;

и оба были благородно приняты архиепископом Авессаломом, примасом и министром этого королевства.

[с 1194 по 1202.]

Во время этих сделок с церковью Сверро дважды был вынужден выходить на поле боя против претендентов на корону. Первым был Сигурд, сын Магнуса V., нашедший убежище на Оркнейских островах. Сопровождаемый бандой искателей приключений, Сигурд высадился в Норвегии, и к нему присоединились многие крестьяне. Но у Сверро был отряд людей, чья доблесть не имела себе равных, а верность была выше всяких подозрений, — людей, которыми он командовал до своего восшествия на престол, которым он был обязан трон и которых он превратил из разбойников в хороших солдат. С ними он одержал победу над Сигурдом, чей труп покоился на поле боя. Следующего авантюриста поддержал епископ Николай, который стремился снискать расположение своего митрополита и папы римского, проявляя необычайное рвение в уничтожении короля. Его звали Инге, и его покровитель представлял его как сына того самого Магнуса. Когда он и епископ высадились на берег, к ним присоединилось значительное число недовольных; но король, получивший лучников из Англии, был лучше, чем даже в предыдущем случае, подготовлен к защите своей власти. И все же борьба была отчаянной; было проведено несколько сражений, и потребовалось две или три победы, чтобы умерить надежды нападавших.

[1202.]

В разгар этой борьбы, после целой жизни, проведенной в разжигании восстания или его подавлении, Сверро испустил последний вздох в возрасте пятидесяти одного года. О том, что он был человеком великого гения и командирского характера, свидетельствует его беспрецедентный успех. Был ли он на самом деле сыном норвежского короля, крайне сомнительно; но даже если бы это было так, у него не было ни одного из преимуществ, которые обычно обеспечивает родство. Его состояние было результатом его собственной предприимчивости. Действительно, в истории мало персонажей, сумевших подняться из столь безвестного положения на столь высокое, преодолевая столь серьезные препятствия; еще меньше тех, кто посреди постоянных опасностей смог удержаться на этом посту. В обоих отношениях ему почти нет равных. В целом его можно смело назвать одним из самых выдающихся людей средневековья.

[с 1202 по 1204.]

Перед смертью своего отца Хако III (1202-1204) был провозглашен наследником монархии; и он вззошел на трон без сопротивления. Одним из его первых действий было отозвать предстоятеля, остальных епископов и всех, кого сослал его отец. Взамен интердикт был снят с королевства; и процветание вернулось в страну, так долго измученную гражданскими войнами, когда молодой король умер — не без подозрения на яд из рук его мачехи Маргариты, дочери святого Эрика, короля Швеции. Однако, по-видимому, для этого подозрения нет никаких оснований; да и в самом деле, что она могла получить от этого преступления?

[со 1204 по 1207.]

Следующим на трон вззошел Гутрум (1204-1205), внук Сверро; но его правление длилось всего год, и, кажется, нет никаких сомнений в том, что он был смещен с помощью яда, благодаря

ухищрениям фракции, которая надеялась восстановить древний род королей. Вследствие этого события Инге II (1205-1207), внук Сигурда II по женской линии, вступил на престол; но через два года он тоже сошел в могилу — насильственно или в естественном порядке, неизвестно. Смерть четырех принцев за пять лет - печальная иллюстрация того времени.

[1207.]

Теперь в этой династии остался только один потомок мужского пола — Хако, побочный сын Сверро. После смерти своего отца и во время борьбы между старой и новой династиями за верховную власть этот принц скрывался в горах. К счастью для него, товарищи его отца, преданный Биркибейнар, солдаты-разбойники, все еще оставались: они поддержали его дело и добились его избрания на трон. Однако, прежде чем церковь утвердила результаты выборов, мать Инги должна была пройти испытание каленым железом в доказательство того, что она действительно поклялась в отцовстве своего сына. Она согласилась; ее заперли в церкви, чтобы постом и молитвой подготовиться к судебному разбирательству; ее день и ночь охраняли двенадцать вооруженных мужчин; и раскаленное железо не оставило ни единой раны на ее прекрасной руке. Тому, кто сомневался в том, что испытание было справедливым, что Хако был отпрыском Сверро, грозило отлучение от церкви.

[со 1208 по 1241 год.]

Нако IV. таким образом, он был признанным монархом страны; но ему все еще приходилось поддерживать враждебность фракции, которая придерживалась прежней династии. Самым закоренелым и могущественным из его врагов был ярл Скуле, сводный брат Инге II. Чтобы умиротворить этого честолюбивого дворянина, ему была предоставлена доля в правительстве, а его дочь стала женой Хако. Ожидалось, что этот союз, в осуществлении которого церковь принимала большое участие, объединит сердца обеих фракций. Но надежда была тщетной: другие претенденты на законную или незаконную честь королевского происхождения появлялись один за другим, чтобы претендовать на часть своего права по рождению. Страна была настолько обеспокоена этими противоречивыми притязаниями, что в Бергене был созван большой национальный совет. Было решено, что Хако является единственным законным королем. И все же по совету примаса, целью которого, очевидно, было предотвращение гражданской войны, северные провинции были переданы Скуле; и король вскоре наградил его герцогским титулом — титулом, который не использовался с девятого века. Но этого амбициозного дворянина нельзя было заставить замолчать из-за выгод. В памятный день (1240) он созвал штаты своего собственного правительства собраться в соборе: его происхождение от мученика Олафа было затем засвидетельствовано клятвой на мощах этого святого; и его сторонники, при молчании зрителей, объявили его законным наследником короны как преемника Инге II. Сдерживаемые этим примером, остальные почтили его память после того, как он поклялся справедливо исполнять законы, как это делал его святой предшественник. Таким образом, северные провинции снова были отделены от монархии. Но Хако был верен своим собственным правам и интересам своего народа. Собрав своих верных Биркибейнаров и всех, кто ценил интересы своего ордена, он двинулся на Дронхейм. При его приближении узурпатор бежал в глубь страны, но только для того, чтобы собрать новые силы, с которыми он получил некоторые преимущества перед силами Хако. Однако, когда вернулась весна и последний выступил против повстанцев, удача улыбнулась ему. Скуле потерпел сокрушительное поражение, был вынужден бежать, настигнут и убит.

|с 1242 по 1260 год.|

Освободившись от бедствий гражданской войны, Хако теперь обратил свое внимание на внутреннее управление своим королевством. Он заключил новые торговые договоры с соседними державами; он укрепил свои морские порты; он усовершенствовал законы; он произвел благотворные изменения в местной администрации. Но он еще не был полностью в мире с церковью; и он попросил Иннокентия IV. выступить посредником между ним и ними и добиться того, чтобы корона была возложена на его чело. Иннокентий отправил с этой целью легата, кардинала-епископа Сабины. Сначала от короля требовали подчиниться закону своего предшественника Магнуса V. Согласно которому Норвегия отныне должна рассматриваться как вотчина Святого Олафа; но у него хватило патриотизма отказаться: он отметил, что будет защищать справедливые права церкви, но никогда не санкционирует узурпацию церковного права светским государством. К его твердости отнеслись с уважением, и по просьбе кардинала он был коронован, не подписывая возмутительное соглашение. Он удовлетворил этого церковника, пообещав отправиться в крестовый поход; но, хотя он и предпринял приготовления, обстоятельства помешали его отъезду. Его королевство действительно нельзя было оставить в безопасности в такой критический момент. Его границы все еще подвергались опустошению со стороны распущенных банд, наводнивших западные провинции Швеции и находивших убежище на одной территории, когда их преследовали обиженные жители другой. Без сердечного союза между двумя правительствами не могло быть никакой надежды на искоренение этих разбойничьих банд. К счастью, Биргер, регент Швеции, согласился с ним в его стремлении. Чтобы создать хорошее взаимопонимание между двумя странами, были заключены переговоры о браке между дочерью Биргера, чей сын был на шведском троне, и Магнусом, старшим сыном Хако. Но этот союз так и не был заключен: последующее поведение Биргера не понравилось монарху; и Магнус женился на дочери Кристофера, короля Дании. Милосердие Хако привело к этой связи. У него было много причин жаловаться на Данию, и он не возобновлял военных действий до тех пор, пока долго и тщетно не добивался возмещения ущерба. Вскоре он заставил Кристофера стремиться к миру; но с великодушием, о котором мало что известно среди королей, он забыл о своих обидах в сочувствии к своему брату-монарху и стал другом человека, ради наказания которого покинул Норвегию.

|1263.|

Последняя и, безусловно, самая запоминающаяся экспедиция Хако была против шотландцев. Главным стимулом к этой войне стало покушение Александра III. восстановить Гебридские острова, которые, как мы уже отмечали ранее,^[165] были покорены Магнусом Босиком. Не то чтобы тогда они были покорены в первый раз. Правда в том, что они часто попадали под норвежское иго еще в девятом веке и с тех пор время от времени платили дань этой державе. Однако чаще всего они заявляли о своей независимости. Колонии метрополий также помогли заселить эти острова, которые Харальд Харфагр и его преемники считали не меньшей зависимостью, чем Шетландские или Оркнейские острова. Во времена Магнуса число этих колонистов увеличилось, и на островах было немало дворян, которые могли проследить свою родословную до королевской линии Норвегии. Но их положение вовлекало их в сферу шотландского влияния: в Шотландии, а не на далеком Севере, они должны были искать союзников в своих частых войнах друг с другом; а стремление шотландских монархов утвердить свое феодальное превосходство над ними привело к постоянному общению двух сторон. В 1244 году два епископа прибыли в Норвегию, чтобы убедить Хако отказаться от всех притязаний на

Гебридские острова. Они сказали ему, что у него не может быть на них справедливого права, поскольку Магнус Бэрфут завладел ими только путем насилия — насильно отобрав их у Малкольма Кэнмора. Король ответил более правдиво, что Магнус отобрал их не у шотландского короля, а у норвежца Гудреда, который отказался от верности метрополии. Потерпев поражение в своих исторических спорах, они прибегли к тому, который, как они надеялись, с бедным монархом будет более убедительным, — к денежному аргументу. Они умоляли его сказать, какую сумму он потребует за всю их уступку. “Я не настолько беден, чтобы продать свое первородство!” - последовал ответ, и прелаты вернулись. Александр III, однако, не оставлял надежды присоединить эти острова к своей короне; и он начал серию интриг среди горных вождей. Вассалы Хако начали жаловаться на возмутительную враждебность, которой они подвергались, особенно со стороны тана Росса, и просить немедленной помощи. Зверства, которые они описывали, мы вряд ли ожидали бы найти у христианского народа, да еще в XIII веке: мы скорее отнесли бы их к периоду, когда язычники-норманны опустошали побережья этих островов. В сильном гневе Хако созвал в Бергене сейм, и на нем было решено, что необходимая помощь должна быть оказана немедленно.

[1263.]

Оставив своего сына, принца Магнуса, регентом королевства, Хако отплыл на Гебридские острова. На Оркнейских островах к нему присоединились ярлы и король Мэн. На западном побережье Шотландии многие вожди горцев покорились его оружию. Но хотя он захватил Арран и Бьют и огнем и мечом опустошил многие западные районы континента, его экспедиция оказалась катастрофической. В устье Клайда, когда он высаживал свои войска, поднявшаяся буря отбросила его от берега; и те, кто был высажен, были разбиты превосходящим числом противника. Напрасно Хако пытался повести за собой остальные свои силы с целью спасти храбрецов, которые были таким образом разбиты: шторм был слишком силен для него; некоторые из его кораблей были потеряны; другие рассеяны; и в великом душевном смятении он отправился на Оркнейские острова, где намеревался перезимовать, а следующей весной вторгнуться в Шотландию. Той весны ему так и не суждено было увидеть. Лихорадка, вызванная не столько тревогой, сколько усталостью, уложила его в постель, с которой он уже не мог подняться. Однако активность его ума не была остановлена даже смертельной болезнью: он велел читать ему Библию и старинные Саги день и ночь. Убедившись, что надежды на его выздоровление нет, он продиктовал свои последние инструкции сыну; сделал щедрые подарки своим последователям; исповедался и причастился; и “в полночь Всемогущий Бог призвал его из этого мира, к величайшему горю всех присутствующих и всех, кто слышал о его смерти”. Сначала его тело было погребено в соборе Святого Магнуса в Керкуолле, но впоследствии перевезено в Берген и положено рядом с телами его королевских предков.

[с 1263 по 1266 год.]

Магнус VI (1263-1280), который был коронован еще при жизни своего отца, теперь вззошел на трон. У него хватило мудрости заключить мир с шотландцами, уступив им все острова у их побережья, за исключением Оркнейских, но не с полным суверенитетом. За это он должен был получать 4000 марок и ежегодную дань в размере 100 марок. В то же время Маргарет, дочь Александра, была обручена с сыном Магнуса. Эти острова никогда не приносили никакой пользы короне: их содержание повлекло бы за собой разорительную трату денег и крови. Но Оркнейские острова, хотя и часто были независимыми, так долго были связаны с метрополией и

лежали так близко, что, хотя их сохранение не могло принести большой пользы, они были полезны в качестве яслей для моряков. В правление Магнуса Исландия также стала полностью зависимой от норвежской короны.

[с 1263 по 1280 год.]

Во внутреннем плане правление этого принца демонстрирует значительные улучшения. Одной из его самых серьезных целей (которая также принадлежала его отцу) было установление наследования престола на основе твердых принципов. Как и в других европейских странах, это наследование теперь было поставлено в зависимость от закона о первородстве только по мужской линии. Епископы дали свое согласие на это постановление; и, в соответствии с ним, они не просто признали Эрика преемником Магнуса, но и короновали этого принца. Следовательно, они больше не настаивали на возмутительном соглашении между Магнусом V. и примасом того времени^[166] — доказательство того, что они не заслуживают всех оскорблений, которыми их обрушила современная история. Это действительно правда, что в обмен на одобрение ими этого нового и основного закона о престолонаследии они получили некоторые привилегии; но большинство из них касалось их собственных дел. Они были исключены, например, из светских судов; но так было во всех других странах, находившихся в общении с Римом. Они отказали мирянам оказывать какое-либо влияние на выборы сановников, и поступили правильно. Но когда каждый прелат заявлял о праве чеканить монеты и содержать личную охрану из сорока латников, он, конечно, забывал о своем духовном облике и помнил только, что он был мирским бароном. Это царствование также стало свидетелем некоторых других изменений. Аллодиальные собственники стали вассалами: старые ярлы и герры были заменены герцогами, баронами и рыцарями; феодальные обычаи были введены вместо древних национальных обычаев. Как неизбежное следствие, мелкие землевладельцы, эквивалентные английским йоменам, начали исчезать, и их место заняли фермеры. И все же в национальном характере было то, что предотвращало худшее зло - феодализм. Если крестьянин больше не имел права голоса, или мы бы скорее сказали - права голоса, в ассамблее штатов, кроме как в порядке представительства, он все же продолжал быть свободным и носить оружие. В городах и поселках королевства также произошла модификация старой системы. Пропорционально росту торговли и процветанию крупных складов росло число муниципальных прав. Эти права были, насколько это было возможно, приравнены к правам немецких городов. Для двух важных городов - Бергена и Дронхейма - Магнус лично составил свод правил, определяющий права гильдий и различных классов бюргеров. И для защиты побережья он возродил древний закон о разделении морских округов, каждый из которых должен был предоставить определенное количество кораблей и поддерживать огонь своих маяков, чтобы информация о вторжении могла быстро разлететься по всей стране.

Но слава этого монарха в основном зиждется на его законодательных талантах: отсюда его фамилия *Лагабетер*, или законодатель. О кодексе, который он составил на основе столетних обрядов четырех норвежских провинций и который он разработал для общего использования во всех своих владениях, мы упомянем в соответствующем месте.

[с 1280 по 1289 год.]

Эрик II, будучи еще несовершеннолетним, наследовал своему отцу без сопротивления; но его правление не было мирным. Его первые споры были с церковью. На своей коронации он пообещал скорее расширить, чем ограничить его привилегии. В силу этого обещания

архиепископ Дронтгеймский составил список нарушений канонических законов и потребовал от церковных судов денежной компенсации, требуемой в таких случаях. Эти права считались правом короны, и как таковые на них претендовали королевские советники от имени короля. До сих пор эти примирения были оправданны; но когда они убедили его отменить все привилегии, предоставленные его отцом, они бессмысленно подвергли опасности спокойствие королевства. Они были отлучены от церкви предстоятелем, который, в свою очередь, был изгнан. Обе партии обратились к Риму; но папа, по-видимому, был умеренным человеком; и, хотя он и не был расположен отказываться от каких-либо прав, которыми обладала вселенская церковь, он, несомненно, видел, что норвежская ее ветвь узурпировала некоторые из них, несовместимые с гражданским правлением. Преемник примаса согласился отказаться от одного или двух наиболее возмутительных притязаний и стать сеньором-вассалом Эрика. Король тоже был втянут в войну с Данией благодаря защите, которую он оказывал убийцам Эрика Глиппинга.^[167] Долгой и разрушительной была война, бушевавшая между двумя странами. Наконец, оба начали переговоры о мире, но он не был подписан при жизни Эрика.

[с 1289 по 1299 год.]

Эти споры с церковью и его королевским соседом помешали Эрику ввязаться в еще одну войну, для которой он мог бы найти более вескую причину. В соответствии с договором между его отцом и Александром III он женился на Маргарите Шотландской. Речь шла о женщине, которая после смерти своего деда в 1289 году (ее матери больше не было) была несомненной наследницей трона этого королевства. На притязаниях “Норвежской девы” настаивал ее отец; но у нее был соперник в лице нашего Эдуарда I. Который решил сделать северного правителя своим вассалом. Соединить две короны на одном челе было целью еще более желанной, и с этой целью английский король предложил брак своего сына с норвежской девой. Эрик с готовностью принял это предложение, но прежде чем оно было приведено в исполнение, принцесса умерла на Оркнейских островах. Если Эрик выставил себя на посмешище, претендуя на шотландскую корону по ее праву, он имел неоспоримые права на приданое своей королевы, большая часть которого так и не была выплачена. По этой причине он мог бы беспокоить королевство; и у него была другая причина для вмешательства. Его второй женой была Изабелла, дочь или сестра Роберта Брюса, чьи притязания он, возможно, поддерживал против притязаний Бальоля. Но он не отстаивал ни ту, ни другую сторону — некоторая умеренность, как мы уже намекали, объяснялась скорее его спорами с церковью и с Данией, чем какой-либо другой причиной.

[с 1299 по 1319 год.]

Поскольку Эрик священноненавистник не оставил наследников мужского пола, ему наследовал его брат Хако V. (1299-1319), которого он провозгласил герцогом Норвегии и который получил некоторую долю в правительстве. Одной из его первых целей было возобновление переговоров с Данией; но из-за интриг людей, которые были замешаны в убийстве Эрика Глиппинга, подписание договора было отложено до 1308 года. Его сделки со Швецией более важны, поскольку они привели к временному союзу между двумя коронами. Его дочь Ингебурга стала женой Эрика, брата Биргера, короля Швеции. Когда Эрик был варварски убит своим собственным братом, Хако вооружился, чтобы отомстить за смерть своего зятя. После продолжительной войны Биргер был вынужден отречься от престола, и на его место был избран Магнус, сын Ингебурги. Поскольку у Хако не было наследников мужского пола, а женщины не

могли наследовать, Магнус стал наследником норвежского престола, на который он наследовал после смерти Хако.

[1319.]

При этом принце, умершем в 1319 году, Норвегия не была такой могущественной, как при его отце: точно так же, как во времена его отца ее нельзя было сравнить с тем, какой она была при правлении Хако IV. С этим монархом действительно покончено величие королевства: с его времени и до объединения короны с короной Дании продолжался спад национального благосостояния. Этот упадок не может, как утверждают некоторые историки, быть объяснен прекращением пиратских экспедиций; ибо на самом деле они прекратились задолго до правления Хако IV или даже Сверро. Лучшую причину следует искать в войнах между королевством и Данией — войнах, которые проредили население, уменьшили национальные доходы и нанесли смертельный удар национальной промышленности. Вторая — это монополия ганзейских городов на торговлю. Суда этой лиги издавна часто посещали берега Норвегии; Сверро благоволил им; Хако IV в 1250 году даровал им исключительные привилегии; Магнус VI основал иностранных купцов в своих владениях, особенно в Бергене. Хако также освободил их от многих повинностей, которым они подвергались в других странах. Эти алчные чужеземцы не принесли пользы стране. Там, где торгуют два человека, оба не могут быть выгодоприобретателями. Преимущество было полностью в пользу этих иностранцев, которые поглощали торговлю, которая должна была быть разделена на множество каналов, и своей монополией исключали туземцев с других рынков. В этом отношении мы должны осудить недалековидную политику "Хако", или, скорее, всепоглощающий настрой лиги. Но можно назвать и другую причину снижения национального благосостояния — рост роскоши, создание искусственных потребностей. Кардинал-епископ Сабинь^[168] выразил удивление состоянием людей: он нашел не просто удобства, но и роскошь жизни. После визита этого сановника зло так и не было устранено. Монархи любили демонстрировать великолепие, которое не могли выдержать более богатые и обширные королевства; и поскольку примеру двора, несомненно, последуют все, кто его посетит, мы можем составить некоторое представление о прогрессе, который роскошь произвела среди народа.

[с 1319 по 1387 год.]

После смерти Хако, как мы уже упоминали, трон Норвегии перешел к его внуку Магнусу VII (1319-1343), королю Швеции. В 1343 году Магнус передал норвежский скипетр своему сыну Хако VI (1343-1380). Этот принц, как мы уже отмечали, женился на дочери Вальдемара IV, короля Дании, и умер в 1380 году. Ему наследовал на обоих тронах его малолетний сын Олаф (*пятый* король Норвегии, *третий* король Дании), после смерти которого и Данией, и Норвегией правила королева Маргарет.

В этот период тесную связь между тремя северными королевствами можно объяснить, только обратившись к истории Швеции.

ГЛАВА III.^[169]

Швеция.

1001–1389.

ОЛАФ.—ЭМУНД I.—ЭМУНД II.—СТЕНКИЛЛ.—ИНГЕ I.—ФИЛИПП.—ИНГЕ II.—СВЕРКЕР I.—КАРЛ.—СВЯТОЙ ЭРИК.—ВНУТРЕННИЕ БЕСПОРЯДКИ.—БИРГЕР ЯРЛ.—ВАЛЬДЕМАР I.—МАГНУС I.—БИРГЕР.—МАГНУС II.—ЭРИК IV.—АЛЬБЕРТ МЕКЛЕНБУРГСКИЙ.—СОЮЗ ШВЕЦИИ С ДАНИЕЙ.

В истории Швеции хронологические трудности, на которые у нас было столько оснований жаловаться в предыдущем томе, едва ли уменьшились даже сейчас, когда мы вступили в XI век. Большинство авторов приводят разные списки королей вплоть до двенадцатого века. Причина этого различия двоякая: иногда одновременно правили два короля, один над готами, другой над шведами; а иногда у каждого из этих народов было по двое, которые разделяли почтение народа.

[со 1001 по 1026.]

Все авторы сходятся во мнении, что в начале одиннадцатого века Швецией правил Олаф по прозвищу *Скотконунг*, или король Дани. Он был союзником Дании в уничтожении Олафа Трюгвасена, короля Норвегии^[170]; и с Данией он разделил владение этим королевством.^[171] Враг Святого Олафа, он не отдал бы свою дочь Ингигерду этому королю, несмотря на приказы государств своего королевства.^[172] Однако вопреки его желанию его вторая дочь Астрида была выдана замуж за его соседа по королевской семье.^[173] Вероятно, это был первый из шведских принцев, который почувствовал себя достаточно сильным, чтобы бороться со своими языческими подданными, которые до него владели властью. Говорят, однако, что его пыл был умерен диетой, которая в конце концов привела к выбору свободы совести.

[с 1026 по 1051 год.]

Эмунд I. (или Омунд) по фамилии *Кольбреннер* наследовал своему отцу. По отношению к своему несчастному шурина, святому Олафу Норвежскому, он действовал сурово^[174]; и все авторы свидетельствуют о его добродетелях. Таким образом, Адам Бременский сообщает нам, что он превосходил всех своих предшественников мудростью и благочестием и был более любим своим народом. О его действиях, за исключением военных действий в союзе со Святым Олавом против Кнуда Великого, нам ничего не известно. Действия его непосредственных преемников окутаны такой же мраком.

[с 1051 по 1148 год.]

Эмунд II (1051-1056) был непопулярен; во-первых, потому, что у него не было религиозного рвения; и, во-вторых, потому, что в договоре о границах между Швецией и датской провинцией Скания он не отстаивал национальные интересы, а уступил значительную территорию этому соперничающему народу. Чтобы исправить это бедствие и доказать, что он не боится врага, он собрал армию и вторгся в эту провинцию; но он был побежден и убит. После его смерти шведы и готы, которые часто были враждебны друг другу, разошлись во мнениях по поводу престолонаследия — первые возвели на престол Стенкилла (1056-1066), а вторые *Хако*

Красного. Таким образом, было два царства, два двора — один правил восточными, другой — западными и южными провинциями. Подобные разделы, как мы часто наблюдали в предыдущем томе, имели место для того, чтобы запутать хронологическую преемственность королей. Готы и свиары никогда полностью не сливались воедино с того периода, когда Один привел последних в Швецию и изгнал первых с побережья в глубь страны. Но, с другой стороны, опыт научил их обоим разрушительным последствиям разобщенности; и в данном случае, теперь, когда христианство добилось среди них столь значительного прогресса (больше, однако, в Швеции, чем в Готланде), они более остро почувствовали неразумность своего поведения. Главы двух народов встретились и согласились, что Хако должен продолжать править готами, но что после его смерти его королевство должно прекратить отдельное существование и быть вновь присоединено к королевству Швеции. Мы, однако, увидим, что обеими партиями не всегда руководила одна и та же умеренность; и что двойные выборы продолжали волновать общество еще долго после этого периода. Но это обстоятельство не умаляет заслуг людей, которые санкционировали настоящее соглашение. За тринадцать лет Хако заплатил долг природы, и в соответствии с соглашением его корона вернулась к шведскому принцу. О Стенкилле национальные историки отзываются с похвалой. Обладая гигантскими размерами, непревзойденной силой и неукротимым мужеством, он все же был одним из самых кротких принцев своего времени. Шведские историки утверждают, что он часто одерживал победы над Свеном II, королем Дании; но у историков соперничающей нации нет записей о таких триумфах. Такой же чести удостоена его преемница Инге I. по прозвищу *Добрая*. Говорят, что в своих войнах этот князь проявлял великую доблесть; но более всего он отличился своей приверженностью христианству и рвением, с которым искоренял язычество. В этом великом труде он, вероятно, проявил больше пылкости, чем осмотрительности, если это правда, что он был убит в постели своими подданными-идолопоклонниками. Халстан, брат и преемник Инге, если они действительно не правили вместе в разных частях королевства, обладал такими же мягкими добродетелями. Филипп и Инге II. были одинаково достойны диадемы. Известный в равной степени своим благочестием и суровостью, с которой он наказывал бандитов, наводнивших его западные провинции, и пиратов, опустошавших его побережье, Инге, в частности, царил в сердцах своего народа, за исключением тех, чьи дурные поступки он наказывал. Из-за ненависти фракции он стал жертвой. Эта фракция возвела на трон *Рогнеральда*, вождя гигантских размеров и еще более свирепых качеств. Его иго вскоре стало невыносимым: он был свергнут насилием; и последовали двойные выборы: шведы выбрали вождя по имени *Кол*; готы — *Магнуса*, сына Николая, короля Дании. Первый вскоре погиб в битве; второй, великий тиран, правил всего семь лет (1148), когда народные голоса пали на того, у кого не было ни рождения, ни связей, чтобы рекомендовать его, но кто обладал замечательными качествами, подобающими достоинству. Это был Сверкер I. Стоит отметить, что Хако Рыжий и Рогнеральд, а также Кол и Магнус обычно не причисляются к шведским королям — по крайней мере, современными историками.

[с 1148 по 1154 год.]

Правление Сверкера было мирным и превосходно соответствовало интересам королевства. Он был мудрым и патриотичным монархом. Но у него был один прискорбный недостаток — слепота к порокам своего сына. Никогда, если верить современным хронистам, юноша не заслуживал проклятий народа в такой степени. Возглавляя распутную шайку, он насиловал самых благородных дев и матрон; он был пристрастен ко всякого рода буйствам, а дерзость его манер придавала его порокам еще более отвратительный оттенок. Тщетны были увещевания отца, чей

первейший долг, как считали люди, состоял в том, чтобы настоять на том, чтобы его собственная семья подавала первый пример послушания законам. Возмущенный такой преступной терпимостью, народ восстал и убил принца. Собственный конец Сверкера был трагичен; но сомнительно, умер ли он под влиянием тех же заговорщиков или из-за алчности кого-то из домашних. После его смерти произошел тот же разорительный раскол, что и в предыдущем столетии: готы избрали Карла, другого сына Сверкера; шведы остановили свой выбор на святом Эрике, который женился на дочери Инге Доброй - имени, дорогом народу. Поскольку гражданская война была крайне нежелательна, главы обеих партий встретились и согласились на такой компромисс — что Эрик I. должен сохранить обе короны при жизни, а после его смерти обе должны быть унаследованы Чарльзом. Но что стало с правами их детей? Чтобы предотвратить будущие споры, потомки каждого из них должны были править поочередно, без ущерба, однако, для избирательного права народа. Было бы невозможно изобрести какой-либо прием, более приспособленный для достижения противоположного тому, что было задумано.

[с 1155 по 1167 год.]

Правление Эрика было периодом расцвета. Финнов, объявивших себя независимыми, он подчинил; и он также заставил их, как нам говорят, отказаться от идолопоклонства ради христианства. Мы можем, однако, усомниться в том, были ли его усилия в этом отношении столь общими, как хотят заставить нас поверить хронисты: конечно, они были не очень постоянными; ибо среди них и по сей день есть язычники, а те, кто выдает себя за христиан, поклоняются другим богам. Вероятно, они поступили так, как поступает большинство варваров в подобных обстоятельствах — подчинились, пока победитель был рядом с ними, но вернулись к своим древним суевериям, когда он ушел. То, что у него были идолопоклонники более близкие к нему, чем Финляндия, и более непосредственно подвластные его влиянию, очевидно из различия, в котором его обвиняли в проведении между поклонниками Одина и Христа. Первых он лишил прав, которыми их наделил закон. Своим поведением он, естественно, навлек на себя их негодование, а также нажил врагов в другой партии — распутников, нарушителей общественного спокойствия, которых было едва ли меньше. Оба составили против него заговор; и так как их собственных сил было недостаточно для достижения цели, они обратились за помощью к датскому королю, предложив, как оказалось, шведскую корону сыну этого монарха. Прибыла датская армия, к которой присоединились недовольные, и она двинулась к Упсалу. Вскоре их встретил Эрик, который, хотя и проявил чудеса доблести, потерпел поражение и был убит. Его трагическая смерть была одной из причин, приведших к его канонизации. Другой было рвение, которое он проявил в истреблении идолопоклонников, которых он преследовал огнем и мечом. Добавим, что он был основателем монастырей и церквей, и у нас есть достаточно причин для его обожествления. Большинство читателей будут ценить его не столько за его непросвещенную преданность, сколько за составление свода законов — “Лег Святого Эрика”. Тем не менее, содержащиеся в нем положения глубоко впечатлены его доминирующими чертами характера. По отношению к язычникам они кровожадны; и они наказывают за преступления против христианской религии и христианского богослужения с суровой суровостью.

[с 1161 по 1167 год.]

Карл, сын Сверкера, теперь был монархом всей страны. Но у него возникли некоторые трудности с изгнанием захватчиков, провозгласивших сына датского короля. Он тоже был очень привязан к церкви и по отношению к ней был более щедр, чем даже его предшественник. Если верить преданию (для этого утверждения нет современных источников), он запутал свои дела своей неумеренной щедростью. Поскольку он добился от папывозведения архиепископства в Упсале, от него ожидали, что он передаст его в дар. Из-за его щедрости в этом отношении, возможно, и возник рассматриваемый отчет. Его правление не было лишено неприятностей. Приверженцы соперничающей династии были его врагами из-за подозрения (очевидно, необоснованного), что он был одним из заговорщиков против святого Эрика. Хотя в соответствии с соглашением, о котором мы упоминали, он назначил Кнуда, сына Эрика, своим преемником, этот принц не остался бы в королевстве под предлогом того, что его жизнь была в опасности. Через несколько лет он вернулся в Швецию во главе значительного норвежского отряда, к нему присоединились приверженцы его дома, и это позволило ему одержать победу над своим соперником, которого он схватил и обезглавил. Этот поступок он оправдывал, апеллируя к безвременной кончине своего отца, которую он представлял как дело рук Чарльза.

[с 1167 по 1192 год.]

Правление Канута было нарушено двумя вторжениями. Первая состояла из датчан, которые вооружились, чтобы отомстить за смерть покойного короля, или, скорее, под предлогом нажиться на бедствиях соперничающей страны. Готы, любившие память о Карле, немедленно присоединились к нему; но король одержал победу. Вторым было вторжение эстонских пиратов, которые превратили Сигтуну в пепелище, убили архиепископа Упсальского и увели много пленников, прежде чем король смог их догнать.

[с 1192 по 1210 год.]

Сверкер II, сын Карла, был следующим королем в силу договора между готами и шведами. Но с каждым днем все яснее проявлялись опасности, вытекающие из этого соглашения: оно с каждым днем увеличивало пропасть не только между двумя королевскими семьями, но и между двумя великими племенами, составлявшими нацию. Обе стороны открыто или вероломно проливали кровь, и смертельная вражда перешла к вождям обеих сторон. С самого начала целью Сверкера было истребление семьи своего соперника; но один принц - Эрик, единственный сын покойного короля — бежал в Норвегию. В течение нескольких лет он правил умеренно; но, став тираном, жители Нагорья пригласили изгнанника вернуться. Эрик подчинился призыву, к нему присоединилось большинство дворян, и он одержал победу над Сверкером, хотя последнего поддерживала датская армия. Король был изгнан, и хотя впоследствии он дважды возвращался, чтобы возобновить состязание, дважды он терпел поражение, и в последнем случае среди убитых был его собственный труп.

[с 1210 по 1250 год.]

Правление Эрика II началось с большей политики, чем можно было ожидать из предшествующих событий. Чтобы умиротворить соперничающую фракцию, он объявил принца Джона, сына Сверкера, своим преемником. Чтобы умиротворить датчан, которые так горячо поддерживали его соперников, он добился руки датской принцессы, сестры Вальдемара II. Его правление было мирным, но слишком коротким для интересов его народа. Иоанн I (1220-1222) без сопротивления взойшел на объединенные троны шведов и готов; но его правление было еще

короче — несчастье, тем острее ощущавшееся в его замечательном поведении. Если в двух или трех военных экспедициях (столь малоизвестных, однако, что едва ли заслуживающих внимания) ему повезло меньше, чем можно было надеяться на справедливость его дела, то его гражданское правление увенчалось большим успехом. Ему без сопротивления наследовал сын его предшественника, Эрик II, названный в честь отца. Правление Эрика III по прозвищу Шепелявый (1222-1230) было менее мирным, чем те, которые непосредственно предшествовали ему. В королевстве была семья, слишком могущественная, чтобы подчиняться, — фолькунгары, вожди которых, благодаря своему богатству и многочисленным связям, очевидно, стремились к трону. Чтобы подчинить их своим интересам, он выдал двух своих сестер замуж за дворян из этого дома, а сам взял в жены леди из этой семьи. Но эти союзы, как и следовало ожидать, лишь придали новый импульс амбициям. Чтобы отнять у него корону, вся семья или племя, вожди которых, должно быть, были связаны с королевской линией либо готов, либо шведов, подняли восстание — только один дворянин, ярл Биргер, остался ему верен. В первой битве Эрик потерпел поражение и был вынужден бежать; но он собрал армию в Дании, вернулся в Швецию, победил узурпатора Свейна и снова был признан всем королевством. В последний год своего правления он отправил экспедицию против финнов, которые вернулись к идолопоклонству. Им командовал Биргер ярл, которому он подарил руку своей младшей сестры. Жестокость генерала, который, вероятно, действовал, повинаясь королевскому приказу, сравнялась с жестокостью бывшего военного апостола святого Эрика.

[1250.]

За смертью Эрика Заики последовало нарушение договора, устанавливавшего альтернативный порядок наследования. Фолкунгарская знать больше не скрывала своего намерения претендовать на трон. Из-за интриг иждивенцев, когда сейм собрался для новых выборов, выбор пал на Вальдемара I., сына Биргера ярла от сестры покойного короля. Со стороны выборщиков это была попытка объединить интересы двух великих семей. Но Биргер был недоволен: он сам ожидал короны и возражал против невежливости выбора такого ребенка, как его сын. Его замысел состоял в том, чтобы добиться регентства, и ему это удалось.

[с 1251 по 1266 год.]

Какими бы достойными порицания ни были средства, с помощью которых Биргер пришел к власти, он обладал качествами, достойными этого поста. Он основал Стокгольм, который также укрепил: он пересмотрел и значительно улучшил Landslag, или писанные законы королевства; он предоставил городам привилегии, аналогичные тем, которые содержались в хартиях более поздних эпох; он улучшил внутреннее управление в других отношениях; в то же время он защищал побережья от опустошительных действий пиратов. Процветание, которое он принес, было действительно таким, что сейм обратился к королю с просьбой присвоить ему герцогский титул — титул, ранее неизвестный в Швеции. Но успех его администрации и власть, которой обладала его семья, вызвали сначала зависть, а вскоре и ненависть фракции, или, скорее, нескольких фракций, которые объединились, чтобы выступить против него. Среди знатных шведских семей была одна, которая соперничала с фолькунгарской по богатству, по количеству вооруженных иждивенцев, по своим широко распространенным связям. Это была семья Фолкунгар, которая с глубочайшим огорчением наблюдала возвышение конкурирующего дома. Последовала гражданская война, которая была нерешительной; и она закончилась умиротворением, но умиротворением, продиктованным обманом. После того, как Биргер

торжественно поклялся в этом, и главы другой стороны, ничего не подозревая, отправились в его лагерь, он приказал предать их смерти. Спасся только один дворянин, Карл, который бежал к тевтонским рыцарям, стал членом ордена и оставил после себя героическое имя. Этот вероломный поступок является печальным пятном на славе его регентства. Другой причиной была его чрезмерная любовь к власти, которая побудила его удерживать бразды правления еще долго после того, как его сын достиг совершеннолетия, и даже после того, как этот сын женился на Софии, дочери Эрика Плоуг-пенни, короля Дании. Смерть только заставила его ослабить хватку.

[с 1266 по 1276 год.]

Правление Вальдемара было беспокойным. То ли благодаря убеждениям сейма, то ли благодаря братской привязанности, он терпел, если не сам устанавливал, независимость своих братьев. Магнус герцог Судерманский, Эрик принц Смоландский и Бенвит герцог Финляндский имели отдельные суды и осуществляли суверенную власть в своих соответствующих юрисдикциях. Магнус, старший, был создан для монарха. Он был образованным, вежливым, щедрым и высокообразованным во всех военных науках. Он стал настолько популярен, что его дворец посещали чаще, чем королевский. Вскоре Вальдемар начал завидовать его популярности; однако он не мог поступить иначе, как оставить регентство Магнусу во время своего паломничества в Рим. Мотивом этого паломничества было искупить многолетнюю преступную связь с Юдифью, сестрой его королевы. Суровость епитимьи объяснялась тем фактом, что Джудит была монахиней, опрометчиво бежавшей из монастыря Роскилд. Результатом этой связи стали девять детей, которые настолько шокировали церковь, что папа не давал ему отпущения грехов до тех пор, пока он не посетит Святую Землю. Джудит была приговорена к вечному затворничеству. В 1276 году, после почти трехлетнего отсутствия, королевский кающийся вернулся и обвинил Магнуса в интригах ради трона. Было лив этом обвинении хоть капля правды, точно установить невозможно; но то, что подозрение возникло в его голове, было неизбежно. Он ревновал не только к Эрику, но и ко всем его братьям. В этот раз Бенвит, младший, продемонстрировал доказательство великодушия, которое вполне может заслужить похвалу истории: чтобы укрепить королевскую власть, он отказался от своего герцогства, принял священный сан и впоследствии стал епископом Линчепинга. Старшие братья, отнюдь не подражая этому примеру, тесно объединились с датчанами, и последовала гражданская война. Вальдемар был застигнут врасплох, его преследовали и взяли в плен. Чтобы положить конец этим беспорядкам, сейм собрался и разделил королевство между двумя братьями. Вальдемару были уступлены две Готландии (Восточная и Западная) со Смоландом и Далией: остальное досталось Магнусу.

[с 1276 по 1279 год.]

Этот мир продлился недолго. Магнус не заплатил своим датским вспомогательным войскам, с помощью которых он одержал победу. В отместку датский король разорил шведские провинции и заключил договор с Вальдемаром, чтобы вернуть ему безраздельный трон. Во главе датской армии Вальдемар выступил против Магнуса, но потерпел поражение. Чтобы исправить это бедствие, Эрик Датский выступил в поход с большой армией — настолько большой, что Магнус не рискнул выступить в бой. Но шведский принц добился с помощью политики преимущества, которого не могло дать ему оружие. Он заманил захватчиков в сердце королевства, перекрыл все поставки и ждал наступления зимы, чтобы уничтожить их. Но при посредничестве вождей с

обеих сторон мир был восстановлен. Поскольку у Магнуса не было причитающихся Эрику денег, он заложил один из своих приморских городов. Взамен он получил не просто друга, но и признание в качестве монарха Норвегии. Принесенный таким образом в жертву Вальдемар был вынужден отказаться от своих притязаний на всю страну и провести остаток своих дней в Дании, в одном из владений, которые он получил вместе со своей королевой.

|1279, 1280.|

Магнус I. при восшествии на престол принял титул короля шведов и готов, чтобы обозначить свое превосходство над всем королевством. Но титул был более помпезным, чем власть. Вскоре его обвинили в неоправданном пристрастии к жителям Гольштейна, которые в силу его брака с Хедвигой, сестрой графа Жерара^[175], в большом количестве стекались в Швецию. Это замечание не ослабило его привязанности к этим иностранцам, которых он осыпал почестями. Для знатных семей, особенно фолькунгарской, это предпочтение было желчным; и был составлен заговор с целью искоренения отвратительных чужеземцев. Вскоре представилась возможность привести этот заговор в исполнение. В сопровождении значительного числа голштинцев королева отправилась в Скару, город в Готланде, чтобы встретиться со своим отцом. Заговорщики последовали за ним и перебили охрану, включая даже шурина короля. И это было еще не все: они бросили графа Голштинского в темницу; и они, конечно, наложили бы свои руки на королеву, если бы она не ухитрилась сбежать в монастырь. Зная о могуществе семьи, спровоцировавшей эти эксцессы, и опасаясь, что они были поддержаны иностранными союзами, король притворялся и использовал самые примирительные выражения, пока не добился расширения графства. Затем он созвал сейм, обвинил ничего не подозревавших фолькунгаров в государственной измене, отправил их в Стокгольм и обезглавил всех, кроме одного, за которого разрешили потребовать выкуп. С этого времени эта амбициозная семья перестала оказывать большое влияние на королевство. Чтобы еще прочнее утвердить свой трон, он заключил двойной брачный союз с Данией. Его сын Биргер, еще ребенок, был помолвлен с дочерью датского короля, и поскольку она тоже была ребенком, ее, в соответствии с обычаями того времени, доставили для получения образования при шведском дворе. И вскоре после этого Ингебурга, дочь Магнуса, стала женой Эрика Плуга - преемника Пенни.

|с 1281 по 1290 год.|

Спокойствие, достигнутое благодаря этим мерам, позволило Магнусу посвятить все свое время внутреннему управлению. Его имя упоминается с большой похвалой; и он, похоже, заслужил это. Его консолидированная власть и твердость были поистине благословением для королевства, так долго страдавшего от внутренних беспорядков. Действительно, опасались, что в его руках скипетр станет деспотичным; но это тоже было бы преимуществом, ибо его вес пал бы только на могущественных и буйных. Для крестьянина он был другом. До его правления местная знать без колебаний взимала взносы с презираемой части нации. Он постановил, что всякий, кто возьмет какую-либо вещь из хижины бедняка, не заплатив ее стоимости, должен быть подвергнут строгому наказанию. От своего брата Вальдемара он получил некоторые неприятности, но он подавил семена восстания, заключив в тюрьму этого неугомонного принца. Чтобы с еще большим великолепием поддерживать царственное государство, он добился, благодаря благодарности своего народа, значительного увеличения своих ресурсов. Это увеличение состояло в определенных доходах от рудников и с великих озер Швеции. Он вполне заслуживал такой щедрости, ибо никогда еще у страны не было более великого короля.

[с 1290 по 1305 год.]

Биргеру, сыну Магнуса, на момент смерти отца было всего одиннадцать лет, и регентство перешло к Торкилу, знатному шведу. Ничто не может лучше проиллюстрировать заслуги Магнуса, чем этот выбор. Дома и за границей Торкил демонстрировал свои таланты и патриотизм. Его экспедиции против финнов, карельцев и ингерманландцев увенчались успехом. Но его главной целью было сделать людей счастливыми. Имея основания опасаться нарушения общественного спокойствия, он арестовал сыновей покойного короля Вальдемара, которые не могли забыть о своих притязаниях на трон. Но когда Биргер повзрослел, у него появилось еще больше причин для опасений со стороны Эрика и Вальдемара, братьев его государя. Очевидно, что оба стремились к разным правительствам. Чтобы укрепить свои интересы, первый женился на Ингебурге, дочери Хако V., короля Норвегии. Видя, что он и Вальдемар действуют более открыто, преследуя свою изменническую цель, но не желая прибегать к крайним мерам, Биргер, по совету своего министра, получил от них письменное обещание никогда не покидать королевство и не приближаться к королевской резиденции без разрешения; никогда не устраивать заговоров против правительства; никогда не содержать больше определенного количества вооруженных людей; и всегда подчиняться приказам своего суверена. Но какое обязательство могло связать столь беспокойных духов, которые осмелели на что-либо благодаря успеху предыдущих мятежников? Принцы все еще продолжали составлять заговор; и, чтобы избежать заключения, они бежали в Данию. Однако датский король убедил их покинуть страну, и они укрылись в Норвегии, были дружелюбно приняты Хако и получили возможность из своих новых владений Нидборга и Конгеллы опустошать соседние провинции огнем и мечом. Отряд войск, посланный Биргером дать им отпор, потерпел поражение. Была собрана вторая армия; и король лично выступил, чтобы наказать своих братьев. Однако они стояли во главе крупных сил, состоящих не только из их собственных партизан, но и из норвежцев; и, чтобы избежать кровопролития, было рекомендовано умиротворение. Они были приняты благосклонно при условии, что поклянутся в повиновении королю: взамен он пожаловал герцогу Эрику вотчину Варберг. Следующей особенностью этой сделки было принесение в жертву способного и патриотичного Торкила. Братья не могли простить ему того, что он помешал им в их восстании; и Биргера заставили поверить в самую гнусную клевету на него. Престарелого священника отправили в Стокгольм и обезглавили. В то же время его дочь, жена Вальдемара, была отвергнута. Так был вознагражден долгий путь государственной службы!

[с 1305 по 1319 год.]

Из-за этой преступной слабости Биргер был справедливо предоставлен интригам своих братьев. Они застали его врасплох, взяли в плен вместе с женой и детьми и вынудили отказаться от короны в пользу Эрика. Его старший сын, Магнус, сбежал и бежал в Данию, король которой вооружился для восстановления на престоле мужа своей сестры. С этого периода и до конца правления Биргера шла война, сменявшаяся глухим миром. В 1307 году он получил свободу при условии, что его королевство будет расчленено в пользу его брата. Чтобы отменить этот опасный акт, он возобновил свой союз с Данией и снова получил помощь; но его действия не были решающими, и последовало новое умиротворение на условиях, аналогичных предыдущим, за исключением того, что Биргер теперь считался сеньором, стоящим выше своих братьев, которые оказывали ему почтение за свои феодалы. Не имея возможности подчинить их силой, он прибегнул к обычным действиям низов. Он притворялся, что очень привязан к ним, и

посылал им много подарков. Наконец, заманив их к своему двору в Нючепинге, он арестовал их в постели и отправил в темницу с выражением торжествующего оскорбления, более обидного, чем само вероломство. Один умер от ран, полученных при попытке к бегству; другой умер от голода. Но из этого кровавого деяния король не извлек никакой выгоды. Тела убитых принцев, выставленные на всеобщее обозрение, вызвали гнев очень многочисленной партии, враждебной его правительству. Гражданская война была возобновлена Маттиасом Кеттлмундсоном от имени сына герцога Эрика. После смерти Торкила король стал алчным, деспотичным и, следовательно, непопулярным. Народ, оплакивавший судьбу убитых принцев, поддержал дело, за которое выступал Кеттлмундсон; крепости, которые еще держались за короля, вскоре были сданы; Магнус, его сын, попал в плен, а сам он был вынужден искать убежища в Дании, где его холодно приняли.

[1319, 1320.]

Судьба еще не обошлась с этим изгнанным принцем худшим образом. Был созван сейм для выбора преемника. Ненависть к нему и его роду была такова, что его сын Магнус был обезглавлен за свои преступления. Голоса выборщиков объединились в пользу сына герцога Эрика, трехлетнего ребенка. Горе в следующем году (1320) свело Биргера в могилу. Все хорошее, что предвещало его правление, должно быть приписано его способному и добродетельному министру: его собственное поведение было продиктовано отвратительными пороками. Торкил добился принятия закона против продажи рабов на том основании, что для христиан было в высшей степени преступным продавать людей, которых Христос искупил своей кровью. Эта благородная истина является лучшим свидетельством характера этого министра: мы можем добавить, что это самая прискорбная иллюстрация характера короля, который мог без всякой причины пожертвовать таким человеком. Чего от него можно было ожидать лучшего, чем братоубийство?

[с 1319 по 1354 год.]

В течение длительного несовершеннолетия Магнуса II регентство осуществлял Кеттлмундсон, который в значительной степени способствовал изгнанию Биргера и казни безупречного Магнуса, сына Биргера. О его правлении, которое продолжалось восемнадцать лет, упоминают с уважением; но оно не ознаменовалось каким-либо великим подвигом, заслуживающим внимания истории. И его политика, и политика его суверена в отношении Scania были взаимосвязаны.^[176] В отправлении правосудия и поддержании общественного спокойствия он добился успеха. После его кончины Магнус принял бразды правления, но не доставлял такого удовлетворения, как его министр. Он предпринял экспедицию против западных провинций России (тогда подчинявшихся своим собственным князьям), руководствуясь лишь дикими амбициями. Результат не был славным. Налоги, которые он взимал с народа для его поддержки, вызывали недовольство. Папа тоже жаловался на то, что присвоил себе деньги, которые в силу поступка Олафа Скотконунга должны были поступить в римскую казну. Тем не менее его потребности росли: покупка Скании была еще одним каналом расходов; и хотя он передал в залог некоторые королевские владения, ему все еще приходилось требовать от своего народа, включая духовенство, больше, чем хватало на их терпение. За это он был отлучен папой от церкви. Несмотря на ропот, он продолжал идти своим путем: он отличался в равной степени опрометчивостью, слабостью и нерешительностью. Управляемый молодыми фаворитами, а еще больше своей королевой, которая убедила его, что он может безнаказанно делать все, что

ему заблагорассудится, и стремящийся возложить на его чело третью корону (он унаследовал Норвегию по праву своей матери), он одновременно продемонстрировал свои глупые амбиции и свою неспособность, связавшись с Данией. Вместо того, чтобы получить эту корону, он потерял свою собственную. Сейм настаивал на том, чтобы он уступил Норвегию Хако, а Швецию Эрику, двум своим сыновьям. Он бежал в Сканию, умолял о помощи Вальдемара и взамен уступил эту провинцию датской короне.^[177] Ему это удалось благодаря этим средствам и поддержке партии (ибо какой король когда-либо обходился без таковой?) вести войну с Эриком. Ее разрушительные последствия были глубоко ощутимы; ее исход был сомнительным; и в Дженчепинге был созван сейм, чтобы путем умиротворения предотвратить крушение монархии. При посредничестве двух принцев, связанных с королевской семьей, было постановлено, что страна должна быть разделена между отцом и сыном: первому были переданы Нагорье, две Готии, Вермеланд, Далекарлия с северной частью Халланда и остров Эланд; последнему - Финляндия, Смоланд, южная часть Халланда и Скания.

[с 1354 по 1357 год.]

Неосмотрительность Магнуса лишила его сердец своего народа, которые с энтузиазмом обратились к Эрику IV. Это обстоятельство вызвало ревность у него и его королевы, которые, как говорят, составили заговор против жизни Эрика. Был ли он убит ядом, введенным ему матерью, или насилием заговорщиков, или незаконными бандитами, или, наконец, естественными причинами, навсегда останется неизвестным, поскольку древние летописи ничего не говорят на этот счет. Большинство историков, отечественных и зарубежных, сходятся во мнении, что вина лежит на королеве Бланш; но до тех пор, пока не будут представлены более веские доказательства, чем те, которые они привели, для установления столь противоестественного преступления, здравый смысл человечества должен заставить их усомниться в этом. Единственный несомненный факт - это то, что Эрик умер, и что Магнус извлек выгоду из этого события, поскольку оно восстановило его в правах монархии.

[с 1357 по 1363 год.]

Этому слабому и беспринципному принцу было невозможно завоевать уважение шведов. Он ненавидел их за то, что они свергли его, и, чтобы отомстить им, заключил тесный союз с Вальдемаром Датским. Вальдемар, которому он уступил Сканию, стал, как мы уже рассказывали, добровольным орудием этой мести при разграблении Висби и других грабежах.^[178] Это был не лучший способ приобрести популярность: он и вся датская нация вскоре стали ненавидеть друг друга; и это чувство не уменьшилось, когда стало известно о предполагаемом союзе между сыном короля Норвегии Хако и Маргаритой, дочерью Вальдемара. Чтобы предотвратить этот неприятный союз, знать восстала, заточила Магнуса в крепость Кальмар, призвала Хако взять на себя управление страной и заставила его пообещать не только, что он откажется от всех связей с Данией, но и женится на Елизавете, сестре Генриха, графа Голштинского. Хотя Хако II. (шестой король Норвегии) обязался выполнить пожелания сейма, ни он, ни его отец, который вскоре был расширен, не имели ни малейшего намерения делать это. Напротив, они возобновили свою связь с несносным Вальдемаром еще теснее. То, каким образом этот монарх вводил Елизавету в заблуждение до тех пор, пока не был отпразднован брак его дочери с Хако, уже было описано.

[1363.]

Ничто не могло сравниться с гневом шведов, или, скорее, значительной фракции (поскольку большинство было пассивным), когда они услышали об этом браке. Решив исключить как отца, так и сына, они пригласили взойти на трон Генриха Голштинского, который был связан с королевской линией. Но Генри был старым человеком, и он не стал бы рисковать своим спокойствием ради цели, которой не мог долго наслаждаться. Он рекомендовал курфюрстам сделать выбор в пользу Альберта, герцога Мекленбургского, мать которого была сестрой Магнуса. Но у герцога не было желания править разделенным, беспокойным народом; он также не хотел, чтобы его старший сын брался за это опасное дело. Однако у него был второй сын, тоже по имени Альберт, которому нечего было терять, и которого он рекомендовал избирателям.

[с 1364 по 1371 год.]

Альберт прибыл в Стокгольм в начале 1364 года. Этот город был в интересах Магнуса, и какое-то время он сопротивлялся; но он заставил или убедил его капитулировать. Там к нему присоединилось большинство дворян, которые были недовольны Магнусом. Их первым действием было возобновить низложение одного; следующим - подтвердить избрание другого. Хако, находившийся тогда в Норвегии, готовился вторгнуться в королевство, и Магнус, у которого все еще был отряд, заключил с ним союз. Их армия, пополнившаяся значительным количеством датчан, проникла в Нагорье. Но Альберт, со своей стороны, поспешил выступить против них; и в битве некоторого масштаба победа склонилась на его сторону: Магнус был взят в плен; Хако был ранен и вынужден отступить с экспедицией в свое королевство. Крепости, которые удерживали двух принцев, были затем сокращены; лишь две или три из них выдержали энергичную оборону. Но Вальдемар Датский, чей интерес заключался в том, чтобы тревожить королевство, время от времени посылал подкрепления с войсками, которые беспокоили короля. Мир с этим грозным соперником считался необходимым для спокойствия королевства, и он был приобретен уступкой некоторых владений. Среди них был остров Готланд со столицей в Висби. Легко представить, что эти уступки были сделаны неохотно; и чтобы добиться их восстановления, Альберт вступил в тесный союз с врагами Дании. Следовательно, война возобновилась. Пока его союзники атаковали другие части Дании, он вторгся в Сканию, часть которой он захватил. Но у него оставалось мало времени для ликования. Норвежец Хако вторгся в Швецию, разбил его и вынудил броситься в Стокгольм, который был плотно обложен. В этой крайней ситуации он предложил провести собеседование, в ходе которого были согласованы условия мира. Магнус был увеличен за выкуп в 12 000 марок; а в обмен на уступку шведской короны он получил в качестве феодальных владений Западный Готланд, Вермеланд и Далию. Однако он не должен был участвовать в управлении этими провинциями, а просто получать доходы в качестве губернатора; остаток своих дней он должен был провести в Норвегии. Чтобы он не нарушил этого с таким же легкомыслием, с каким нарушал все свои прежние обязательства, шестьдесят джентльменов из его партии должны были сдать Альберту в плен, если он снова нарушит покой королевства. Он не потревожил его, потому что вскоре после этого утонул, переходя брод.

[с 1371 по 1376 год.]

В течение нескольких лет после этого умиротворения Альберт наслаждался сравнительной безопасностью. Но он не был популярен: он привлек на свою сторону множество жадных немцев, чтобы те поделились добычей королевства, и проявил в их пользу пристрастие

настолько грубое, что настроил против себя нацию. Как истинный немец, он мало заботился о чем-либо, кроме своих непосредственных интересов и интересов своей семьи. Какими бы ненадежными ни были его владения в Швеции, он собрал войска, чтобы поддержать притязания своего племянника Альберта Мекленбургского на датский трон в противовес Олафу, сыну Маргариты и Хако.^[179] Предприятие провалилось: вооружение, которое было направлено против датчан, было в основном уничтожено штормом; и не было никакого желания возобновлять состязание.

[с 1377 по 1387 год.]

Явное пристрастие Альберта к своим иностранным наемникам было не единственной его ошибкой. Имея высокое представление о королевских прерогативах, он пытался править без контроля парламента. За свою попытку ограничить привилегии знати он заслуживал бы нашей похвалы, не будь его мотивы самого эгоистичного характера. У народа было еще больше причин жаловаться. Они не только были подвержены тирании, столь же отвратительной, как тирания знати, но и были втоптаны в землю новыми поборами и, что было еще более унижительно, ради обогащения алчных иностранцев. При таком состоянии общественного сознания он созвал в Стокгольме сейм и потребовал увеличения своих доходов. По его словам, этого было недостаточно для достойной поддержки королевской семьи; и он требовал треть всех доходов, как гражданских, так и церковных. Ничто не могло сравниться с возмущенным удивлением диеты по поводу этого экстраординарного требования. Они ответили, что прежние короли находили обычные доходы достаточными не только для комфорта, но и для великолепия; и намекнули, что если он был стеснен в средствах, то причина заключалась в количестве иностранцев, которых он обогатил. Можно было ожидать, что этот намек произведет некоторый положительный эффект; но на этого неосмотрительного короля он не произвел ничего, кроме раздражения и заставил его решить силой отнять то, в чем ему было отказано. Напрасно и знать, и духовенство громко протестовали против его произвольных намерений; напрасно они призывали его уважать привилегии, которые он поклялся сохранять; он упорствовал и, следовательно, ввергнул королевство в разрушительную гражданскую войну.

[с 1388 по 1389 год.]

В это время Маргарет, наследовавшая своему сыну Олафу, была правительницей Дании и Норвегии. К ней обращались недовольные за помощью, которую она им не предоставила бы, если бы они не признали ее своей королевой. Условие было принято: армия датчан вошла в Швецию, и к ней немедленно присоединились многие дворяне и духовенство. Низшие классы населения — те, кто мало что делал для поддержки государства, — были безразличны к результату, а если у них и были какие-то предубеждения, то в пользу Альберта — не из-за какой-либо привязанности к нему, а из-за неприязни к знати. Однако при Фальчепинге, в Западном Готланде, его армия, состоявшая не только из шведов, но и из немцев, и многих авантюристов, которых предложение большой платы и надежда на добычу привлекли под его знамена, оказала хорошую поддержку. Но после отчаянного конфликта он потерпел поражение и попал в плен вместе с своим сыном. Оба были заключены в крепость, где, несмотря на усилия их немецких союзников и сторонников их собственной партии, они оставались более шести лет; и они не добились своего расширения без торжественного отречения от шведской короны.

С Маргарет, правительницы трех королевств, начинается новая эра в истории Севера.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

(См. стр. 184.)

(Из "Житий святых" Альбана Батлера.)

СВЯТОЙ КАНУТУС, КОРОЛЬ ДАНИИ, М.^[180]

Из его жизни, добросовестно написанной Эльнотом, монахом Кентерберийским, который прожил двадцать четыре года в Дании и написал в 1105 году. Она была напечатана в Копенгагене в 1602 году. См. также Саксона Грамматика, самого элегантного и рассудительного из датских историков.

1086 год н.э.

Святой Канутус, или Кнут, четвертый носивший это имя, король Дании, был побочным сыном Свейна III. чей двоюродный дед Канутус правил в Англии. Свейн, не имея законного потомства, позаботился об образовании Канута, который, будучи наделен превосходными качествами как ума, так и тела, прекрасно справлялся с заботой своих наставников и управляющих. Трудно сказать, отличался ли он больше храбростью или поведением и искусством на войне; но его исключительное благочестие совершенно затмевало все другие его дарования. Он очистил моря от пиратов и подчинил себе несколько соседних провинций, которые наводняли Данию своими набегами. Королевство Дания было выборным до 1660 года; поэтому, когда Свейн умер, многие остановили свой выбор на нашем святом, чьи выдающиеся добродетели наилучшим образом подходили ему для трона; но большинство, опасаясь его воинственного духа, предпочли его старшего брата по крови Харальда, седьмого короля с таким именем, которого за его глупость и пороки обычно называли Ленивцем. Канутус удалился в Швецию к королю Хальстану, который принял его с величайшей добротой и уважением; но король никогда не мог склонить его предпринять какую-либо экспедицию против Дании; напротив, христианский герой употребил всю свою власть и интересы на служение своей стране. Харальд умер после двухлетнего правления, и Канут был призван стать его преемником.

Дания приняла христианскую веру задолго до этого, некоторые говорят, в 826 году, но ей нужна была ревностная рука у руля, которая завершила бы это доброе дело. Святой Канут, по-видимому, был послан Провидением для этой цели. Он начал свое правление с успешной войны против назойливых врагов государства-варваров и с насаждения веры в завоеванных провинциях Курляндии, Жемайтии и Ливонии. Среди славы своих побед он смиренно пал ниц у подножия распятия, возложив туда свою диадему и предлагая себя и свое царство Царю царей. После того, как он обеспечил ее мир и безопасность и расширил ее территории, он женился на Элте, или Алисе, дочери Роберта, графа Фландрии, от которой у него родился благочестивый сын, святой Чарльз, прозванный Добрым, впоследствии также граф Фландрии. Его следующей заботой было пресечь злоупотребления в стране. С этой целью он издал суровые, но

необходимые законы для строгого отправления правосудия и подавил насилие и тиранию великих без уважения к личности. Он поощрял и почитал святых людей, предоставил духовенству множество привилегий и иммунитетов, чтобы повысить уважение людей к ним; и не упустил ничего, чтобы убедить их в их обязанности обеспечивать свое существование за счет уплаты десятины. Его милосердие и нежность к своим подданным заставляли его изучать все возможные способы облегчить их бремя и сделать их счастливым народом. Он проявил королевское величие в строительстве и украшении церквей и подарил чрезвычайно ценную корону, которую носил, церкви Рошильда в Зеландии, своей столице и месте своей резиденции, где до сих пор похоронены короли Дании. Он наказывал свое тело постом, дисциплиной и власницами. Молитва была его усердным упражнением. Когда Вильгельм Завоеватель провозгласил себя хозяином Англии, Канут послал войска на помощь побежденным, но эти войска, не найдя никого, желающего присоединиться к ним, были легко разбиты в 1069 году. Некоторое время спустя, по приглашению покоренных англичан, он собрал армию, чтобы вторгнуться на этот остров и изгнать норманнов; но из-за вероломных действий своего брата Оласа, или Олауса, был вынужден так долго ждать на побережье, что его войска покинули его. Благочестивый король, всегда имея в виду служение Богу и считая это подходящим случаем для того, чтобы побудить народ платить десятину своим пастырям, предложил им либо заплатить большой штраф в качестве наказания за их дезертирство, либо подчиниться закону о десятине для пасторов церкви. Их отвращение к последнему заставило их выбрать налог, к великому огорчению короля, который, надеясь, что они изменят свое решение, приказал взимать его со строгостью. Но они, разгневанные жестокостью сборщиков, взбунтовались. Святой Канутус удалился в поисках безопасности на остров Фиония, и ему помешало присоединиться к своим верным войскам предательство некоего Бланко, офицера, который, чтобы обмануть его, заверил его величество, что мятежники возвращены к своим обязанностям. Король отправился в церковь святого Альбана, мученика, чтобы совершить свои молитвы и поблагодарить Бога за это счастливое событие. Узнав об этом от Бланко, повстанцы окружили церковь во главе с ним. Тем временем святой король, осознав опасность, угрожавшую его жизни, исповедался в своих грехах у подножия алтаря с великим спокойствием и смирением и принял святое причастие. Его стражники защищали двери церкви, и Бланко был убит ими. Повстанцы бросали в окна кирпичи и камни, которыми они разбили святыни с некоторыми реликвиями св. Альбан и Святой Освальд, которых святой Канутус привез из Англии. Святой, простирая руки перед алтарем, горячо предал свою душу в руки Творца; в этой позе он был ранен копьем, бросился в окно и пал жертвой Христа. Его брат Бенедикт и семнадцать других были убиты вместе с ним 10 июля 1086 года, как свидетельствует Эльнот, современный автор, который с предельной точностью указал дату всех событий. Его злой брат Олас наследовал ему в королевстве. Бог наказывал народ в течение восьми лет и трех месяцев его правления ужасным голодом и другими бедствиями и засвидетельствовал святость мученика многими чудесными исцелениями больных у его могилы. По этой причине его мощи были извлечены из их безвестной гробницы и с честью погребены в конце правления Оласа. Его преемник, Эрик III, самый набожный принц, восстановил благочестие и религию с таким же мужеством и успехом и отправил послов в Рим с доказательствами совершенных чудес и получил от папы декларацию, разрешающую почитание святого Канута, протомученика Дании. По этому случаю было совершено самое торжественное перенесение его мощей, которые были помещены в самое дорогое святилище, при котором присутствовал Эльнот, наш историк. Он добавляет, что первыми проповедниками веры в Дании, Швеции и Норвегии были английские священники; что датчане тогда ревностно приняли христианскую религию, но что шведы все

еще оставались более упрямыми, среди которых англичанин Эшилл принял мученический венец, когда проповедовал Христа некоторым диким племенам.

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА.

СНОСКИ.

---

1. Том I. стр. 175.
2. См. Том I., стр. 178.
3. Там же. 176, 178, 179.
4. Том I. стр. 187.
5. Там же, стр. 188.
6. См. Том I., стр. 216.
7. Там же, стр. 320.
8. Посмотрите “Роковых сестер”.
9. Материалы для предыдущего раздела взяты из "Саги об Оркнейцах"; Снорро, "Хеймскрингла"; Джонстон, "Кельто-научные древности".
10. Предыдущий раздел взят из: 1. Torfœus, Islandia Antiqua; 2. Ditto, Historia Rerum Norvegicarum; 3. Snorro, Heimskringla; 4. The Landnamabok, seu Origines Islandorum; 5. Schlegel, Комментарий. де Кодис Грагас.; 6. Уортон, "История северян".
11. Snorro, Saga af Olafi Tryggva-Syni; Heimskringla (multis locis); Torfœus, Vinlandia Antiqua; Adamas Bremensis, De Situ Daniæ; Malte Brun, Géographie; Pontoppidan, Gesta et Vestigia Danorum extra Daniam.
12. Карамзин, Том I.
13. Karamzin, Histoire de Russia; Levesque, Histoire; Pontoppidan, Gesta et Vestigia.
14. Pontoppidan, Gesta et Vestigia Danorum extra Daniam. Лучший отчет о пиратских подвигах норманнов во Франции содержится в Романе де Ру из Уэйса и Хронике Бенуа де Сен-Мора. Их подвиги в Испании упоминаются как мусульманскими, так и христианскими писателями. Их подвиги в Шотландии, Исландии, Ирландии и на побережье Британии описаны в Сагах; но они настолько изобилуют диким вымыслом, что трудно отделить правду от лжи.
15. Авторитетными источниками для настоящей главы являются, -1. Edda Sæmundar hins Froda; Edda Rythmica seu Antiquior vulgo Sæmundina dicta: pars i. 1787, pars ii. 1818, pars iii. 1828. Гавния.-2. Эдда Снорронис по-раск. Кобен. 1818.-3. Маллет, Введение в историю Даннемарка,

тома i и ii.-4. Перси, Заметки к северным древностям.-5. Уитон, "История северян".-6. Пиготт, "Руководство по скандинавской мифологии".-7. "Зарубежный ежеквартальный обзор", № 3 и 7.-8. Примечания Стефаниуса к его изданию Саксона Грамматика.

16. Европа в средние века, том ii., приложение.

17. См. Том I., стр. 51.

18. Мистер Уитон.

19. Смотрите ранее, стр. 31.

20. Смотрите ранее, стр. 14.

21. Смотрите ранее, стр. 34.

22. Гейр, Свеа Байкс Хефдер, Том i. стр. 339.

23. См. Том I., стр. 91-99.

24. Смотрите ранее, стр. 35.

25. Перевод Пиготта, стр. 95.

26. См. Том I., стр. 54.

27. См. Том I., стр. 46.

28. Торлациус Ноет, ом Тор ог Ханс Хаммер, в Скандинавском музее за 1803 год.

29. Торлациус ут супра говорит, что громopodobный Тор считался особенно враждебным по отношению к Сквотродам, против которых он постоянно применял свое могучее оружие. Он считает, что *Биденталь* римлян и связанные с ним обряды, по-видимому, предполагают подобное суеверие, и что в хорошо известном отрывке Горация,

Tu parum castis inimica mittes

Fulmina lucis,

слова *parum castis lucis* могут означать рощи или участки леса, пристанище нечистых духов или Сквородников, *сатиры похоти и наслаждения*.

30. Аналогия с Деев и другими словами аналогичного значения может привести к предположению, что Дух является основным значением Alf.

31. Вероятно, оно происходит от устаревшего глагола *vúþw*, латинского *nubo*, означающего *покрывать*; отсюда *nubes*- облака. У Гомера (Il. iii. 130.) Айрис говорит Хелен:

Δεῦρ' ἴθι, νύμφα φίλη.

Предыдущие и последующие примечания также принадлежат мистеру Кейтли.

32. Сказочная мифология Кейтли, том i.

33. Сказочная мифология Кейтли, том i.

34. Кейтли, том i.
35. См. Том I., стр. 32.
36. Кейтли, том i.
37. См. Том I., стр. 49.
38. Ежеквартальный обзор зарубежных стран, № 3.
39. См. Том I., стр. 48.
40. См. Том I., стр. 31.
41. См. Том I., стр. 35.
42. Cæsar, de Bello Gallico, lib. i.
43. См. ранее, стр. 78.
44. См. Том I., стр. 229.
45. См. Том I., стр. 176.
46. См. Том I., стр. 180.
47. См. Том I., стр. 181.
48. История Лаппоники Шеффери, глава ix.
49. См. Том I., стр. 30-42.
50. Хеймскрингла, Том II.
51. Уитон, стр. 117.
52. См. Том I., стр. 54.
53. См. ранее, стр. 61.
54. См. Том I., стр. 86.
55. См. ранее, стр. 55.
56. Лапландская история Шеффери.
57. Европа в средние века, том II. Приложение.
58. См. ранее, стр. 56.
59. См. Том I., стр. 91-99.
60. Великий, таинственный Ясень Игграсид, под властью которого Один и двенадцать Асов привыкли вершить правосудие.
61. Перевод Пиготта.

62. См. ранее, стр. 87.

63. Грейт-Ормсхед в Денбишире; *orm* - это датское, да и древнеанглийское, обозначение червяка. Другой, входящий в Бристольский канал, называется "Голова червя".

64. Мистер Пиготт, стр. 82.

65. См. ранее, стр. 47.

66. См. Том I., стр. 98.

67. Страница 91.

68. См. Том I., стр. 95.

69. Там же, стр. 98.

70. Хеймдаль, чудо богов, стоянка которого находилась на вершине Бифроста.

71. Очевидно, намекая на семь цветов радуги, которая была не чем иным, как Бифростом.

72. Ohlenschlager, Pigott's translation.

73. Почему мистер Пиготт в своем превосходном руководстве по скандинавской мифологии так сильно следует Уленшлагеру, а не прозаической "Эдде"? Это последнее произведение является всего лишь модернизированным дополнением, парафрастическим объяснением поэтической Эдды. Следовать еще более парафрастическому модернизатору, датскому поэту, - значит разрушать сам дух мифа.

74. Значение этого слова сомнительно: это другое название Тора.

75. Т. 1. с. 182.

76. Мы должны еще раз выразить наше сожаление по поводу того, что мистер Пиготт в своей в остальном превосходной работе уделил так мало внимания "Старшей Эдде" и так много - Оленшлагеру.

77. Довре-филдт - одна из самых возвышенных частей великой скандинавской горной цепи, а Снехаттан - ее высочайшая вершина.

78. Вадмель - это разновидность грубой ткани, производимой в Исландии, которую повсеместно носят крестьяне Норвегии и Дании.

79. Имя великого Ясеня.

80. Руководство Пиготта по скандинавской мифологии.

81. См. ранее, стр. 105.

82. Мы предполагаем, что это выражение используется ради метра.

83. Ключи висели на поясе домохозяйки. Мы предполагаем, что они были востребованы в стране Гигантов, так же как и на земле. Однако они были символом брака, и ни один брак не мог быть заключен без них.

84. Ледяные великаны.

85. Скандинавы считали по *ночам* вместо дней и по *зимам* вместо лет.

86. Это стихотворение было таким образом переложено достопочтенным. и преподобным У. Гербертом в его “Избранной исландской поэзии”:—

Гнев охватил Тора, когда его сон рассеялся, И он обнаружил, что его верный молот исчез; Он ударил себя по лбу, затряс бородой, сын земли огляделся вокруг; И это было первое слово, которое он произнес: “Теперь послушай, что я скажу тебе, Локи; О чем не знают ни на земле внизу, Ни на Небесах вверху — мой молот исчез”. Они отправились в убежище Фрейи, И это было первое слово, которое он произнес: “Ты, Фрейя, должна одолжить крылатое одеяние, Чтобы искать мой молот по всему земному шару”.

Фрейя (*поется*).— “Это должно быть у тебя, хоть из золота, А это, хоть из серебра, держи”.^[87] Прочь улетел Локе; шелест крыльев раздался еще до того, как он покинул территорию Асгарда И достиг границ Йотунхейма. Высоко на кургане в надменном виде восседал король государства Турси; Для своих собак он скручивал золотые ошейники И подстригал гривы своим дерзким скакунам.

Трим (*поется*).— “Как дела у ази? как дела у альфи? Почему ты сейчас идешь в Етунхейм один?

Локе (*поется*).— “Плохо аси; альфи скорбят; ты вырвал у него молот Тора”.

Трим (*поется*). “Молот Громовержца у меня на привязи, в восьми саженьях под землей; С ним никто не отправится домой, пока он не приведет ко мне Фрейю, чтобы разделить со мной ложе”. Прочь улетел Локе; шелест крыльев раздался прежде, чем он покинул пределы Етунхейма И прежде, чем он достиг земель Асгарда. В Мидгарде Тор встретил хитрого Лока, И это были первые слова, которые он произнес: “Ты выполнил свое поручение и труд? Расскажи с высоты, каким курсом ты бежишь. Ибо постановка часто терпит неудачу, А ложь часто побеждает ложь”.

Локе (*поется*). “Мой труд окончен, я выполняю свое поручение; у Трима твой молот, король великанов; С ним никто не вернется домой, Пока он не разделит с ним ложе Фрейи”. Они отправились в путь к прекрасной Фрейе, И это было первое слово, которое он произнес: “Теперь, Фрейя, одетая как цветущая невеста, мы должны вместе отправиться в Етунхейм”. Гнев окутал Фрейю гневным взглядом; Весь зал Асгарда содрогнулся от изумления; Ее огромное яркое ожерелье распахнулось вширь. “Что ж, можешь называть меня распутной невестой, Если я поеду с тобой в Етунхейм”. Ази делали все для собравшихся на совет, Азинии говорили быстро и громко: Это они обсуждали, и это они искали, Как доставить молот Тора домой. Тогда встал и заговорил Хеймдаллар свободно, Подобно вани, мудрым был он; “Теперь надень буск^[88] мы, Тор, как невеста, столь прекрасны; Пусть он наденет это большое яркое ожерелье; Вокруг него пусть звенят супружеские ключи; И девичью юбку^[89] свисают до колен, А на груди редкие драгоценности; И волосы заплетены в высокую и причудливую косу”. Разгневанный Тор преисполнился богоподобной гордости; “Пусть Аси меня высмеют, Если я позволю себе это”.^[90] как цветущая невеста”. Тогда заговорил Локи, сын Лауфейи: “Теперь замолчи, Тор; это должно быть сделано: великаны будут править Асгардом, Если ты не вернешь свой молот”. Затем они одели Тора, как такую прекрасную невесту, И дали ему надеть большое яркое ожерелье; Вокруг него позвенели супружеские ключи, И девичья юбка свисала до колен, А на груди редкие драгоценности; И высоко и причудливо заплели его волосы. Тогда поднялся хитрый Локе, сын

Лауфейи, и так он сказал: “Слуга, о котором я позабочусь, Вместе мы должны дойти до Йотунхейма венд”. Теперь козы вместе возвращаются домой; Впряженные в ось, они быстро летят. Горы содрогнулись, земля загорелась красным, Когда сыновья Одина помчались в Йотунхейм. Тогда Трим, король турси, сказал: “Великаны, встаньте; пусть раздвинут сиденья: Приведите из Ноатуна дочь Фрейи Ниордер, Чтобы она разделила со мной ложе. Каждого угольно-черного зверя с позолоченными рогами выводят на палубу пиршества гигантов; У меня припасено большое богатство и драгоценности; Мне не хватает только Фрейи, чтобы украсить мой стол”. Ближе к вечеру они приблизились, И великаны принесли манящий эль. Супруг Сифии в одиночку съел восемь лососей и взрослого быка. И все каши, которыми питаются женщины; И выпили три кружки шипучего меда. Тогда Трим, король турсов, сказал: “Где ты видел такую голодную девушку? Никогда не видел я, чтобы невеста так вкусно кормилась и так обильно пила искрящийся мед”. Затем вперед наклонился хитрый Локе И, таким образом, великан, которого он назвал великаном: “Она ничего не ела восемь долгих ночей, Так она жаждала брачных обрядов”. Он наклонился к ней под вуалью, чтобы поцеловать, но, я думаю, направился через весь зал. “Почему Фрейя выглядит такой ужасной? Кажется, ее глазные яблоки заблестели огнем”. Затем вперед наклонился хитрый Локе, И таким образом он превратился в великана: “Она не спала восемь долгих ночей, Так сильно она жаждала брачных обрядов”. Затем появилась сестра великана, Которая осмелилась потребовать свадебный подарок: “Я жажду получить от тебя эти золотые кольца, Если ты захочешь обладать всей моей нежностью, Всей моей любовью и пристрастием”. Тогда Трим, король турси, сказал: “Возьми молот, чтобы наказать служанку; У нее на коленях лежит побойщик, И крепко свяжи наши руки и фэй”.^[91] Душа Громовержца улыбнулась в его груди, Когда молот тяжело опустился ему на колени; Сначала он убил короля турси И перебил всю команду гигантов. Он убил старую сестру того великана, Которая так смело молилась о свадебных подарках. Вместо денег и колец, я полагаю, синяки от молотка были ее уделом. Так сын Одина получил свой молот.

87. Примечание переписчика: Для этого маркера не было текста сноски.

88. Буск, платье.

89. *Киртл*, женская одежда.

90. *Стройный*, одетый, украшенный.

91. *Фэй*, фейт.

92. См. ранее, стр. 56.

93. См. Том I., стр. 3.

94. Перевод Пиготта.

95. См. ранее, стр. 57.

96. Там же, стр. 61.

97. Там же, стр. 107.

98. См. ранее, стр. 86.

99. Как же тогда Йотунхейм мог быть таким темным? Причина будет указана позже. Ее сверхъестественная красота осветила всю страну.

100. См. Ранее, стр. 99.

101. Мистер Герберт так охарактеризовал экспедицию Скирнира:—

“Скирнир, встань! и быстро беги,
Туда, где одиноко сидит наш задумчивый сын!
Прикажи ему вступить в переговоры и расспроси,
на кого он полон мрачного гнева.

Скирнир (*поется*).— “Боюсь, мой удел докажет недобрые слова,
если я, твой сын, попытаюсь двинуться с места;
Если я начну переговоры и спрошу,
почему его душа переполнена диким гневом”.

Скирнир (*поется*).— Князь богов, первый в битве,
Говори, почтенный Фрейр, и скажи мне правду!
Почему мой господин проводит этот утомительный день
В своем одиноком чертоге, терзая добычу?

Фрейр (*поется*).“О, как мне, любящий юноша, открыть
тебе тяжкие горести моей груди?
Румяный бог сияет каждый день,
Но тускнеет для меня его жизнерадостный луч”.

Скирнир (*поется*).— “Твои печали не кажутся мне столь великими,
Что тебе не следует рассказывать эту историю.
Вместе резвились мы в юности,
И вполне можем доверять правде друг друга”.

Фрейр (*поется*).— “Во дворе Гимера я видел, как она двигалась,
Служанка, которая обожгла мою грудь любовью.
Ее белоснежные руки и прекрасная грудь
Сияли прелестью, зажигая море и воздух.
Она дорога моим желаниям больше,
Чем прежде служанка юности:
Но боги и эльфы^[102], я это хорошо понимаю,
Запрещаю нам жить вместе”.

Скирнир (*поется*).—“Дайте мне этого коня чудесной породы,
Чтобы он быстро пересек ночное пламя^[103];
И этот меч, размахивающий собой, чтобы со странным ужасом поразить
расу великанов”.

Фрейр (*поется*).— “Тебе я дарю этого чудесного коня,
Чтобы он быстро миновал бдительный огонь;
И это, что несет доблестный упырь,
Самоотверженный, поразит его врагов”.

Скирнир (*обращаясь к своему коню*).— “Опускается темная ночь; я думаю, пришло время
Взбираться на горы, покрытые инеем от снега.
Оба вернутся, или оба останутся
На попечении великана та'эна.

Скирнир въехал в Етунхейм ко двору Гимира; там перед дверью деревянной ограды,
окружавшей жилище Герды, были привязаны разъяренные псы. Он подъехал к пастуху,
сидевшему на холмике, и обратился к нему:

“Пастух, который сидит на холме,
И обрати свои зоркие глаза по сторонам,
Как мне усыпить бдительность этих ищеек, скажи!
Как непринужденно говоришь с гимеровским маем!”^[104]

Пастух (*поется*).— “Откуда и кто ты? обречены на смерть,
Или мертвые возвращаются в небо?
Скачи ночью или скачи днем,
Ты никогда не доберешься до Гимерс-мэй.

Скирнир (*поется*).— Я не скорблю, я; лучшая роль
Подходит тому, кто может похвастаться готовым сердцем.
В час рождения были сформированы наши жизни;
Рока судьбы никогда нельзя избежать”.

Герда (*поется*).— “Какие звуки, неизвестные моим ушам, вторгаются,
Пугая мирную тень этого особняка?
При этом основание земли сотрясается,
И дрожь сотрясает весь зал Гимера”.

Служитель (*поет*).— “Спешившись, стоит воин шин;
Его конь подстригает зеленую траву”.

Герда (*поется*).— Поторопись, поскорее пригласи его в мою беседку,
Чтобы выпить неразбавленного приятного меда:
И да будет с нами добро!^[105] ибо я боюсь, что
убийца моего брата рядом.—
Кто ты? Эльф или сын Азии?
Или из песен мудрых ванийцев?
Один, чтобы посетить нашу обитель
Среди бушующего пламени, зачем ты поехал верхом?”

Скирнир (*поется*).— “Я не эльф и не сын Азии;
И не от более мудрых ванийцев не произошел:
И все же через бушующее пламя Я проехал
Один, чтобы посетить твою обитель.
Одиннадцать яблок из чистейшего золота,
Герда, я держу здесь для тебя;

Пусть этот прекрасный дар тронет твою грудь,
Чтобы даровать юному Фрейру твою драгоценную любовь”.

Герда (*поется*).— “Одиннадцать яблок не беру я
У человека в качестве платы за целомудрие!
Пока жива жизнь, ни один язык не скажет,
Что Фрейр и я живем вместе”.

Скирнир (*поется*).“Герда, я приношу тебе это чудесное кольцо,
Сожженное на куче юного Бальдра;
Каждую девятую ночь из него будут выпадать другие восемь
одинакового веса”.

Герда (*поется*).— “Я не беру, я, это чудесное кольцо,
Хотя оно из кучи Бальдера, которую ты принес.
У меня нет недостатка в золоте в обители Гимира;
Мне хватит приданого моего отца”.

Скирнир (*поется*).— “Узри это яркое и тонкое клеймо,
обнаженное и сверкающее в моей руке;
не отрицай, дева! иначе твоя голова
Будет отсечена острым клинком”.

Герда (*поется*).— “Герду никогда силой не приведут
На ненавистное ложе завоевателя:
Но я верю, что этот
Гимир с силой и могуществом встретит твое хвастовство в бою”.

Скирнир (*поется*).—“Взгляните на это яркое и тонкое клеймо,
обнаженное и сверкающее в моей руке!
Сраженный его острием, твой отец будет лежать;
Этот старый великан обречен на смерть.
И пока я перечисляю, волшебная палочка
укротит тебя! Вот, заколдованной рукой
Я касаюсь тебя, Дева! Туда ты и отправишься,
Где никто никогда не узнает о твоём горе.
На какой-нибудь высокой остроконечной скале, заброшенный,
Подобный орлу,^[106] сядешь ты утром;
Отвернись от вселяющего радость света,
И ищи глубокую пропасть ночи:
Пища покажется тебе более отвратительной,
Чем скользкий змей^[107] медленно ползет.
Когда ты появишься, отвратительное зрелище,
Каждый удивленный глаз будет смотреть с испугом.
Всеми наблюдаемый, но грустный и одинокий;
'Mongst shivering^[108] Турсиане более известны,
Чем тот, кто неподвижно восседает на высоте,

Страж небес с недремлющим оком.
Среди чар, и цепей, и беспокойного горя,
Потекут Твои слезы с удвоенной скорбью.
Теперь сядь, Девушка, пока я рассказываю о
приливе Твоей печали и отчаяния.
Твой приют станет кельей какого-нибудь Великана,
Где вместе с тобой будут обитать бледные призраки.
Каждый день в холодный чертог Турсиана,
Неуютный, несчастный, будешь ты приползать;
Вместо радости и веселья -
Печаль, слезы и печальное уныние;
С каким-нибудь трехглавым турсианином обвенчаешься,
Или изнываешь на одинокой кровати.
От утра до утра тайный огонь любви
Будет грызть твое сердце тщетным желанием;
Как бесплодный корень чертополоха, спрятанный
В какой-нибудь высокой разрушенной стене.
На тенистом холме, вокруг гринвуда,
я искал эту палочку; палочку я нашел.
Один разгневан, и могучий Тор;
И Фрейр отныне будет ненавидеть твое имя.
Но прежде, чем над твоей злополучной головой
Прострется последнее страшное проклятие небес,
Гиганты и турсийцы, далекие и близкие,
Suttungur's^[109] sons, and Asians, hear,
How I forbid with fatal ban
This maid the joys, the fruit of man!
Холоднее и мрачнее та гигантская высота,
Которую ты удержишь в царствах ночи;
Где рабы в чашах из переплетенных корней
Принесут мерзкий напиток из козлятины:
Ни более сладкого напитка, ни более блаженной пищи
ты, печальная девственница, никогда не испытаешь.
Свершилось! Я пускаю в ход мистическое очарование;
Вот так, вот так я обрисовываю гигантскую фигуру;
И три падших персонажа внизу,
Ярость, Похоть и беспокойное Горе.
И когда я наматываю, я сразу же разматываю
Это роковое заклинание, если ты будешь добр”.

Герда (*поется*).— “Теперь радуйся, теперь радуйся, ты, смелый воин!
Возьми, возьми этот кубок кристально холодного
И выпей чистого старого метеглина!
И все же я никогда не думал, что любовь сможет привязать
мой враждебный разум К ванийскому юношеству”.

Скирнир (*поется*). “Я не вернусь домой, в бауэр или холл,
Пока не выучу полностью свое поручение;
Там ты проведешь ночь веселья
Для храброго мальчика Ниордера”.

Герда (*поется*). “Барри — высокое место любви;
Прошло девять ночей, и в той знаменитой роще
отважный мальчик Ниордера
получит от Герды поцелуй радости”.

Затем Скирнир поскакал домой. Фрейр выступил вперед, приветствовал его и спросил, какие новости.

- Говори, Скирнир, говори, и рассказывай быстро!
Не снимай сбруи со своего коня,
И не шевели ногой, пока не скажешь: ”
Как поживает моя любовь со служанкой Гимира!"

Скирнир (*поется*). “Барри — высокое место любви;
Прошло девять ночей, и в той знаменитой роще
доблестному мальчику храброго Ньордера
Герда подарит поцелуй радости”.

Фрейр (*поется*). “Длинна одна ночь, и еще длиннее две;
Но как трое выносят мою боль!
Месяц восторга пролетает быстрее,
Чем половина ночи мечтательных вздохов”.

102. Аси и Альфи.

103. Беседка Герды была объята огнем.

104. Мэй, горничная.

105. Долг гостеприимства считался настолько священным у северных народов, что Герда не отказалась бы от приглашения к Скирниру, хотя и считала его своим злейшим врагом.

106. Говорят, что утром орлы долго сидят неподвижно на каком-нибудь высоком холме.

107. Возможно, имеется в виду змей Мидгарда из исландской мифологии.

108. *Хрим-турсар*. *Хрим* (*Anglicè rime*) произносили с гортанным придыханием; и, вероятно, *Крым-Татария*, бывшая резиденция Asi, была названа так из-за своего холода.

109. Суттунгур, сын Гиллинга, был великаном и обладал даром поэзии, который он перенял у гномов. В "Эдде" рассказывается, что Аси и Вани, долгое время находившиеся в состоянии войны, заключили мир и плюнули в вазу. Из этого боги создали Куазера, человека необычайной учености; и гномы смешали его кровь с медом, и так получился напиток поэзии. Вани были греческой колонией, и эта басня, по-видимому, подразумевает, что и ученость, и поэзия Севера

частично имели греческое происхождение. Один, под вымышленным именем Больверк, поступил на службу к Бауге, брату Суттунгура, и допил спиртное. Небольшое количество его, которое он пролил, было разбросано среди мужчин. Примечательно, что имя *Суттунгура*, от которого Один получил этот напиток, может означать, что он заимствовал свою поэзию *изюжных языков*.

110.

О, это донеслось до моего слуха, как ласковый юг,
Это веет на берег фиалок.

Двенадцатая ночь, Акт i, Часть 2.

111. Дочерьми Фрейи были Хнос и Герсиме. Шиофна была лишь одной из ее последовательниц.

112. Ohlenschlager, Pigott's translation.

113. Ohlenschlager, Pigott's translation.

114. См. ранее, стр. 116.

115. Намекая не на какую-либо степень кровного родства, а на клятвенный завет братства.

116. См. Том I., стр. 98.

117. Том I., стр. 42.

118. См. Том I., стр. 51.

119. См. ранее, стр. 101.

120. Примечание переписчика: Текст для этого маркера сноски отсутствует.

121. Первой была смерть Бальдра.

122. В другом месте голодный волк терзал души проклятых.

123. Великий змей.

124. Руны.

125. Перевод Пиготта.

126. Ответственными за этот раздел являются: —Вита С. Ансарие; Вита С. Ремберти (как в Болландусе, Acta SS., так и в Лангебеке, Scriptores Rerum Danicarum); Орнхольм, История церковного права.

127. Кем он был? Локкениус и большинство шведских писателей (за которыми следует наша Всеобщая история) говорят нам, что это был Олаф Третелия. Однако этот принц был мертв уже два столетия. Точно так же это не мог быть Олаф Скотконунг, который правил только два столетия спустя — всегда предполагая, что какая-либо зависимость должна быть поставлена в хронологию скандинавов. И все же в тот период правил Олаф; и это только иллюстрирует то, что

мы наблюдали в первом томе, относительно путаницы, столь очевидной во всех царских списках.

128. Европа в средние века (Cab. Сус.), том ii.

129. См. Том I., стр. 108.

130. Главными источниками для этой главы являются: Саксонская грамматическая история танца, lib. x. ad fin.; Суэнонис Аггонис, глава 4. и с.; Сага о Найтлинге; многие трактаты из "Scriptores Rerum Danicarum" Лангебека; Маллет, "История Даннемарка", том iii. и iv.; Мерсий, "История Дании"; Торфус, серия "Династия и царство Дании"; Сухм, "История Даннемарка"; Адамус Бременсис, "Церковная история"; с историками Германии.

131. См. Том I., стр. 237.

132. Том I. стр. 267.

133. Т. I., стр. 270.

134. Европа в средние века (Cab. Сус.), том iii.

135. Канут, король всей Дании, Англии и Норвегии и части Швеции, приветствует Эгельнота митрополита, архиепископа Альфрика, всех епископов и вождей, а также весь английский народ, как дворян, так и простолюдинов. Я пишу, чтобы сообщить вам, что недавно я был в Риме, чтобы помолиться об отпущении моих грехов и о безопасности моих королевств и народов, подвластных моему скипетру. Прошло много времени с тех пор, как я связал себя обетом совершить это паломничество; но до сих пор мне мешали государственные дела и другие препятствия. Однако теперь я возвращаю смиренную благодарность Всемогущему Богу за то, что он позволил мне посетить могилы блаженных апостолов Петра и Павла и все святые места в Риме и за его пределами, а также лично почтить их и поклониться им. И я сделал это, потому что узнал от своих учителей, что апостол Святой Петр получил от Господа великую силу связывать и освобождать вместе с ключами царства Небесного. По этой причине я счел в высшей степени полезным просить его покровительства у Бога. Да будет вам также известно, что на празднике Пасхи присутствовало большое собрание знатных особ, с господином папой Иоанном и императором Конрадом, а именно, все вожди народов от горы Гаргано до ближайшего моря, которые все приняли меня с почетом и преподнесли мне ценные подарки; но особенно император, который подарил мне много золотых и серебряных ваз, а также богатые мантии и одеяния. Поэтому я воспользовался возможностью обсудить с папой, императором и князьями жалобы моего народа, как англичан, так и датчан; чтобы они могли пользоваться более равными законами и более надежной охраной на своем пути в Рим, не быть задержанными таким количеством барьеров и не подвергаться несправедливым поборам. Мои требования были удовлетворены как императором, так и королем Родульфом, который правит большинством переходов; и всеми князьями было постановлено, что мои люди, будь то паломники или торговцы, должны в будущем отправляться в Рим и возвращаться в полной безопасности, без задержания на заставах или уплаты незаконных сборов. Затем я пожаловался папе и выразил свое неудовольствие по поводу того, что у моих архиепископов вымогаются такие огромные суммы, когда, согласно обычаю, они посещают апостольский престол, чтобы получить паллий. Был издан указ о том, что эта жалоба должна быть прекращена. Все, что я требовал для блага моего народа, будь то от папы, или от императора,

или от князей, через владения которых пролегает дорога в Рим, было добровольно предоставлено и подтверждено их клятвами в присутствии четырех архиепископов, двадцати епископов и множества герцогов и знати. Поэтому я искренне благодарю Бога за то, что я успешно исполнил все, что задумал, и полностью удовлетворил все свои желания. Итак, да будет вам всем известно, что я посвятил свою жизнь служению Богу, справедливому управлению своими королевствами и соблюдению справедливости во всем. *Если по порывистости или небрежности молодости я до сих пор нарушал правосудие, я намерен, с Божьей помощью, возместить ущерб в полном объеме.* Поэтому я прошу и приказываю тем, кому я доверил это правило, поскольку они хотят сохранить мою дружбу или спасти свои собственные души, не поступать несправедливо ни к богатым, ни к бедным. Пусть все люди, будь то знатные или неблагородные, получают свои права в соответствии с законом, от которого не допускается никаких отклонений ни из страха передо мной, ни из благосклонности к могущественным, ни с целью пополнения моей казны. Я не нуждаюсь в деньгах, добытых несправедливостью. Сейчас я нахожусь на пути в Данию с целью заключения мира с теми нациями, которые, если бы это было в их силах, лишили бы нас и нашей короны, и нашей жизни. Но Бог уничтожил их средства; и я верю, что по своей благости он сохранит нас и смирит всех наших врагов. Когда я заключу мир с соседними народами и улажу проблемы моих восточных владений, я намерен вернуться в Англию, как только хорошая погода позволит мне отплыть. Но я отправил вам это письмо заранее, чтобы весь народ моего королевства мог порадоваться моему процветанию. Ибо вы все знаете, что я никогда не щадил и не буду щадить себя или свой труд, когда моей целью является благополучие моих подданных. Наконец, я умоляю всех моих епископов и всех моих шерифов, во имя верности, которой они обязаны мне и Богу, чтобы церковные взносы, согласно древним законам, были выплачены до моего возвращения, а именно: подаяние за плуг, десятина скота текущего года, пенс, десятина фруктов в середине августа и пожертвование приходской церкви на праздник святого Мартина. Если это будет пропущено, по возвращении я накажу нарушителя, взыскав весь штраф, налагаемый законом. Прощайте.

136. Смотрите Европу в средние века, том iii. глава i.; и, История Германской империи, том i.

137. См. Том I., стр. 273.

138. Т. I., стр. 267.

139. Мистер Герберт говорит, что это было *успешно*, и что ему была обещана Дева Мария. Конечно, *его* перевод лучше согласуется с содержанием этого произведения, чем перевод доктора Боуринга в "Уитоне".

140. Говорят, что Харальд был поэтом и воспевал свои собственные подвиги. Это произведение (песня Харальда) было переведено Боурингом следующим образом:—

1.

“Наши корабли^[141] вдоль Сицилии курсировали,

В те дни нашей силы и гордости,

И Олень Мстителя^[142] воины несли

Все дальше и дальше — и ни разу не задержался.

Я не трусливый трус, что ж, я мудрый,
Ты никогда не ходил по такому опасному пути, как этот.
И все же Герда Гардара — служанка с золотым кольцом!^[143]
Бросает презрение на голову героя.

2.

* * * * *

3.

— Мы погрузили корабль в тюки - мы, шестой и десятый,
Как снова всколыхнулись могучие моря —
Когда волны неслись к нашим ногам,
Во время работы на месте гребцов
Я не трусливый трус, что ж, я мудрый,
Ты проделывал такой опасный путь, как этот.
И все же Герда Гардара — служанка с золотым кольцом!
Бросает презрение на голову героя.

4.

“Восемь^[144]у меня есть достоинства—я могу излить
Выпей напиток Одина — и куй руду—
На активной лошади могут ездить:
И я могу противостоять океанскому приливу,
И я могу скользить на снежных коньках,
И я умею стрелять, и я умею грести.
И все же Герда Гардара — служанка с золотым кольцом!
Бросает презрение на голову героя.

5.

“Может ли вдова или горничная возразить,
Что мы сцепили наши мечи в схватке,
Что мы искали Южную землю,
И захватили город с нашей группой?

На рассвете наши враги были повержены —

И все же следы остаются.

И все же Герда Гардара — служанка с золотым кольцом!

Бросает презрение на голову героя.

6.

- А я родился в горах, где

Герои горцев владеют копьем.

Мои боевые корабли, которых боятся люди стай,

Я веду тебя по океанским скалам,

И долго еще волны океана бились,

И множество островов в океане, окруженных.

И все же Герда Гардара — служанка с золотым кольцом!

Бросает презрение на голову героя”.

Ранее она была переведена несколькими авторами, особенно мистером Гербертом, совсем по-другому: этот джентльмен, однако, не видел оригинальную Сагу о Нйтлинге.

141. В оригинале—доски—киль.

142. Венджер — викинг древних времен — "Олень", его боевой корабль.

143. Аллитерация оригинальной строки и ее особая поэтическая красота, заключающаяся в отсылке к одной из басен северной мифологии, счастливо сохранены в этом переводе. Гардар—рикe - Россия, русская земля. Герда, мифическое поэтическое имя любовницы Харальда Елизаветы. Герда была возлюбленной Фрейра, бога солнца, любви которого Герда так долго сопротивлялась. Фрейр также предложил Герде золотое кольцо — отсюда и намек. —Ф. Магнуссен, Лекс. Мит. Бор. 116. 439.

144. Однако перечислено только семь. Профессор Ф. Магнуссен предполагает, что первоначальная вторая строка могла быть

Снова эк лид, в смиде.

Которые могут быть переданы: Я сочиняю стихи; Я устраиваю битву; Я кую руду.

(Эти примечания взяты из Уитона, стр. 343.)

145. Мы просто ссылаемся на события в Англии, подробности которых следует искать в нашей собственной истории.

146. Харальд, Канут, Олаф, Эрик, Николас или Нильс.

147. Маллет, Том iii.

148. Но разве она не была его падчерицей? Женился ли он на *матери* Гунхильды несколько лет назад и потерял ее из-за смерти? Нам не очень ясно, какова степень родства.

149. См. Том I., стр. 268.

150. Что касается способа, которым история иногда извращается в угоду партийным целям, мы привели хорошую иллюстрацию в Приложении к тому I. Пример Сент-Канута (см. Приложение к настоящему тому) едва ли лучше. В нем почти столько же неточностей, сколько предложений.

151. Вандалы, несомненно, были славянского происхождения. Однако это название, хотя и постоянно используется датскими историками, не самое лучшее, которое можно было бы использовать.

152. См. ранее, стр. 185.

153. Смотрите главу об этом царстве.

154. См. ранее, стр. 201.

155. О подвигах этого князя читайте в "Истории России", том I. (*Cab. Сус.*), одном из самых рассудительных исторических сборников, которые мы когда-либо видели.

156. Назван так из—за частого употребления им слова *тæп-конечно*.

157. Известен как *Конгеста Менведи*.

158. Авторитетные источники для настоящей главы: —Снорронис Стурлони́дис Хеймс-Крингла (в *Сагах* о каждом правлении). *Torfoeus, Historia Rerum Norvegicarum. Saxonis Grammatici Historia Danica*. Хроники в Лангебеке, *Scriptores Rerum Danicarum. Mallet, Histoire de Daunemarc*.

159. Согласно хронологии Торлака и даже самого Снорро, Магнус был приглашен в Норвегию до смерти Канута, хотя и в том же 1035 году. Это слишком невероятно, чтобы быть принятым на веру. Несомненно, отец норвежской истории, должно быть, перепутал даты.

160. См. Том I., стр. 273.

161. См. Том I., стр. 273.

162. См. Том I., стр. 254.

163. Об этих событиях читайте в начале последней главы.

164. "Suecia enim," says Snorro, "tunc temporis passim vel ethnica vel male Christiana: reges quinetiam quosdam habuit, qui, abjectâ Christi fide, sacrificia instaurabant."

165. Посмотрите правление *Магнуса III*.

166. Посмотрите на его правление.

167. Посмотрите на его правление.

168. Смотри раньше, царствование Хако.

169. Источники для настоящей главы: Торфус, История Норвегии. Loccenius, Historia Suevica. Олаус Роскилденсис, Хроникон. Johannes Magnus, Historia Gothorum. Pontanus, Historia.

170. Том I., стр. 234.

171. Том I., стр. 237.

172. Там же. стр. 249-252.

173. Там же, стр. 254.

174. Там же, стр. 266-272.

175. Смотрите соответствующий период в истории Дании.

176. Посмотрите на правление [Эрика VIII.](#) и [Кристофера II.](#) в истории Дании.

177. Посмотрите правление [Вальдемара III.](#) короля Дании.

178. Что касается этих событий, то мы обращаемся к соответствующему периоду датской истории.

179. Посмотрите соответствующий период в истории Дании.

180. Что касается многочисленных неточностей (мягко говоря) в этой статье, читателю достаточно ознакомиться с текстом.

Лондон:

Напечатано А. Споттисвудом,

Новаяулица-Площадь.

THE

ЦИКЛОПЕДИЯ КАБИНЕТА.

ПРОВОДИТСЯ

M.R.I.A. F.R.A.S. F.L.S.F.Z.S. Достопочтенный F.C.P.S. &c. &c.

ПРИ СОДЕЙСТВИИ

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

История.

ДАНИЯ, ШВЕЦИЯ И НОРВЕГИЯ.

АВТОР КНИГИ

“ИСТОРИЯ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ”.

ТОМ II.

ЛОНДОН:

НАПЕЧАТАНО ДЛЯ

ЛОНГМАН, ОРМ, БРАУН, ГРИН И ЛОНГМАНЫ,

ПАТЕРНОСТЕР-РЯД;

И ДЖОН ТЕЙЛОР,

АППЕР-ГАУЭР-СТРИТ.

1839.

Лондон:

Напечатано А. Споттисвудом,

Новаяулица-Площадь.

- Примечание переписчика:

- На странице 128 есть ссылка на сноску ^[86], которая содержит строку “И это, хотя и серебро, держится”. которая заканчивается маркером сноски ^[87], но текста сноски не было.
- Пропущенные или затемненные знаки препинания были исправлены автоматически.
- Типографские ошибки были исправлены автоматически.
- Непоследовательная орфография и расстановка переносов были приведены в соответствие только тогда, когда в этой книге была найдена преобладающая форма.